

РОБИО

БОРИС ОСТАНИН

БОРИС ОСТАНИН

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ РОВНО

Схемы, мифы, догадки, истории, письма, фотографии
на каждый день 2019 года с 14 января

Издательство Вадима Назарова

Санкт-Петербург

2 0 1 9

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
076

Составитель Болеслав Мартынов (Минск)
Репродукции Сергея Ионова (Петербург)

Останин Б.

О76 Тридцать семь ровно: Схемы, мифы, догадки, истории, письма, фотографии на каждый день 2019 года с 14 января / Борис Останин ; [сост. Б. Мартынов]. — СПб. : Издательство Вадима Назарова, 2019. — 463 с. : ил. — (Серия «Премия Андрея Белого»).

ISBN 978-5-9500540-9-9

Продолжение книг-календарей «Тридцать семь и один» (2015) и «Тридцать семь и два» (2018). Многочисленные документы и фотографии, связанные с ленинградской неофициальной литературой 1970–80-х годов, в том числе с биографией Б. Останина.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

КНИГА-КАЛЕНДАРЬ

2019 ГОД ЯНВАРЬ

Жизнь горит, как керосин, польхает синим цветом.
В мёртвом пламени осин воздух кажется предметом.

Мать устала, спать легла, ангел складывает крылья,
сквозь немую пасть стекла взгляд проходит без усилья.

Копошится ночь в золе, исхудавшая, как кошка,
остывает на столе кукурузная лепёшка.

Только милостив Господь, и на маленьком погосте
обретают снова плоть мертвецов сухие кости.

(Светлана Кекова)

ЯНВАРЬ
14
понедельник

Рука, пещера Кастильо

ЯНВАРЬ
15
вторник

Однажды мамина приятельница Галя Ушакова, изрядно смутившись (член партии всё-таки, дочка Инна — комсомолка), призналась, что у Инны внезапно прорезались «медиумические способности», что они на пару с ней то и дело «гоняют блюдечко» и не мог бы я поучаствовать в сеансе и «разоблачить чёрную магию».

Я пришёл назавтра, тем более что у меня самого имелись на примете несколько непростых вопросов: о покупке деревенского дома в Псковской области, о двух гротескных персонажах с ножом, то и дело опасным образом встречающихся на моём пути, о числе 37 и — last not least — об истинном *имени медведя*, которое мне хотелось узнать не догадкой, а наверняка.

Галя с Инной перечислили для встречи самых популярных духов (Пушкин, Есенин, лейтенант Шмидт), я предложил Тютчева. Подробности со свечой, форточкой, кольцами и т.п. опускаю. Фёдор Иванович откликнулся немедленно — как видно, не часто его вызывают — и буквально замучил нас, не отпускал (принято спрашивать у духа: отпускает он вопрошающих или нет, прерывать сеанс по собственному желанию нельзя), держал минут 40, так что приходилось на ходу сочинять всё новые и новые вопросы, порой нелепые: продолжает ли Тютчев писать стихи, знает ли он поэзию Виктора Кривулина, что ему известно о современных политических событиях и пр.

Ответ на мой *главный* вопрос («Как на самом деле зовут медведя?») прозвучал довольно издевательски: Ёц-дуду. Возможно, Тютчев так пошутил; во всяком случае, его ответ меня разочаровал, я ему не поверил.

(1960-е)

Полярная сова

ЯНВАРЬ

17

четверг

...Ты как-то, будучи в Москве, заходил в подвальчик Гумфонда <Гуманитарный фонд имени А. С. Пушкина> в Малом Лёвшинском пер., было это году примерно в 1993. И сказал мне такую фразу (не помню уже в связи с чем): «Раз это палиндром, он должен быть прочитан дважды: туда и обратно». Как-то так сказал *со значением*.

ЯНВАРЬ

18

пятница

(Из письма Германа Лукомникова)

Слава рассказывал, что дореволюционные орлы на башнях Кремля, удивительное дело, были *трёхглавыми* — благодаря этому при взгляде на них из любой точки Москвы были видны ровно *две головы* (если голов всего две, то на проходящей через них оси они вообще не видны). Я по наивности поверил, тем более что тройка всегда казалась мне «правильнее» двойки: вместо дуперстного крестного знамения (Ветхий Завет — Новый Завет) трёхперстное (Троица), вместо римского Запад-Восток — уваровская триада «православие-самодержавие-народность» и т.п. Пришли на память и рифмующиеся с трёхглавыми орлами

ЯНВАРЬ

19

суббота

15 камней из сада Рёандзи, один из которых, откуда ни посмотри, непременно *остаётся невидимым*.

Потом вспомнил вдруг журнальную фотографию 1935 года: поверженные орлы на Красной площади, когда их меняли на пятиконечные звёзды — никаких трёхглавцев, все, как один, двуглавые!

Очень жаль. Один из тех случаев, когда трёхголовая выдумка достовернее двуглавого факта-яруса.

ЯНВАРЬ

20

воскресенье

Борис Кудряков, Дом в деревне

В Крым хочешь?

Оттепель, сосульки, скользко.

Поскользнулся, забалансировал, успел зацепиться за дерево.

Шёл по Балакирева, взглянул на окна квартиры Владимира Ивановича.

Его уже там нет.

ЯНВАРЬ

21

понедельник

Учился во ВГИКе, подавал надежды, потом бросил, ушёл в проводники, а в прошлом году умер.

Опять снегири прилетели, расположились на яблоне, похожи на краснобокие яблоки.

Вороны и галки что-то выклёвывают из снега, снуют воробьи и голуби, и вдруг все они, включая снегирей, будто по команде, улетели в сторону воинской части.

Может, армейской кухней пахнуло, может, что-то другое.

Утечка воды в туалете, в районе стыковки сливного бака с унитазом, там, где *гибкий фитинг*.

Нужно купить новый и заменить.

Я это уже делал.

А пока подставлю туда пластиковую коробку из-под торта.

Сборник рассказов К. Паустовского «Мещерская сторона», рассказ «Телеграмма».

Этот рассказ так впечатлил когда-то Марлен Дитрих, что она, будучи в Москве, вдруг опустилась перед автором на колени.

Рассказ действительно хорош.

«А ты пишешь всякую хрень!» — сказал мне по телефону в час ночи литератор Подберезин.

Может быть.

С крыши с грохотом свалилась снежная глыба.

Попади под такую — шею свернёт.

Бульдозер рушит обгоревшие шлаконабивные стены дома, где жили Зайцевы.

Алкоголь, огонь, зола, пепел.

Свежий номер рекламной газеты «Из рук в руки». Иногда покупаю и погружаюсь в предложения и спрос, подчёркиваю, сопоставляю, анализирую, а зачем — не знаю.

Когда-то мой дед занимался маклерством, и это, может быть, передалось мне, но уже только в плане теоретическом.

По местному телевидению местный художник говорит о красоте родного края, о том, что нужно её любить и це-

нить. А всякие там *фокусы* нам не нужны. «Решительно не нужны!» — вдруг почти истерически закончил художник и сделал рукой замысловатое движение, изображая ненавистные ему *фокусы*.

— Пишешь? — спрашивает из Москвы по телефону мой друг Николай Евгеньевич.

— Пишу.

— Что?

— Ну... рассказы...

— В каком духе?

— Ну... не знаю...

— А хочешь в Крым? Я дом там недавно купил, рядом с морем. Хочешь? Ты ведь никогда не бывал в Крыму?

— Не бывал.

— Побываешь, обязательно побываешь! И почувствуешь совершенно другую жизнь! Но для этого ты уже сейчас должен духовно подготовиться, изменить, так сказать, свой взгляд на мир, отказаться от своего вечного пессимизма. Напиши что-нибудь *светлое*, и ты поедешь в Крым!

— Не поздновато ли что-то пересматривать?

— Нет, нет и ещё раз нет! Да, непросто избавиться от привычного, но это нужно сделать! Нужно и можно! Хватит скулить и жаловаться!

Хотел бросить трубку и закончить разговор, но вместо этого пробормотал «спасибо».

Сходил в магазин, купил гибкий фитнес, устранил в туалете утечку воды, потом перелистывал путеводитель по Крыму: «Южный берег Крыма тянется на 250 км от мыса Айя до горы Кара-Даг... сколько трудящихся, больных или просто уставших от напряженной работы людей отдохнуло на живописном берегу, у синего моря!»

— Иногда мне говорят, что в моих рассказах мало светлого, — сказал я знакомому психологу. — Можно ли что-нибудь с этим сделать?

— Ничего, — после некоторой паузы ответил психолог. И вот я лежу и думаю, что имел в виду психолог? Ничего не надо делать, потому что дело безнадёжное, или потому что всё нормально?

Норма — статистическое понятие. А Крым — полуостров.

(Анатолий Гаврилов. Берлинская флейта, М., 2010)

→ 10 декабря: Гаврилов, 2

Печальное свидание с государством

Нынешнее общественное бурление активизировало воспоминание о трагедии девяностолетней давности, когда 9 (22) января 1905 года рабочее шествие к Зимнему дворцу было обстреляно войсками, и открывшее 1905 год Кровавое воскресенье сделало его годом страшной смуты.

Разные даты претендуют на то, чтобы стать точкой отсчёта, от которой «начинался не календарный — настоящий XX век». И хотя чаще всего принято отсчитывать XX век от 1 августа 1914 года, 9 января 1905 года имеет на то не меньшее право — для России, во всяком случае. Этот век почитается веком масс и массового (геноцида, процветания, культуры, террора etc.), и потому все конкурирующие календарные привязки базируются именно на этом квалифицирующем признаке. 1 августа 1914 года началось первое в истории глобальное столкновение массовых армий; 9 января 1905 года тоже впервые в истории русский народ явился в виде массы, т.е. субъекта политического торга с властью.

Тесное общение с царями у народа бывало и прежде — достаточно вспомнить бунташный XVII век: поход москвичей к Алексею Михайловичу в с. Коломенское с требованием немонетарными способами побороть инфляцию («медный бунт»), стрелецкие буйства в Кремле, наконец уже

в XIX веке Николай Павлович живым монаршьим словом лично усмирал бунты в военных поселениях. Кроме того, что у обоих субъектов общения всё это не оставило приятных воспоминаний — и потому Николай II по индукции не ожидал от 9 января ничего хорошего, — поход к Зимнему дворцу вносил в ритуал общения нечто принципиально новое. Требования рабочих никак не ограничивались традиционным и оттого хотя бы понятным «небось, пряткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа», ибо речь шла не столько о покарании прятких воевод, сколько о том, чтобы император и самодержец все-российский установил в России социально ориентированную парламентскую демократию.

Требования прежних бунтарей, также будучи неудобно-исполнительными, хотя бы оставляли за царём роль высшей инстанции, которая должна справедливо рассудить народ с воеводами. По смыслу требований 9 января объектом царской расправы должен был стать сам царь — посредством политического самоупряднения. Тем самым вера в царя — того, в кого верят, а не предлагают самоупрядниться — была утрачена не после расстрела, а до него. Расстрел лишь скрепил кровью уже произошедший развод царя и народа. В сущности, 9 января наблюдалось типичское «восстание масс», но поскольку в 1905 году этого термина не знал даже сам Ортега-и-Гасет, трудно было ожидать, чтобы в понимании сути наступившего XX века Николай II предвосхитил Ортегу.

В принципиально новой ситуации участникам встречи нелегко немедленно перестроиться в соответствии с новыми правилами игры, и более естественным исходом является взаимонепонимание, исполненное более или менее тяжких последствий. Что и случилось: воскресенье вышло кровавым.

Явление масс предъявляет принципиально новые требования к государственному аппарату подавления. Полиция

и, возможно, армия оказываются вынуждены овладевать техникой дозированного насилия и исчислять минимальную достаточность такого насилия. Опять же, надо быть очень большим оптимистом, чтобы надеяться на верное определение этой пропорции с первого раза.

Ситуация усугублялась ещё одним обстоятельством. Любуясь миром и благочинием, царящим в просвещённых странах Европы, нужно иметь в виду, что благочиние обязано не отсутствию государственного насилия, но наличию негласной взаимной конвенции по применению насилия. Бунтари и полиция понимают друг друга в том смысле, что полиция по поведению бунтарей понимает, когда надо начинать делать больно и с какой силой, а бунтари по поведению полиции не менее адекватно понимают, когда полиция начнёт делать больно и с какой силой. Наличие обоюдопонятной системы условных жестов и вообще понимание неприятельской логики в большинстве случаев способствует вовсе ненасильственному разрешению коллизий, и это эффективно работающее равновесие страха порождает (в особенности у восторженного русского путешественника) иллюзию о полном и всеобщем отсутствии насилия как такового, ибо по незнанию языка — и общедоступного, и зарезервированного для таких ситуаций специфически-символического — наличие хитроумного механизма сцены остаётся для него неведомым. Существенно, что с появлением новой массы, ещё не обученной этой *lingua franca* (рабочие с конца XIX века, студента в 60-х годах) и не могущей адекватно общаться с полицией, весь механизм разлагивается, и просвещённые мореплаватели начинают громить не хуже истинно русского национального правительства.

Девяносто лет назад, с первым явлением масс в России, и рабочие, и полиция понятия не имели ни о какой бы то ни было конвенции, ни о взаимных намерениях, и вместо равновесия страха, основанного на взаимопонимании,

явилась основанная на полном взаимонепонимании взаимно неадекватная решимость. Несмотря ни на что пробиваться к дворцу — у одних, стрелять куда ни попадя — у других. К сожалению, две динамичные силы редко устанавливают обоюдоприемлемое динамическое равновесие иначе, нежели через череду кровавых столкновений.

Но наиболее интересную роль тут сыграла прогрессивная российская общественность. По своей физической мощи и душевной простоте масса — эффективнейшее политическое оружие, и в этом смысле значение наступившей «эпохи масс» общественность уразумела сразу: конституционно-правовые требования петиционеров не рабочие же сочиняли, равно как и бессмертное «Кто не верит в победу сознательных, смелых рабочих, тот бесчестен, тот шулер, ведёт он двойную игру» сложил не поэт-пролетарий, а поэт-декадент из «старших символистов».

Но дальнейшие ходы по известному русскому обычаю уже не просчитывались, а то соображение, что появление в многолетней войне общества и власти нового чудо-оружия в виде масс по всем законам военного искусства должно повлечь за собой революцию в военном деле, и вовсе не приходило в голову. Массы — кто же откажется от чудо-оружия — были привлечены к делу по принципу «там посмотрим», и если Николай II отнюдь не был Ортегой, то ведь и властители дум никак не тянули на Гасета.

Равняясь с властью в полной неготовности к встрече XX века в части разумных политико-полицийских мероприятий, общественность — и как раз 9 января — сумела зато предвосхитить российский XX век в части взаимоотношений «власть — общество». Общей реакцией на прискорбные события был не просто вердикт о безусловной виновности царя, но и вывод о сознательно злодейской царской воле. Из многообразных вариантов объяснения беды — стечение неодолимых обстоятельств, крайняя необходимость, обыкновенная человеческая глупость, преступная

самоуверенность, хладнокровное злодейство — был избран лишь последний. Вечером 9 января окончательно сложилась парадигма, по которой оставшиеся двенадцать лет общество добивало монархию: всякая вина власти есть плод злой воли, а поскольку злая воля есть имманентное свойство царя, то и вообще всякое действие, а равно бездействие власти есть плод сознательной злой воли.

Плохо стало всё — плохо «да» и плохо «нет», плоха реформа и плоха контрреформа, плох мир и плоха война — отношения с царем стали строиться по принципу «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Рожденный 9 января скорбный интеллектуальный труд не пропал, власть тьмы рухнула, и тут «случилось страшное», а главное — непредвиденное.

Новая власть с редкостным умением присвоила себе интеллектуальный задел прогрессивной общественности и стала бить её собственным прикладом: всякое действие и бездействие подданного стало плодом сознательной злой воли, а полное отсутствие правил игры — «досут мне разбирать вины твои, щенок!» — привело к полному же отсутствию алгоритма выживания. Ищущая сталинская мысль достигла в правовой системе Вышинского своего идеала, но стоит помнить, что концептуальное ядро сказанной системы сложилось (хотя и применительно к прямо противоположному объекту, т. е. не к гражданину, а к власти) именно на волне праведного возмущения Кровавым воскресеньем, отчего, не задавшись попервоначалу, свидание масс с государством впоследствии приняло вовсе макаберный характер. <...>

Конечно, при Николае Кровавом, а равно при Борисе Кровавом писать можно что угодно — бумага стерпит, царь проглотит. Беда в том, что один раз новая власть уже инвертировала интеллигентскую ментальность, показав либералам (и заодно всем остальным) богатейшие возможности таковой. Сегодня общественность с таким жа-

ром желает прихода новой власти, что в подражание Мин-здраву нелишне напомнить: общение с Немезидой опасно для Вашего здоровья.

(Максим Соколов. Печальное свидание с государством // Коммерсантъ, № 10, 1995)

ЯНВАРЬ

23

среда

Борис Останин, редактор
Издательство Чернышёва
Посольство Франции в России
Атташе по культуре
г-ну Оливье Гийому

Многоуважаемый г-н Атташе,

Позвольте напомнить Вам, возможно, уже известную Вам от г-жи Катрин Куно, историю публикации нашим издательством романа А. Роб-Грийе «Дом свиданий».

Издательство Чернышёва существует с 1992 года. Это малое некоммерческое издательство (весь его штат 3 человека), специализирующееся на небольших тиражах просветительской и классической литературы. Как правило, мы вынуждены пользоваться поддержкой и дотациями культурных и общественных организаций. Так, например, нами были изданы «Послания» К. М. Бельмана, трилогия С. Беккета, «Тибетская книга мёртвых».

Задумав опубликовать книгу А. Роб-Грийе, мы прежде всего обратились к г-ну Береловичу, бывшему в то время атташе по культуре посольства Франции, с просьбой включить эту книгу в издательскую программу «Пушкин». Г-н Берелович, с которым я встречался четыре раза (дважды в Петербурге и дважды в Москве), отнёсся к нашей инициативе с полным сочувствием и рекомендовал нам приступить к изданию, гарантируя свою помощь и поддержку на последующих этапах. Он также любезно взял на себя улаживание вопросов, связанных с авторским правом.

Книга вышла в свет в 1997 году тиражом 5000 экземпляров, причём в выходных данных было указано: «Издание подготов-

лено с помощью французского посольства в Москве». Немедленно по выходе книги несколько экземпляров было предано издательством г-ну Береловичу. На этом всё кончилось.

В январе текущего года нами было получено через посредство г-жи Е. В. Бояркиной (Французский Институт) три экземпляра контракта с Edition de Minuit. Согласно этому контракту мы обязаны выплатить упомянутому издательству 3000 франков — сумму, значительно превышающую полученную нами прибыль. Г-жа Бояркина заверила нас, однако, что эту выплату возьмёт на себя Министерство Иностранных дел Франции.

Надеясь на Вашу, г-н Атташе, помощь в данном вопросе, благодарим Вас за сотрудничество и понимание трудностей, связанных с нынешней культурной ситуации в России.

С уважением, Борис Останин.
21 января 1998, Санкт-Петербург

→ 28 июля: Роб-Грийе

Настало наконец-таки время поговорить о старике Карасёве, о ковылкинском человеке с небритою бородой и носом кисельного цвета.

Старики такие есть во всех деревнях. Они сторожат колхозные сады, подшивают валенки. Этими делами занимался и старик Карасёв — и сад стерёг, и валенки подшивал. Короче, это был обычный старик, и только одна черта отличала его от всех других стариков.

Старик Карасёв был колдун.

Впрочем, разобраться в этом деле — умеет Карасёв колдовать или нет — никто толком не мог.

Печник Волопасов спросил как-то:

— Ну что, дедок, ты вправду, что ль, колдовать умеешь?

— Колдуем помаленьку, — ответил на это старик Карасёв.

— Да ладно врать-то, — сказал печник.

Карасёв равнодушно улыбнулся и вдруг глянул на печника через левое плечо. Волопасов вздрогнул и отошёл в сторону сельсовета.

А на другой день на шее у него выросла болячка.

С каждым днем болячка разрасталась, и жена Волопасова уговаривала его пойти к старику повиниться.

— Против колдовства имеется наука! — возражал Волопасов.

Он купил йоду и стал смазывать им болячку. Научное лекарство вступило в борьбу с колдовской болячкой и в конце концов, конечно, победило.

Но не болячками удивлял старик Карасёв белый свет. Главная сила его заключалась в другом: старик Карасёв видел колёса!

Что это за колёса, Карасёв и сам толком объяснить не мог. Но, по словам его, получалось, что возле каждого человека имеется в воздухе какое-то цветное колесо. Вроде радуги. Да только колесо это не всякому дано увидеть.

Например: плотник Меринов никаких колёс не видит, и слесарь Серпокровлов не видит, да и вообще никто не видит. А вот старик Карасёв видит.

В тот день, когда появился в Ковылкине Наполеон <песец>, Карасёв сидел на лавочке у калитки, а соседка Нефёдова шла из магазина и присела передохнуть.

— Куда ты столько хлеба набрала? — сказал Карасёв. — Десять кирпичей.

— Как это куда! — закричала в ответ Нефёдова и принялась считать, сколько у неё в доме народу, да куры, да корова, да поросята, да праздники впереди. Своими крикливыми подсчётами она оглушила старика на оба уха, потом перевела дух и решила поболтать о колёсах. — Не уж всё-таки вправду бывают колёса вокруг людей?

— А как же, — ответил Карасёв. — Обязательно бывают.

— И ты видишь это?

— А как же мне не видеть-то их, если они видны, — возразил старик.

— Ну а вокруг меня есть такое колесо?

— Виднеется, — подтвердил Карасёв. — Да только не слишком уж большое.

— Что уж, совсем, что ли, маленькое? — спросила Нефёдова чуть огорчённо.

— Ну как тебе сказать, — ответил Карасёв, закуривая сигарку, — сантиметра на четыре.

— И какого ж оно цвета?

Тут старик Карасёв поглядел на соседку внимательно, выпустил в воздух дыму и сказал:

— Коричневое.

Такой цвет Нефёдову почему-то обидел.

— Старый ты пёс, — сказала она. — Напустил дыму, вот и натемнил в колесе.

— Табачный дым колёсам не помеха, — ответил старик Карасёв, равнодушно ещё раз взглянув на соседкино колесо.

— Тьфу! — плюнула Нефёдова. — У тебя небось и во все никакого колеса нету.

— Мне своё колесо видеть не дано.

Старик покуривал сигарку, а Нефёдова искоса взглядывала на него, прищуривалась, словно хотела разглядеть, не видно ли какого колеса. Но, кроме шапки солдатской, носа да сигарки, она не видела ничего. И на улице не видно было никаких колес, только у дороги валялась, как обычно автомобильная покрывка.

На дорогу выскочила из-за угла собачка на верёвке, а за нею бежал дошкольник Серпокрылов.

— Смотри-ка, дед, вон мальчишка слесарев бежит. Неуж и вокруг него есть чего-то?

— А... это Лёшка Серпокрылов. Вокруг него радуга васильковая с розовым разводом.

— И вокруг собаки есть?

— Ну нет, — сказал Карасёв. — Вокруг собак не бывает... Они их видят, а сами не имеют. Постой, постой... Что за оказия? Вроде что-то намечается синеватое! Да это не собака!

Старик Карасёв разволновался, достал из кармана очки.

— Эй, Лешка, подь-ка сюда!

— Некогда, дедушка Карасёв! — крикнул в ответ Серпокрылов. — На полюс бегу! — И скрылся за углом.

— Странное дело, — взволнованно рассуждал старик Карасёв. — Вокруг собак никогда не бывает, а тут что-то синеватое.

Пока старик рассуждал, на улице появился новый человек.

В шапке «пирожок», в овчинном полушубке романовской дубки, он быстро шагал, почти бежал по улице. В руках он держал толстую палку, окованную полосовой сталью, а на спине его подпрыгивал зелёный, через плечо на ремне, сундучок.

— Это что за человек? — спросила Нефёдова. — Какое вокруг него будет колесо?

— Тьфу! — плюнул старик Карасёв. — Салатовое!

(Юрий Коваль. Недопёсок, М., 1975, отрывок)

→ 10 февраля: Недопёсок, 2

Марта, вдова Хемингуэя

ЯНВАРЬ

25

ПЯТНИЦА

Кто-то из компании Тимура Новикова направил в издательство Чернышёва Марту Геллхорн, вдову Хемингуэя — то ли добавить к её перестроечным впечатлениям новый экспонат, то ли издать у нас в русском переводе написанную ею когда-то книгу о процессе Эйхмана.

Пришла прекрасно выглядевшая дама лет на 50–55 (на самом деле ей было за 80) в приподнятом настроении: близ издательства на Выборгской набережной она узрела возле мусорного бака пьяного бомжа: «Какая прелесть!» Напрасно пытался я урезонить романтически (или троцкистски?) настроенную даму и объяснить, что пьяный

бомж у мусорного бака — в России обычное дело, но сейчас, когда возник благоприятный момент (наподобие бегущей щелевой диафрагмы фотоаппарата), русскому Обломову, а тем более бомжу, не грех было бы заняться чем-нибудь полезным и упорядоченным, она и слышать меня не хотела, как о стенку горох!

Впрочем, я тут же отыгрался: предложил, коли такое дело, выпить, побомжевать немного, достал из редакторского стола бутылку водки со стаканами. Марта замахала руками: «No, no! Я пью только после шести вечера». Договорились встретиться вечером у неё, я выпил за здоровье прекрасной дамы в одиночестве (Игорь в очередной раз «завязал») и получил от неё в подарок всё того же Эйхмана на английском. Марта просила меня *лично* перевести книгу и немедленно её издать, я покачал головой: тематика не наша, да и время неотвратимо менялось, отнюдь не способствуя процветанию нашего крошечного издательства с черепашкой на титульном листе.

→ 21 октября: Эмблема издательства Чернышёва

Русско-еврейское иконоборчество

При том, что московская концептуалистская школа делала экспортный вариант русского искусства и при желании соц-арт и московский концептуализм можно рассматривать как очередной неорюсс, в иконоборчестве московской школы можно видеть проявление еврейского «генетического кода»: ортодоксальный иудаизм запрещает делать любые изображения, даже если они создаются не для идолопоклонства, а для красоты — с чисто эстетической целью.

В XX веке вольнодумство русских евреев, их революционный настрой, социально-политический активизм, сплочённость, «одесский юмор» и творческий талант обще-

признаны. Русская культура XX века в большей мере русско-еврейская, чем русско-украинская, русско-татарская или какая-либо другая. По этому национальному признаку в научных (семинар Ландау) и художественных структурах нередко формировались и враждовали неформальные «партии». Доминирование евреев в московском альтернативном искусстве констатирует Леонид Кацис: «Что же касается советских авангардистов 1960–1980-х годов, то непропорционально большое количество евреев в этом гнобимом государством художественном кругу недаром заслужило название „абрамгардизм“». Виктор Мизиано называет московский концептуализм «первым значительным явлением русско-еврейского искусства».

В архетип нонконформизма легко ложится мифология гонимых евреев-рабов, страдающих за Бога единого и уходящих от деспотизма в Землю Обетованную. В массовом сознании «еврейское» — это ещё вековая печаль и занудство, что иронично прокомментировал Юрий Лейдерман своим объектом «Обижают» (1994).

Существуют различные интерпретации идеологического противостояния и нонконформистской интриги в советском искусстве как, по сути, «еврейского вопроса».

<...>

«Изнутри» тема еврейства в московском искусстве раскрывается в интервью Галине Зелениной филолога Виктории Мочаловой, второй жены Ильи Кабакова, где она говорит следующее: «Как-то так получилось, что в „авангардистском“ кругу (если держаться алфавитного порядка) и Брускин, и Булатов, и Гороховский, и Гробман, и Кабаков, и Комар с Меламидом, и Пивоваров, и Рабин, и Шварцман, и Штейнберг, и Янкилевский оказались (в отличие от Васильева и Чуйкова) евреями, а в более молодом поколении — например, Алексеев, Литичевский, Пепперштейн, Рошаль и другие. Вероятно, есть некая связь художественного авангарда с еврейством. Ни Казимир Мале-

вич, ни Василий Кандинский евреями не были, но, бесспорно, среди авангардистов больший процент евреев, чем, скажем, среди художников-реалистов (хотя и там был, например, Левитан). И есть тому какие-то объяснения — тяга евреев к инновациям, например, хотя сам художник может никакой связи и не видеть. Например, когда готовилась выставка „Еврейское искусство“ в Доме художника и Илью Кабакова приглашали в ней участвовать, он сказал, что я, конечно, могу прийти на эту выставку, снять штаны и фигурировать как таковой, но в моём искусстве нет ничего еврейского, мне нечего предъявить. Так вот, я думаю, это его заблуждение. С моей точки зрения, его стремление к комментарию, к сопоставлению различных точек зрения внутри одного целого вполне может быть отнесено к такой талмудической ментальности. И кроме того, у него огромное количество работ, где есть комментарии, комментарии на комментарии, экзегеза на экзегезу — вот такая талмудическая стратегия, и она очень интересна. Насколько я могу судить, этот „второй авангард“ был очень логоцентричен (может быть, это тоже — еврейское свойство?), важным было не столько изображение, сколько слово, которое могло становиться объектом изображения. <...>

Галина Зеленина: То есть получается, что, условно говоря, талмудическая культура, к которой они в действительности причастны не были, как-то проявлялась в них, на генетическом, что ли, уровне.

Виктория Мочалова: Ещё же у всех были родственники, какие-то дяди Юды, дяди Абраши, которые бесконечно цитировались, а они-то были носителями этой традиционной культуры, ну вот как такой Арье-Лейб из Бабеля. Так что определённые связи можно проследить при желании».

(Андрей Хлобыстин. Шизореволюция, СПб., 2017)

→ 2 июля: Шизореволюция, 2

Сухой год

ЯНВАРЬ

27

ВОСКРЕСЕНЬЕ

В издательство Чернышёва, размещавшееся в начале 90-х годов на Выборгской набережной, 41, в проходной завода «Комсомольская правда», напротив Ботанического сада, забегал иногда Паша Крусанов; на заре перестройки они с Чернышёвым и третьим неизвестным мне активистом задумали совместное издательство «Тритон», да что-то не заладилось: Игорь перешёл в «Обертон» под начало Эдика Яковлева (там мы в 1990 году познакомились и выпустили несколько книг, включая поэтический сборник Аронсона, «Заповедник» Довлатова и «Сиддхартху» Гессе, после чего Игорь пригласил меня главным редактором в новоиспеченное издательство своего имени).

Так вот, мы мирно сидели втроём и мирно вдвоём выпивали (Игорь по-прежнему воздерживался, нам однако подливать не забывал), разговор незаметно вывернул на вопрос о свободе и силе воли, никто меня за язык не тянул, как я вдруг ни с того ни с сего заявил, что выпью сейчас последнюю стопку водки, после чего на целый год удалю спиртное из своего рациона. Игорь подкрепил мою решительность *ваучером*, который станет моим в случае выигрыша, я, выпив стопку, для пущей важности швырнул её на пол с намерением со звоном, блеском и осколками разбить, ничего подобного: упустил из вида мягкий палас на полу и свою расслабленную длань. Стопка осталась целой, повторять бросок показалось лишним, но, как видно, без печати звона и стёкол моё водочное воздержание забарахлило, пусть и на финише: 11 месяцев выдержал, на двенадцатом сломался, целая история. Игорь, впрочем, посчитал 11 месяцев за год и ваучер мне отдал как проигранный, немного спустя его цена спланировала до цены бутылки водки.

На этом миропитии я поведал компании об изобретательном пятилетнем Никифоре, который в продолжение «Айболита» придумал, что Полину, его сестру, укусил ан-

гел. Несколько лет спустя Паша Крусанов издал в «Амфоре» роман «Укус ангела», чьё название читающая публика оценила как убойное.

Не менее убойным оказалось название для как на дрожжах на наших глазах всходящего романа Влада «Шрам от ха-ракири», которое сочинила Таня (или мы вдвоём, не помню). На первых порах оно Владу нравилось, потом почему-то его забраковал, поменял на труднопроизносимых «Пчёл чёрных солнц», счёл, что второе точнее по смыслу. «И зря, — не соглашался я. — „Пчёлы чёрных солнц“ проходят мимо читательского сознания, а „Шрам от ха-ракири“ вонзается в него как *метательный нож* — считай, готовый роман».

Близ Ботанического сада, на Инструментальной улице, 3 (под этим номером числилось несколько домов, в одном из которых в будущем осядет после закрытия «Амфоры» издательство «Пальмира»), напротив Преображенской церкви и бункера адмирала Трибуца жил, а в Ботаническом институте работал великий любитель и знаток певчих птиц Юра Кожевников.

23.1.89

Уважаемый Юрий Михайлович <Лотман>,

не могли бы Вы, если не личным участием в конференции «Новые языки в искусстве», то каким-либо иным образом, скажем, известив о ней своих учеников и знакомых и посоветовав им безотлагательно отправляться в Ленинград, где ко всему прочему происходят сейчас всевозможные художественные выставки и фестивали неигровых фильмов, поспособствовать её работе? Помимо докладов предполагаются поэтические чтения (Геннадий Айги, Иван Жданов) и вручение премии Андрея Белого, от которой Вы когда-то, увы, отказались.

Очень многое хотелось бы Вам поведать об организаторе конференции — творческой лаборатории «Поэтическая функция», которая с ноября прошлого года числится при ЛО Со-

ветского фонда культуры и намерена издать сборники материалов всех трёх конференций (есть договоренность с одним московским издательством), но не уверен, что в узких пределах письма сумею сделать это толково и убедительно.

Не очень бы Вас обременило член-корреспондентство в «Поэтической функции» (есть в её табели о рангах, помимо членства и кандидатства, и такое)?

7–13 августа собираемся при денежной поддержке Фонда культуры провести в Ленинграде международную Летнюю школу «Проблемы современной культуры», на которую пригласим отечественных и зарубежных философов, культурологов, искусствоведов, поэтов. Что бы Вы сказали об этом, что бы могли посоветовать?

С постоянной любовью и почтением,
выросший в «лотмано-иваново-топоровскую эпоху»
Борис Останин.

→ 26 октября/2017: Визит к Лотману

ЯНВАРЬ

29

четверг

Анри Мишо

Империя-степь

Органика степи — в вечном ветре и порыве слабо связанной с землёй травы обратить всё пространство в область текучего и неостановимого движения. Не так ли и империя может обратить всю свою территорию — и ту, что уже включила в себя, завоевала, присоединила и освоила — и ту, что помыслила уже как бы своей — в сферу развивающегося непрестанно политического сознания, не цепляющегося судорожно за уже промышленные пункты и знаки стабильных государственных состояний? Всего ли достигали в пиках своего могущества настоящие степные империи — гуннов, тюрков или монголов, — промышленявшие степью как продажной девкой оседлых и заскорузлых в своём притяжении к земной рутине княжеств, царств, ханств, эмиратов и королевств?

Империя-степь разворачивается всяким свободным воображением как пространство, не следящее за своим собственным политическим развитием и расширением. Происходящие невзначай политические перевороты, религиозные распри и институциональные нововведения локализуются автономно в местах, не подчинённых некоей руководящей и всё объемлющей классической императорской воле. Между тем все эти имперско-степные события зачастую никак не соотносятся и друг с другом, полагая расстояния между собой слишком значительными для их преодоления, осмысления или сакрализации.

Сиротливые каменные бабы, внезапно возникающие на горизонте насыпные холмы — надгробия и усыпальницы неведомых степных властелинов, исчезающие незаметно из виду юрты, кибитки и повозки, ещё вчера окружавшие тебя плотным гуртом — не это ли признаки, казалось бы, пустого пространства — пространства, не мыслящегося без лакун, заросших репьем и кустарником балок, одинокого неба. Не так ли империя, заросшая по-

литическим своеволием отдалённых районов и запущенных окраин, забывшая священные ритуалы регионально-го первородства, ощущает свою власть как упущенную уже и мятежную волость; непременные посылки войск и армий на очередные усмирения и замирения не дают решительно ничего — эти армии пропадают в тишине и безмолвии занесённых снегом и безразличием растерянных протяжённостей.

Структуры политического руководства в империи-степи огорошивают своей непритязательностью, но вместе с тем и неслыханной доселе пространственной эффективностью. Не нужны срочные гонцы, костры на возвышенностях или секретные электронные сети и коды. Дело не в совершенной технике поглощения или отсека ненужных звеньев политических иерархий. Централизм или регионализм не работают в условиях растворения и размывания власти как повсеместно валяющегося под ногами ресурса. Взбалмошный местный князёк, торговый воротила или же всеильный по определению столичный министр одинаково чувствуют силу непомерных далей, затянутых когда-то (когда?) в имперские сети и обещания. Степная воля имперских установлений и практик уравнивает шансы затерянных улусов и редких островных острогов в борьбе брошенных политическим взглядом и промыслом несурьезных и серых пейзажей.

Плодородные и почти непаханные степные почвы есть символ имперского долголетия. Нехватку воды и частые засухи можно перевести в метафору имперской анархии, позволяющей себе, время от времени, игры в одичание уже прирученных однажды беспризорных юртов и устюртов. Весеннее степное разнотравье и приволье граничит с имперским ликованием по поводу победных вестей из столь отдаленных областей, что теряешь, стираешь сам смысл великой победы, остающейся равновеликой себе — как пространство, затерявшее уже нащупанный ключ

к собственным измерениям. Тоска осеннего степного умирания преобразается закатом пережившей свой самодержавно-пространственный зенит имперской власти, отождествляющей себя с охотничьим гоном тощих волков; она, эта власть, — охотник и хищник в одном скачущем-бегущем плотном комке-образе, леденеющем в страхе оглушающего конца развёрнутого во все стороны ландшафта. Поистине, империя-степь — ретроспектива растущего поперёк, перпендикулярно собственным волевым интенциям политического пространства.

Не слыша, по ком звонит колокол — ибо степное пространство болеет безымянными местами и западинами, — империя-степь зыблется зонами политической амнезии, где волеизъявления отдельных граждан и активных политиков затапливаются и забалтываются, вытаптываются, в конце концов, огромными стадами ориентированных чётко по имперскому азимуту самосознаний. Именно: имперско-степное пространство организовано как окружность; логика его развития — в движении по кругу усиливающей саму себя этим движением политической воли. Можно развернуть и спираль, когда уход на горные пастбища политически плодотворных решений обеспечивает империи длительную степную передышку. В сущности, забывающее само себя пространство посредством беспрестанного собственного разворачивания и развития обеспечивает себе временное и почти надежное политическое алиби — империю-степь.

Давление колоссальных геологических толщ исторического времени, предполагающего тотально плоскостной характер имперско-степной динамики, даёт нам возможность обнаружить изъяны традиционных, пребывающих в лоне историософских концепций степных империй. Любой степной завоеватель, осознавший своё неожиданное и весьма несовершенное политическое могущество, стремится закрепить его институционализацией пространства во временных координатах новых династий и пыш-

ных столиц. Однако степное пространство, влезая в политику, покоряя её, раздирает тут же одновременности и сингулярности политических соседств, вражды и пристрастий. Фрагменты политики, живущие кое-где на огромных и эфемерных просторах степных империй, обречены на бесславное вырождение в социальном космосе и хаосе кочевого бытия. Лишь империя-степь, овладевая не самой степью, но завоёвывая её образ, получает в награду пространство политики, не ведающее заповедей границ и рубежей; пространство, отбрасывающее политику, как бумеранг, на расчерчивание собственных нескончаемых контуров, возвращающихся аполитичностью пустынных площадей и вытопанных навсегда пастбищ.

(Дмитрий Замятин. В сердце воздуха, СПб., 2011)

Живопись Юрия Дышленко представляется мне одним из высших и совершенных проявлений творческого духа, духа эксперимента в русском послевоенном искусстве, хотя её значение до сих пор по настоящему не оценено, и место этого художника на карте современной культуре чётко не обозначено. Искусствоведам и широкой публике ещё предстоит открытие «феномена Дышленко». Оно может быть затруднено тем, что большая часть работ Дышленко находится в частных американских коллекциях, в то время как главный концепт его творчества лежит на границе русской и американской культур. Для объективной оценки живописи Дышленко необходимо глубокое знание обеих культур, а таких специалистов пока очень мало.

И тем не менее, я убеждён, что имя Юрия Ивановича Дышленко останется в истории искусства XX века. Для меня не подлежит сомнению, что он — самый, может быть, яркий и интеллектуальный из живописцев петербургского андеграунда, хотя последние годы прожил в Нью-Йорке. <...>

Умница, элегантный фанатик с запавшими щеками, внешне он был похож на Дон-Кихота — острый, худой как щепка, аске-тичный, с картинной и нарочито старомодной эспаньолкой. От

большинства питерских авангардистов Юрия Дышленко отличала абсолютная, лихорадочная открытость новейшим художественным течениям, взгляд интеллектуала и выученика структуралистов, полное отсутствие того постсезаннистского снобизма, печатью которого отмечено большинство полотен, созданных в рамках ленинградского андеграунда. Он казался белой вороной в Ленинграде. Не нашёл Дышленко общего языка и с московскими концептуалистами. Его художественный проект был шире и глобальнее, чем соц-арт, набравший силу в 70-е годы. Ему претила тотальная эксплуатация советских интеллектуальных и визуальных клише, он искал более универсального контекста. <...>

С конца 1974 года Юрий Дышленко известен как одна из ключевых фигур питерской неофициальной живописи. Он с успехом участвует в первой выставке неофициалов осенью 1974, а год спустя — в д/к «Невский». Сенсацию произвела его серия «Краткий путеводитель», выставленная осенью 1976 года на первой ленинградской выставке беспредметного искусства.

В «Кратком путеводителе» Дышленко впервые обратился к штампам рекламной туристической продукции, иронически воспроизводя не только имиджи экзотических или индустриальных пейзажей, но и имитируя средствами живописи глянцевою фактуру открыточного картона, обозначая полиграфический растр, обыгрывая даже типографский брак. И здесь зрителю предлагалось «достроить» бессмысленное, но вроде бы до боли знакомое визуальное сообщение, «развернуть» в своём сознании то, что передаётся ему в зашифрованной и краткой форме.

Монументальная серия «Достоверность» (1977–1982), состоящая из 20 больших акриловых работ, охватывала уже весь спектр средств визуального давления на человека. «Достоверность» состояла из 5 циклов — «Периодическая печать», «Телевидение», «Реклама и плакат», «Музейное репродуцирование», «Репортёрская фотография». В крохотной ленинградской мансарде родилась монументальная энциклопедия визуального насилия, которому подвергается любой человек на улице, в своей квартире или в офисе. Только те-

перь, когда это насилие стало для нас повседневной реальностью, понимаешь пророческий смысл работ Дышленко.

В конце 70-х годов он набрасывал конспект того мира, в котором мы начали жить спустя 15 лет. В его работах всё чаще появляются обрывки текстов — исключительно на английском языке: неоновые буквы абсурдных призывов, рекламы, телевизионных заставок.

В серии небольших акрилов «Хэлло, Лэрри!» (1979) Дышленко впервые в русской живописи использовал бабблы — речевые облачка из американских комиксов со смешными и нелепыми английскими надписями. Художник не ставил перед собой цели изобразить Запад, пользуясь приёмами масскультуры — он вовсе не подражал Энди Уорхолу. Его задача была обратной поп-арту — он стремился схватить визуальные клише, возникающие в нашем сознании, когда мы думаем о Западе, живя в России. «Хэлло, Лэрри!» — это впечатляющий памятник чисто советскому мифу о западном стиле жизни. В работах Дышленко постиндустриальная западная цивилизация увидела себя со стороны и обнаружила тот план восприятия, который не укладывался в её рамки и в то же время позволял охватить её в целом, выделяя основные стилистически значимые элементы. <...>

Опережая своё время, этот художник, даже уйдя в небытие, продолжает опережать нашу, столь стремительно меняющуюся картину жизни, и в его работах, которые пока практически неизвестны в России, содержится нерасшифрованное ещё послание ко всем нам. Оно непременно станет достоверным и опознанным теми, к кому художник обращался и живя в Ленинграде, и оказавшись в Нью-Йорке.

<1995>

*(Виктор Кривулин. Юрий Дышленко:
Портрет портрета художника, отрывки)*

ФЕВРАЛЬ

С читинскими братьями Виктором (слева)
и Валентином (в центре), 1951

ФЕВРАЛЬ

1

пятница

2.2.1988

Дорогой Борис,

лишь на днях получил Ваше письмо, посланное мне ещё в декабре. Спасибо за память, за добрые слова, за поздравления и приглашения. Я с удовольствием принял бы участие в августовской конференции <«Язык — сознание — общество», Международная летняя школа 9–13 августа 1989 г.>, коли такая случится. Предполагаемая тема моего доклада: «Постмодернистская мифология».

ФЕВРАЛЬ

2

суббота

Я нахожусь сейчас не в Японии, а в Китае, в Пекине, т.е. на тысячу вёрст поближе к Вам и пробуду здесь до мая. Если у Вас будет возможность пригласить хотя бы одного восточного человека, то я готов рекомендовать Вам даже целую восточную женщину. Её зовут Цзинь Те-лю, ей 33 года, и она недурна собой, говорит немного по-русски, специалистка по современной китайской эстетике и к тому же жена талантливого художника <...> Тема её доклада: «Модернизм и художественная форма в современном китайском искусстве».

На бумажке посылаю китайский адрес. Его можно просто наклеить — так надёжнее.

Низкий поклон Аркадию Д., его очаровательной супруге и всем нашим общим ленинградским знакомым. <...>

Володя <Малявин>.

28.VII.1989

Дорогой Боря,

благодарю за официальное приглашение на «летнюю школу» и проч. Непременно приеду — 9-го числа утром (поезд прибывает в четверть девятого). Я устроил себе командировку и остановлюсь в гостинице АН, ул. Халтурина, 27.

Есть у меня лишь одна небольшая просьба. Я не смог купить здесь обратный билет. Если кто-либо из организаторов школы будет иметь возможность без лишних хлопот купить для меня билет до Москвы на 15 августа, то отпали бы последние мелкие затруднения. По собственному опыту знаю, что выбраться летом из Ленинграда, да ещё скоропалительно, не так-то просто. Но, прошу Вас, не причиняйте себе лишних неудобств из-за этой просьбы.

У меня всё хорошо. Об остальном поговорим при встрече.

Передайте мой поклон Аркадию и Любе. С нетерпением жду встречи с Вами.

Жму Вашу руку,
до скорого свидания.
Володя.

Дорогой Владимир!

Прости великодушно, что совсем забыл твой дом (не забыл, однако, ни тебя, ни Любу, ни дочек); в Москве практически не бываю, был как-то с год назад день-другой, но в дикой спешке, по каким-то «официальным» делам (пытался продать ирландскому посольству 1000 экземпляров прозы С. Беккета, которую мы издали когда-то, а продать не можем. Я придумал даже «культурно-благотворительную акцию»: раздать эти книги по сумасшедшим домам, хосписам и тюрьмам, то есть туда, где люди уравниваются обстоятельствами с героями Беккета, имеют время его читать, кому он может реально помочь в понимании себя и т. д. — но довольно о Беккете, тем более что, начиная письмо, я не собирался о нём писать — «так получилось»). (Не забыл закрыть скобку.) Издательство Чернышёва, где я работаю, практически прекратилось, существует лишь как «шапка», как название — на работу я не хожу, денег не получаю, подрабатываю халтурами в других издательствах, масса трудов и беготни; короче говоря, мало чем отличаюсь от большинства народонаселения. Зато освободившееся от официальной (= присутственной) работы время стал использовать более осмысленно, т. е. читать что-то, даже о чём-то думать, встречать старых приятелей — чего давно уже не было. Среди прочего и как следствие, возникла идея о возрождении премии Андрея Белого, т.е. о помещении её на более солидный, чем раньше, пьедестал. Согласно общей задумке, Вы — как лауреат ПАБ — оказались в числе номинаторов (очень здорово: начал письмо на ты и как-то незаметно для себя перебрался на Вы — и теперь в раздумье: как продолжать?) Если будет время и желание, можешь, Володя, номинировать каких-то авторов и тексты; лучше, конечно, в рукописях, но не обязательно, возможны исключения. В конце концов, даже просто навести нас на след достойного автора, если уж будет лень возиться с рукописями и пересылкой, что-то посоветовать, подсказать...

Такие вот дела. Финансовая сторона проекта почти на нуле, откликнулся было Петровский банк, но сейчас молчит.

Ладно, что-нибудь придумаем. Параллельно премии возникают разные идеи; одна из них: организовать в музее Ахматовой (Фонтанный дом) библиотеку лауреатов премии Андрея Белого — все их книги, журнальные публикации и т.п. — согласие музейщиков уже получил; так что будет у лауреатов со временем свой шкаф в музее Ахматовой.

Пока все новости, большой привет Любе. Жду ответа.

Борис.

<1996?>

Моё предварение выступления Аркадия Драгомощенко призвано облегчить слушателям восприятие и понимание его стихотворений. Должен признаться, что не в силах вполне справиться с этой задачей, и вот почему.

Аркадия Драгомощенко, как и А. Парщикова, И. Жданова, О. Седакову, причисляют к сложным поэтам, однако сложность сложности рознь. Нередко ленивый на подъём критик спешит заклеить сложным непонятное, *не желая его понять*, и таким образом обеспечивает себе душевное алиби. Обычна и другая ситуация: критика, воспитанного на поэзии «неслыханной простоты» (искренней, эмоциональной, сюжетной) буквально раздавливает обилие поэтических фигур, глубокой метафизики, намеренных темнот, полисемии, интеллектуальной изобретательности... Такого рода сложность отличает «новую поэзию» (в т.ч. поэзию Драгомощенко), но является по большому счёту позитивной, поскольку провоцирует слушателя на изучение непривычного языка и метафизики, на становление нового мышления и тем самым обогащает его.

Поэзия Драгомощенко связана ещё с одной сложностью, разрешить которую вряд ли возможно — именно она и превращает встречу поэта со слушателем в *парадокс*. В чём он заключается? В том, что его поэзия предназначена не слушателю, а читателю, не для прослушивания, а для вычитывания; слушать поэзию Аркадия Драгомощенко есть «противоречие

в определении». Перед нами поэт не «эстрадный» и не «тихий» (у того и другого одна цель — ухо слушателя, и одно средство — голосовые связки, которые они используют с разной нагрузкой: от выкрика до шёпота): Драгомощенко — поэт *незвуковой*, так сказать, *немой*, его бесполезно слушать ухом, необходимо читать глазами. Письменная поэзия — не есть линейно-развёртываемый во времени ряд (ораторский, музыкальный), это пространство листа, цепко схваченное схемой стиха, следуя которой взгляд читателя (а следом за ним — ум) неторопливо вычерчивает прихотливые фигуры движения и понимания.

Белое пространство листа — фундамент для словесного лабиринта поэзии Драгомощенко, что идёт вразрез с традиционной звуковой поэзией, на которой большинство из нас воспитано. Письменная поэзия — это прежде всего *зрелище*. Я имею в виду не её графику (каллиграммы, художество буквами) и даже не образность, а тот важный факт, что считывание, активная и своенравная работа читающего глаза — есть неременное условие её восприятия и понимания. Письменная поэзия предлагает и предполагает пристально-созерцающее рассмотрение, нелинейное движение глаза по тексту стихотворения. Следствие такого движения — нарастающая свобода и, одновременно, ответственность читателя, принимающего на себя славное бремя соучастника в переустройстве-порождении стиха.

Другое следствие — эпическая бессюжетность письменной поэзии. Если звуковая поэзия движется во временном, причинно-следственном ряду и конструирует себя в голосовом потоке как *сюжетная цель* (что-то происходит, вызывая новые происшествия и, соответственно, интерес слушателя, выросшего на сюжетности обыденной жизни), то письменная поэзия организует себя бессюжетно-пространственным образом как вольное блуждание и ориентирует читателя-зрителя на совершенно иной способ восприятия, а возможно, и мышления. Письменная поэзия — это не движение речи, а создание бытия; язык в творчестве Аркадия Драгомощенко хочет быть не знаковой системой, а бытийственным телом.

Изучение поэзии Драгомощенко — дело будущих критиков и аналитиков; уверен, что оно будет плодотворным и полезным. Пока подскажу две темы для них: разветвление значений и самоописание глаза. Драгомощенко — неусыпный мастер обновления смысла и статуса слова: он сжимает праздничное торжество до толщины шёлковой нитки, а стёртую банальность способен превратить в грозное оружие. Его усилия по разрушению и хаотизации языка, которых так боятся многие критики, — направлены на обретение нового смысла и нового порядка, на *самовозрождение* языка. Любитель творческих парадоксов, Драгомощенко нередко сознательно направляет себя на путь неудач, что обличает в нём незаурядного стратега. В его поэзии свет в сотрудничестве с тьмой порождает фигурное многообразие мира и противится духу, созидая своим противлением невероятную космогонию и вызывая в ниспадающем ряду воплощений — противоборство зрения (основой которому служит свет) со слухом (чья основа — дух, опосредованный голосом).

Возвращаюсь к начальной мысли о парадоксе встречи письменного поэта со слушателями и предлагаю два выхода из него.

Во-первых, набросанное мной очертание письменной поэзии выявляет лишь «идеальный тип», с которым поэтическая практика Драгомощенко не всегда совпадает. В его стихах обнаруживается достаточно зияний звуковой поэзии, которые притянут к себе и удовлетворят традиционное сюжетно-слуховое восприятие.

Второй выход из тупика парадокса прост: если письменная поэзия тяготеет к пространству Гутенберга, значит, надо ей его дать! Возвращённая из чуждой звуковой среды в пространство типографского печатного листа, поэзия Аркадия Драгомощенко обретёт весомость и несомненность, избавит читателя от тягот непонимания, снимет с поэта обвинения в нарочитой тайнописи и сокровенной бесчеловечности.

(1972?)

Валерий Лукка, Апраксин двор зимой, 1978

«Кто пашет, должен пахать с надеждой» — апостольское послание, как будто прямо обращённое к Борису Ивановичу Иванову. Потому что кто ещё другой следовал ему с такой самоотдачей и так неукоснительно среди творцов неподцензурной питерской культуры второй половины XX века? Борис Иванов стал не только одним из её создателей. Он стал её олицетворением, её тягловой силой, её непокорёженным рупором. И в то же время, увлечённый прежде всего участием в общем деле, он видел достоинство в том, чтобы быть именно одним из. Его определяющая черта — желание, а потому и умение, втянуть всех и каждого в непринуждённый и никем не принуждаемый диалог. Ибо он знал: там, где возможен диалог, там поселяется свобода, надеждой на которую была насыщена вся его деятельность, сам воздух, которым он дышал. Он не строил на этот счёт больших иллюзий. Но при встречах с ним возникало удивительное ощущение: может быть, сама эта надежда делает жизнь не менее полноценной, чем её гипотети-

ФЕВРАЛЬ

4

понедельник

ФЕВРАЛЬ

5

вторник

ческое осуществление. Из этого переживания возникло одно из прославивших его дел: издание первого полноформатного самиздатского журнала «Часы», просуществовавшего ровно столько лет, сколько нужно было для прорыва плотины страха, возведённой тоталитарной системой на пути к свободе. Оно же вело его на собрания «Клуба-81», на диспуты в кругу ни на кого не похожей литературной молодежи любых направлений, заставляло посещать и организовывать философские семинары, писать и произносить открыто резкие слова в защиту гонимых деятелей культуры... При таком отношении к миру собственное сочинительство уходило на второй план. Во всяком случае как писатель Борис Иванов при всех незаурядных и оригинальных качествах литературного таланта о публикации своих трудов особенно не заботился. Единственное — репрезентативно представляющее его литературную работу — двухтомное издание «Сочинений» вышло сравнительно поздно — в 2009 году — и практически без его участия. Образ столпа неподцензурной культуры, разнообразие и интенсивность осуществлённых им проектов пока что заслоняют его собственно литературное наследие, изучению которого настал черёд. Но и сегодня ясно: экзистенциальный опыт проживания незаурядного человека в заурядное время остаётся достоянием всех, когда-либо его знавших. Этот опыт воплощён в его трудах и днях. Он бесценен для любой эпохи.

О. Абрамович, В. И. Аксёнов, П. Арсеньев, А. Арьев, В. Багно, П. Байков, Н. Беляк, Г. Беневич, М. Берг, А. Битов, Д. Бобышев, О. Богданова, П. Брандт, Т. Буковская, Ю. Валиева, В. Вальран, Г. Васюточкин, Н. Вахтин, Е. Вертлиб, Д. Волчек, В. Гаврильчик, П. Гальваньи, Д. Голышко, А. Горбунова, Я. Гордин, Т. Горичева, А. Горнон, Д. Григорьев, О. Дмитриев, В. Долинин, С. Друговойко-Должанская, Б. Дышленко, М. Ерёмин, Ж.-Ф. Жаккар, А. Житенёв, В. Земских, М. Зильбербург, Л. Зубова, В. Иванів, Е. Игнатова, А. Ильянен, П. Казарновский,

А. Кобак, С. Ковальский, К. Козырев, Н. Кононов, Б. Констриктор, С. Коровин, И. Кравцова, В. Крейд, А. Крусанов, П. Крусанов, П. Кузнецов, М. Кузьмин, И. Кукуй, В. Кучерявкин, В. Кушев, О. Кушлина, А. Лавров, В. Лапенков, В. Лапицкий, О. Лейкинд, И. Лимбах, Б. Лихтенфельд, Л. Лурье, В. Мазин, С. Магид, А. Мирзаев, В. Мишин, В. Молот, И. А. Муравьёва, В. Назаров, О. Назарова, В. Немтинов, Т. Никольская, С. Носов, Б. Останин, Д. Панченко, Т. Пономаренко, Н. Попова, О. Попова, Б. Рогинский, Ю. Рыбаков, С. Савицкий, И. Савкин, В. Савчук, Д. Северюхин, А. Секацкий, О. Серебряная, А. Скидан, И. П. Смирнов, И. Смирнов-Охтин, А. Созонова, А. Степанов, С. Стратановский, М. Талалай, М. Трофименков, Г. Тульчинский, М. Хазин, П. Чейгин, А. Черноглазов, В. Чернышёв, С. Чубукин, М. Шейнкер, Б. Шифрин, В. Шпаков, В. Шубинский, А. Шуфрин, Т. Эпстайн, О. Юрьев.

(Некролог Б. И. Иванова. 25 февраля 1928–5 февраля 2015 // Звезда, № 3, 2015)

Богиня

Бездумно бродит близ барака
Босая бледная богиня.
Бунтуй, богиня без ботинок,
Бахвалься бёдрами без брака.

Бесстрастность — бархатная блажь.
Брезгливо быт благодари.
Бесстыдство божеством бери,
Буянь, безумствуй, будоражь!

Богине благо бунтовать,
Баюкать близких, без булды
Бесить браваду бороды,
Безликих болью баловать.

Блаженствуй, бледных беспокоя,
Бывалых близостью буди,
Безумствуй бёдрами, блуди,
Бери безбожников без боя.

(Евгений Феоктистов.

Азбука молчания // Часы, № 25, 1980)

→ 3 марта: Азбука молчания, 2

ФЕВРАЛЬ

7

четверг

Феодоровский собор в Петербурге, старое фото

ФЕВРАЛЬ

8

пятница

Серый денёк ещё посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы <два песца — Наполеон и Сто шестнадцатый> в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал чёрный ручеёк. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь, на склонах верей, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времён, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего позёмку. По можжевельовому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях ёлки тёмную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг неё, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим лесом, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали её потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

Наполеон залез в пещеру, за ним — Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол.

Недопёсок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были тёмные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над огоньками пелена. И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд ещё три звезды — яркие и серебряные. Это всходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля — во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посеребренным поясом, с которого свешивается сверкающий звёздный кинжал!

Одною ногой опёрся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над чёрными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звездочек, — нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звёздные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо, откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

— ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

(Юрий Коваль. Недопёсок)

ФЕВРАЛЬ

9

суббота

Сегодня суббота — рыбацкий день. После полудня рыбаки уже начинают возвращаться домой, в город. Их множество. Вид у них жуткий.

На них толстенные ватники, какие-то нелепые кацавейки, зипуны, рваные полушубки. Поверх зипунов и полушубков натянуты брезентовые, насквозь промёрзшие негнущиеся робы. На ногах огромные валенки с галошами, обмотанные для чего-то верёвками, или нечто резиновое и совершенно бесформенное. На головах старые, ободранные меховые шапки или толстые мешки. Лица у них багровые от мороза, от ветра и от спиртного. Некоторые качаются, с трудом удерживаясь в вертикальном положении. Они волокут за собой салазки, на которых стоят их рыбацкие, обитые железом сундучки. К сундучкам привязаны коловороты для просверливания лунок во льду. Рыбаки похожи на каторжников, на зеков с Колымы.

У станции <Комарово> они делают привал, рассаживаясь на тех скамейках, что под всеми деревьями. Едят. Допивают водку. Делятся впечатлениями о рыбалке. В половине шестого вечера, гуляя, я вышел на берег и обомлел: в уже сгущавшихся сумерках по снежной пустыне залива откуда-то из седой пустоты, из-за горизонта, двигались сотни, тысячи тёмных фигур.

*(Геннадий Алексеев. Дневник за 1983 год //
Неизданный Алексеев, СПб., 2017)*

Вылетел в трубу

После завершения нашей с Игорем издательской эпопеи (или всё-таки аферы?) он, забросив бумажное дело, перешёл к железному: сколотил фирму «Петролюкс» и занялся производством дымоходов из нержавеющей стали для дачных домиков. Для знакомых, любопытствующих о его судьбе после закрытия издательства, я придумал формулу: «Вылетел в трубу» и добавлял: «В самом прямом смысле, стал трубоиздателем».

Однажды Игорь попросил сочинить для фирмы запоминающийся девиз, что я немедленно сделал: «Дым в трубу, тепло в дом!», но в дело он не пошёл, возможно, оказался недостаточно серьёзным.

Москва 11 февраля 1987

Уважаемый Борис (не знаю Вашего отчества),

спасибо за письмо с приглашением, но я его получил только вчера, вернувшись из отпуска (был в Латвии). Жаль, что не попал на семинар <1-я конференция «Новые языки в искусстве», 1987>, вероятно, он прошёл интересно (имеете ли Вы в виду яacobсоновское разграничение метафоры и метонимии?). Было ли что-нибудь специально о Хлебникове кроме В. П. Григорьева? Попалась ли Вам моя статья о нём в новом томе «Путей в незнаемое»?

Я мог бы прислать Вам тезисы (сколько страниц?) или доклад о соотношении авангардной поэзии с пред- и пост-авангардной, если Вы в самом деле будете издавать. Но к какому сроку? Увы, я до сих пор не выполнил многих обещаний и за прошлый год!

В любом случае ещё раз спасибо. Хотя последнее время и редко удаётся попадать в Ленинград, я всегда этого хочу и рад буду случаю познакомиться с работами Вас и Ваших друзей.

С искренним уважением,
Вяч. Вс. Иванов.

ФЕВРАЛЬ

10

воскресенье

ФЕВРАЛЬ

11

понедельник

2.XII.88

Уважаемый Вячеслав Всеволодович,

сколь ни редко я смотрю ТВ и читаю журналы, но в последнее время не единожды столкнулся с Вашими превосходными предисловиями и сопутствиями (О. Седакова, Б. Пастернак, У. Эко), за кои позвольте Вас от всей души поблагодарить. Недавно в машинописном журнале «Часы» появилось предисловие к «Имени розы» У. Эко, уступающее Вашему по части эрудиции и слога, но близкое, как мне показалось, по некоторым мыслям; постараюсь на-днях перепечатать его и, с Вашего разрешения, прислать.

Ещё одна, запоздавшая и повторная благодарность — за Ваше участие в семинаре «Новые языки в искусстве» (Москва, февраль 1988). Сей ежегодный семинар, на этот раз с упором на конкретный анализ и «пристальное чтение», состоится в феврале следующего года в Ленинграде; если сумеете в это время приехать, было бы замечательно услышать Вас (в крайнем случае можно прислать текст доклада).

С «Поэтической функцией» происходят решительные превращения: 11 ноября её учредили как творческую лабораторию при ЛО Советского Фонда культуры (обещаны афиши, оплата гостей и докладчиков, ксероксные сборники и т. п.). Главное наше мероприятие, которое состоится 7–13 августа 1989 года, называется: международная Летняя школа по проблемам современной культуры. Не окажетесь ли Вы, случайно, в августе в Ленинграде? И заодно: не могли бы Вы порекомендовать 1–2 европейских учёных (из 10–12 приглашаемых) для участия в этой школе? Насколько реально присутствие таких знаменитостей, как Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Ю. Кристева? ФК отпускает на школу небольшие деньги и обещает сделать её — в случае первоудачи — ежегодной.

Прошу извинить меня за преобладающую в письме вопросительную форму, но вот ещё вопрос: Не согласились бы Вы стать член-корреспондентом «Поэтической функции»? Посылаю Вам содержание 1-го выпуска сборника «Новые языки

в искусстве», надеюсь на Ваше в нём участие. На самом деле есть ещё новости, но боюсь, что для одного письма и эти могут показаться хлестаковщиной.

С искренней признательностью,
Борис Останин

Дорогой Борис,

пишу в спешке. Я уезжаю (вероятно, до начала июня) читать лекции в университетах США, поэтому сейчас нет времени и возможности ни подробно писать Вам, ни приехать в феврале <на 3-ю конференцию «Новые языки в искусстве»>. В августе надеюсь быть и смогу тогда приехать в Ленинград <на международную Летнюю школу «Язык — сознание — общество»>. Нужно списаться в конце июня-июля.

М.б. стоит привлечь Греймаса (но он на пенсии), Леви-Строса (никогда не был в СССР, почему не попробовать?), Бремона, Ж.-П. Вернана, У. Эко? Ещё подумаю, с кем-нибудь поговорю.

Член-корреспондентом я бы и стал, но чего от меня захочет «Функция», когда нет времени совсем. Спасибо за письмо.

С Рождеством и Новым годом!
Ваш <Вяч. Вс. Иванов>
<декабрь 1988 г.>

Москва 26 июля 1989 г.

Дорогой Борис,

отвечаю с опозданием — только что вернулся из Лондона; спасибо за приглашение, надеюсь, что смогу приехать с женой (кстати, она работает над темой «Поэтика отчаяния» и могла бы об этом рассказать, но я её не спрашивал: хотите, напишите ей по моему адресу, её зовут Светлана Леонидовна Иванова). Может ли Оргкомитет: 1) заказать нам на

9–13 (или 8–14?) (двойной) номер в гостинице, 2) билеты (купе СВ) на те же дни на ночной поезд из Москвы в Ленинград и обратно (последнее особенно важно)?

Сердечно Ваш
<Вяч. Вс. Иванов>

ФЕВРАЛЬ

12

вторник

Андрей Белый среди книг

ФЕВРАЛЬ

13

среда

Все они <Локк, Юм, Гольбах, Вольтер, Монтескье, Дидро, Руссо и другие философы Просвещения>, пусть в разной степени, верили, что люди по природе своей создания разумные, общественные и, уж во всяком случае (если только их не обманывают мошенники и не сбивают с дороги дураки), способные разобраться, что именно необходимо им самим и окружающим. Они считали, что, если людей научить, они будут следовать правилам, доступным разумению обычного человека; что существуют законы, управляющие живой и неживой природой, и что законы эти, вне зависимости от того, доступны они эмпирическому познанию или нет, становятся очевидны, стоит человеку взглянуть в себя или во внешний мир. Они считали также, что открытие таких законов и знание их, будь оно

достаточно широко распространено, само по себе привело бы к устойчивой гармонии и между человеком и обществом, и внутри самого человека. Большинство из них верило в то, что максимум личной свободы совместим с минимумом власти — во всяком случае, после того, как люди будут соответствующим образом перевоспитаны. Они думали, что образование и законодательство, основанные на «предписаниях природы», в состоянии исправить практически любое заблуждение и зло; что природа — это всего лишь разум в действии, и значит, всякое её явление в принципе можно объяснить, исходя из набора элементарных истин, подобных геометрическим теоремам, а позднее — законам физики, химии и биологии. Они верили, что всё благое и желательное можно совместить, и даже более — что все ценности связаны между собой паутиной прочных, логически сцепленных отношений. Те из них, кто мыслил наиболее эмпирически, были уверены в том, что наука о природе человека может развиваться не менее успешно, чем изучение неодушевлённых объектов, и что вопросы этики и политики (если они сформулированы верно) можно в принципе разрешить с не меньшей определённойностью, чем математические и астрономические задачи. Жизнь, устроенная на основании полученных ответов, была бы свободной, безопасной, счастливой, добродетельной и мудрой. Говоря коротко, они не видели причины, которая помешала бы достичь золотого века при помощи тех способов и методов, которые за сто лет привели естественные науки к победам куда более великолепным, чем всё, чего человеческая мысль достигла на протяжении предшествующей истории.

Де Местр поставил себе задачу ниспровергнуть всё это. Вместо априорных формул подобного идеализированного взгляда на основания человеческой природы он апеллировал к конкретным фактам истории или зоологии и наблюдениям здравого ума. Вместо идеалов прогресса, свободы

и способности человека к совершенствованию он проповедовал спасение при помощи веры и традиций. Он подчеркивал, что человек по природе своей безнадежно дурен и развращён, а значит, необходимы власть, иерархия, послушание и подчинение. Первенствующую роль он отводил не науке, а инстинкту, христианской мудрости, предрассудкам (представляющим собой плод опыта многих поколений), слепой вере; вместо оптимизма проповедовал пессимизм, вместо вечной гармонии и мира — predeterminedённую свыше неизбежность вражды и страдания, греха и возмездия, кровопролития и войны. Вместо идеалов мира и социального равенства, основанных на общности интересов и естественной добродетельности, он провозглашал, что неравенство неотделимо от природы вещей, а ожесточённый конфликт целей и интересов — необходимое условие бытия падшего человека.

Де Местр не признавал таких абстракций, как природа и естественное право. <...> Он вдохнул новую жизнь в давно развенчанную доктрину о божественном праве королей; он отстаивал необходимость тайны, сумрака и в особенности стихийности как основы общественной и политической жизни. С замечательным блеском и силой он обличал всякую ясность и разумное устройство. По темпераменту он походил на своих врагов якобинцев; подобно им, он веровал безоглядно, ненавидел яростно и во всё шёл до конца. Экстремисты образца 1792 г. отличались тем, что отвергали старый порядок целиком, осуждая не только его пороки, но и его достоинства; они желали уничтожить всё, разрушить систему зла до основания, истребив и корни и ветви, и построить нечто совершенно новое — такое, что ни в малейшей степени не было бы уступкой и оглядкой на тот мир, на руинах которого должен был встать новый порядок. Де Местр — полная им противоположность. Он нападал на рационализм XVIII столетия с той же нетерпимостью и страстью, силой и увлечением, кото-

рые были свойственны великим революционерам. Он понимал их лучше, чем те, кто придерживался умеренных взглядов, и питал своего рода братское чувство к отдельным их качествам, но то, что представлялось им упоительной мечтой, для него было страшным сном. Он хотел стереть с лица земли «небесный град философов XVIII века», не оставив камня на камне.

(Исайя Берлин. Философия свободы, М., 2001)

Надо было подняться на пятый этаж большого петербургского дома на тихой Спасской улице (давно уже, впрочем, переименованной в улицу Рылеева) и три раза нажать кнопку общего звонка. Дверь открывалась, и за ней возникала атмосфера волшебства — там жил человек, похожий на Калиостро: Михаил Алексеевич Кузмин, один из жильцов захламлённой и тесной коммунальной квартиры 30-х годов...

Кроме Кузмина и его близких в квартире жило многолюдное и многодетное еврейское семейство, члены которого носили две разные фамилии: одни — Шпитальники, другие — Черномордики. Иногда к телефону, висевшему в прихожей, выползала тучная пожилая еврейка, должно быть глуховатая, и громко кричала в трубку: «Говорит старуха Черномордик!» — на вид ей было лет 50–55. А однажды из коридора послышалось тихое пение: «Мы Шпитальники, мы Шпитальники!» Это пели, взявшись за руки, соседские дети... Жил там ещё косноязычный толстяк по фамилии Пипкин — он почему-то просил соседей называть его Юрием Михайловичем, хотя на самом деле имел какое-то совсем другое имя и отчество. Если его просьбу исполняли, то он из благодарности принимался называть собеседника тоже Юрием Михайловичем... Иногда из соседней квартиры сюда являлся позвонить по телефону грузин Веселидзе...

Кузмин уверял, что любит коммунальные квартиры: в них не так скучно. Однако, при всей своей уживчивости и общительности нрава, при всей своей приветливой лёгкости он всё же, я думаю, изрядно страдал от тесноты и недостатка покоя в этой нескучной квартире. <...>

Жизнь шла открыто. Каждый день от пяти до семи приходили гости — они являлись без приглашения и могли приводить с собой своих знакомых. Михаил Алексеевич сидел за самоваром и разливал чай. Иногда он шутил, что его самовар станет когда-нибудь историко-литературной реликвией и попадёт в музей. Этого, однако, не случилось: после ареста Юркуна все вещи Михаила Алексеевича исчезли бесследно; сохранились только любительские фотографии, изображающие Кузмина за самоваром.

*(Всеволод Петров. Воспоминания и размышления
о М. А. Кузмине // Часы, № 29, 1981)*

→ 5 марта: Теория Гумилёва

ФЕВРАЛЬ

15

пятница

Бизон, пещера Альтамира

Телескоп

В Харькове обитала моя любимая тётя Евгения Петровна с детьми — Геннадием, Виталием и Лидой; я бывал у них не однажды, а в 1960 году жил в Харькове вдвоём с бабушкой (мать и отчим хлопотали тогда о переезде семьи из Белоруссии в Ленинград).

В школе дружил с Витей Кравченко и Геной Гехтом, все трое увлекались астрономией — настолько, что решили обзавестись собственным телескопом: сначала соорудили слабосильную самоделку, потом, недовольные ей, взялись собирать деньги на заводской аппарат, облюбовали менисковый телескоп МаксUTOва с 70-кратным увеличением, то и дело заглядывали на витрину магазина, где он красовался, вздыхали по желанному. Стоил телескоп немалые, по нашим кошелькам, деньги, тянуть с покупкой мы не хотели и придумали несколько изошрённых способов обогащения, включая торговлю на Благбазе (Благовещенский базар, местная барахолка) *фальшивыми* древнеримскими монетами, которые сами же и отливали. Механика производства была несложная: соорудили меловую форму из двух половин, оттиснули в них *настоящую* римскую монету (воин с копьём) из коллекции Гены Гехта, подправили ножом очертания, связали обе половины проволокой и залили в лоток расплавленный припой-третник. После чего процедуру десяток раз повторили, получив в результате целую горсть блестящих «римских» монет, которые на ночь опустили на ниточках в раствор из зелёнки, йода и медного купороса, чтобы новодел утратил блеск и стал похож на старую бронзу.

Одну монету даже отнесли на пробу в краеведческий музей, сказали, что нашли во дворе, не представляет ли научной ценности. К сожалению (или к счастью), специалист по западным культурам был в отпуске, мы оставили монету его коллеге по славянским древностям и, с трудом сдерживая приступы смеха, покинули музей.

Тут же отправились на Благбаз, где разошлись по разным концам, чтобы покупатели ничего не заподозрили, несколько монет, как ни удивительно, продали, но вскоре заметили, что оставшиеся заметно пообносились: сквозь «бронзу» просвечивал блеск припоя, почему торговлю пришлось прекратить и отбыть от греха подальше.

Ближе к осени, спасибо родителям, нужная сумма возникла, а вслед за ней и красавец-телескоп. В тёмную августовскую ночь в окружении потока Персеид забрались с телескопом на крышу трансформаторной будки во дворе и... Боже мой!.. и кратеры на Луне, и три спутника Юпитера (четвёртый оказался заслонённым), и завиток туманности Андромеды, и передевающая девушка в далёком, но чётком окне многоэтажки — не помню, на каком из этих этапов прошибла слеза восхищения, кажется, на Андромеде...

→ 4 июня: Петя Введенский

Владимир Овчинников, Переход, 1981

Поживи наобум, послучайничай,
поторчи, поскучай да почайничай,
попаскудничай, покаламбурничай,
подерись сам с собой да пошкурничай.
Ну а ежели будет и чай не в чай,
так тогда потрудись, позаторничай
за собой, как за дверью дворничьей.

(Сергей Петров, 1966)

ФЕВРАЛЬ

18

понедельник

Париж, 19 февраля 1943

Париж после таких городов, как Ростов, предстал предо мною в новом, неслыханном блеске, хотя оскудение коснулось и его. За исключением книг, встречу с которыми я праздновал, добыв прекрасную монографию о Тёрнере. Я нашёл в ней описание его достопримечательной жизни, прежде мне неизвестной. Не часто зов судьбы проявляется столь настойчиво. В последние годы он не рисовал, а только пил. Всегда будут существовать художники, пережившие своё призвание; чаще всего это бывает в тех случаях, когда дарование проявилось рано. Тогда они напоминают чиновников на пенсии, наконец-то получивших возможность предаться своим склонностям, как, например, Рембо — добыванию денег, а Тёрнер — запою.

ФЕВРАЛЬ

19

вторник

21 февраля 1943

Днём с Геллером и художником Купом в «Тур д'Аржан». Разговор о том, что книги и картины оказывают своё действие, даже если их никто не видел. «Всё деяние — внутри». Эта идея неосуществима для современников, стремящихся расширить круг своих общений и связей, т. е. заменяющих духовные отношения техническими. Не дойдёт ли до того, что моления монахов будут слушать лишь те, кому они на пользу? Это знал ещё Виланд; он говорил Карамзину, что на

необитаемом острове сочинял бы не менее ревностно, будь он уверен, что его произведения слушают музы.

Затем «Мёрис», где Куп, служащий ефрейтором у коменданта, показал нам картины, из которых мне особенно понравился пёстрый голубь, чьи розовые и тёмные тона сливались на заднем плане с красками города: «Городские сумерки». По пути домой мы говорили и об этом, и о сумерках как настроении, и о том воздействии, какое они оказывают. Они творят из индивидуумов силуэты, лишая лица деталей и выявляя их общее значение, например: мужчина, женщина, человек. Они уподобляются художнику, в котором тоже есть много сумеречного, тёмного, что и даёт ему возможность видеть силуэты.

23 февраля 1943

Утром рассматривал папку с фотографиями, сделанными отделом пропаганды при взрыве портового квартала Марселя. Опять превратили в пустыню место неповторимое, к которому я привязался всем сердцем.

Во время обеда я теперь всегда отдаю должное зрительной закуске. Сегодня, например, перелистывал Тёрнера, в морских пейзажах которого с их зелёными, синими и серыми тонами стынет великий холод. Они создают видимость глубины, возникающей через отражение.

Затем на маленьком кладбище в Трокадеро, где я снова увидел надгробную часовню Марии Башкирцевой и вновь ощутил непосредственное присутствие покойной. Уже цветут некоторые травы, например желтофиоль и пёстрый мох.

В книжной лавке на площади Виктора Гюго обнаружил целую серию произведений Леона Блуа, коего хочу изучить основательней. Всякая великая катастрофа влияет также на мир книг, легионы их она ввергает в забвение. И только когда лихорадка уже позади, видно, на что опирался автор в устойчивые времена.

24 февраля 1943

Истинные размеры нашей значимости: рост других силою нашей любви. По их росту мы узнаём свою весомость и то, зловещее: «Исчислен, взвешен, разделён», которое открывается нам в отречении.

Есть умирание, которое хуже смерти и которое состоит в том, что любимый человек умерщвляет в себе наш образ, живший в нём. В нём угасает наш свет. Это может произойти из-за тёмного свечения, которое мы посылаем от себя; цветы тихо закрываются перед нами.

28 февраля 1943

Докладываю о своей роте. Тем временем пал Сталинград. По этой причине ужесточилось казарменное положение. Если, согласно Клаузевицу, война есть продолжение политики другими средствами, значит — чем совершенней ведётся война, тем меньше в неё вмешивается политика. В бою не ведут переговоров; там нет свободы действий и на неё не хватает духу. В этом смысле война на Востоке приняла тот абсолютный масштаб, который Клаузевиц после опыта 1812 года не мог себе и представить, — это война между государствами и народами, война гражданская и религиозная с зоологическим уклоном.

1 марта 1943

Вечером размышлял над словом «роение». Так мог бы называться один из разделов в книге по естественной истории человека. Для «роения» нужны три вещи: повышенная пульсация жизни, собрание и периодичность.

Жизненная пульсация, или вибрация, в том виде, как её, например, можно наблюдать у мотыльков, есть сверхиндивидуальная сила; она поднимает тварей до уровня рода. Их жизнедеятельности — браку, сбору урожая, странствию, игре — служит собрание.

Ритм роения в прежние времена был совершенно естествен, он определялся Луной, Солнцем и их влиянием на Землю и на произрастание растений. Большие цветущие деревья, пронизанные жужжащими насекомыми, чудесным образом дают нам почувствовать, что значит роение. Свою роль играет здесь и разное время суток, например сумерки, или электрические явления, например грозовая атмосфера. Эти природно-космические знамения суть подплёка исторических эпох и их смены, они запечатлеваются в *датах* празднеств, значение которых, казалось бы, изменяется вслед за сменой культов и культур. Но меняется только культово-сакральная часть, природная же — остаётся неизменной. Отсюда языческие элементы в каждом христианском празднике.

Название «роящиеся духи» выбрано, пожалуй, удачно, ибо оно означает блуждание, сущность которого состоит в смешении культовой и природной частей празднества.

3 марта 1943

Днём на берегу Сены, с Шармиль. Мы прошли по набережной, от площади Альма до виадукса Пасси; там мы устроились на деревянном парапете и глядели, как течёт вода. В одном из швов каменной кладки расцвёл латук с семью жёлто-золотыми венчиками; в одном из них сидела большая муха, отливавшая металлической зеленью. А на каменной кладке парапета я снова любовался многократными оттисками маленькой улитки.

5 марта 1943

Сегодня закончил: Леон Блуа, «*Quatre Ans de Captivité à Cochons-sur-Marne*», включающую в себя дневники с 1900 по 1904 год. На этот раз мне особенно бросилось в глаза полное безразличие автора к мнимостям техники. Среди роящихся людских толп, воодушевлённых атмосферой большой всемирной выставки 1900 года, он живёт как

старомодный отшельник. В автомобилях он видит безудержный рост инструментов уничтожения первой степени. Вообще, техника для него сопряжена с надвигающимися катастрофами, — так, средства быстрого передвижения, например моторы и локомотивы, он считает изобретением духа, замыслившего побег. Скоро придётся спешно перебираться на другой континент. 15 марта 1904 года он впервые едет в метро, катакомбам которого не может отказать в некоей подземной, хотя и демонической, красоте. Это устройство создаёт у него впечатление, что пришёл конец райским рекам и рошам, предрассветным и вечерним сумеркам, — ощущение гибели человеческой души вообще.

Охарактеризовать этот дух, ожидающий судного дня, можно надписью на солнечных часах: «Уже поздно; позднее, чем ты думаешь».

(Эрнст Юнгер. Излучения, СПб., 2002)

→ 10 марта: Юнгер, 2

Опубликовать не означает ни заставить прочесть себя, ни даже дать прочесть что-либо. То, что публично, как раз таки не имеет надобности в прочтении, оно всегда уже заранее известно, знанием, которое знает всё и ничего не желает знать. Публичный интерес, всегда разбуженный, ненасытный, однако всегда удовлетворённый, который находит интересным всё, не интересуясь ничем, является движением, которое совершенно неправильно описывать с позиций критиканства. Мы видим в нём, в форме, правда, ослабленной и стабилизировавшейся, ту же безличную силу, которая в качестве ресурса и препятствия лежит у истоков литературного усилия. Против неопределённой и нескончаемой речи, не имеющей ни начала, ни конца, против неё, но и с её же помощью выступает автор. Против публичного интереса, против рассеянного любопытства,

непостоянного, всеобщего и всеведущего, пускается в чтение читатель, с трудом выныривая из первого чтения, которое уже читало ещё до прочтения: читая против него и всё же через него. Читатель и автор участвуют, один — в нейтральном понимании, другой — в нейтральной речи, которых им бы хотелось на мгновение приостановить, чтобы дать место более понятному выражению.

Возьмём институт литературных премий. Легко его объяснить, исходя из структуры современного издательского дела и социально-экономической организации интеллектуальной жизни. Но если мы подумаем о том удовлетворении, которое, за малым исключением, писатель не преминет испытать, получая часто ничего собой не представляющую премию, мы объясним его не неким удовлетворённым тщеславием, но настойчивой потребностью в том общении прежде общения, каковым является публичное понимание, обращением к ропоту молвы, глубинной, поверхностной, в которой всё остаётся, появляясь, исчезая, в некоем смутном присутствии: что-то вроде Стикса, текущего среди бела дня по нашим улицам и непреодолимо притягивающего живущих, словно они уже тени жадно взыскующих собственной незабываемости, чтобы лучше забыться.

Речь идёт и не о влиянии. И даже не об удовольствии быть видимым слепой толпе, известным неизвестным людям, удовольствии, которое поддерживает превращение неопределённого присутствия в уже определённую конкретную публику, иначе говоря, деградацию неуловимого движения к доступной и прекрасно манипулируемой реальности. На чуть более низком уровне мы обнаруживаем и все политические фривольности сего спектакля. Но в этой последней игре с писателем всегда обойдутся плохо. Самый прославленный менее известен, чем диктор ежедневного радиовещания. И если он жаден до интеллектуального влияния, ему известно, что в этой незначительной общеизвестности он его проматывает. Я думаю, что писатель ничего не хочет ни

для себя, ни для своего произведения. Но потребность быть опубликованным — то есть достигнуть внешнего существования, этой открытости вовне, этого разглашения-разложения, местом которому служат наши большие города, — принадлежит произведению как воспоминание о движении, из которого оно вышло, которое оно должно беспрерывно продолжать, которое оно хотело бы, однако, радикально превозмочь и которому, в действительности, мигом полагает конец каждый раз, когда оно и есть произведение.

(Морис Бланшо. Могущество и слава, 1958)

Дорогой Борис Владимирович,

прошу Вас великодушно извинить меня за то, что я подвёл Вас и не сумел выполнить данного мною обещания. Ещё в начале 20 чисел января я получил <денежный> перевод и тогда же купил билеты, но 27 января, несколько раньше предполагавшегося срока, родила моя жена (второго сына), и я был вынужден остаться в Москве, так как на мне оказались дом и ребёнок. Вполне понятные Вам заботы и дела (не считая обычных научных) помешали мне написать Вам сразу. Теперь я наконец исполняю свой долг и, ещё раз принося Вам свои извинения, прошу сообщить мне, кому я должен неиспользованные деньги — Вам лично или Фонду культуры — и указать мне адрес, на который я смог бы их отослать.

Надеюсь, что неудача с моей поездкой в Питер не отразится на наших деловых контактах — жду Ваших предложений и инициатив. Посылаю Вам в утешение сборник тезисов университетской конференции (14–16.II.89), на которой я делал доклад, обещанный Вам (о Якобсоне и Маяковском), но в сборник я поместил свою заметку о <Александре> Страхове — 14 марта он уезжает в США, и мне хотелось бы, чтобы первая публикация его стихов на родине состоялась до того, как он окажется в эмиграции.

Искренне Ваш
М. Ш. <Максим Шапир>
21.II.89

ФЕВРАЛЬ

22

пятница

Борис Иванов, Два дерева

ФЕВРАЛЬ

23

суббота

Полный худ
И курс новатор
Память эхо какаду
Гол у-бой ни бес новатый
Рев подмётки на ходу

Вёсе л-ла донка
Не сушка
Не ба ранка неба-ран
На тюр морд
Архи Ва Ньюшка
Полу месяц ветер ран

Дет во-ра да ви-зе воту
Топ альковый
Топ ляком
Рейс таг-анки к Анне к доту
Под обмотку матюгом

По за-лив Ни колы бельны
Зри теля-сь от дав Ки но
Сход галерки корабельной
Сволачением о-дно

Бок Са-тур на пол уа-ктах
На г-ла в реж сер пом на бис
С ним фа Киров Иван трах-тах
При МА-наш ки Бене Фис

До бывал свою ис кру-жки
Алы чу да вили брат
Те-ма крей сера без пушки
Иска зимнего де бат

Исказим Нева угрюмый
Как ботинок мол-от ца
Продал-жавший
Зада-ю-мор
Ощущенье от конца

Оставляет бизнес смены
Р-жа-воронок спора шком
С не га шеньем с-аван с цены
А пока лип сис с-мешком.

(Александр Горнон, 1986)

Ласточка

Поразительный парень этот Степан. Зимой девяносто второго года он оказался в Ереване, в доме своего дедушки, без воды и тепла. Каких только чудес находчивости и изобретательности он не проявил, чтобы выжить! Главное, когда другие бросились покупать электрические обогреватели, Степан догадался, что электричества в городе

не будет и приобрёл дровяную печку-буржуйку; а чем он эту печку топил, и как он об этом рассказывает!

Вот он сидит на террасе дома моих родителей в Подмосковье в старом кресле-качалке, его орлиные брови и горбатый нос нависают над чайной чашкой с розочками. На дворе лёгкий снежок падает на садовые дорожки, посыпанные гравием, на заиндевевшие жёлтые листья, примёрзшие к побитой траве, нервный пёс соседей за высоким забором отзывается лаем на малейший порыв ветра, а мы собрались вокруг овального стола, на наших тарелках корчатся остатки спагетти, приправленных трюфельным маслом. Настаёт, наконец, черёд чаю, и на столе появляется торт «Наполеон», и йогуртовый торт, привезённый кем-то из супермаркета, и тарелка с калифорнийским миндалём, и другая тарелка со сладкой армянской курагой. Разговором на весь вечер завладел Степан, а это не так-то просто в нашей шумной и словоохотливой компании, где никто не отличается умением слушать.

Однажды Степан протопил буржуйку шестьюдесятью хоккейными клюшками. Понимаете, хоккей — не слишком популярный спорт в Армении, как-то не прижился там в советское время. Но в Союзе был план, и по этому плану в перечень товаров каждого спортивного магазина входило определённое количество клюшек по цене три рубля шестьдесят копеек за штуку. На гибкой многослойной палке из осины и берёзы красовалась марка «Москва» — клюшки горели долго и жарко и вдобавок источали славный аромат. «Америка! Америка!» — повторяет сейчас Степан, как закливание, и мама вспоминает чеховских «Трёх сестёр», как мечтали они: «В Москву, в Москву!» Мой отец с нетерпением ждёт возможности спеть песню «Ласточка», по-армянски «Цицернак» — он выучил её в детской музыкальной школе, и это единственное, что он знает по-армянски. «На далёкой стороне молви, ласточка, ты мне: о, куда ты летишь в беспредельной вышине!» Рядом сетует и возмущает-

ся тётушка — какое горькое будущее ожидает этот мир вообще, и нас, её племянников, в частности! Часть её гнева направлена на меня, потому что я самая молодая и могла бы догадаться, что надо освободить стол от тарелок с макаронами и приготовить его к десерту — но как же мне отвлекаться? Густой и глубокий голос Степана завладел моим сердцем.

Однажды он отпил часть деревянной балки потолочного перекрытия в старой школе, предназначенной к сносу. Он забрался на чердак с пилой и пилил пол прямо у себя под ногами. Пока они с товарищами бились с этой балкой, тащили её к заветной печке, конкурирующая группа увела пилу. «Цицернак, цицернак, ду гарнан сирун трчнак». Степан отказывается пить коньяк — предпочитает чай — и спрашивает у меня, можно ли купить в Америке электрический мотор для его самодельного катера. Я живу в Америке, но ничего не понимаю ни в катерах, ни в электромоторах. Степан уверен, что можно. Я не спорю.

Однажды он умудрился запалить в печке алюминиевые стружки. Балки хватило надолго, но зима длилась ещё дольше. Тогда они с друзьями отправились на заброшенную алюминиевую фабрику и вернулись с мешком, набитым стружками. Долго пытались разжечь их в печке, потом сообразили, что алюминий воспламеняется при температуре более высокой, чем температура горения дерева. К счастью, от дедушки-химика в доме хранился приличный запас химикатов, хоть бомбы начиняй. И вот Степан надел дедушкины жаростойкие очки и перчатки, зажёл палочку магния и кинул её в печку. И что вы думаете, — он добился-таки своего, алюминий запылал, а вслед за этим печка стала накаляться, и раскалилась до оранжевого, а потом белого цвета, и начала бешено стрелять наружу искрами... «Ты лети — и поскорей, к милой матери моей. Над окном у неё ты гнездо своё там свей».

Брат Степана Арсен курит на крыльце и беседует с моим братом. Арсен только что ушёл от жены и теперь живёт здесь, в Подмоскowie. Арсен — художник, дизайнер, а Степан — его менеджер, живут они от заказа к заказу. Степан предлагает представить картину: покрытый снегом Ереван спит под звёздным небом в своей долине в тени Арарата. В одночасье обрушилась плановая экономика неожиданно независимой Армении и погребла под собой всю промышленность. И вот люди, закутавшись в одеяла, лежат в своих кроватях и разглядывают Млечный путь, такой ясный теперь, когда не дымят больше трубы Ереванского электротехнического завода, Ереванского коньячного завода, Ереванской табачной фабрики, кондитерской и макаронной фабрик, обувного завода и алюминиевого завода. А в самом сердце этой первобытной тишины из дымохода, торчащего в окне третьего этажа обычного ничем не примечательного дома в центре города, валом валит белый дым. Сказка!

Алюминий отлично прочистил печку, она стала белая-белая изнутри. Больше ни с лёгкими, ни с тяжёлыми металлами Степан не экспериментировал, зато нашёл оригинальный способ сжигать деревянные опилки. В обычном состоянии опилки горят плохо, и добиться тепла от них невозможно. Он смешал их в ведре с небольшим количеством воды и клея ПВХ. Потом разобрал печку, сняв с неё верхнюю крышку, уложил вниз газеты, поставил в центр колено от трубы, залил сверху свою древесно-стружечную смесь и оставил так на несколько часов. Когда смесь застыла, он вытащил трубу, поджёг газеты, а те уже воспламенили опилки. Пошёл процесс коксования, образовался уголь, и на нём Степан замечательно варил прошлогоднюю картошку и подогревал воду, чтобы разводить сухое молоко для своей новорождённой дочки.

Маме не терпится срочно найти том Чехова, чтобы разобратсья в его отношении к героям — ирония ли это или всё-таки неистребимый идеализм? Папа тихонько напева-

ет «Цицернак». Друг Ваня баюкает на коленях гитару, стараясь подобрать замысловатую мелодию. Брат с Арсеном возвращаются в дом, они выглядят удивительно похожими, их лица дышат свежестью, на чёрных волосах блестят снежинки. За забором тревожно воеет соседский пёс. Сидящий с нами за столом двоюродный брат Лёва пишет эсэмэски своей подруге — она смотрит в соседней комнате футбол. Степан рассказывает о катере, который они строят с Арсеном, осталось только достать мотор. Я спрашиваю Степана, не хочет ли он ещё чаю, он, не прерывая повествования о своих делах, кивает и машинально кладёт кусок «Наполеона» прямо на обеденную тарелку с остатками макарон. «Я собирался эмигрировать в Америку в девяносто втором году, — говорит Степан. — Но у меня родилась дочь, и мне вдруг показалось, что тут, после распада Союза, её ждёт какое-то необычайно прекрасное будущее». Теперь Степан уверен, что Америка — настоящая Мекка для предпринимателей. Я живу в Америке, но ничего не понимаю в предпринимательстве, и мне нечего ему ответить. «Слышен выстрел из соседней комнаты. Все вскакивают», — это мама читает из книги.

«Тьфу, на тебя!» — тётя шумно встаёт из-за стола и, больше не глядя в мою сторону, начинает собирать обеденные тарелки. Макароны соскальзывают на йогуртовый торт, в чайную посуду, на коньячную бутылку. Двоюродный брат вилкой аккуратно подхватывает и свивает макароны с горлышка бутылки, доликает свой и Ванин стаканы, и они оба пьют «За Америку!» Степан прихлёбывает чай и говорит с дерзкой усмешкой, от которой у меня замирает сердце: «Я сидел в Ереване без электричества, тепла и воды, и я решил, что Москва ближе. Арсен был уже в Москве, ну и я поехал в Москву. И что теперь? Теперь у нас есть новый катер, правда пока без мотора».

(Ольга Гронец. Хлоп-страна, М., 2017)

Место и время

ФЕВРАЛЬ
25
понедельник

Как известно, советские лагеря — не лучшее место для творчества, особенно если писатель, водворённый туда, шесть (а иногда и семь) дней в неделю по многу часов толкает вагонетку с опилками, перетаскивает брёвна, стоит на конвейере, а свободное для сочинительства время проводит в бараке вместе с сотнями лагерных обитателей. Кроме того, начальство никак не поощряет порочную склонность к писательству у тех, кто уже получил за неё то или иное количество лет заключения. Единственная узаконенная в лагере форма сочинительства (не считая прошений и доносов) — это письма к ближайшим родственникам. Синявского эта форма устраивала.

Регулярно два раза в месяц из Мордовии на имя его жены Марии Васильевны приходили объёмные, по 15–20 написанных убористым почерком страниц, письма (власти ограничились количеством писем заключённых, но пока не догадались лимитировать их объём). Очевидно, лагерные цензоры радовались: до чего благоразумным оказался этот политический преступник — ни тебе поношений лагерной кормёжки, ни жалоб на тяжёлую работу и грубость начальства — только какая-то заушь о материях, никакого интереса для цензуры не представляющих. Это были мысли о литературе: о Свифте, Мандельштаме, Шекспире, Ахматовой, об искусстве, о творчестве, вере, культуре, природе... Потом, на протяжении нескольких месяцев, письма были заполнены мыслями о Пушкине. За ним последовал Гоголь. Всё это перемежалось записями перлов лагерного фольклора, народных речевых оборотов, характеристиками местных персонажей. Два письма в месяц. Двадцать четыре в год. Свыше полутора тысяч страниц за пять с половиной лет. Из этих писем и рождались новые произведения Абрама Терца. Это его «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя» и «Голос из хора» — как мне представляется, самое глубокое и значительное произведение Синявского-Терца.

Трудно определить жанр этого произведения, в котором дневник, исповедь, автобиография, литературное эссе и философский трактат составляют как бы грани или пласты его сложной структуры. <...>

Многоголосому лагерному Хору предоставлено в книге право прямой речи, и он обращается к читателю наравне с Голосом — непосредственно и от своего имени. И на протяжении всего текста эти два речевых потока сходятся и расходятся, ведут постоянный внутренний диалог, вступают друг с другом в различные качественные и количественные отношения, составляя вместе сложную структуру произведения. <...>

Творчество, писательство, «изготовление» — всё это было интенсивно пережито и эмоционально осмыслено Синявским не как умозрительная идея, а как собственная судьба ещё во время следствия и судебного процесса, хотя бы потому, что от поворота этой «темы» зависел критический зигзаг в его настоящей жизни. В дальнейшем писателю была предоставлена возможность размышлять над ней в течение долгих лет лагерного существования. <...>

Отношение Голоса к Хору на протяжении первых главлет книги определяется интонацией интереса и любопытства, которыми окрашено повествование. Звучит Голос, рассуждающий, повествующий, размышляющий о тысяче разнообразных вещей, и прямая авторская речь перебивается Хором многоголосым шумом лагеря. Голос, например, касается проблем пола, смерти, веры, свободы, а Хор как бы подхватывает эти мысли, соглашаясь или споря, переделывая их по-своему в десятках жестоких, трагических или забавных историй; Голос рассуждает о смысловой многогранности слова в поэтическом тексте, а Хор тут же — в жаргонных оборотах или блатных песнях трансформирует слово в соответствии с собственной натурой, заставляя его сверкать новыми гранями смыслов... <...>

«Голос из хора» не ведёт читателя проторенной дорогой сюжета к уютному обиталищу вывода, идеи, заключения.

Она растекается по множеству тропинок в безмерном лесу жизни, и в конце каждой из них — избушка на курьих ножках, в которой обитают тайна, загадка, вопрос, часто заставляющие нас почтительно снять головной убор и застыть в немом удивлении перед непостижимостью, казалось бы, давно известных и понятных вещей. Пробираясь по этим тропинкам, мы ощущаем само дыхание жизни, запах её пространств, её могучее течение и неуловимые вибрации, что и составляет смысл книги, её «идею», её аромат. «...Книжка, которая ходит взад и вперёд, наступает и отступает...»

(Игорь Голомшток.

Послесловие к книге Андрея Синявского

«Голос из хора», 1973)

→ 27 октября/2017: Дандарон

ФЕВРАЛЬ

26

вторник

Дом Хундертвассера в Вене

ФЕВРАЛЬ

27

среда

Жили-были три китайца:

Як,

Як-Цидрак,

Як-Цидрак-Цидрак-Цидрони.

Жили-были три китайки:
Ципи,
Ципи-Липи,
Ципи-Липи-Липи-Полпони.

Поженились:
Як на Ципи,
Як-Цидрак на Ципи-Липи,
Як-Цидрак-Цидрак-Цидрони
на Ципи-Липи-Липи-Полпони.

Вот родились у них дети:
У Яка с Ципи — Шах,
У Як-Цидрака с Ципи-Липи — Шах-Шарах.
У Як-Цидрак-Цидрак-Цидрони
с Ципи-Липи-Липи-Полпони —
Шах-Шарах-Шарах-Шарони.

(Детская скороговорка 50-х годов)

Нина и Владимир, родители, 1946

МАРТ

МАРТ

1

пятница

В лунном сиянии снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь —
Колокольчик звенит,
Этот звон, этот звук
Много мне говорит.

В лунном сиянии ранней весной
Помнишь ли встречи, друг мой, с тобою.
Колокольчиком твой голос юный звенел,
Этот звон, этот звук
О любви сладко пел.

Вспомнился зал мне с шумной толпою,
Личико милой с белой фатою.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь —
Звон бокалов шумит,
С молодою женой
Мой соперник стоит.

В лунном сиянии снег серебрится,
Вдоль по дороге троечка мчится.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь —
Колокольчик звенит,
Этот звон, этот звук
Много мне говорит.

(Евгений Юрьев, начало 1900-х)

**Musik für Saiteninstrumente,
Schlagzeug und Celesta (in 4 Sätzen)**
**Musique pour instruments à cordes,
percussion et célesta (en 4 parties)**

1

I.

Béla Bartók

Andante tranquillo, ♩ ca. 100-102

1. 2. Violine *con sord.* *pp*

3. 4. Violine *con sord.* *pp*

1. 2. Viola *con sord.* *pp*

3. 4. Viola *con sord.* *pp*

1. 2. Violoncello *con sord.* *pp*

3. 4. Violoncello *con sord.* *pp*

1. 2. Violoncello *con sord.* *pp*

3. 4. Violoncello *con sord.* *pp*

1. 2. Violoncello *con sord.* *pp*

3. 4. Violoncello *con sord.* *pp*

Copyright 1937 by Universal Edition.
Copyright assigned 1939 to Boosey & Hawkes, Ltd.,
for the British Empire, North, Central and South America.

B. & H. 14158

Бела Барток

Души

День дробится, добротню души,
Добрый дождливый деспот.
Добрый дяденька держит душу,
Думу думает, дескать.

Дрянъ делишки. Досужий дядя
Доберётся до дна души.
Длинный день для дороги даден:
Драпай, друг дорогой, дыши.

МАРТ

2

суббота

МАРТ

3

воскресенье

Думу думай дорогой длинной,
Даль душе доброту дала.
Для дубовой души — дубина,
Для других, дорогих — дела.

Добрый дяденька долгом душит,
Долгом дяденька дорожит.
Дремлют души, дуреют души,
День дробится, дрожмя дрожит.

(Евгений Феоктистов.

Азбука молчания)

→ 12 ноября: Азбука молчания, 3

МАРТ

4

понедельник

Двадцатисемилетний Арто посылает несколько стихотворений в журнал. Издатель вежливо их отвергает. Арто пытается тогда объяснить, почему он дорожит этими ущербными стихами: дело в том, что он страдает такой покинутостью мысли, что не может пренебрегать формами, даже недостаточными, отвоёванными у этого центрального небытия. Чего же стоят добытые так стихи? Следует обмен посланиями, и Жак Ривьер, издатель журнала, вдруг предлагает ему опубликовать письма, написанные по поводу этих неопубликованных стихов (но на этот раз частично допущенных к печати в качестве примеров и свидетельств). Арто соглашается на том условии, что факты ни в чём не будут фальсифицированы. Это прославленная переписка с Жаком Ривьером, событие огромной значимости.

Отдавал ли себе отчёт Жак Ривьер в аномалии происходящего? Стихи, которые он признал несостоятельными и недостойными опубликования, перестают быть таковыми, как только они дополняются рассказом об опыте их несостоятельности. Словно то, чего им не хватало, их дефект, изъян становится изобилием и завершённой благодаря открытому выражению этой нехватки и углубле-

нию его необходимости. Более, чем самим произведением, интересуется Жак Ривьер, конечно, его опытом, движением, к нему приведшим, тем безымянным и тёмным следом, который оно неловко представляет. Более того, неудача, которая, однако, не столь привлекает его, как привлечёт впоследствии и тех, кто пишет, и тех, кто читает, становится осязаемым знаком центрального духовного события, на которое объяснения Арто бросают удивительный свет. Мы, таким образом, находимся на подступах к явлению, с которым, кажется, связаны литература и даже искусство: уж не стихотворение ли это, «сюжет» которого, подразумеваемый или явный, есть его собственное осуществление в качестве стихотворения, и не является ли движение, из коего произведение происходит, тем самым, для чего это произведение подчас осуществляется, чему подчас приносится в жертву.

(Морис Бланшо. Арто, 1956)

У <Николая> Гумилёва была теория, согласно которой у каждого человека есть свой истинный возраст, независимо от паспортного и неизменяющийся с годами. Про себя Гумилёв говорил, что ему «вечно тринадцать лет». «А Мишеньке (т. е. Кузмину) — три!» «Я помню, — рассказывал Гумилёв, — как вдумчиво и серьёзно рассуждал Кузмин с моими тётками про малиновое варенье. Большие мальчики, а тем более взрослые, так уже не могут разговаривать о сладком — с такой непосредственностью и всепоглощающим увлечением». В самом деле, в стареющем, поразительно умном и необыкновенно образованном Кузмине иногда проскальзывали черты детского чистосердечия, ясности и непосредственности, свойственной разве что трёхлетнему ребёнку.

*(Всеволод Петров.
Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине)*

МАРТ

6

среда

Охота на страусов, Южная Африка

Бобок

МАРТ

7

четверг

— Довольно! — порешил Клиневич, — я вижу, что материал превосходный. Мы здесь немедленно устроимся к лучшему. Главное, чтобы весело провести остальное время; но какое время? Эй, вы, чиновник какой-то, Лебезятников, что ли, я слышал, что вас так звали!

— Лебезятников, надворный советик, Семён Евсеич, к вашим услугам и очень-очень-очень рад.

— Наплевать, что вы рады, а только вы, кажется, здесь всё знаете. Скажите, во-первых (я ещё со вчерашнего дня удивляюсь), каким это образом мы здесь говорим? Ведь мы умерли, а между тем говорим; как будто и движемся, а между тем и не говорим и не движемся? Что за фокусы?

— Это, если б вы пожелали, барон, мог бы вам лучше меня Платон Николаевич объяснить.

— Какой такой Платон Николаевич? Не мямлите, к делу.

— Платон Николаевич, наш доморощенный здешний философ, естественник и магистр. Он несколько философских книжек пустил, но вот три месяца и совсем засыпает,

так что уже здесь его невозможно теперь раскатать. Раз в неделю бормочет по несколько слов, не идущих к делу.

— К делу, к делу!..

— Он объясняет всё это самым простым фактом, именно тем, что наверху, когда ещё мы жили, то считали ошибочно тамошнюю смерть за смерть. Тело здесь ещё раз как будто оживает, остатки жизни сосредоточиваются, но только в сознании. Это — не умею вам выразить — продолжается жизнь как бы по инерции. Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается ещё месяца два или три... иногда даже полгода... Есть, например, здесь один такой, который почти совсем разложился, но раз недель в шесть он всё ещё вдруг пробормочет одно словцо, конечно бессмысленное, про какой-то бобок: «Бобок, бобок», — но и в нём, значит, жизнь всё ещё теплится незаметною искрой...

— Довольно глупо. Ну а как же вот я не имею обоняния, а слышу вонь?

— Это... хе-хе... Ну уж тут наш философ пустился в туман. Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная — хе-хе! Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать, последнее милосердие... Только мне кажется, барон, всё это уже мистический бред, весьма извинительный в его положении...

— Довольно, и далее, я уверен, всё вздор. Главное, два или три месяца жизни и в конце концов — бобок. Я предлагаю всем провести эти два месяца как можно приятнее и для того всем устроиться на иных основаниях. Господа! я предлагаю ничего не стыдиться!

— Ах, давайте, давайте ничего не стыдиться! — слышались многие голоса, и, странно, слышались даже совсем новые голоса, значит, тем временем вновь проснувшихся. С особенною готовностью прогремел басом своё согласие совсем уже очнувшийся инженер. Девочка Катись радостно захихикала.

— Ах, как я хочу ничего не стыдиться! — с восторгом воскликнула Авдотья Игнатъевна.

— Слышите, уж коли Авдотья Игнатъевна хочет ничего не стыдиться...

— Нет-нет-нет, Клиневич, я стыдилась, я всё-таки там стыдилась, а здесь я ужасно, ужасно хочу ничего не стыдиться!

— Я понимаю, Клиневич, — пробасил инженер, — что вы предлагаете устроить здешнюю, так сказать, жизнь на новых и уже разумных началах.

— Ну, это мне наплевать! На этот счёт подождём Кудярова, вчера принесли. Проснётся и вам всё объяснит. Это такое лицо, такое великанское лицо! Завтра, кажется, притащат ещё одного естественника, одного офицера наверно и, если не ошибаюсь, дня через три-четыре одного фельетониста, и, кажется, вместе с редактором. Впрочем, чёрт с ними, но только нас соберётся своя кучка и у нас всё само собою устроится. Но пока я хочу, чтоб не лгать. Я только этого и хочу, потому что это главное. На земле жить и не лгать невозможно, ибо жизнь и ложь синонимы; ну а здесь мы для смеху будем не лгать. Чёрт возьми, ведь значит же что-нибудь могила! Мы все будем вслух рассказывать наши истории и уже ничего не стыдиться. Я прежде всех про себя расскажу. Я, знаете, из плотоядных. Всё это там вверху было связано гнилыми верёвками. Долой верёвки, и проживём эти два месяца в самой бесстыдной правде! Заголимся и обнажимся!

— Обнажимся, обнажимся! — закричали во все голоса.

(Фёдор Достоевский. Бобок, 1873)

→ 11 ноября: Сон смешного человека

Если попытаться предварительно и, так сказать, эскизно определить тот процесс, который сейчас <начало 1930-х годов> совершается в России, то можно сказать приблизительно следующее.

Процесс идёт чрезвычайно противоречивый и сложный. Властью создан аппарат принуждения такой мощности, какого история ещё не видала. Этому принуждению противостоит сопротивление почти такой же мощности. Две чудовищные силы сцепились друг с другом в обхватку, в беспрецедентную по своей напряжённости и трагичности борьбу. Власть задыхается от непосильности задач; страна задыхается от непосильности гнёта.

Власть ставит своей целью мировую революцию. Ввиду того, что надежды на близкое достижение этой цели рухнули, страна должна быть превращена в моральный, политический и военный плацдарм, который сохранил бы до удобного момента революционные кадры, революционный опыт и революционную армию.

Люди же, составляющие эту «страну», становиться на службу мировой революции не хотят и не хотят отдавать своего достоинства и своих жизней. Власть сильнее «людей», но «людей» больше. Водораздел между властью и «людьми» проведён с такой резкостью, с какой это обычно бывает только в эпохи иноземного завоевания. Борьба принимает формы средневековой жестокости.

Ни на Невском, ни на Кузнецком мосту ни этой борьбы, ни этих жестокостей не видеть. Здесь — территория, уже прочно завоёванная властью. Борьба идёт на фабриках и заводах, в степях Украины и Средней Азии, в горах Кавказа, в лесах Сибири и Севера. Она стала гораздо более жестокой, чем она была даже в годы военного коммунизма — отсюда чудовищные цифры «лагерного населения» и не прекращающееся голодное вымирание страны.

Но на завоёванных территориях столиц, крупнейших промышленных центров, железнодорожных магистралей достигнут относительный внешний порядок: «враг» или вытеснен, или уничтожен. Террор в городах, резонирующий по всему миру, стал не нужен и даже вреден. Он перешёл в низы, в массы, от буржуазии и интелли-

генции — к рабочим и крестьянам, от кабинетов — к сохе и станку. И для постороннего наблюдателя он стал почти незаметен.

(Иван Солоневич. Россия в концлагере)

→ 6 мая: Солоневич, 2

МАРТ

9

суббота

Когда св. Людовика Гонзаго, римского семинариста, игравшего в мяч со своими товарищами, спросили, что он стал бы делать, если бы стало известно, что конец мира наступит сейчас, немедленно, он ответил: «Я продолжал бы играть в мяч». Людовик скончался 23 лет, ухаживая за чумными больными, и ответ мальчика остался выражением самого зрелого социального опыта христианства.

(Г. П. Федотов. Эсхатология и культура // Новый Град, № 13, 1938)

Париж, 10 марта 1943

МАРТ

10

воскресенье

Вечером у Баумгарта на улице Пьер-Шаррон за нашей обычной шахматной партией. Эта игра знакомит если не с абсолютным, то со специфическим превосходством духа, некоей разновидностью логического принуждения и глухой реакцией того, кто это принуждение познал. Это даёт нам представление о страдании тупиц.

На обратном пути я, по своей привычке, безоглядно ринулся сквозь тьму и больно ударился об одну из решёток, стоявших для предупреждения диверсий перед служебными зданиями. Пока такое случается с нами, мы никогда не образуемся; подобные травмы проистекают изнутри. Вещи, способные причинять такой вред, устремляются к нам как бы из недр нашей рефлексии.

12 марта 1943

Чтение: «Contes Magiques» Пу Сунлина. Там есть чудная иллюстрация: литератор, вынужденный колоть дрова в каком-то дальнем лесу, доходит до того, что на ладонях и ступнях у него появляются «пузыри, похожие на коконы шелковичных червей».

В одном из этих рассказов обнаруживают средство, помогающее распознать колдунью. Существо, в чьих человеческих качествах сомневаются, ставят на солнце и смотрят, нет ли изъяна в его тени.

Насколько это важно, тут же узнаёшь по исключительно злой шутке, которую одна из этих волшебниц сыграла с одним молодым китайцем. Ей удаётся обольстить его в саду, он заключает её в объятия, но тут же с ужасающим криком падает на землю. Выясняется, что он обнял большое полено с проделанной в нём дыркой, где притаился скорпион со своим жалом.

14 марта 1943

Когда рухнут все здания, останется язык — волшебный замок с зубцами и башнями, древними сводами и ходами, исследовать которые до конца не дано никому. Долго ещё будут блуждать по его шахтам, заброшенным штольням и карьерам, — пока не исчезнут из этого мира.

Закончил «Contes Magiques». В этой книге меня восхитила фраза: «Здесь, в мире сём, только люди высокого духа способны на большую любовь, ибо только они не расточают идею на внешние соблазны».

Муассон, 21 марта 1943

Я живу у старого священника по имени Ле Заир, который всю жизнь провёл иезуитом в Китае, строя там христианские церкви, а остаток дней посвятил этому постылому, расположенному на скудной земле приходу. Его взгляд по-детски кроток, хотя один глаз и незрячий. Я завёл с ним

разговор о ландшафтах, услышав от него, что ездить далеко не стоит, ибо формы везде одинаковы — в основе их лежит всего несколько образцов.

Это суждение отшельника, который любит жизнь по ту сторону призмы и, очевидно, считает, что глядеть на спектр не стоит, потому что вся его полоса уже содержится в солнечном свете. Тут, однако, следует возразить: вместе с радугой человеческий глаз в качестве редкостного дара получает и способность различать цвета.

Беседа напомнила мне одно из моих прежних сомнений: не теряем ли мы, отступая в единство, способность наслаждения, которое нам может предоставить только время и только разнообразие, и не в том ли кроется основа нашего существования, что самому Богу потребна индивидуация. Наблюдая за насекомыми и морскими животными и за всей небывальщиной потока жизни, я постоянно испытывал это чувство. Мысль о том, что однажды со всем этим придётся расстаться, причиняет мне глубокую боль.

23 марта 1943

Новые здешние удовольствия: вид цветущего персика, пробуждающегося от зимнего сна, — он словно бабочка, выползающая из тёмной куколки и расправляющая свои крылья. Сухая земля полей и серые стены домов воодушевляются этим новым блеском; лёгкая цветная вуаль оживляет их. Розовый цветок при этом скромнее, чем белый, но выглядит более пышным на фоне голой ветки. Поэтому и на душу действует гораздо сильнее. Нежный занавес, которым год начинает свою волшебную пьесу.

Также утренний огонь в камине. Вечером в холодной комнате я сооружаю пирамиду из сухих прутьев и дубовых чурок, которую зажигаю утром за полчаса до подъёма. Вид открытого огня, излучающего тепло и свет, оживляет и делает радостным начало дня.

26 марта 1943

До полудня полевая служба на сухой пустоши, покрытой беловато-серыми и зелёными сплетениями корней и поросшей кое-где берёзами и соснами. Двигаясь по спирали, мы снова обращаемся к прожитым вещам, преодолевая их, и если они не вовсе лишены значения, то становятся материалом для высшего триумфа. Так вышло и у меня с обеими мировыми войнами — первой и второй. В час смерти вся жизнь проходит перед нами, в этот час случай освящается необходимостью. Его запечатлят высшей печатью, после того как воск расплавится страданием.

На этой пустоши с её сосновыми рожицами было уже довольно жарко. В полуденном солнце я увидел некое создание, порхнувшее мимо меня и показавшееся незнакомым: это было существо, вздымавшее прозрачные крылья розовато-опалового оттенка и тянувшее за собой два длинных, красиво изогнутых рога, напоминавших хвосты или шлейфы. Я тут же узнал в нём самца жука-дровосека, которого впервые увидел в полёте. В таком молниеносном прозрении кроется великая радость, мы прозреваем тайные истоки природы. Живое существо является нам в своей истинной сущности, в своих волшебных танцах и в той оправе, какой его снабдила природа. Это одно из высших наслаждений, доставляемых нам сознанием: мы проникаем в глубь жизненной грёзы и живём в ней жизнью тварей. Словно на нас падает искорка, отброшенная непосредственной, неосознанной радостью, которая их наполняет.

Париж, 27 марта 1943

Вечером отъезд в Париж, но до полудня успел ещё, сидя у камина, кое-что записать в дневник. Уже в «Рафаэле» <гостиница> обнаружил кипу поздравлений с днём рождения; сначала прочёл письма знакомых и клиентов, потом друзей и, наконец, родных, прежде всего Перпетуи <Грета, жена> и Фридриха Георга <младший брат>.

Перпетуя пересказывает мне сны. Вот она забросила сеть, чтобы поймать рыбу, но вместо неё с трудом вытащила из воды якорь и прочитала вырезанные на нём слова: «Персидский диван, 12.4.98. Рембо своим последним друзьям». Соскоблив ржавчину, она увидела, что якорь сделан из чистого золота.

Ранг, которым обладают наши родные, мы можем присвоить и себе. Здесь даёт себя знать укоренённость на хорошей почве, в нужном месте. То же самое подтверждает и неверность учеников, друзей, возлюбленных по отношению к нам. Ещё в большей степени — их самоубийство: оно свидетельствует о непрочной основе.

29 марта, 1943 <день рождения Юнгера>

У нас есть два способа продолжения рода — почкование и совокупление. Во втором случае нас производит отец, в первом — мы исходим только от матери и остаёмся как бы вечнозелёными. В этом смысле у всего человечества единый день рождения и единый день смерти.

Мистерия, впрочем, наделена и патернитарным полюсом, поскольку в каждом зачатии скрывается духовный акт, и в своей чистейшей возвышенности это обстоятельство выявляется при зачатии абсолютного человека. Так, понятие «человек», как в отношении мужской, так и женской половины своего генезиса, соответствует крайней возможности.

Собственно, двойной генезис человека просматривается и в символах. Их можно разделить на такие, в коих выявлен генезис материальный, и такие, где превалирует генезис духовный: человек выступает как лилия, как горчичное или пшеничное зерно; он выступает и как наследующий небеса, и как Сын Человеческий.

В девять часов из Харькова позвонил Шпейдель и первым, через необозримое пространство, пожелал мне сча-

ствя. День прошёл весело и приятно. Вечером с Геллером и Валентинером у Флоранс, знакомству с которой сегодня исполняется год. Мы продолжили с ней разговор о смерти, который вели тогда.

(Эрнст Юнгер. Излучения)

В самом центре Москвы, на пересечении Тверского бульвара и улицы Горького разместился мемориальный музей-квартира пианиста, композитора и музыкального деятеля, профессора Московской консерватории Александра Борисовича Гольденвейзера.

Своеобразие музея заключается в том, что он создавался при непосредственном участии самого А. Б., который в 1955 году передал в дар государству весь свой архив, книжную и нотную библиотеки, различные мемориальные ценности, являющиеся для него свидетельствами пережитых художественных впечатлений и общения со многими замечательными людьми... И если стены этого дома не могли видеть многих друзей, выдающихся современников А. Б. (здание было построено в конце 1939 года), то мебель, фотографии, книги помнят С. И. Танеева, А. С. Аренского, клавиши рояля хранят прикосновение пальцев С. В. Рахманинова, Н. К. Метнера, А. Н. Скрябина.

Поначалу музей представлял собой жилую квартиру без специальной экспозиции. В 1959 году к ней была присоединена соседняя двухкомнатная квартира (ранее в ней жил писатель Л. А. Кассиль), и после необходимого переустройства музей принял современный вид. <...>

Особое место в музее занимает так называемый «толстовский уголок». В январе 1896 года только что окончивший консерваторию двадцатилетний Александр Гольденвейзер был приглашён в дом Л. Н. Толстого как пианист и с тех пор до последнего дня жизни великого писателя был одним из частых гостей в семье Толстых...

(Музей-квартира А. Б. Гольденвейзера, М., 1989)

МАРТ

12

вторник

13 *Sana, sana • Sana, Sana*

This rhyme has magical healing power. Gently rub your fingers over a cut, bruise, or other injury in a circular motion, reciting the rhyme several times. The injured person will quickly feel better. "Sana, sana" means "heal, heal." This version comes from Ecuador. Use the rhythm below when reciting "Sana, sana."

Sa-na, sa-na co-li-ta de na-na, si no sanas hoy sanarás mañana.

Sana, sana
frog tail it is sorrow.
If I rub today
you'll be healed tomorrow.

14 *Un ratoncito • A Little Mouse*

This is a traditional rhyme. Walk your forefinger and middle finger over your opposite arm—or someone else's arm—from hand to elbow. This is un ratoncito, "a little mouse." Clap once before you say the last line.

Un ratoncito
iba por un arado
y este cucurucito
ya se ha volado.

A little mouse ran
to water in a pond
and this little story
is now long gone.

Sana, sana colita de rana

Повелительное наклонение

МАРТ

13

среда

В русском языке у глагола разные наклонения: изъявительное/описательное, повелительное/командное и сослагательное/мечтательное. Если предположить, что среди однокоренных слов те, что короче, — древнее, как нередко и бывает, то из трёх наклонений самое древнее — *сослагательное*, а это позволяет видеть в языке (по крайней мере, в его глаголах) командную систему, развитие и расширение *требований* человека, его «волю к власти» (— Дай!

Я хочу! Я не хочу!), особенно приметную у младенца, речь которого сводится к требованию пищи и комфорта, но не оставляющую и взрослого, вплоть до запретительных культурных парадигм, военных команд, категорического императива Канта, безумий Ницше и диктата рекламы (— Купи меня!). Усилия искусства и религии, особенно буддизма и христианства, обычно направлены на пресечение повелительного наклонения (у отдельного человека) в пользу двух остальных, а то и — в радикальном изводе — к отказу от всех трёх (нирвана, молчание).

Леонид Лерман, Учёный

Звезда пленительного счастья

МАРТ

15

ПЯТНИЦА

2 (15) марта 1917 года в одночасье исполнилась вековая мечта русского общества. Вещие слова «Взойдёт она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена» сбылись с абсолютной точностью. Как заметил поэт более поздней эпохи, «не изнемог в бою орёл двуглавый, а жалко, унизительно издох». Спустя семьдесят лет после восхождения звезды пленительного счастья наблюдается удивительный эффект: про столь важное историческое событие никому не хочется говорить. Февраль Семнадцатого, определивший историю XX века, как был, так и остаётся обойдённым в историческом сознании русского общества. Этот феномен, так поразивший Солженицына ещё в старые советские годы — о нём он писал, например, в 1984 году в статье «Наши плюралисты» — нимало не исчез в годы постсоветские, когда ни о какой недоступности исторических сведений, а равно о несвободе слова, говорить уже невозможно.

Есть, конечно, общеизвиняющие обстоятельства. «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», и к тому же не где-нибудь, а в советских учебных заведениях. Советская же историография базировалась на «Кратком курсе» и абсолютно телеологической концепции истории, приписывающей Ленину целеустремленно-многодесятилетнюю подготовку величайшего события мировой истории — октябрьского переворота. Февральская революция, о которой Ленин узнал из швейцарских газет, в реальность которой не сразу поверил (первая реакция — «если не врут немцы») и к осуществлению которой большевики никаким боком не имели отношения, никак не стыковалась с телеологическим мифом о Ленине, а потому советская историография буркала про Февраль два слова, тут же переходя к сюжетам неизмеримо более интересным — вроде являвшихся кошмаром для многих студенческих по-

колений косноязычных «Апрельских тезисов». Вдолбленное в молодые годы так в голове и осталось.

Но в куда большей степени отсутствие интереса к данной теме объясняется не крайним незнанием предмета, но напротив, некоторым его знанием. Тема Февраля для всех неудобна, потому что всех уж очень непосредственно касается. Коммунистам в высшей степени некстати признать, что роль их в Великой Октябрьской социалистической революции заключалась по преимуществу в том, чтобы поднять власть, валяющуюся на земле — всю подготовительную работу, необходимую для передачи власти над великой страной кучке фанатиков и уголовников, проделала та самая прогрессивная общественность, которой в качестве благодарности от большевиков и достался первый кнут. Признать эту грубую истину — значит прозрачно указать нынешней прогрессивной общественности и на её нынешнюю роль, как и восемьдесят лет назад заключающуюся в подготовке к восходу звезды пленительного счастья, и на её грядущую судьбу, которая также может не сильно отличаться от судьбы кадетов, социалистов и всех прочих, так дружно и успешно свергнувших некогда ярмо самодержавья.

Прогрессивной общественности упоминание о Феврале будет ещё горше. После многолетних разговоров о неопишемом убожестве царской администрации и о том, как всё замечательно преобразится, когда ей на смену придёт ответственное правительство, составленное из наиболее выдающихся общественных деятелей, это самое правительство, составленное из действительно выдающихся представителей прогрессивной общественности (Милюков, Шингарёв, Кокошкин, Набоков, Керенский), сумело в немыслимо краткие сроки разгрохать какие бы то ни было основы государственной жизни. Назначенные царём губернаторы были смещены — без назначения новых. Как пояснял первый председатель Временного правительства, кн. Львов, революционный гений масс на местах лучше спра-

вится с задачей самоуправления. Царская полиция была упразднена, равно как и воинская дисциплина в действующей армии. Смертная казнь за воинские преступления (дезертирство, мародёрство, открытое неповиновение приказу) была упразднена повсеместно, не выключая и прифронтовой полосы. Те неприятности с финансами, железнодорожным транспортом и хлебным снабжением, за которые было так хорошо обличать бездарный царский режим, показались детской шуткой по сравнению с молниеносным обвалом, происшедшим при ответственном правительстве.

«Потруднее сбыть „керенки“, чем Керенского самогo», — писал Игорь Северянин.

Потрясая современников и потрясающая потомков административная бездарность «правительства общественных деятелей» объясняется не только тем, что Бог не дал таланта, а жизнь — практического опыта. Хотя во всяком случае стоило бы призадуматься, накаляя неистовое обличение царского режима, во что обойдётся стране в разгар мировой войны революционная смена государственного строя, и стоит ли при таком опыте и талантах затевать столь смелое предприятие.

Но была ещё одна причина. Прогрессивные правители изначально исходили из того, что если бремя власти потребует от них неприятных мер (а для победы в войне и прекращения революционного хаоса одних приятных мер не всегда бывает достаточно), — то пусть лучше погибнет Россия, но от меня революционный народ не дожждётся ни единой неприятности. Кн. Львов объяснял свою отставку так: «Для того чтобы спасти положение, надо было бы разогнать Советы и стрелять в народ. Я не мог этого сделать». Его преемник Керенский называл себя «заложником революции» — в том смысле, что он обязан творить не свою волю, но волю пленившего его революционного народа, что бы тот народ ни вытворял: «Никогда я не употреблю силы, чтобы навязать своё мнение! Когда страна

хочет броситься в пропасть, тем, кто находится у власти, остается одно: уйти!». То, что употреблять при необходимости силу для поддержания государственного порядка есть не только право, но и обязанность власти, что в условиях мирового кризиса и перенапряжения всех сил страны власть не может, подобно червонцу, быть приятной всем, прогрессивным общественным деятелям в голову не приходило. Домогаясь власти, о такой мелочи они просто не думали.

При искренней убежденности в своём несомненном праве, заварив чрезмерно крутую кашу, с торжественным видом уйти в сторону и умыть руки — каких ещё результатов можно было ждать?

(Максим Соколов. Материализация послания к Чаадаеву // Коммерсантъ, № 31, 1997)

Вечный Берг, или Убить пересмешника (опыт сравнительно-террористического анализа в четырёх частях)

ЧАСТЬ I

Лес, по уши занесённый снегом. Толстые деревья, жуть, хлад. Со всем полночь. А вот изба из брёвен, страшная, без окон. Наверное, притон разбойников. Так и есть: идут злодеи по снегу, напряжённо скрипят, несут в мешке писателя Берга.

Остановились перед дверью. Из трубы ещё ничем не тянет, но вот-вот запахнет горелой человечинной. Ай-ай-ай! Как бы помешать беззаконию.

Зашли. Внутри не лучше, кто-то невидимый чиркает спичкой. Свет. Стол, бутылки, вертеп. На стенах полуголые барышни, в углу — лыжи. А где действующие лица? Ах, вот они, сгрудились. Стряхивают снег, ругаются по-матерному. Один присел, обдирает бересту. Хорошо, что не кожу. Раздеваются постепенно, но не

совсем. Заросшие, в тельняшках, у кого повязка на глазу, у кого рука на перевязи. Затянулась что-то наша ремарка, словно Великий пост. Пора переходить к диалогам. Переходят.

БРУЕВИЧ (*один из авторов*). Ну и холодрыга сегодня, мать твою тпру!

БОНЧ (*второй автор, хрипло*). Брррррррр... Брррррррр... увеч... Растопка, гля-кукушка, из рук валится.

БРУЕВИЧ (*откидывая очки на сторону*). Ишь, сучьи лапы, запотели, ни хребта не видно.

ОСЬМЁРКИН (*просительно*). Паханы, давайте без непечатного. Нас ведь читатель читает. Подумает что нехорошее.

БРУЕВИЧ (*ловко сплёвывает на пол*). Подлец твой читатель и осёл, дрон ему в ухо! Так и передай.

БОНЧ (*озирается, суёт руку в карман*). Где, японский городской, твой читатель?

Осьмёркин объясняет, что читатель далеко. И начальство далеко, это он говорил символически. Все успокаиваются. А сколько их? Неясно. Присаживаются на корточки, пытаются растопить печь. Дым, пока без огня.

БРУЕВИЧ. Осьмёркин, вьюшку открой.

Тот делает, что велено. Бруевич колет лучину, Бонч ищет растопку. Вынимает из вещмешка роман Берга «Вечный жид». Неужели, вандал, жечь будет? Так и есть!

БОНЧ. Вместо растопки сойдёт.

Мешок у стены шевелится, стонет. Не согласен. Ещё не понятно, кто там — зверь или человек.

ОСЬМЁРКИН. Это ж судебный документ. Вещественное доказательство.

БРУЕВИЧ. Хрен с ним, жги. Не замерзать же.

Бонч вырывает страницу за страницей, комкает, швыряет в печь. Пробегаёт один листок глазами, болезненно морщится.

БОНЧ. А говорили, бумаги не горят. Тоже мне умники.
БРУЕВИЧ. Горят, если подход знать.

Осьмёркин присоединяется, комкает, жжёт. Мерзкое ауто-да-фе. Мешок шевелится, вздыхает. Жалко роман-то. За стеной свист. Кажется, Драгомыслов свистит, его голос. Верно. Дверь распахивается, вваливаются ещё несколько. Не лучше первых, зато с теннисной ракеткой.

ДРАГОМЫСЛОВ (стихами).

Просим общее собрание
Извинить за опоздание!

Вошедшие обнаруживают мешок.

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ. Он здесь?

Бонч утвердительно бьёт по мешку левым валенком. Потом снимает его с ноги и снова бьёт. Негромкий стон.

БОНЧ. Едва донесли. Тяжёлый, сука!
ОСЬМЁРКИН (неодобрительно). Договорились без выражений.

БОНЧ (согласно). Тяжёлый, шакал.

Повторяет вышеописанное с правым валенком. Сдавленный смех из мешка. Или стон?

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ. На шухере почему никого нет?
ОСЬМЁРКИН. Пойду постою, а вы, малыцы, начинайте.
После смените.

БОНЧ. Погоди, надо приговор проголосовать.

ОСЬМЁРКИН. Я, как все, за. Вышка, и все дела. Чего сусло разводить?

Одевает тулуп, затыкает за пояс топор и бутылку, выходит в стужу.

ДРАГОМЫСЛОВ. Толково излагает. Все согласны?

ВСЕ. Все.

НЕКОТОРЫЕ. А хрена тут судить-рядить? Вышка, и вся недолгая. Писатель, понимаешь, нашёлся!

БРУЕВИЧ. Приговор вынесли, теперь приступим к разбирательству. Только выпьем сперва.

Все согласны. Наливают, выпивают, наливают, выпивают. Хриплые тосты: «За дружбу!», «За вышку!», «За нашего Берга!»

БОНЧ (*негромко, так что его слышно только на сцене, читает оторванный лист*).

ВСЕ (*возмущены до предела*). Ну!

БОНЧ (*так же негромко читает дальше*).

ВСЕ (*возмущены сверх всякого предела*). Ну!!

Сердитые голоса. «Ишь до чего дописался!», «Порешить скорее, чего цацкаться!» Кто пинает мешок ногой, кто бьёт теннисной ракеткой, кто как.

БРУЕВИЧ. Приговор, значит, есть. Формулировки нет. Нет формулировки, за что и каким образом.

ВСЕ и НЕКОТОРЫЕ. За скабрёз. За оскорбление Его Императорского Величества. За атеизм. За надругательство.

ОСЬМЁРКИН (*голова в дверях*). За шовинизм.

Скрывается.

ВСЕ. Верно!

БРУЕВИЧ. За шовинизм, мать его в Сахаре, маха в Магадане. За расовые предрассудки.

ДРАГОМЫСЛОВ (*значительно*). За литературную покражу.

ВСЕ (*перебивая друг друга*). Во-во. За покражу. Правильно говорит. Всё сдирает, как есть. Булгакова ощипал. Фёдора Михайловича побелил. Сашу Соколова опростоволосил. Набокова не обошёл. Истинный шакал!

Долго кричат, задетые за очень живое.

ДРАГОМЫСЛОВ. Довольно, други. Доставай крамольника.

Горчаков-Горбунов развязывает мешок, в нём Берг. В джинсах, со склонностью к полноте, это от сидячей работы. Волосы всклокочены, лицо чисто выбрито, как у Наполеона, но с архивной прозеленью, во рту кляп-ляп-ляп.

БЕРГ (сквозь кляп). Ссы... ннх... ммм... те-те... те...
БРУЕВИЧ. Ишь разговорился!

Снимает со стены теннисную ракетку, бьёт Берга по голове. Тот падает, как клоун в цирке. А ведь здесь не цирк. Бруевич аккуратно вешает ракетку на место.

БОНЧ. Скажи спасибо, что ружья нет.

БЕРГ. Ссы... пппы... сса... пох...

БРУЕВИЧ. Кляп вынуть?

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ. После. Для последнего слова.

ДРАГОМЫСЛОВ. Когда кончать будем, тогда и вынем.

БОНЧ (задумчиво). Может, удавим?

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ. По мокрому пустим.

ДРАГОМЫСЛОВ. В топке утопим.

Все единогласно согласны.

БРУЕВИЧ (с сомнением, не единогласный). А не подума-
ет ли читатель, что это... того... диффамация?

ДРАГОМЫСЛОВ (успокаивает). Ну ты даёшь! По-тво-
ему, что ж, публика совсем тю-тю? Шуток не понимает?
Это литературная шутка. Розыгрыш. Ро-зы-грыш!

БРУЕВИЧ (кивает). Да, но...

БОНЧ. Какие могут быть «но»? (Загибает несколько
пальцев.) Кирилл Бутырин литературные шутки понима-
ет? Понимает. Лена Шварц? Понимает. Кривулин тоже.
Эрль, Кудряков, Бартов, Непруха... Все понимают.

БРУЕВИЧ (с прежним сомнение). Не совсем убедил.
Нужны какие-то факты. Их анализ. Доводы. Мы ведь не
азиаты — суд без преступления! Приговор до расследова-
ния! Какая-то Кафка получается, ёшкин корень.

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ (*не слушая Бруевича*). Пытать Кафку будем?

ДРАГОМЫСЛОВ. Как без этого? Только не пытаться, а вести диалог с позиции силы. То есть с использованием тяжёлых предметов. Ну-ка, вдарь его лыжей.

Горчаков-Горбунов берёт лыжу и неумело бьёт Берга. Тот падает.

БРУЕВИЧ (*смирившись с философией прямого действия*). Осторожно, лыжу ломаешь!

БОНЧ. Лучше колуном.

<...>

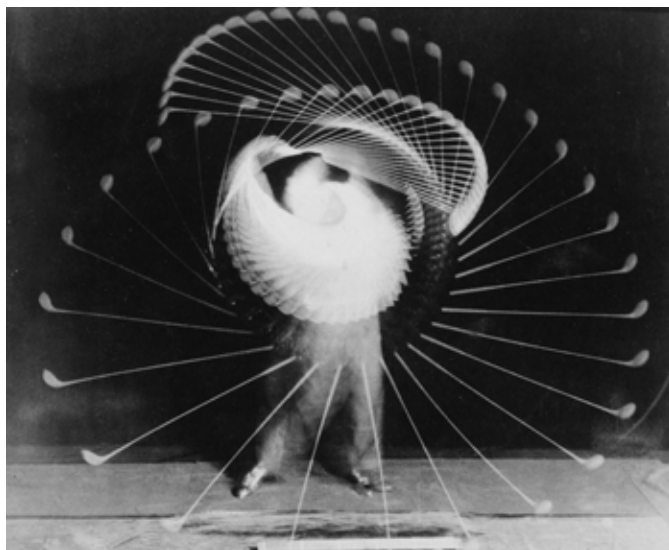
(И. Бонч, А. Бруевич. Вечный Берг, 1980-е)

→ 21 марта: Вечный Берг, 2

МАРТ

17

воскресенье

Игра в гольф, фотография 1930-х годов

Прогорклеанцы

Их женщины — это женщины-грибы. Они рождаются у подножия дубов в пронизанных туманом дубравах своей родины. В одну прекрасную ночь они тут как тут, вылезли: метр пятьдесят, иногда больше. Попадались, бывало, и исполинши, те сеяли страх. Прогорклеанцы срубают таких, для примера, топором. Прочие же пьются своими неповоротливыми глазами с расширенными от страха лиловыми зрачками. Они состоят из единого куска мякоти, и та, если ущипнуть, пружинит. В причинном месте плоть у них розовая, лежит тонкими пластинками. Прогорклеанцы занимаются любовью стоймя, у подножия дубов. Лунными вечерами далеко разносится их заунывное уханье. По большей части застревают в изысканной плоти и уже не способны из неё выбраться. Некоторые расслабляются: пробуют своих женщин сверху, наслаждаясь ими снизу. Бесстыжие!

Прогорклеанки, у которых нет век, роняют, бывает, слезу. Редко две.

Чунчи

Взрослые женщины-чунчи запросто достигают трёх метров, трёх десяти. Мужчины же редко выходят за десять сантиметров. И те носят их у себя во влагалище.

Носят их, туда набивают. Подчас внутри набирается до десятка, схлестнувшихся в попытках друг друга вышвырнуть.

Когда остаётся всего один, она, испытав от их схватки оргазм, вынимает его и, предварительно оторвав голову и член, кладёт в рот и проглатывает.

Салюбрии

Салюбрии в больших количествах поставляют в Европу своих женщин-слизней, европейцы от них просто без ума. Маленькие, редко больше метра, они нравятся своим безмолвием, своим спокойствием и восхитительным обычаем с чувством, с толком, с расстановкой пройти по тебе вдоль и поперек, словно по пустырю. Останавливаясь подчас, чтобы запечатлеть тебя в своих бледно-голубых, цвета перванш, глазах.

И меня заразило это поветрие, заполучил одну. Она с большим достоинством выбралась из своей упаковки и, приподнявшись на животе, застыла в ожидании.

Тут я был дока. Отыскал ручное зеркальце и вручил ей. Она сначала с большой серьёзностью себя в нём изучила, потом улыбнулась, и я счёл это добрым предзнаменованием. Потом, подышав на стекло, она полностью его затуманила. И одним из своих рожков начертала по-салюбрийски знак «Ламма», что означает: «Я смогу тебя полюбить».

Саллюстии

Женщины саллюстиев живут исключительно под водой. И там почти не передвигаются, проживая сплочёнными группами, обширными переласкивающимися общинами, вполне самодостаточными.

Мужчины вершат свои дела на суше, как мы. Им нравится несущая поверхность, она позволяет, по их словам, твёрдо стоять на земле. В действительности они как огня боятся влаги. Довольствуются тем, что раз в году заставляют соседей, рыбаков гарбонцев, выливать себе на косы бутылочки со своей внутренней сущностью.

Прекрасное зрелище, когда по весне видишь, как плывут по морю малёхонькие самчики-саллюстии, на лов которых выходят всё те же самые гарбонские рыбаки.

Фалловетвии

Тело у фалловетвиев покрыто фаллосами, те высовываются у них из ушей, из носа, изо рта. К пятидесяти мужчина уже полностью скрывается под их скоплением. Семя фалловетвиев славится тем, что продлевает жизнь и плодотворит мозг. Вот почему их всегда видишь в окружении красивых девушек, которые и высасывают их до мозга костей. Весьма ученых, впрочем, дам, в остальное время погружённых в словари. Разыскивающих, возможно, какое-то объяснение, какую-то причину. Чему?

Чистоманяки

Сказать, что их женщины плохо пахнут, слишком мало. Козёл, кровать, добавить нарда. Чистоманячка всегда в поисках нового дезодоратора, более действенного, более радикального, более всестороннего.

Ну а взрослый чистоманяк, тот обожает простор. Вот бы хранителем на маяк! Их страна на три четверти вытянулась вдоль моря и щедро окантована маяками. Не скудно, как у нас, по одному на гавань или мыс. Только дай: маяки влёт, маяки с аукциона. Каждый зрелый мужчина строит собственный. Оттуда в ветренные дни украдкой выпускает «свой» Чистоман.

(Пьер Бетанкур. Миллионо-человек)

→ 15 мая: Миллионо-человек, 2

19.III.92

Дорогой Борис Владимирович!

Извините, отвечаю с опозданием, т.к. бандероль с письмом пришла в моё отсутствие: ездил на несколько дней в Теберду. Очень Вам благодарен за книгу <«Дверь в иные ми-

ры»>; качество её издания производит сильное впечатление. Впрочем, может быть, мне надо её вернуть? Я могу это сделать, но сначала хочу прочесть. Мне попадались обе эти книги <Карлоса Кастанеды> в машинописных экземплярах, со множеством ошибок.

Если Вы ещё не утратили желания напечатать книгу П. Д. Успенского «В поисках чудесного», то для этого нет необходимости ждать ксерокопии Мейлаха. Я могу Вам дать свой машинописный (первый) экземпляр — конечно, при условии его последующего возврата: он у меня один. Так что если Вы приедете к нам или как-то дадите о себе знать, будучи в Москве, я могу вручить Вам книжку. Печатал на машинке сам.

Напоминаю о своей просьбе — достать книжку, которую мне хотелось бы перевести, хотя бы перед смертью:

Uchiyama Kosho «Approach to Zen: the Reality of Zazen». Japan Publication, San Francisco, 1974 (Косё Утияма «Подход к дзэн — реальность дзадзен»).

Желаю Вам всего хорошего, ещё раз большое спасибо.
Н. В. Бок.

23.VI.92

Дорогой Борис Владимирович!

Вчера получил от Вас <денежный> перевод, большое Вам спасибо; спешу подтвердить получение. Только вот не совсем понял, куда Вам писать, адрес на бланке перевода был какой-то новый; я пока своё письмо посылаю по старому.

Деньги, пожалуй, получены кстати, ещё раз благодарю Вас. Недавно заказал по «Книге-почтой» несколько книг, в числе которых двухтомник А. Введенского и «Классическая йога», теперь можно будет рассчитаться. Впрочем, Ваши предыдущие деньги почти все ещё целы.

Если «Поиски» действительно будут напечатаны, я просил бы оставить мне 2–3 экземпляра, хотелось бы подарить их тем, кто помогал достать текст.

Вы пишете, что приедете через 3–4 недели; желательно, чтобы Вы как-то предупредили заранее о приезде, нас может не быть дома.

Ещё раз спасибо, желаю Вам всего хорошего.
Н. В. Бок.

2.9.92

Дорогой Борис Владимирович!

Большое Вам спасибо за книжку <«Тибетская книга мёртвых»> и за письмо; только что получил бандероль. А в Москве я уже видел эту книжку на лотках. Ваши издания по-прежнему выгодно отличаются от других высокими качествами литературного языка, редакции и пр. Недавно пришлось в этом, увы, самому убедиться ещё раз, когда я купил себе в Москве (на лотке!) книжку об интегральной йоге Шри Ауробиндо. За этот ужасный, дубовый язык переводчика следовало бы высечь.

К сожалению, выходных данных книжки Успенского у меня нет, да и не было: я получил текст <английского оригинала> в виде микрофильма на очень короткое время, еле успел отпечатать; там был снят <на фотоленту> только титульный лист, а время и место издания, обозначенные, вероятно, на обороте, сняты не были. Но Вы ведь можете узнать эти данные в Публ. биб-ке, по-моему, разницы не будет. Что же касается стиля, то он может напоминать стиль самого П. Д. Успенского потому, что я до этого много раз читал его книги, изданные в России до революции, а некоторыми из них даже пользовался при переводе «Новой модели вселенной». Хорошо было бы переиздать его путевые очерки, печатавшиеся в русских газетах до революции. А мне очень хотелось бы, чтобы именно в Вашем издательстве (и в Вашей редакции) была бы издана одна из лучших книг Д. Кришнамурти «Традиция и революция». У меня взял её перевод один из московских издателей, но там потом её печатать не решились: слишком смелыми показались его мысли о религии, о традиции, о йоге, о теософии, о культуре и т.п. Сейчас в Москве есть какой-то центр Кришнамурти, у них мож-

но получить разрешение на издание. В Вашем издательстве она была бы как нельзя более кстати.

А я сейчас готовлюсь печатать свой очередной перевод — небольшая книжка о буддийской медитации, очень для меня ценная.

До свиданья, Борис Владимирович, желаю Вам всего хорошего, ещё раз большое спасибо.

Н. В. Бок.

МАРТ
20
среда

Эрже, Приключения Тинтина

Вечный Берг, или Убить пересмешника

ЧАСТЬ III

После казни Берга. Вся компания пьяным-пьяна. Про Бонча, сменившего на страже Осъмёркина, давно забыли. Кто сидит, кто лежит, кто дремлет.

ДРАГОМЫСЛОВ (с трудом отворяя глаза, испуганно). Ай! (Пауза.) Ай-ай!

От волнения начинает говорить не по-русски.

ДРАГОМЫСЛОВ. Шо цэ такэ?

На столе в пустой бутылке шевелится крошечная фигурка. Кажется, человек.

ДРАГОМЫСЛОВ. Шмерценготт! Це що, бис?

Напрасно Драгомыслов щурится и трёт глаза, будит кое-кого, мираж не исчезает. Сомнений нет: в бутылке сидит Берг крохотного размера.

ДРАГОМЫСЛОВ (восхищённо). Вот ведь, чертеняга, куда забрался! Ай да пролаза.

Пробудившиеся окружают бутылку с Бергом. Возгласы: «Глянь-ка, целёхонек!», «Жив-здоров, только маленький», «Как настоящий», «Воистину воскрес», «А что ему сделается?» Посылают за Бончем.

БРУЕВИЧ (несколько озадаченно). Стрёмно всё-таки. Ведь мы его... того.

БОНЧ (сходная реакция). Вроде бы воскрес.

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ. Не совсем, но всё-таки.

ОСЪМЁРКИН. Во дела!

Все в восторге от проделки Берга. Сам он разводит в бутылке руками, кланяется, делает знаки, что-то неслышно говорит.

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ (*окончательно протрезвев*).
Друзья, перед нами чудо! Мы стали свидетелями чуда.
Жаль, никто нам не поверит.

Берг вновь куртуазно раскланивается.

ДРАГОМЫСЛОВ (*задумчиво*). Влипли, одним словом.
ОСЬМЁРКИН. А что если его того... ещё раз...

ДРАГОМЫСЛОВ. А вдруг он снова?

БРУЕВИЧ. И на этот раз размером с циклопа!

Все подавленно молчат, представляют Берга размером с циклопа, съёживаются.

ОСЬМЁРКИН. Придётся оставить всё как есть.

ДРАГОМЫСЛОВ. Только из бутылки не выпускать.
Пусть там живёт. Дайте пробку.

Бруевич скручивает из листа «Вечного жида» пробку, затыкает.

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ (*участливо*). Не задохнётся?

БОНЧ. Будем проветривать.

Берг садится на дно бутылки, достаёт из кармана записную книжку и карандаш, что-то записывает. Новое волнение: «Пишет! Пишет!», «Маленький, а писать умеет».

ГОРЧАКОВ-ГОРБУНОВ. Надо будет ему ваты постелить.

БОНЧ. И письменный стол сделать. Пусть живёт как человек.

<Продолжение утрачено>

(И. Бонч, А. Бруевич. Вечный Берг, 1980-е)

→ 16 марта: Вечный Берг, 1

Пасмурный день

Я молод был имел дуду
Трубил её как мог
Тебя же милая да-да
Я отыскать нигде не смог
В тот день весенний
Пасмурный день

Я пел как ворох пастуха
Удой махал коня
Тебя же милая ха-ха
Не дула прелесть на меня
В тот день весенний
Пасмурный день

Я падал сидя на суку
Сгубил о пень осла
Тебя же милая ку-ку
Лишь страсть к ослушнику спасла
В тот день весенний
Пасмурный день

Я шел с поклажей налегке
Куя в ноге верблюду
Тебя же милая хе-хе
Доныне куры не клюют
И в день весенний
Пасмурный день

Да-да да-да совсем ха-ха
Ку-ку вполне ни-ни
Тебя же милая моя
Увы не надо тра-ля-ля
Увы увы мне
В пасмурный день

МАРТ

22

пятница

1973

(Анри Волохонский, Алексей Хвостенко)

Черепаша

МАРТ

23

суббота

Кроткая черепаха, старушка, сморщившаяся ещё до своего рождения, маленькая пленница, заключённая в объятия собственного скелета — как осторожно выпрастывает она свою чешуйчатую голову, оснащённую крепким клювом, как ручки-грабельки её рыхлят песок, когда она выползает погреться на солнышко, украдкой, как всё, что она делает, точно жизнь её принадлежит какому-то другому, всемогущественному существу, что смотрит сквозь пальцы на её возмутительный проступок, позволяя по крошке отделять и медленно разжёвывать тягучее время. Тот, кому принадлежит время, тот, кто создал его и оставил без присмотра, тот, для кого любой наш проступок не составляет тайны, так что вкрадчивые повадки черепахи служат скорее для соблюдения приличия, чем для того, чтобы ввести кого-либо в заблуждение — тот, кто не человек, и не зверь, и не время, и ни одна из известных форм жизни, давно перестал существовать, черепаха об этом осведомлена не хуже других, но ей приятно исполнять свой неуклюжий танец даже теперь, потому что она привыкла к нему, ставшему её другим, праздничным скелетом. Он хранит её хуже, чем первый, хищной птице ничего не стоит ухватить черепаху своим клювом-крюком, поднять её на невообразимую для черепахи высоту, от которой в её головке, втянутой внутрь панциря, полопаются сосуды, и, швырнув о скалы, расколоть панцирь, и тогда черепаха превратится в прекрасное блюдо, приготовленное в костяном горшочке. Также и человек, изловив черепаху, положит её в огонь, тогда жилы её полопаются, раскалённый панцирь, разогнувшись, станет плоским, как зеркало, человек положит тушку черепахи на её собственный панцирь, как на щит. Тогда беззащитная черепаха составит его трапезу. Где теперь её маленькая жизнь, если не

перетекла в жилы человека, не стала частью его тела, не питает его и не служит к тому, чтобы поддерживать работу его членов? Или, быть может, она возвращается туда, где хранятся изначальные запасы времени, которое, побыв черепашным, вновь стало ничьим и ей теперь может воспользоваться какая-нибудь другая черепаха? Если черепаха начнёт думать об этом, её маленькая голова лопнет от натуги, поэтому она просто вылезла погреться на солнышке и щурит узкий зрачок, что придаёт ей необычайно сведущий и пронизательный вид.

(Марианна Гейде. Бальзамы выжидают, М., 2010)

→ 1 июня: Гейде, 2

*Санкт-Петербург, Театральная пл., 10,
Консульство Италии,
Генеральному консулу Антонио Карделли*

Уважаемый г-н Консул!

Мне посоветовал обратиться к Вам г-н Витторио Страда, итальянский атташе по культуре.

Петербургское издательство Чернышева предполагает издать в 1995 году полное «Собрание песен» Ф. Петрарки в серии «Шедевры европейской литературы». Две книги в рамках этой серии уже вышли в свет: «Послания, песни и завещания Фредмана» К. М. Бельмана (Швеция) и «Трилогия» С. Беккета (Ирландия). Готовятся к выпуску произведения Рильке, Малларме, Роб-Грийе.

Впервые «Собрание песен» Петрарки переведено на русский язык *одним* переводчиком — московским поэтом Алексеем Бердниковым. Планируемый тираж книги — 5000 экземпляров, объём — 450 страниц (с иллюстрациями, предисловием, комментариями).

Насколько мне известно, министерство иностранных дел Италии осуществляет спонсорскую помощь переводчикам и издателям произведений итальянских писателей.

Г-н консул, от имени издательства прошу Вас ходатайствовать перед Министерством иностранных дел о выделении на издание книги 50% необходимой суммы, что составляет 3500 долларов.

С уважением, Борис Останин,
главный редактор Издательства Чернышёва.

24 марта 1995 года

На Театральной площади играл на трубе

Попал как-то в вытрезвитель на Красной улице, возле площади Труда, но понял это после пробуждения не сразу. Сначала вижу музыкальный сон: стою над городом, словно Гулливер над архитектурным макетом, дома по колено, и выдуваю из блестящей серебристой трубы — не звуки, ог-

ромные радужные шары, которые медленно-медленно вылетают из трубы и бесшумно устремляются в небо... «Подъём! Подъём!» — выхватывает меня из сна чей-то хриплый голос. С трудом разлепляю глаза и не сразу прихожу в себя: надо мной усатое милицейское лицо, сбрасываю измятую простыню, на левой ноге химическим карандашом (как сейчас помню) выведено 27, ничего не понимаю. Тут же погнали в душ, принялись составлять объяснительную. Денег в кармане всего пятак, хотя вчера было изрядно (с трудом возникают обстоятельства вчерашнего дня: засели небольшой компанией у меня на Малой Охте, дальше провал — как оказался на Красной, не соображу). Спрашиваю у милиционера за стойкой, он тоже не знает, объясняет, что меня ночью принимал его сменщик: «Сейчас почитаем, что он написал». Расправляет бумагу, читает: «Задержан на Театральной площади, играл на трубе». Сон оказался в руку, если, конечно, забыть о том, что я *не умею* играть на трубе. Или, как у Маяковского, имелась в виду водосточная?

Роже-Анри Эксперт,
Портрет Игоря Стравинского

Книга <«Пунктиры», СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000> вышла в издательстве, зарекомендовавшем себя выпуском «серьёзной» литературы и «эксклюзивным» дизайном. В ней находим любовно подобранные автором иллюстрации <художник Борис Свешников>. Первая книга Бориса Останина, хотя в пишущих и издательских кругах Петербурга его знают все. Он бессменный редактор, щедро одаривающий авторов бесчисленным количеством «мелких» открытий, неожиданных «сюжетов», «дополнений» и культурологических «уточнений». Как выяснилось, помимо редактирования, чтения и обсуждения кандидатов на литературную премию Андрея Белого, изобретения воздушных церквей и создания проектов серии памятников (жаль, что не реализован его оригинальный проект памятника Андрею Белому), он писал ещё *для себя* заметки, мысли, афоризмы, фразы — всё вместе названное *пунктирами*. <...>

Когда-то Зоценко заметил, что пишет в неуважительном жанре короткого рассказа. Останин сжимает свой рассказ до короткого высказывания. Итак, что же перед нами? Не мысли и заметки, не дневник, не лозунги и не максимы, и в то же время я нахожу здесь следы всего и от всего могу получить удовольствие, которое, любезный мой пользователь Интернета, как известно, получить сегодня не просто. При этом появляется ощущение смещения смысла: *пунктиры*, размечая эпоху, дают не контур её, но живой образ времени. Выписано с предельной открытостью, в борьбе со своим временем и поколением: «Мои современники сидят в моей глотке, говорят моим голосом... Проклятьё! Как от них избавиться?» Тому примером может послужить резкое отторжение бытовавшего тогда мифа о Западе как свободном рае, в котором возможна полная творческая самореализация: «Значение американской культуры раздуто апологетами Америки». Критиковать Запад в эпоху его тотальной критики официальной пропа-

гандой для человека андеграунда — жест внутренней независимости от поколенческих и цеховых предрассудков, свобода от которых, замечу, даётся значительно труднее, чем от официальной идеологии.

«Пунктиры» Останина — о главном: о мелкой детали, о сиюминутном состоянии, о неприметной черте человека. Иногда встретишь отточенную мысль, иногда как бы случайную фразу, которая неожиданно попадает в самый нерв актуальности, в том числе художественных высказываний. Замечу, фраза как способ выражения современного художника — весьма притягательна: концептуальными лозунгами наполнены галереи и музеи современного искусства Берлина, Лондона, Парижа, Санкт-Петербурга. Вот наугад: «Варвары не иссякли, культура ещё возможна», — бери и выставляй в современной галерее в качестве арт-объекта.

Все, кто пишет, часто пишут «об одном и том же», а потому субъективно, не о том и не так. У многих есть отдельные наброски, которые остаются в черновиках, — пресловутые записные книжки писателя. Здесь скапливаются случайное наблюдение, не охватываемое сюжетом настроения, спрессованный повторением опыт, парадоксальный афоризм. Последний в традиции европейского письма известен со времен Гиппократа, а в восточной восходит к текстам Ригведы, Упанишадам, Конфуцию и Лао-цзы. Он традиционно связывается с жанром, который более всего подходит для выражения *жизненной правды* и *личного опыта*. Сегодня, в ситуации узаконенного модой отказа от притязания на единственную истину, он как никогда уместен. Когда картина мира собирается из равноправных, не сообщающихся между собой дискурсов, когда смысл не даёт ни наука, ни искусство, ни политика, ни мораль, в такой ситуации человек встречается с самим собой редко, чаще ситуативно и случайно. Доверие непостижимым образом случается тогда, когда читаешь его *лёгкую и необязатель-*

ную фразу, когда встречаешь самоиронию, когда смеёшься вместе с ним над «тяжёлыми» и агрессивными в своей замкнутости идеями. Мы удивляемся не столько удивлениям автора, сколько моментам осознания бездоказательности своих убеждений, ограниченности сферы разумного книжной мудростью, условности любой безусловной истины, максимы, догмы: «Из окна догматического сознания непременно высовывается чья-нибудь бронзовая голова».

Для Бориса Останина нет закрытых тем или того, что о себе сказать «стыдно», что могло бы восприняться как банальность, но в интеллектуальном контексте культивируемого «текстопроизводства» отличается радостью попадания в моё отношение к миру и выглядит поэтому *немыслимой* новацией. Впрочем, банальность неожиданна и тогда, когда, опираясь на общее место, являет мужество *отставания* личной интонации: «Наиболее вразумительным в языке является не само слово, а тон, сила, модуляция, темп, с которым проговаривается ряд слов, — короче, музыка за словами, страсть за этой музыкой, личность за этой страстью: стало быть, всё то, что не может быть *написано*» (Ницше). Порой кажется, что Останин не писал, он выхватывал свои ощущения и мысли, как иные — горячие блины со сковороды, «...да не поймал». В книге Останина трудно найти оговорки, ибо тетради собрали их все вместе. Однако, быть может, возможно найти Оговорку среди оговорок. Предоставим решать эту проблему дотошным психоаналитикам.

С этим качеством *пунктиров* соприкасается другое — предчувствие нашего времени, времени выхода на сцену литературы, получившей название *non-fiction*. Её отличительная черта — невыдуманнные события: мемуары, дневники, личные заметки, подлинные истории. (Если бы позволил формат «НРК» я бы назвал свою рецензию «Реальная литература для медленного чтения».) Отечественными критиками по этому поводу изобретён термин «реальная

литература», которая набирает вес (в том числе коммерческий) в читательских предпочтениях. *Пунктиры* — литература такого рода. Их несомненно интересно читать и тому, кто пробует перо, и тому, кто соотносит свой опыт 70–80-х годов с *опытами* Бориса Останина. <...>

Борис Останин не философ в той мере, в какой философия стала кабинетным делом и уделом преподавания: «Оставим немцам — Канта, грекам — Аристотеля, а себе — философа *по душе*». Он мыслитель в той мере, в какой таковым почитают Эмиля Чорана, но если автора «Силлогизмов горечи» можно было бы назвать «плачущим» писателем, то Останин — писатель «смеющийся». Философ «по жизни», он и в текстах раскрепощён до ситуативной точности изречения: «Пишу не для истины, а просто мысль пришла». Его волнует то, что присуще российской душе, что, в который уж раз, совпадает с ожидаемым, оформляет его и даёт пример чёткости выражения некоторых трудных вопросов: «В любом мифе больше мудрости, чем во всём позитивизме!»

И наконец, представленное здесь не подпадает под чистоту жанра «афоризм». Целая жизнь, душа, мгновение, позволившие себе воплотиться в слове: мысли, медитации, метки — «на живую». Если бы они были сшиты рукой романиста, они составили бы роман внутренней жизни. Но Останин «бесшабашно» оставляет читателя бродить среди камней и скал своих излюбленных тем-медитаций: «Душа моя подобна камням в саду». Вместо литературной фигуры перед нами топологическое множество, меру которого можно задать, только включив собственный опыт переживания, просеяв через свои ассоциации.

Текст естественно течёт, он сложен неспешностью жизни, повторами, вспышками, перебоями и заблуждениями. И странное отсутствие эмоционального накала, как будто мысли обитают где-то на окраине повседневности. Поймать, удержать их и не вить из них верёвку трактата, отпу-

стить. Пунктиры. Всплески. Взлёты. Автор не мешает: где-то попадаешь в резонанс размеченного им мира, где-то теряешься, где-то отдыхаешь.

Книга-чётки, длиною в жизнь. <...>

(Валерий Савчук // Новая русская книга, № 3, 2000)

Рога и копыта

Купил в компьютерном магазине «РиК» (Литейный пр., 22) недорогой NetBook и задумался над названием магазина: возможно — о чём подсказывала строчная «и» между заглавными «Р» и «К», — инициалы совладельцев, допустим, Романов и Каледин, но тут же мозговой прострел: «Рога и копыта»! — и вслед за ним второй, уже про хитрецов Ильфа и Петрова, про их лукавую выдумку: «Революция и коммунизм», «Рабочие и крестьяне» — такая вот контора по переливанию из пустого в порожнее, вот и вся революция, вот и весь коммунизм (от артели «Реванш» и арбатовского филиала до гособъединения «Рога и копыта»), а в сухом остатке — немного *сухих костей* из Иез. 37, 1.

Заинтригованный, не поленился навеститься с вопросом к магазинному начальству; так и есть, угадал: контора замышлялась ненадолго, для купли/продажи партии случайно подвернувшихся компьютеров, под которые, с хорошим юмором, и возникло название «Рога и копыта». Впоследствии, когда дело неожиданным образом пошло на лад, название, чтобы не шокировать покупателя, сократили до «РиК», после чего торговля вообще взлетела в гору, пришлось открывать у Московских ворот второй магазин.

(2010-е)

Умирает старый раввин. Собравшиеся просят его сказать что-нибудь мудрое о жизни.

Раввин задумался и говорит: «Жизнь, она — как река».

После минуты молчания кто-то спрашивает: «А почему как река?»

Раввин снова задумался и говорит: «А может, не река...»

МАРТ

30

суббота

МАРТ

31

воскресенье

Борис Кудряков, Стопка бумаги

АПРЕЛЬ

АПРЕЛЬ

1

понедельник

Советские писатели не обинуясь заимствовали на стороне, а государство поощряло их плагиаторство миллионными тиражами: Алексей Толстой, «Приключения Буратино» — у Коллоди; Корней Чуковский, «Доктор Айболит» — у Лофтинга; Евгений Шварц, «Снежная королева» — у Андерсена; Лазарь Лагин, «Старик Хоттабыч» — у Энсти; Александр Волков, «Волшебник Изумрудного города» — у Баума...

В музыке и кино, кажется, не лучше. А где лучше?

АПРЕЛЬ

2

вторник

С Полиной

АПРЕЛЬ

3

среда

Вдохновенный *жаворонок*, а не жирный голубь — вот птица Св. Духа: духоносны и его вертикальный полёт, и песня невидимого певца в ослепительном сиянии солнца.

Отчасти такова Жанна д'Арк на костре (срв. пьесу Ж. Ануя «Жаворонок»), сгорающим и неумирающим фениксом возносящаяся в небо.

(1960-е годы)

Между мифом и жизнью

История новейшей литературы знает немало примеров, когда удачно найденное слово — название литературной группы или течения — вносит незаменимую лепту в дальнейшую судьбу этого явления; достаточно вспомнить такие удачные ориентиры на литературной — и не только — карте второй половины двадцатого века, как *новый роман* или *киберпанк*. Далеко не всегда авторами этих удачных именованных оказываются сами творцы, вложившие в эти начинания свою мысль и душу, или даже их доброжелатели; порой, как в случае востребованного сегодня «постэкзотизма» одного из самых своеобразных писателей современной Франции Антуана Володина, — термина, брошенного автором надоедливый критикам, но в дальнейшем определившего развитие его творчества. Случай Клода Луи-Комбе — один из самых счастливых: наиболее внятное и убедительное ключевое слово для расшифровки своего творчества сумел дать сам писатель, пусть слово это диковатое — *автомифобиография*. <...>

Притом что писатель испытывает отвращение к публичности, сторонится мирской суеты и шумихи, он с охотой даёт интервью, причем весьма доверительные, личностные — форма диалога, задушевной беседы явно способствует его сосредоточенной медитации — не только сугубо внутренней, но и над самой своей творческой лабораторией. Признания его многообразны, в чём-то наивны и поверхностны («Знаете, в глубине я пишу для самого себя, чтобы облегчить внутреннее напряжение. Я удачно выпутался из своего

невроза... Если бы я некоторое время не писал, мне стало бы не по себе, я бы почувствовал себя не в своей тарелке. В письме есть нечто гигиеническое»), но при этом всегда предельно откровенны, *исповедальны*. Главное, он пытается донести до читателя, — что всё написанное им рождается из классического чувства мистиков — чувства невозможности передать свой внутренний опыт; что оно представляет собой промежуточный итог бесконечного духовного поиска и, стало быть, упреждается и завершается провалом и отсутствием. Проза ведёт здесь диалог с бессловесными мистическими глубинами внутренней жизни... <...>

Именно поэтому Луи-Комбе против автобиографии как некоей разновидности интимного дневника (хотя высоко ценит автобиографические тексты, к примеру, Киркегора и Лейриса): её нужно избавить от диктата повседневности и бытового анекдота — и для этого, по мнению писателя, автобиография должна отказаться, ни много ни мало, от инстанции «я». «Автобиография должна развиваться на территории мифов, грёз, фантазмов. В этом смысле она реализует некий антропологический проект. Повествователь перестаёт рассказывать свою жизнь. Он только силится расшифровать её в зеркалах коллективных или индивидуальных сновидений. Это-то я и зову мифобиографией» (из интервью 1980 года). <...>

Итак, мифобиография как «жанр» восстанавливает миф, в который, в отличие от биографии или агиографии сливая свой голос с голосом воскрешаемого им персонажа, напрямую вмешивается автор. В мифобиографии историко-биографическая нить оказывается отражённой и преломлённой в зеркалах мифов, в которых возникают те или иные ипостаси протагониста, его мифические двойники. При этом неминуемо главным масководом, если не демиургом, в пространстве межзеркалья оказывается сменившее свой статус «я» — я повествователя, а через него я автора и, неминуемо, читателя. Да, мифобиография оказывается не только вариантом автобиографии её авто-

ра, но и внезапно прирастающей авто-биографией читателя (как следствие, степень воздействия подобной прозы напрямую зависит от его, читателя, духовного опыта).

Отсюда следующий шаг: настоящая автобиография должна быть мифобиографией. <...>

Пусть всюду сохраняется некоторая установленная все-сильным рассказчиком дистанция между переживаниями персонажей и чувствами читателя, а инстанция писателя перетягивает одеяло на себя — быть может, потому, что он знает о своих героях слишком много, настолько много, что вынужден поведать нам только малую, бесконечно малую, заведомо недостаточную часть. Пусть писатель силится слиться с тем, что пишет, стать неотличимым от глагола — увы, не только откровения, но и маски бытия, откуда и принципиальная незавершённость, незавершимость его пути: меланхолия, ностальгия. Пусть он остаётся «пассивным продуктом и бессильным свидетелем» фразы, женской эманации, спорадического плода плоти и духа-дыхания, пусть просто переписывает нечто уже готовое. Тем более правы критики, которые не могут удержаться от предупреждения: тексты Клода Луи-Комбе опасны, ибо ожившие в них во всей своей мрачной красе фантазмы, словно деформированные всевозможными постсексуальными смычками, короткими замыканиями плоти существа на полотнах и рисунках Дадо, способны проникнуть в подсознание читателя — и учинить там самую настоящую резню. Да, из его книг, надеюсь, мало кто выйдет невредимым.

(Виктор Лапицкий о Луи-Комбе, отрывки)

Я в этом доме жил с утра
Потом ко мне пришли чужие
И мне сказали: вы здесь жили
Теперь другим пришла пора

Сложил я вещи в узелок
Они так верно мне служили
Меня до двери проводили
И я послушно в путь потёк

Я думал: так тому и быть
Я жил, а вот они не жили
Так пусть живут коль заслужили
А чем — о том не мне судить

В пути я загрустил неволью
Хоть оборачиваться больно
Назад последний бросил взгляд

И видел всё. Как плавно крыша
На миг приподнялась чуть выше
И рухнул медленно фасад.

*(Андрей Дмитриев //
Литературная газета, № 36, 1983)*

АПРЕЛЬ

6

суббота

Александр Андреевских, Рыбак

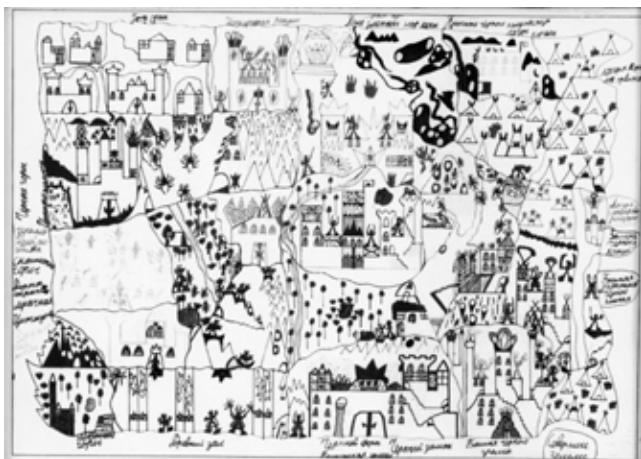
Я каждый день чужое Рождество,
и каждый час я чья-то жизнь чужая,
и каждый миг, дряхлея и мужая,
я сбоку чья-то суть и существо.
Само себя по мелочи ссужая,
я окажусь совсем без своего,
и растеряюсь до последней крохи,
и испарюсь в последнем Божьем вздохе
последнею росинкой бытия.
А кто-то удивится: где же я?

(Сергей Петров, 1968)

АПРЕЛЬ

7

воскресенье

Максим Кузнецов, Карта северных земель

Несколько холодов появилось. Облокотившись о каменный парапет, опоясавший берег, Николай почувствовал на себе пристальный взгляд. Смотрела река. Холодная сталь, сверкая, поблёскивала. Он гордо отвёл глаза и задумался. Облака остановились, встретив порыв ветра. Ветер при-

АПРЕЛЬ

8

понедельник

АПРЕЛЬ

9

вторник

близился... Вечер. Река закрыла глаза. Николай хотел шевельнуться, но было поздно: он окаменел. Ветер бросился к изваянию. Николай подумал: «Я холоден». Сумерки, смешиваясь с фонарным светом, вздрагивали возле воды. Глоток мужества заставил судорожно напрячься жилы возле его горла. Он гордо посмотрел вверх мостов и смешивающихся с сумраком зданий. Никакая тишина не нарушала однообразия вечерних звуков. Кусок её жизни величиной с зеркало, осколок. Тёмный изгиб воздуха возле её волос. Он родился тогда-то. Тогда-то, окружённое каменными стенами стен. Он изучает стеклянный язык окон, прозрачный. Название жизни — 5390,7. Ступень за ступенью, шаг перед шагом. Весенний тюремный воздух двора. Зияющие, как надрезы, вертикальные мысли ливней... Каменная громада обмакнула воздух в чёрную кровь реки. Мосты со стоном рухнули с неподвижных глаз Николая.

(Владимир Казаков. Мосты, отрывок)

Biographies often begin with a date of birth, the date on which the subject's experiences can be said to begin. In the case of Samuel Beckett there are two difficulties about adopting this simple procedure. One is his claim to have been born on Good Friday, 13 April 1906. <...>

The idea that he had been born on Good Friday, the day of the Saviour's crucifixion, pleased him, more especially since Good Friday happened in 1906 to have been Friday the thirteenth. What better birth-date could there be for someone so conscious of the suffering which underlies human existence; and conscious also that misfortune, in comic or tragic guise, awaited every venture and departure? In a late work, *Company*, which is highly autobiographical, the coincidence of his birth-date with the day of the Saviour's death is emphasized. <...>

It is a little unfortunate therefore that his birth certificate shows him to have been born on the 13 May 1906, which was

a Sunday. The birth was not registered until a month later, on 13 June. Since it was Irish custom to allow a clear four weeks to elapse between birth and registration, this fact would if anything tend to confirm the May rather than the April birth-date, but of course there is always the possibility of error — even an error of immediate recollection on his father’s part, or a slip of the tongue or the pen, neither of which was rare where registration was concerned. Since Beckett was on the whole truthful about such matters and on at least one occasion claimed to have the authority of his mother for the Good Friday birth-date, the balance of probability is in its favour, but it is a pity nevertheless that there should be any doubt about it.

(Anthony Cronin. *Samuel Beckett: The Last Modernist, L., 1996*)

→ 13 апреля/2017: Пятница, 13

→ 27 июня/2018: Никита Курилин

РЫБЫ

АПРЕЛЬ

12

пятница

*Творческая лаборатория
«Поэтическая функция» при ЛО СФК*

Проект

СПИСОК ЭМИГРАНТОВ-ЛЕНИНГРАДЦЕВ,
приглашённых на конференцию
«Независимая культура Ленинграда 1950–70-х годов»
(Ленинград, 11–14 апреля 1989 г.)

Горичева Татьяна (Франция) — философ, редактор журнала «Беседа».

Гройс Борис (ФРГ) — философ.

Кузьминский Константин (США) — поэт, издатель.

Аллой Владимир (Франция) — историк, издатель.

Хвостенко Алексей (Франция) — поэт.

Марамзин Владимир (Франция) — писатель.

Басин Анатолий (Израиль) — художник.

Крейденков Вадим (США) — философ.

Возможно также приглашение художников Михаила Шемякина и Юрия Жарких, писателя Сергея Довлатова и музыковеда Ефима Барбана.

АПРЕЛЬ

13

суббота

Андрей, 2017

Прелюдия к ярмарке нового искусства

Друзья,

организаторы сегодняшней встречи предложили мне рассказать о социально-культурной обстановке в Ленинграде, в частности, о «неофициальной культуре». Получается, однако, так, что я переступлю пределы заданной темы и буду говорить преимущественно о социально-культурном проектировании, о культурной политике. Причин тому несколько, укажу одну из них.

В апреле прошлого года мне довелось участвовать в организации трёхдневной конференции по истории независимой культуры Ленинграда 50–70-х годов, которую проводила творческая лаборатория «Поэтическая функция» при ЛО Советского фонда культуры. Предполагалось, что участники и свидетели «неофициальной культуры» выступят с докладами, сообщениями, воспоминаниями, аналитическими обзорами... И хотя в целом конференция удалась, было отчётливо заметно, что участники независимой культуры отнюдь не горели желанием познакомить широкую публику со своими былыми достижениями и тяготами жизни. Вместе с тем, профессионалов со стороны (историков, архивистов, литературоведов, искусствоведов), которые проявили бы интерес к независимой культуре, было далеко не достаточно для того, чтобы занять ими все три дня конференции. Ситуация довольно понятная: с одной стороны, российское общество с нарастающей скоростью и ностальгией устремляется к своему прошлому, с другой — независимая культура 50–70-х годов не настолько ещё известна и удалена во времени, её деятели, позволю себе такое слово, ещё *не настолько мертвы*, чтобы привлечь к себе такое же внимание, какое привлекает, допустим, начало XX века или 20-е годы. Пассивность деятелей независимой культуры на им же посвящённой конференции заставляет в очередной раз задуматься над своеобразным психологическим комплексом, который можно назвать «комплексом жены Лота» и который связан со страхом и нежеланием оглянуться на собственное прошлое.

Творческие личности, особенно находящиеся на пике своей деятельности, очень неохотно — по крайней мере в публичной обстановке — оглядываются на своё творчество, возможно, из

страха превратить в «соляной столп», омертвить, заслонить в себе творца биографом. Этот страх очень распространён: вспомните, с каким зачастую душевным страданием поэты выслушивают похвалы, которые обращены не к *последним* их произведениям, а к тем, что созданы *давно*: эти похвалы косвенным образом свидетельствуют о том, что они, не дай Бог, уже миновали *акме*, вершину своей активности, и в настоящее время как творческие личности полумертвы. (В скобках замечу, что это может свидетельствовать и о другом, например, о выпадении их последних произведений из сферы привычного восприятия.)

Сегодня я сходным образом переживаю только что описанный «комплекс жены Лота» и боюсь, как бы оглядывание на прошлое поныне здравствующей независимой культуры не внесло свою толику в превращении её в соляной столп. Поверьте, мне не составило бы труда (тем более что я не однажды это делал) сообщить вам те или иные фактические сведения о независимой культуре, перечислить её замечательных поэтов, художников, философов, определить стилистические и тематические особенности произведений, упомянуть машинописные журналы «Часы», «37», «Обводный канал», «Предлог», описать различие между ленинградской независимой культурой и московским андеграундом и т.п. Я прекрасно понимаю, что без такого рода сведений нормальная история культуры невозможна (к тому же исторические, архивные, мемориальные студии распространены сейчас как никогда раньше), и всё-таки намерен привлечь ваше внимание не столько к отработанному и откристаллизовавшемуся прошлому, сколько к *текущей жизни* новой культуры и призвать к участию в построении её будущего, в жизни *живой культуры*. (К слову сказать, недавно в Ленинграде возникла творческая ассоциация под таким названием — «Живая культура» — и несколько её представителей присутствуют в этом зале.)

Такова главная причина перемены темы моего доклада, которая переформулирована как «Ярмарка нового искусства», чему в немалой степени поспособствовал поэт Александр Горнон, чьи стихи вы скоро услышите. Идеи этого доклада были обсуждены, а отчасти возникли в беседе с ним,

не исключено, что он дополнит сказанное мной своими соображениями.

Ещё одно, последнее отступление. В знак благодарности организатору нашей встречи Андрею Константинову, известному в Ленинграде «зелёному», доклад будет выдержан в экологических тонах. Прошу видеть в этом не столько культурологическое баловство человека, которому доставляет удовольствие произвольным образом связывать концы с концами, сколько существенную близость экологической и культурной (а также языковой) проблематики.

Культуру в целом невозможно описать одной-единственной картинкой или метафорой, но для наших целей было бы удобно видеть в ней действующий вулкан, растущее дерево или, наконец, строящуюся довольно странным образом, *изнутри*, пирамиду. Эта пирамида (культура как традиция, как совокупность произведений и способов их восприятия и понимания) титанической тяжестью своих культурных образцов давит на собственное нутро, порождая в нём магматические процессы: магма живой культуры, магма творчества поднимается вверх и, в зависимости от обстоятельств (прочность пирамиды, температура, давление), либо прорывается наружу, где превращается в очередные пласты и блоки вздымающейся вверх пирамиды (вулкана, дерева), становится публичным и национальным достоянием, либо в этом не преуспевает и остаётся в «безвыходном внутри». Не буду останавливаться на таких параметрах пирамиды, как основание, высота, прочность, устойчивость, вес, которые нетрудно перевести на язык культуры, и довольствуюсь рассмотрением её вершины, «кратера», то есть границы перехода от внутреннего к внешнему, от личной биографии к культурному явлению, от неформальных групп к общественным и государственным творческим организациям. Эта граница представляется мне интересной чисто теоретически, а вас должна заинтересовать *практически* как директоров Домов учёных, то есть учреждений, пребывающих как раз на границе культурного процесса (излияния и отвердевания творческой магмы, смены художественных поколений, выхода творца на публику), а значит способных, используя определённую культурную политику, оказать существенную по-

мощь в создании пирамиды культуры. Хочу познакомить вас с очертаниями одной из таких культурных политик и оставлю за вами право решать: применять её в своей практике или нет.

Эта культурная политика некоторым образом связана с экологией. Напомню, что греческое слово *eikos* означает дом, жилище, местопребывание; экология в узком смысле занимается изучением взаимоотношений живых организмов и сообществ — как между собой, так и с окружающей средой. Это модное (по причине прогрессирующего загрязнения окружающей среды) слово уже покинуло область науки и породило такой пучок понятий, как экология природы, экология культуры, экология человека и т.п., к которым мы добавим сейчас ещё одно. К сожалению, возобладавшая у нас в последние годы установка на реставрацию и реконструкцию наложила на весь экологический пучок отпечаток снисходительно-филантропической охраны вымирающих, болезненных и дефективных видов и явлений. Экология природы — перед нашим внутренним взором полуразрушенные старинные особняки, заброшенные кладбища, плесень на архивных полках... Экология человека — нетрудоспособные группы населения (старики, калеки, инвалиды-афганцы, детдомовцы)... Так вот, мне хотелось бы поменять акцент в слове «экология» и переставить его с выморочного, больного, некрофильского (в смысле реставрации прошлого как огромного кладбищенского склепа) — на живое, творческое, духовное...

<Продолжение утрачено>

<1990?>

АПРЕЛЬ

15

понедельник

Так и остаётся для меня загадкой отец, дающий сыну своё имя. Мало, что ли, того, что оно в семье уже есть? Хочет связать сына двойным вервием имени-отчества? Такое вот непомерное «имперское» тщеславие?

Известный анекдот про Маяковского, Каменского и Бурлюка, которые гастролировали где-то в Самаре и на вопрос полицейского начальства о необходимых для афиши именах-отчествах, ответили по очереди:

— Я — Владимир Владимирович!
 — Я — Василий Васильевич!
 — А я — Давид Давидович!
 — вызвав у начальства понятное недоверие — и к ним,
 странникам-пройдохам, и к их футуризму.

Чудо о Флоре и Лавре

Солнце — наша мать

Интересно видеть в среднем роде не отсутствие половых признаков, а их *двойной набор*, андрогинность, отца-мать: солнце, небо, море, поле, имя...

Переводчик Владимир Портнов рассказывал, что когда-то читал в Баку или в Тбилиси стихотворение, кажется, Пастернака, где была строчка (дословно не помню, сам сочинил): «Солнце отражается в луже дождевой...» На что один из при-

сутствующих громко запротестовал: «Ай-вай, какой нехороший стихотворение! какой плохой поэт! Солнце — она ведь *наша мать*, а тут в грязной луже, как можно?»

(1960-е)

Мудрый курсант

Мост Александра Невского уже построили, еду домой в троллейбусе № 1, рядом стоят два моряка-курсанта, вероятно, с Офицерских курсов ВМФ, что на Малой Охте, слышу их разговор. Один убеждает другого: «Понимаешь, Дима, когда у тебя что-то есть, ты это что-то *непрерывно потеряешь* — и тебе будет потерянное жаль. А когда ничего нет, ты ничего не потеряешь, а значит, жалеть не о чем, такая вот штука».

Эти простые, «народные» слова о преимуществе аскезы над гедонизмом, отсутствия над присутствием, исихии над плеромой, да ещё сказанные в неожиданном месте и неожиданным человеком, надолго запали мне в голову, я снова и снова к ним возвращался, пытался что-то на них ответить, со смыслом возразить или согласиться, но так толком и не сумел.

Сходным образом выразился позднее пятилетний Максим (→ 7 октября/2018), когда я спросил у него, что важнее — точка или ноль.

— Ноль.

— А почему?

— Потому что точка, даже самая маленькая, что-то есть. А ноль — *совсем ничего!*

(1960-е годы)

АПРЕЛЬ
19
пятница

Евгений Ухналёв, Автопортрет
(Художника Евгения Ухналёва приговорили в 1948 году
к смертной казни, которая была заменена
25 годами лагерей.)

Говори и ты,
последним — говори,
скажи своё.

Говори —
Однако не отдели от Да Нет.
Дай своей речи ещё и смысл:
дав ей тень.

АПРЕЛЬ
20
суббота

Дай ей немало тени,
дай столько тени,
сколько вокруг тебя отброшено, ты знаешь,
меж Полночью и Полднем и Полночью.

Взгляни вокруг:
смотри, кругом всё оживает.
При смерти! Живое!
Правду молвит, кто тенью говорит.

Смотри, как место, где ты стоишь, сжимается:
Куда теперь, когда не стало тени, куда податься?
Вверх. Наощупь, вверх ступай.
Худеешь, не узнать тебя, тончаешь!
Весь истончился — в нить,

по которой спуститься хочет звезда,
чтобы плавать внизу, в самом низу,
там, где видит она себя
искрящейся: в зыби
вечноподвижных слов.

(Пауль Целан. Говори и ты)

«Puedo hacerle varias objeciones, — decidió Berlioz. — El hombre es mortal, eso nadie lo discute. Pero es que...»

No tuvo tiempo de articular palabra, porque el extranjero empezó a hablar.

— De acuerdo, el hombre es mortal, pero eso es sólo la mitad del problema. Lo grave es que es mortal de repente, ¡ésta es la gran jugada! Y no puede decir con seguridad qué hará esta tarde.

«¡Qué modo tan absurdo de enfocar la cuestión!», meditó Berlioz y le rebatió:

— Me parece que saca usted las cosas de quicio. Puedo contarle lo que haré esta tarde sin miedo a equivocarme. Bue-

no, claro, si al pasar por la Brónnaya, me cae un ladrillo en la cabeza.

— Pero un ladrillo, así, de repente, — interrumpió el extranjero con autoridad, — no le cae encima a nadie. Puedo asegurarle que precisamente usted no debe temer ese peligro. La suya será otra muerte.

— Quizá usted sepa cuál y no le importe decírmelo ¿verdad? — intervino Berlioz con una ironía muy natural, dejándose arrastrar por la conversación verdaderamente absurda.

— Desde luego, con mucho gusto, — respondió el desconocido. Y miró a Berlioz de pies a cabeza, como si le fuera a cortar un traje. Después, empezó a decir entre dientes cosas muy extrañas: «Uno, dos... Mercurio en la segunda casa... la luna se fue... seis, una desgracia... la tarde, siete...», y en voz alta, complaciéndose en la conversación, anunció: — Le cortarán la cabeza.

Desamparado miró furioso, lleno de rabia, al impertinente forastero. Y Berlioz, esbozando una sonrisa oblicua preguntó:

— ¿Y quién será? ¿Enemigos? ¿Invasores?

— No, — contestó su interlocutor, — una mujer rusa, miembro del Komsomol.

— ¡Mmm — gruñó Berlioz, irritado por la broma del desconocido, — perdone usted, pero me parece poco probable.

— También yo lo siento, pero es así, — contestó el extranjero. — Además me gustaría saber qué va a hacer esta tarde, si no es un secreto, naturalmente.

— No es ningún secreto. Primero pienso ir a casa y después, a las diez de la noche, hay una reunión en el MASSOLIT que voy a presidir.

— Eso es imposible, — afirmó muy seguro el extranjero.

— ¿Por qué?

— Porque... — y el extranjero miró al cielo con los ojos entornados. Unos pájaros negruzcos lo rasgaban en silencio, presintiendo el fresco de la noche, — porque Anushka ha

comprado aceite de girasol y además lo ha derramado. Esa reunión no tendrá lugar.

Entonces, como es lógico, se hizo un silencio bajo los tilos.

(Mijaíl Bulgákov. El maestro y Margarita, Barcelona, 1990)

АПРЕЛЬ

22

понедельник

С Андрюшей на Малой Охте

АПРЕЛЬ

23

вторник

**«Новые языки в искусстве». Материалы конференции.
Вып. 1.**

<Подписка проводилась лабораторией «Поэтическая функция» весной 1989 года>

Байкеев Энвер

197228, Ленинград, Приморский пр., д. 57 кв. 6

Северская О. И.
121019, Москва, Волхонка, 18/2, Институт русского языка
АН СССР — 6 экз.

Золян Сурен Тигранович
375009, Ереван, ул. Таманяна, д. 2, кв. 46

Безродный М. В.
193036, Ленинград, Гончарная, 24–8

Голлербах Е. А.
190000, Ленинград, наб. Мойки, 56/17, кв. 105

Баранов В. В.
620078, Свердловск, п/я 11 — 2 экз.

Чернов И. А.
202400, Тарту, Лениначани, д. 31, кв. 52 — 2 экз.

Рыженков С. И.
410039, Саратов, ул. М. Расковой, д. 9, кв. 90 — 5 экз.

Толстой Иван Никитич
197183. Ленинград, ул. Савушкина 12 кв. 85

Беспрозванный В. Г.
202400, Тарту, ул. Суур Каар, 61

Кондратьев М. К.
193015, Ленинград, Суворовский пр. 55/57–28

Григорьев Дмитрий Анатольевич
199048, Ленинград, В.О., 14-я линия, д. 67/69 кв. 11 — 2 экз.

Лейбов Р.
202400, Тарту, главпочтамт, до востребования

Кондратович В. В.
191126, Ленинград, ул. Марата, 68–8

Зелинский В. В.
194291, Ленинград, пр. Просвещения 39 корп. 2 кв. 3 — 2 экз.

Сафронова Анна Евгеньевна
410600, Саратов, пр. Кирова, д. 12, кв. 27 — 2 экз.

и мн. др.

АПРЕЛЬ

24

среда

Василий Иванович никак не может найти полковую карту, наконец, видит её высоко на шкафу и прямо в грязных сапогах встаёт на табуретку.

Петька (с укоризной): — Василий Иванович! Ты бы газету постелил.

Василий Иванович: — Нет, Петька, и на газете не дотянусь.

АПРЕЛЬ

25

четверг

Херлуф Бидstrup, Четыре темперамента

26

АПРЕЛЬ

26

пятница

Книга — особенный дом на опушке леса, куда приводят ребёнка и где его оставляют одного, чтобы он узнал там некоторые страшные вещи и потом, когда узнает, вернулся.

7

В творчестве старше то, что родилось позже.

13

Ты такой, как ты сейчас сказал, а не такой, как ты потом подумал.

13

Всего полшага в прошлое языка, и различить Савёловский и Павелецкий вокзалы уже невозможно.

6

Дети, запишите предложение: *«Записывают, чтобы забыть»*.

9

Слово «смерть» — знак, служащий для выражения крайней степени недоумения.

10

Лес — такое состояние деревьев, при котором они неделимы от воздуха.

25

Углы, которые примелькались настолько, что мы их не замечаем, можно показать с изнанки. Ничего, что они не будут узнаны сразу, — тем большую радость доставит узнавание.

37

Интересные мысли почти никогда не приходят в голову впервые. Почти всё записываемое здесь — лишь воспоминания о том, что я (?) думал или переживал раньше, причём слово «воспоминание» означает в данном случае, что мысль была хотя бы ненадолго забыта.

41

Абсолютно подлинный фрагмент всегда фальшив в художественном контексте, так же как был бы фальшив чистый вымысел, который невозможен. «В искусстве не должно быть ничего такого, чего нет в жизни, и ничего из того, что в жизни есть», — гласит принцип театра Но.

10

Главное достоинство товара — отсутствие недостатков, главный недостаток человека — отсутствие достоинств.

11

Интересно было бы отбрасывать тень в виде зайца, кактуса или табуретки.

11

Когда все ходят в сапогах, женщина в туфлях выглядит соблазнительно раздетой.

(Игорь Юганов. Телеги & гномы, 2007)

→ 5 июля: Телеги и гномы, 2

АПРЕЛЬ

27

суббота

Как-то совершенно непривычно было видеть знакомый интерьер в эту пору суток. В 10.00 часов утра 27 апреля 1981 года в «Сайгоне» всё как будто бы было на месте. Три ступеньки с углового входа, вытертый подошвами мраморный пол, длинная деревянная стойка с внутренней стороны помещения, круглые табльдотные столики вдоль окон, выходящих на Невский и Владимирский, низкие мраморные подоконники...

Однако день был пренеприятнейший. Несмотря на весеннюю пору, колючий, даже морозный ветер забивался в складки одежды, заставляя мечтать о том, как бы побы-

стрее добраться до «Сайгона» — места, где нам была назначена заранее оговоренная встреча.

Встреча была назначена представителем КГБ, который назвался Владимиром Соловьёвым (имя, возможно, вполне условное, но, столь же возможно, и натуральное). А мы — это четверо человек из редакции самиздатовского журнала «Часы», образовавшегося в 1976 году благодаря усилиям Бориса Ивановича Иванова. За глаза мы именовали основателя журнала «Боцманом», так как он какое-то время руководил небольшим коллективом (куда входили художник Владлен Гаврильчик, искусствовед Михаил Иванов и другие) так называемой «баржи-грязнухи» (такие баржи перевозили ил с акватории Невы в места его складирования). Вторым отцом-основателем был Борис Останин — личность беспокойная и яркая, филолог-«старатель», постоянно отыскивающий новые и новые золотые жилы ещё мало кому ведомой неофициальной литературы. Третьим, кажется, был я — Юрий Новиков, по последнему образованию искусствовед (до того — монтажник-высотник, геодезист-картограф), который нашёл свою собственную «Землю Санникова» не в полярных льдах, а здесь, в Ленинграде, в мастерских художников и в самодельных литературных «салонах».

Но тогда, 27 апреля 1981 года, здесь, в «Сайгоне» рядом с нами не было ни Бориса Иванова, ни Бориса Останина. По договоренности они остались за кадром. А «стояло» четверо: Ваш покорный слуга, Аркадий Драгомощенко, Эдуард Шнейдерман и Игорь Адамацкий.

Что же заставило нас собраться в столь непривычный час пусть даже и в очень привычном месте? Дело в том, что в конце 1980 — начале 1981 годов активизировались попытки редакции журнала «Часы» и сотрудников к тому времени распавшегося журнала «37» во главе с Виктором Кривулиным обрести некую общественную площадку, на которой могли бы открыто общаться со своими ценителями

литераторы и художники, устраивавшие доселе свои посиделки лишь на квартирах. При этом команда Кривулина (с присущим Виктору авантюризмом) попыталась придать своему проекту некоторый политический привкус (не без расчёта на западные СМИ). Позиция членов редакции «Часов» была противоположной. «Часовщики» придерживались принципа примата культуры и относились к политике (а особенно — к политиканству) с определённой брезгливостью. Что и отражалось на страницах журнала: поэзия, проза, критика, религиоведение и философия, переводы (многие из которых были печатно продублированы в постперестроечное время), хроника культурных событий. Со времени основания журнала «часовщики» организовали две конференции, посвящённые проблемам неофициальной культуры, учредили премию Андрея Белого (что достойно отдельной книги, тем более что в 2008 году будет присуждаться юбилейная тридцатая премия) по разделам: поэзия, проза, культурология.

Несколько ранее, во времена шумных выставок «неофициальных» художников в ДК им. Газа и «Невском» (1974–1975 годы), я предлагал «экстремалам», стремившимся эмигрировать на Запад, взять на себя «героические» функции устроителей общественно-политических скандалов. В то время как другие, относительно «умеренные» (не в художественных формах, но в политических умонастроениях), могли бы существенно продвинуться в возможностях признания своего творчества. Тогда эти предложения вызвали резкие обвинения в попытке разъединения общего движения.

Но вот сейчас сама собой возникла та ситуация, которая недавно была отвергнута художниками, — команда Виктора Кривулина в силу своих принципов и политического темперамента взяла на себя роль «экстремалов». В то время как «Часы» оказались в роли «умеренных» и внешне — не политизированных.

«Старший Брат», внимательно следивший за всеми нами, был в курсе этих событий. И поэтому в квартире Бориса Иванова раздался звонок из «Большого дома» с предложением встретиться и начать официальные переговоры. Встретиться в «Сайгоне». На вопрос «А как мы узнаем друг друга?» на другом конце провода зримо усмехнулись: «Ну, вы понимаете, мы всех вас хорошо знаем. А чтобы вы узнали нашего представителя, он при входе в „Сайгон“ помашет вашим переговорщикам газетой „Труд“». Итак, в 10.00 мы в «Сайгоне».

<...>

10.55. Поняв, что в КГБ нас попросту прокатили, и выкушав по пятой порции «двойного маленького», мы уже собрались на выход... И тут в дверях появился человек, в обеих поднятых руках держащий по экземпляру газеты «Труд»... Со словами: «Извините, господа-товарищи. Уф! Шёл пешком от самого Дома, но ни в одном киоске не было „Труда“... и к нам в контору его сегодня почему-то не доставили... Видел вас в окне, но без условного знака не рискнул подойти... Пришлось мчаться на Московский вокзал — там всегда доставляют рано... и лишь после этого вернуться... спасибо, что вы-таки дождались... Уф!.. Может быть, выпьем по чашечке кофе? У меня к нему есть хороший коньячок...»

...После очередной порции «маленького двойного» мы под водительством нашего переговорщика направились в ближайшее представительство КГБ во дворце Белосельских-Белозерских. И началась длительная, затянувшаяся на многие месяцы, фаза переговоров нашей «группы контакта» с ГБ, чиновниками из Союза писателей и представителями ленинградского Обкома КПСС. Изматывающая дипломатическая война, в которой самым непримиримым противником оказался Союз писателей. Играя на противоречиях и амбициях этих, казалось бы, объединённых сил, нашей команде (с плотным включением стратегического

таланта Бориса Иванова) удалось-таки выстоять и выиграть (и за это мы должны быть благодарны «Сайгону» — своеобразной модели тогдашнего общества под названием «Советский Союз»), организовав и легализовав к концу 1981 года «Клуб-81» — первое в СССР объединение неофициальных литераторов. (Все руководители разных ДК категорически отказались приютить в своих стенах «диссидентов», и лишь храбрая Белла Нуриевна Рыбалко, директор музея-квартиры Ф. М. Достоевского, пошла на этот риск.) «Клуб-81» взял под своё крыло таких же неофициальных художников, музыкантов, бардов и театральных деятелей. Все они вышли из «подполья» и «квартирного» состояния и обрели общественно значимую площадку — вначале в Музее-квартире Ф. М. Достоевского, а потом и в собственных помещениях во дворе дома № 5 по ул. П. Лаврова. Но это уже другая, длительная, увлекательная и драматическая история...

(Юрий Новиков. Однажды в «Сайгоне»... // Сумерки «Сайгона», СПб., 2009)

Взгляни, о брат мой,
Как мир наш весел, —
Поёт, обрадованный:
Христос Воскресе!
И птичьи песни
По поднебесью:
Христос Воскресе!
Христос Воскресе!
В весеннем свете
Всё краснолесье
Целует ветер:
Христос Воскресе!
Сей вести рады,

Ликуют веси,
Ликуют грады:
Христос Воскресе!
Звон колокольный
Мне в душу плещет
Как зов раздольный:
Христос Воскресе!
Восторгом вести
Пронизан весь я:
Спасенье есть нам!
Христос Воскресе!
О день весенний,
Как ты чудесен!
Есть воскресенье!
Христос Воскресе!

(Монах Лазарь)

20.1.89

Дорогой Борис <Гройс>,

Таня Горичева давно не отвечает, поэтому пишу тебе: не мог бы ты в ближайшее время узнать некоторые сведения о десяти эмигрантах-ленинградцах (см. приложение-обращение), т.е. имя-отчество, подробный адрес, род занятий, чтобы мы успели за оставшийся месяц выслать им официальные приглашения. Кроме того, можно приглашать любых желающих (за свой счёт). Очень прошу, сделай это побыстрее, до апреля осталось не так много времени. Конференция <«Независимая культура Ленинграда 1950–70-х годов»> обещает быть небезинтересной и немалочисленной. Подробности в следующем письме, тем более что имеются и другие проекты.

С приветом,
твой Борис Останин.

Дорогой Борис,

спасибо за подробное письмо. На «школу» в августе <Международная летняя школа, 9–13 августа 1989 г.> приеду охотно, если получу визу. Но для этого должен иметь официальное приглашение *как можно раньше*. Напиши подробнее о возможностях финансирования.

<Умберто> Эко приглашать не надо — это просто такое пижонство, которое особенно всерьёз здесь не принимается. Кроме того как человек он не очень приятен (я имел случай его наблюдать). Пригласить надо Петера Слотердайка из Мюнхена. Я с ним уже говорил, и он согласен. Это действительно яркая фигура и очень популярная. Его самая известная работа «Критика цинического разума». Адрес: Peter Sloterdijk, Dollmannstr., 13, 8000 München 40, BRD. Постарайся выслать приглашение как можно раньше и сделай это обязательно. (Писать можно и по-английски, и по-французски.)

Теперь с публикациями. Я думаю, ты можешь спокойно перепечатывать с «Синтаксиса», если укажешь источник. Но с другой стороны, на все эти темы у меня есть значительно лучшие статьи, т.е. русские оригиналы статей, которые я печатал по-немецки, французски и т.д. Эти оригиналы есть у Оси <Бакштейна>, у Жени Барабанова и у Натальи Тамручи <московский адрес, телефон>. У неё есть несколько подробных работ о соц-арте, о 30-х годах. Ты можешь с ней связаться и от моего имени попросить эти тексты для ваших сборников <«Новые языки в искусстве»>. Они довольно подробно и «западно» написаны, т.ч. могут быть интересны. Кроме того это будут их первые русские публикации.

Очень рад, что ты сейчас активен в новой ситуации. И поздравляю с детьми. На ком ты сейчас женат? Очень был бы рад, если бы удалось приехать и повидаться.

Всем привет и тебе привет от Наташи.

Твой Борис <Гройс>.

29.04.89

АПРЕЛЬ
30
вторник

Борис Конструктор, 1979

МАЙ

Дневник как заговор интеллектуалов

МАЙ

1

среда

Попытка соотнести несоотносимое — дневник и афоризмы, написанные в различных странах, в разное время: дневник военного времени <Дриё ла Рошель> и афоризмы времени застоя <Останин>, дневник-самоубийцы и первую книгу писателя, авторов, живущих в разных режимах (понимаемых во всех смыслах слова), — резонна в свете дефицита интимного письма, краткости сообщения, прихотливости мысли и эссеистической экспрессивности. Демонстрируемые ими непосредственное выражение опыта жизни, её переживание, непосредственную реакцию и оценку случившегося дают мне основание соотносить столь разных авторов. Искренность, какую бы форму она не принимала — редкое, а посему и востребованное качество. Ведь если хочешь быть искренним — забудь об унифицирующем насилии жанра. Избранные авторы отвечают этим условиям: они нашли верный тон в отношении описываемых событий. И это главное.

От тайны к очевидности

«Дневник есть манифестация *единичного*» — пишет практикующий и исследующий этот жанр К. С. Пигров. Сейчас мало кого интересует принуждение к правильному выводу. Само понимание, точность образа, мысли, интуиции, совпадение с моими предрассудками и представле-

ниями проявляется в случайно сказанной фразе, по случаю произнесённом суждении, приобретающем афористическую ясность. Образованные про запас историей философии, литературы, культуры, современные интеллектуалы взыскуют скорее свернутых мыслей, сжатых до точки прозрений, чем развернутых на пути принуждения аргументов.

Дневники приходят на смену исповеди, обратная сторона которой — разглашение секрета: «Руссо всегда будут почитать за то, что он признался в своих грехах не в исповедальне», а Монтеня за то, что он «поведал нам свои секреты» (О. Уайльд). Когда же порок, тайна, запрет и табу перестали «запускать в работу» воображение, когда они уже никого более не интригуют, когда вчерашние запреты наивны и сентиментальны, а нарушение табу повседневность, когда качество текста определяется ясностью самоотчёта, сочетающегося с регистрацией проявлений жизни без «осмеивания человеческих поступков» (Спиноза) или, если воспользоваться термином из дискурса кураторов, *документированием* разворачивающихся событий, редуцируя последние до «акций» и «действий», — тогда дневник *становится жанром художественной прозы*.

Обращаясь к дневнику как жанру (как умолчать о Митицуна-но Хаха и Сэй-Сёнагон), мы ожидаем точных деталей времени и событий личного масштаба. Так, например, во Франции после Анри Амьеля, Марии Башкирцевой, братьев Гонкур жанр автобиографии и дневников вновь стал привычным разделом художественной литературы на книжных прилавках. Но если в период утверждения жанра (конец XIX — начало XX вв.), как пишет современный французский исследователь автобиографии Филипп Лежён, бросались в глаза и вызывали раздражение «невроз, кокетство, самолюбование, пересуды», то дневник Дриё задевает иным: абсолютным отказом от того, что сегодня мы называли бы политкорректностью. Вместе с тем он покоряет чита-

теля безупречно последовательной интеллектуальной позицией, отсутствием литературной позы и нарциссизма.

Дневники писателя и политика Пьера Дриё ла Рошеля потребовали временной дистанции, поэтому опубликованы в издательстве «Галлимар» (при том, что издателя Галлимара Дриё ругал, не стесняя себя в выражениях) лишь в 1992 году. Уместно, однако, задаться вопросом, что даёт их перевод нашему соотечественнику? Кроме, конечно же, исторической ценности свидетеля событий времён Второй мировой войны, участником которой он стать не захотел (уже здесь пролегал пропасть между тем, что *было* у них и чего у нас *быть* не могло).

Утрата силы, способной сплотить французскую нацию и Европу в целом, остро ощущалась Дриё. Обрести утраченное он надеялся в фашизме, в котором, впрочем, также разочаровался к концу войны. При том, что Дриё был автором многочисленных произведений: романов, эссе, трактатов, — его воспринимали скорее как личность, чем как писателя. Его чёткая, доведённая до однозначности политическая позиция, верность ей, его самоубийство, которому предшествовали самоубийственные для интеллектуала и политика профашистские, националистические и антисемитские заявления, поставили на нём несмыслимое клеймо фашиста и антисемита. И всё это никак не соотносится с мягким и добрым лицом интеллигента, который смотрит на нас с фронтисписа книги.

Он был равнодушен к друзьям, противникам, собеседникам, но более — к самому себе. Для того чтобы написать *такие* дневники, нужно было прожить *такую* жизнь, сжечь мосты, занять точку зрения уже-обречённого и потому ни-с-чем-не-связанного человека. Мысль о самоубийстве многим писателям помогала смириться с окружением и удлиняла жизнь и пробуждала некое подобие любопытства: а что же ещё произойдёт такого, что могло бы меня удивить? Но всё же не могу избыть вопроса: исчерпывался

ли мотив дневников его самоотчетом: «Я открываю дневник лишь в минуты усталости или же если, оказавшись дома, я не в силах ни читать, ни писать, ни мечтать», — или мотив письма открывают слова Марии Башкирцевой: «Если я умру молодой, я хотела бы издать свой дневник, который не может быть не интересным»? Признаётся же он себе, «что одиночки наподобие меня насквозь пропитаны прогорклой гордыней и плохо сдерживаемыми претензиями». Умру, не успев состариться, — таков лейтмотив многих его записей, сгущавшийся к 1945 году.

Читая дневник Дриё, я заметил странную его особенность: абстрактные размышления о будущем, о политических акциях, гипотетических политических демаршах и военных действиях ведущих войну стран быстро отвратили бы меня от чтения, если бы они исходили от имени героя романа. Здесь же что-то удерживает меня, и я продолжаю читать не с меньшим интересом, чем если бы речь шла о бытовых подробностях и личных событиях автора. Прихожу к выводу, что такого пренебрежения литературой — «я редко доводил свой стиль до совершенства, или же напрочь лишал его жизни», — такого *невнимания* к читателю трудно привести пример. Дриё — человек без среднего плана, т.е. без интереса к конкретному человеку: «столкнувшись с каким-нибудь индивидом и его разглагольствованиями частного лица, я его в упор не вижу». Он человек двух странным образом непротиворечиво уживающихся измерений: геополитического и чувственно-тактильного. Две страсти — женщины и политика — переплелись столь тесно, что одна переходит в другую без сбоя интонации. Вот один из примеров, отсылающий к словам русского поэта, вверившего свою судьбу выскочившему наперерез зайцу: «Я знаю, что женщины мне подчиняются, и тем сильнее, чем меньше у них чувственной власти надо мной. — В тот вечер речь Черчилля была восхитительной» или: «Самая красивая грудь, на мой

взгляд, была у одной бретонки в борделе, в 1916 году, да ещё у одной англичанки в Лондоне, в 1919 году. Табаренские манекенщицы. Немцы вовсе не революционеры, совсем не поспевают за событиями. Гитлер занимался только войной».

Его отношение к насилию требует отдельного разговора. «Баррес никогда не согласится говорить, к примеру, о насилии как о необходимости-в-себе; он способен рассуждать о насилии как зле, от которого необходимо обороняться. Этим он обязан своему воспитанию. Он присоединяется к греческим философам раннего декаданса, к Платону и Аристотелю, для которых, как и для христиан, зло уже превратилось в нечто внеположенное душе, в нечто ей навязанное и привнесённое. Между тем я (вслед за Ницше, Гегелем, Шопенгауэром) придерживаюсь более древних представлений, согласно которым зло таится в самом сердце жизни», — пишет Дриё. Диагноз Ницше: «Европа — это больной, который в высшей степени обязан своей неизлечимости и вечному преобразованию своего страдания: эти постоянно новые состояния, эти столь же постоянно новые опасности, болячки и паллиативы породили вконец ту интеллектуальную чуткость, которая есть почти что гениальность и во всяком случае мать всяческой гениальности», — многократно подтверждённый в «Закате Европы», «Кризисе европейских наук...», «Времени картины мира», у Дриё находит новые артикуляции.

Из-за великого сочувствия к соотечественникам Дриё ла Рошель ненавидит последних. Двойственность чувств не уникальна. Вспомним В. В. Розанова: «С некоторых пор ненавижу всё русское». Дриё — фашист до фашизма, лидер без масс; певец нормандского духа и национализма — без нации: в собственные силы французов, в их способность к возрождению он не верит; сторонник войны и борьбы с демократией — без реальной силы или определённой идеологии; наконец, антисемит — помогающий во время

войны евреям и заботящийся об обретении ими собственного государства.

Вопрос о самоидентификации — исключительности — пишущего, говорящего и думающего сегодня стоит не менее остро, чем прежде. Дриё, называя себя *интеллектуалом*, объясняет/позволяет себе всё: свою позицию, поступки, несвоевременность мыслей. Потребность в инородном зеркале, преломляющем повседневность в свете идеала, столь же неистребима, сколь *ненормален* ищущий и обретающий его в жизни. В истории исключительность поведения, вольности и дерзости оправдывались тем, что Поэту, а затем и Художнику позволялось отступать от общих правил морали и даже быть безумным. Вспомним ответ инквизитору художника Паоло Веронезе: «Мы, живописцы, пользуемся теми же вольностями, какими пользуются поэты и сумасшедшие».

(Валерий Савчук. Дневник как заговор интеллектуалов: Пьер Дриё ла Рошель и Борис Останин, 2000, отрывок)

Пишущий о Розанове постоянно находится перед соблазном двух крайностей: крайности «отстранения» и крайности «растворения».

В первом случае, в случае рационального анализа, возникает своеобразное «мимоговорение». Сегменты розановского мира произвольно выдираются и служат удобным материалом для «конструктивного исследования». При этом первоначальная тема, например, «Розанов и атеизм», мало-помалу трансформируется в тему «Атеизм Розанова» или, соответственно, «Религиозность Розанова». Крайний субъективизм нашего мыслителя становится некой самостоятельной сущностью, а следовательно — фикцией. Споря не с Розановым, а с мнением Розанова по тому или иному поводу, автор постоянно промахивается. То, что ему кажется сутью розановской философии, оказыва-

ется лишь её смутной проекцией на экран «объективного мира», проекцией, правда, легко поддающейся схематическому разложению, но, увы, имеющей весьма отдалённое отношение к истине. «Честный» исследователь Розанова рабски следует за сиюминутной данностью, не понимая внутренней подоплёки его творчества. Это непонимание приводит к ощущению кажущейся спонтанности и абсолютной непредсказуемости розановского мышления. Кажется, что Розанов специально «доводит» своих читателей. Тогда его оппоненты либо опускают руки, либо безнадежно соскальзывают в унылую ругань. Всякий знакомый с критическими статьями о Розанове легко найдёт тому соответствующие примеры.

Вторая крайность — это полное и безоговорочное принятие мира Розанова. При этом теряется какая-либо точка отсчёта, и автор включается в восхитительную словесную игру. Однако, в результате вместо критического анализа перед нами оказывается ослабленный вариант того же Розанова. Кроме того, здесь нарушается чистота индивидуального восприятия текста, возникает ощущение своеобразной ревности.

Тончайшая паутинка философской системы «Опавших листьев» требует очень бережного и деликатного отношения. «Отстранение» приводит к тому, что её просто не замечают и, давно уже порвав, все ворочаются носорожьей тушей: «Где же тут Розанов, где тут философия? Система? Ничего нет. А значит, и не было!» Во втором случае, случае «растворения», конечно же критик запутывается в паутине розановской иронии. Паутинка дрожит, расплывается перед глазами, и ничего не слышно кроме заунывного мушиного жужжания. И опять вроде бы нет никакого Розанова. Есть писатель, фантазёр, выдумщик, но никак не мыслитель...

А ведь до сего дня это, может быть, вообще единственный чисто русский философ, заложивший фундамент на-

ционального мышления и создавший благодаря этому прекрасную возможность для ещё одной трансформации русского сознания.

Конечно, это звучит очень сильно и, как всякое сильное суждение, требует сильного доказательства. Но как доказать это? Уже тот факт, что подобное суждение выглядит парадоксальным, доказывает, что явных и бесспорных доказательств этому быть не может. Не может быть этих доказательств и потому, что произведения Розанова — неподходящий материал для такого рода авантюр. Доказательство — это постройка, а постройка — это всё то же неуклюжее «отстранение».

И всё же можно попробовать... не доказать, нет, а *нащупать* неуловимую сущность розановщины, бесплотную структуру её паутинок-мыслей.

*(Дмитрий Галковский.
Бесконечный тупик, 1997, отрывок)*

Российский герб, дизайн Евгения Ухналёва

Строчки и сморчки

МАЙ

4

суббота

Как-то *неправильно* эти грибы названы, лучше бы наоборот: строчок — по внутренней форме слова и звучанию (строка, строй, стрела) — должен быть вытянутым, мужским, а сморчок (мор, морщины, сморкаться) — шаровидным, женским.

В любом случае оба гриба хороши: не однажды собирал в Быково близ дороги на Вязку апрельские сморчки (в моей номенклатуре *строчки*), весенние первогрибы-торопыги.

МАЙ

5

воскресенье

Сергей Курёхин

МАЙ

6

понедельник

На другой же день меня снова вызывают на допрос. На этот раз Добротин не один. Вместе с ним ещё каких-то три следователя, видимо, чином значительно выше. Один в чекистской форме с двумя ромбами в петлице. Дело идёт всерьёз.

Добротин держится пассивно и в тени. Допрашивают те трое. Около пяти часов идут бесконечные вопросы о всех моих знакомых, снова выплывает уродливый, нелепый остов Стёпушкиного детективного романа, но на этот раз уже в новом варианте. Меня в шпионаже уже не обвиняют. Но граждане X, Y, Z и прочие занимались шпионажем, и я об этом не могу не знать. О Стёпушкином шпионаже тоже почти не заикаются, весь упор делается на нескольких моих иностранных и неиностранных знакомых. Требуется, чтобы я подписал показания, их изобличающие, и тогда — опять разговор о молодости моего сына, о моей собственной судьбе, о судьбе брата. Намёки на то, что мои показания весьма существенны «с международной точки зрения», что ввиду дипломатического характера моего этого дела имя моё нигде не будет названо. Потом намёки — и весьма прозрачные — на расстрел всех нас троих в случае моего отказа и т.д. и т.д.

Часы проходят, я чувствую, что допрос превращается в конвейер. Следователи то выходят, то приходят. Мне трудно разобрать их лица. Я сижу на ярко освещённом месте, в кресле, у письменного стола. За столом Добротин, остальные в тени, у стены огромного кабинета, на каком-то диване.

Провратиться я не могу, хотя бы просто потому, что я решительно ничего не выдумываю. Но этот многочасовой допрос, это огромное нервное напряжение временами уже завлакивают сознание какой-то апатией, каким-то безразличием. Я чувствую, что этот конвейер надо остановить.

— Я вас не понимаю, — говорит человек с двумя ромбами. — Вас в активном шпионаже мы не обвиняем. Но какой вам смысл топить себя, выгораживая других. Вас они так не выгораживают.

Что значит глагол «не выгораживают» и ещё в настоящем времени? Что эти люди или часть из них уже аресто-

ваны? И действительно «не выгораживают» меня? Или просто это новый трюк?

Во всяком случае конвейер надо остановить.

Со всем доступным мне спокойствием и со всей доступной мне твёрдостью я говорю приблизительно следующее:

— Я журналист и, следовательно, достаточно опытный в советских делах человек. Я не мальчик и не трус. Я не питаю никаких иллюзий относительно своей собственной судьбы и судьбы моих близких. Я ни на одну минуту и ни на одну копейку не верю ни обещаниям, ни увещаниям ГПУ, весь этот роман я считаю форменным вздором и убеждён в том, что таким же вздором считают его и мои следователи; ни один мало-мальски здравомыслящий человек ничем иным и считать его не может. И что ввиду всего этого я никаких показаний не только подписывать, но и вообще давать не буду.

— То есть как это вы не будете? — вскакивает один из следователей и замолкает. Человек с двумя ромбами медленно подходит к столу и говорит:

— Ну что ж, Иван Лукьянович. Вы сами подписали ваш приговор... И не только ваш. Мы хотели дать вам возможность спасти себя. Вы этой возможностью не воспользовались. Ваше дело. Можете идти.

Я встаю и направляюсь к двери, у которой стоит человек.

— Если одумаетесь, — говорит мне вдогонку человек с двумя ромбами, — сообщите вашему следователю. Если не будет поздно...

— Не одумаюсь.

Но когда я вернулся в камеру, я был совсем без сил. Точно вынули что-то самое ценное в жизни и голову наполнили бесконечной тьмой и отчаянием. Спас ли я кого-нибудь в реальности? Не отдал ли я брата и сына на расправу этому человеку с двумя ромбами? Разве я знаю, какие аресты произведены в Москве, и какие методы допросов были приме-

нены, и какие романы плетутся или сплетены там. Я знаю, я твёрдо знаю, знает моя логика, мой рассудок, знает весь мой опыт, что я правильно поставил вопрос. Но откуда-то со дна сознания подымается что-то тёмное, что-то почти паническое, и за всем этим кудрявая голова сына, развороченная выстрелом из револьвера на близком расстоянии.

(Иван Солоневич. Россия в концлагере)

→ 21 июня: Солоневич, 3

Незрелость

Младенец кашку составляет
Из манных зёрен голубых.
Зерно, как кубик, вылетает
Из лёгких пальчиков двойных.
Зерно к зерну — горшок наполнен,
И вот, качаясь, он висит,
Как колокол на колокольне,
Квадратной силой знаменит.
Ребёнок лезет вдоль по чашам,
Ореховые рвёт листы,
И над деревьями всё чаще
Его колеблются персты.
И девочки, носимы вместе,
К нему по воздуху плывут.
Одна из них, снимая крестик,
Тихонько падает в траву.

Горшок клубится под ногою,
Огня субстанция жива,
И девочка лежит нагою,
В огонь откинув кружева.
Ребёнок тихо отвечает:
«Младенец я и не окреп!

МАЙ

7

вторник

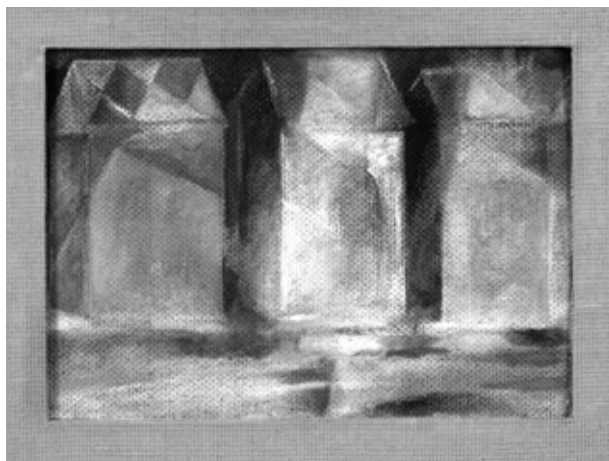
Ужель твой ум не примечает,
Насколь твой замысел нелеп?
Красот твоих мне стыден вид,
Закрой же ножки белой тканью,
Смотри, как мой костёр горит,
И не готовься к поруганью!»
И тихо взяв мешалку в руки,
Он мудро кашу помешал, —
Так он урок живой науки
Душе несчастной преподавал.

(Николай Заболоцкий, 1928)

МАЙ

8

среда

Игорь Улангин, Три дома

МАЙ

9

четверг

В обществе преподавателей Коллеж де Франс, университетской публики и их коллег кто-то заводит речь о том, что некоторых немецких мыслителей невозможно переводить, и предлагает, расширив тему, провести исследование, каких философов переводить можно, а каких — нельзя.

Вероятно, под этим самонадеянно полагают, что есть философы и вообще писатели, которых действительно можно перевести.

— Не иллюзия ли это? — осторожно заметил я. — Разве перевод не безнадёжно утопическое занятие? Правда, с каждым днём я всё более склоняюсь к мысли, что утопично всё, что ни делает человек. Он занят познанием, но ничего не познаёт до конца. Верша правосудие, он неизбежно кончает мошенничеством. Он думает, что любит, но вскоре замечает, что не пошёл дальше обещаний. Не примите эти слова в нравственно-сатирическом смысле, будто я упрекаю своих собратьев по роду в том, что они не выполняют обещанного. Моё намерение прямо противоположно: не обвиняя их в неудачах, я хочу высказать мысль, что ни одна из этих задач не выполняема, что все они по сути своей неосуществимы и всегда останутся пустой претензией, ложным замыслом и беспомощным жестом. Природа снабдила каждое животное программой действий, которые оно способно так или иначе совершать. Вот почему животное так редко грустит. Только у высших — собаки — порой заметно нечто вроде грусти, и именно тогда они более всего похожи на нас, более человечны. Пожалуй, самое обескураживающее по своей двусмысленности зрелище, которое являет природа, — грусть орангутана в таинственной глубине сельвы. Обычно животные счастливы. Мы — напротив. Люди вечно одержимы тоской, безумием, маниями, страдая от всех тех недугов, которые Гиппократ назвал божественными. Ибо человеческие дела неосуществимы. Удел — привилегия и честь — человека тщетно стремиться к задуманному, олицетворяя собой чистый порыв и живую утопию. Он неизменно идёт к поражению, ещё до битвы получая пулю в висок.

То же справедливо и для такого скромного занятия, как перевод. В творческом отношении нет ничего более

непритязательного. Однако и перевод оказывается невыполнимым.

Писать хорошо — значит постоянно подтачивать общепринятую грамматику, существующую норму языка. Это акт перманентного мятежа против окружающего общества, подрывная деятельность. Чтобы писать хорошо, требуется определённое бесстрашие. А переводчик обычно человек маленький. Своё занятие, самое непритязательное, он выбирает из робости. Перед ним выстроился громадный полицейский аппарат: грамматика и неуклюжий узус. Как он поступит с мятежным текстом? Не чрезмерно ли требовать от него, чтобы он сам стал бунтовщиком и ради чужой корысти? Вероятно, в нём победит благоразумие, и вместо того чтобы сражаться с грамматикой, он предпочтёт обратное: заключит переводимого писателя в темницу лингвистической нормы, то есть предаст его. Traduttore, traditore. <...>

— Вы признаёте, что существует два вида сочинений: те, что переводить можно, и те, что нельзя?

— Если рассуждать *grosso modo*, я вынужден буду признать это разграничение, но тогда мы закроем двери перед настоящей проблемой, которую ставит любой перевод. Ибо, задумавшись над тем, почему одни книги переводить легче других, мы вскоре поймём, что в них сам автор сначала перевёл себя с настоящего языка, в котором он «живёт, движется и существует», на некий псевдоязык, составленный из технических терминов, искусственных с точки зрения лингвистики слов, которым он сам же должен давать определение в своей книге. Короче, он делает перевод с языка на терминологию. <...> Язык — это система словесных знаков, благодаря которым люди могут понимать друг друга без предварительной договоренности, в то время как терминология понятна лишь тогда, когда тот, кто пишет или говорит, и тот, кто читает или слушает, лично условились о значении знаков. Поэтому я на-

зываю терминологию псевдоязыком и говорю, что учёному приходится начинать с перевода собственных мыслей. Это волапук, эсперанто, принятые в результате намеренного соглашения людей, разрабатывающих данную дисциплину. Вот почему эти книги легче переводить с одного языка на другой. По сути дела такие книги, хотя они выходят в разных странах, почти целиком уже написаны на одном и том же языке. По той же причине они кажутся непроницаемыми, непонятными или, по крайней мере, очень сложными для понимания людям, говорящим на настоящем языке, хотя на первый взгляд они написаны на нём же. <...> Проблема перевода, едва мы приступаем к её рассмотрению, ведёт нас к сокровеннейшим тайнам чудесного феномена — речи. Даже едва затронув то, что лежит на поверхности нашей темы, мы открываем для себя немало любопытного. До сих пор я ограничивался обоснованием утопичности перевода тех не математических, не физических и, если угодно, не биологических книг, автор которых является писателем в подлинном смысле слова. Это означает, что он с редким тактом воспользовался родным языком, выполнив при этом два несовместимых условия: быть просто-напросто понятным и в то же время поколебать обычное употребление языка. Эту двойную операцию осуществить труднее, чем пройти по слабо натянутому канату. Можно ли требовать этого от простых переводчиков? Но вслед за первой трудностью — передать авторский стиль — перед нами возникают всё новые их пласты. Например, личная стилистика автора состоит в том, что он, едва смещая привычный смысл слова, заставляет его обозначать такой круг предметов, который точно не совпадает с тем, что обозначает данное слово в повседневном обиходе. Общее направление этих смещений у писателя и есть так называемый стиль. <...>

(Хосе Ортега-и-Гасет. Нищета и блеск перевода)

МАЙ

10

пятница

У друга в доме ширма слюдяная
Обращена к цветам, к деревьям сада —
В неё вошла природа, как живая,
И оттого рисунка ей не надо.

(Ван Вэй)

МАЙ

11

суббота

*В Комиссию по культуре Ленсовета
от творческой лаборатории
«Поэтическая функция» при ЛО СФК*

КРАТКАЯ СПРАВКА

о деятельности, перспективах и проблемах
творческой лаборатории «Поэтическая функция»

Творческая лаборатория «Поэтическая функция» при ЛО Советского фонда культуры существует как «неформальная организация» с 1986 года, а 11 ноября 1988 г. учреждена при ЛО СФК.

Главная задача «Поэтической функции» — деятельное и разнообразное участие в становлении *нового* отечественного искусства, сочетающее как непосредственную художественную практику, так и теоретическую рефлексию, прогнозирование и разработки. «Поэтическая функция» — *междисциплинарное* объединение; среди ее членов (свыше 70 человек) — писатели, художники, философы, культурологи, композиторы, искусствоведы...

Проведены три конференции «Новые языки в искусстве» (1987–89), конференция «Независимая культура Ленинграда 1950–70-х годов» (апрель 1989), Международная Летняя школа «Язык — сознание — общество» (август 1989). Подготовлены к печати три сборника «Новые языки в искусстве». Материалы Летней школы «Язык — сознание — общество» переданы в издательство Мичиганского университета (США). Подготовлены к печати сборник современной поэзии «Петроградский базар» и сборник сложной прозы 1970-х годов «Изобретение оружия». Налажены тесные контакты с западными писателями и издате-

лями (Л. Хеджиян, Б. Уоттен, Э. Оккар, М. Молнар и др.). Члены «Поэтической функции» принимают постоянное участие в текущей культурной жизни Ленинграда: поэтические чтения, лекции, работа в Свободном университете.

Основные проблемы «Поэтической функции» связаны со слабой финансовой обеспеченностью, которая не позволяет динамично и во всей полноте развернуть издательскую деятельность. Наличие компьютера и ксерокса, а также помещения для них в значительной мере разрешило бы эти проблемы.

По поручению Координационного совета «Поэтической функции» —

Борис Останин, редактор
<1989 год>

Andante con moto

За ночь нам тро- вать!

Всем я со- бр- ть- ник. Мне са- ма зем-

-ля кро- вать, со- нно- го - сво- тиль- ник. В го- ло-

-ве силко- ной со- дом. То не жель, а жел- тый

дом. Жел- тый дом, жел- тый дом, жел- тый дом, жел- тый дом!

Но при- дет дре- мо- ть, и до- вой за- бо- ть.

Кольцо сквозь асфальт

МАЙ

13

понедельник

Многие годы у моего приятеля Толи Пахомова всё шло хорошо, на подъём: дача на 19-м километре Петровского канала, которую он сам, словно кум Тыква, по кирпичику любовно построил, свой автомобиль, переводы для журнала «Катера и яхты» (маниакальная, какая-то подростковая любовь к парусникам), жена Валя Косырева работает в Академкниге на Литейном проспекте.

Потом хуже: вместо автомобиля мотоцикл, попали вдвоём в аварию, едва остались в живых, в 90-х годах крупно погорели на банке «Чара», пришлось проститься с дачей.

Пили оба очень неслабо, а выпивши, принимались ругаться друг с другом, впрочем, без особой злобы, скорее по многолетней привычке. У Толи стали болеть ноги, он с трудом передвигался, но упрямо ходил пешком с Большой Охты в Публичку — путь немалый.

Дальше ещё хуже: трагедия с Валиным сыном Женей, который жил с женой и двумя маленькими сынишками отдельно от матери (я снимал комнату в их трёхкомнатной квартире на Белорусской улице), чуть ли не на моих глазах — в эту ночь я случайным образом заночевал в другом месте. Женя крупно поскандалил с женой, нацелил на неё, чтобы припугнуть, газовый пистолет, жена, не стерпев обиды, ткнула Женю в грудь большим острым ножом, которым резала арбуз. Прямо в сердце, мгновенная смерть. (Володя Швейк ровно так же убил свою жену, за что и отмотал в лагере десятку.)

Умер Толя внезапно и быстро, в какие-то два дня, от странной простуды. Похороны устроил сын от первого брака, много лет промышлявший в Швеции бизнесом. Нанял катер, мы, прихватив урну с толиным прахом, отбыли от Осиневецкого маяка на северо-восток. Плыли около часа, наконец заглушили двигатель. Высыпать прах в воду предстояло мне; в последний момент боковым зрением заметил подозрительное движение у борта и каким-то чудом успел перехватил Валю, не дал ей прыгнуть в воду.

Жить она всё равно не хотела, не доставало на жизнь сил; я навещал её, приносил кое-какие деньги, она тут же их пропивала — с бомжами, с дворником-таджиком; через год заболела и умерла...

От Толи мне достались вебстеровский словарь, энциклопедия про парусники и стильная кожаная куртка с меховым воротником. Я как-то смущался надеть её, оттягивал, но однажды всё-таки себя заставил. Мы с Ликой отправились прогуляться по Новочеркасскому в сторону железной дороги, я в толиной неуютной куртке. На углу Таллинской остановились у деревянной клетки с арбузами, в один из которых был воткнут нож, продавец-южанин вынул его и, ожидая нашего решения, вертел в руках. Лезвие ярко блестело, мне стало как-то не по себе; двинулись, отказавшись от арбуза, дальше, но не прошли и десяти шагов, как правая моя ладонь вдруг похолодела, словно покрылась инеем, с безымянного пальца *само собой* соскользнуло золотое кольцо, упало на тротуар и на моих глазах *исчезло в асфальте*. Искали минут двадцать, рядом и поодаль, и хотя в тротуаре не было ни трещин, ни ям, ни люков, так и не нашли, без следа пропало.

(2000-й год)

Кот Саймона

Люциферы

Люцифер, прежде чем решиться, должен дней десять кружить вокруг да около женщины.

Она садится, берёт книгу или, закинув ногу на ногу, грезит.

Он кружит, кружит. Возможно, размышляет, возможно, входит в раж. Ещё один круг.

Ночью голова люцифера чуть светится, и сидящая женщина становится нереальной. И тогда люцифер её видит. Думает, что видит.

Так всё и начинается.

Карапуты

Карапуты рождаются мёртвыми. Их вернут к жизни позже, когда будет время. Но у карапутов времени никогда нет, и новорождённых карапутиков сваливают прямо у хибар, откуда по ночам их крадут бессильные куриоты.

Куриоты относят их к себе, окунают в купель с летучим эликсиром: карапуз открывает глаза.

В конечном счёте куриоты настолько перемешаны с карапутами, что два этих племени почти неотличимы друг от друга. Только когда куриотка выходит замуж за карапута, ничего не получается. Вот почему карапут, плохой отец, оттягивается с куриоткой по полной.

Многососцемлечники

У многососцемлечников женщина, у которой всего две груди, не заслуживает уважения. Сие пахнет дурной кухней, никудышной любовью. Пусть она поднатужится, пусть их будет хотя бы четыре. Тех, у кого их дюжина, чтут, это звёзды.

Большинство мужчин в стране занято на производстве лифчиков, и каждый, из-под полы, для своей жены. У него право на столько пуговиц на пиджаке, сколько пуговичек у неё на груди.

Что для них отнюдь не безразлично.

В Янубии

У янубиек не то восемьдесят два, а то и восемьдесят три ротика. Чтобы поверить, нужно увидеть. И однако же мало кто из путешественников может похвастаться, что посетил их всех. Разве что почтенный даос...

Что касается меня, утомленный растянувшейся на целый день экскурсией, я проник от силы в два десятка, испытывая всякий раз восхитительную опаску, как при приближении незнакомой женщины. В свой черёд: то глубже, то бархатистее; то хватче, то жарче. Мои чувства к единственной женщине, которая раскрывала передо мной двери в подобную вселенную, за считанные часы достигли абсолютного пароксизма. Утратив всякую сдержанность, я сдался.

Разговорившись о ней на следующее утро со своим хозяином, я узнал, что то была совсем юная девушка. Он счёл, что не подобает в первый же вечер знакомить меня со вполне состоявшейся янубийкой. «У такой можно насчитать, — признался он мне, — до полутора тысяч горлышек».

У эмпиев

Мужчина, если хочет оказать внимание женщине, для начала преподносит ей в мешке добычу. Это может быть малый телок или его мать-перестарка. Эмпийка особо не присматривается. Ей хотели доставить удовольствие — вот и хорошо, она ответит тем же.

Минуло двадцать веков их цивилизации, и эмпии в конце концов отказались от этого обычая. Они по-прежнему приходят с сумой. Но с дамской — сумочкой; её учтиво преподнести из звериной шкуры: леопардовой, или змеиной кожи, или крокодиловой. Снабдив зеркальцем.

(Пьер Бетанкур. Миллионо-человек)

→ 15 июля: Миллионо-человек, 3

Дорогой Борис,

очень рад твоему письму, которое дошло до меня лишь сейчас.

Благодарю за слова и дела. А озеро я стерёг в Израиле — так это было Галилейское море.

В связи с этим посылаю тебе комментарий на Апокалипсис, которого, может быть, у тебя нет. Там есть статья, посмотри.

Благодарю также за приглашение участвовать в журнале <Лабиринт/Эксцентр>. Попробую предложить кусочки перевода из книги «ЗОГАР», который я сейчас делаю. Перевод с английского перевода, т.к. написано на арамейском, которого я не знаю, но книга удивительная и в России малоизвестная. Я пошлю тебе несколько отрывков, а ты сам выбери по объёму и т.п. Если возьмёте, то фамилию мою при переводе печатать только инициалами, т.к. автор был ещё менее известен.

Ну, вот и всё. Пошлю через несколько дней.

Обнимаю. Анри Волохонский.

Мой тел.: (4989) 981185

16.05.93

Гвозди-звёзды

Есть гвозди бытовые (железные, крепёжные), а есть декоративные (золотые, обойные) — в декоративных гвоздях важен не столько «зуб», сколько красочная узорная шляпка, напоминающая цветок или звезду. С утратой символического значения понятным образом возрастает функциональное значение гвоздя: есть чем скрепить две доски, но совсем забывать о его символическом и декоративном характере вряд ли следует.

В польском языке *звезда* и *гвоздь* одного корня (*gwiazda*, *gwóźdź*), что, возможно, проясняет название цветка *гвоздика*: оно ровно такое же, что у *астры* (*astrum*, звезда) — звёздочка.

В развитие этой мысли: «гвоздь сезона/экрана» — это «звезда сезона/экрана» (звёздочка, старлетка, вовсе не *clou_F*), пожалуй, даже не звезда, а подвижная комета: сего-

МАЙ

16

четверг

МАЙ

17

пятница

дня в глазах зрителей звезда, завтра исчезла. Римляне называли комету *звезда-меч*, в средневековых хрониках её изображали в виде звезды с хвостом или кинжалом, похожей на гвоздь с красочной шляпкой. Археологи находят на стенах древних каменных храмов точечные схемы созвездий, выполненные декоративными гвоздями/звёздами.

Хасидские истории

Как-то вечером, выходя из комнаты Баал Шем Това, один из тех, кто его слушал, сказал, сколь благостны были слова Баал Шем Това, обращённые к нему, и как много они ему дали. Другой возразил, — ему казалось, что с того момента, как они все вместе вошли к учителю, Баал Шем Том не говорил ни с кем, кроме него. Третий, услышав их разговор, посмеялся над первыми двумя, сказав, что оба они ошибаются, потому что рабби весь вечер провёл в душевных разговорах с ним. О том же стали говорить и четвертый, и пятый, и все остальные. И вдруг все замолчали.

Ученики, возвращаясь от него <от Магида из Межерича> домой, заспорили о словах учителя, и каждый приводил их по-разному, уверяя, что слышал именно так, а не иначе, однако сказанное одним полностью противоречило тому, что говорили другие. Как разрешить этот спор? Тогда они пошли к Магиду. Но тот лишь повторил традиционное изречение: «И то, и это — слова Бога живого». Когда ученики задумались над его словами, они наконец-то разрешили противоречие. Ибо в истоке своём Тора едина; в мирах же она являет себя в семидесяти ликах. Но если человек внимательно вглядывается хотя бы в один из этих ликов, он больше не нуждается в словах или поучениях, ибо с ним говорят черты вечного лика.

Великий Магид сказал рабби Зусе, своему ученику:
«Я не могу научить тебя десяти принципам служения.
Но маленький ребёнок и вор способны объяснить тебе,
что они собой представляют.

От ребёнка ты можешь научиться трём вещам:
ребёнок весел без особой причины;
он ни минуты не сидит без дела;
когда он желает чего-либо, он требует настойчиво.
Вор способен растолковать тебе семь понятий:
он выполняет свою работу ночью;
если он не завершил того, что намеревался сделать
в одну ночь, он посвящает этому следующую;
он и тот, другой, кто работает с ним, любят друг друга;
он жертвует жизнью ради ничтожной прибыли;
то, что он добывает, представляет для него столь ма-
лую ценность, что он бросает добычу ради самой малень-
кой монеты;
он терпит побои и лишения, но не придает этому ника-
кого значения;
он любит свой труд и не променяет его ни на что иное».

Торговец пожаловался Магиду, сказав, что обеднел по-
сле того, как стал его учеником. Магид ответил: «Тебе из-
вестно, что говорят наши мудрецы: „Кто хочет стать муд-
рым, пусть идёт на юг; кто хочет стать богатым, пусть идёт
на север“. Что же делать тому, кто хочет быть одновремен-
но и богатым, и мудрым?» Торговец не знал, что на это от-
ветить. Магид продолжил: «Кто думает о себе, что он ничто,
и кто в самом деле превращается в ничто, возрастает духов-
но, а дух не связан местом: в одно и то же время он может
быть и на севере, и на юге». Эти слова глубоко задели тор-
говца, и он воскликнул: «Но моя жизнь закончена!» — «Нет,
нет, — возразил Магид, — ты только начинаешь свой путь».

Рабби Авраам сказал: «Я обрёл новый путь служения, изучив историю войн короля Пруссии Фридриха. Нет необходимости приближаться к врагу, чтобы атаковать его. Избегая противника, можно обойти его, пока он ведёт наступление, напасть с тыла и заставить капитулировать. Нет необходимости обращать всю свою мощь против зла, можно отвести войска на исходные позиции Божественной силы и оттуда окружить зло, связать и превратить его в добро».

(Мартин Бубер. Хасидские истории. М.-И., 2006)

→ 8 июня: Хасидские истории, 2

→ 9 ноября/2018: Чему учит техника

Леонид Лерман, Писатель

Жизнь в театре

МАЙ
20
понедельник

Джон и Роберт стоят за кулисами. Джон ждёт вызова на сцену.

Р о б е р т. Эфемериды, эфемериды...

Д ж о н. Что?

Р о б е р т. Эфемериды, эфемериды...

Пауза.

Д ж о н. О чём ты?

Р о б е р т. Время уходит.

Пауза.

Д ж о н. «Мы все собрались, мэм, и нам кажется, вы будете рады получить подарок». Что после?

Р о б е р т. Она говорит: «Премного благодарна».

Д ж о н. Это я знаю. После этого. Что идёт после?

Р о б е р т. Твоя реплика?

Д ж о н. Да.

Р о б е р т. Э-э...

Д ж о н. У тебя текст с собой?

Р о б е р т. На что он мне?

Д ж о н. Я схожу за ним.

Р о б е р т. Погоди, я знаю...

Д ж о н. Ну?

Р о б е р т. Э-э... после того, как ты даёшь ей часы?

Д ж о н. Да.

Р о б е р т. Ты даёшь ей часы, ты даёшь ей часы...

Д ж о н. И?

Р о б е р т. Ты даёшь этой шлюхе часы... «Мэм, нам кажется, что...»

Д ж о н. «Мы все собрались, мэм...»

Р о б е р т. И... э-э... это просто смешно... Ты даёшь ей часы... Что она говорит?

Д ж о н. «Премного благодарна».

Пауза.

Р о б е р т. Чёрт возьми! Сходи-ка лучше за текстом. Хочешь, я схожу?

Д ж о н. Тс-с-с...

Пауза.

Р о б е р т. Ты что?

Д ж о н. Заткнись, а то я пропущу выход.

Пауза.

Р о б е р т. Что случилось?

Пауза.

Д ж о н. Кажется, пропустил.

Пауза.

Р о б е р т. Ну?

Д ж о н. Тс-с-с...

Р о б е р т. Ты что-нибудь видишь?

Д ж о н. Кажется, мне пора. (Пауза.) Пора. (Пауза.) Как ты считаешь?

Роберт пожимает плечами. Пауза.

Д ж о н. Я выхожу...

Р о б е р т. Хочешь, я сбегая за текстом?

Д ж о н. Я пропустил... Пропустил...

Р о б е р т. Кажется, сейчас... Иди!

Пауза.

Д ж о н. Чёрт, я пропустил!

Р о б е р т. Иди!

Д ж о н (выходя на сцену). «Миссис Вилкокс... мэм! Мы все собрались, мэм...»

(Дэвид Мэмет. Жизнь в театре // Часы, № 43, 1983)

→ 13 июня: Жизнь в театре, 2

МАЙ
21
вторник

Игорь Стравинский

Творческий реакционер

Сегодня, когда общение с бывшими соотечественниками сделалось невозбранно и оттого по преимуществу сильно разочаровывающим, мужественная эмигрантская фраза «Мы не в изгнании, мы в послании» звучит нестерпимо ходульно. Но три четверти века назад, при зарождении Русского Зарубежья, смысл фразы был совершенно иным. Она не формулировала те претензии на учительство, которыми преизбыточествует жизнь теперешней

МАЙ
22
среда

эмиграции, но говорила всего лишь о долге, который возложен на чудом уцелевших изгнанников и который кроме них больше никому исполнить. Долг заключался в том, чтобы преодолеть революцию.

Когда речь идёт о катастрофе геологического масштаба, которой была русская смута XX века, катастрофе, единым махом снесшей с России европейский слой культуры и обратившей её сперва в Дикое поле, а затем в свирепую азиатскую деспотию, бессмысленно было мечтать о преодолении такого катаклизма посредством игрушечных заговоров, интервенционистских проектов — всего этого усиленного подражания ничему не забывшим и ничему не научившимся Бурбонам.

Над земным оружием большевики смеялись, как они посмеялись над Савинковым и Шульгиным, устроив им руками ГПУ спектакли с конспиративными поездками в Россию на встречу с мощными повстанческими организациями. Духовная по преимуществу катастрофа могла быть избыта лишь духовным же усилием побеждённых. А значит — покаянной работой русской мысли, ибо никто, как она, не потрудился ради исполнения полуторавековой мечты русского общества — ради падения «чудовищного царизма». Мечта стала явью — «и вот российская корона в февральскую катится грязь», — затем во осуществление мечты ещё пять лет неслыханного озверения, братоубийства и разрухи.

История сыграла над русским обществом столь мрачную шутку не в последнюю очередь ещё и потому, что историческая и тем более историософская направленность мысли не слишком-то одухотворяла русскую культуру. Простой пример: после Пушкина высокая русская проза попросту потеряла интерес к истории — Загоскин, Лажечников и Г. Данилевский как-то не в счёт. Напряжённое биение художественной мысли было само по себе, ход истории, как вечной тяжбы добра и зла, — сам по себе.

После 1917 года нужда в исторической прозе не могла не возникнуть уже просто потому, что так пренебрегаемая прежде история сделалась главнейшим персонажем жизненной драмы свидетелей общеевропейской катастрофы. С таким приглашением в русскую литературу явился ученый-химик Марк Ландау, ставший писателем Алдановым.

Казалось бы, коль скоро интерес к истории так властно заявил о себе, а российская история последних десятилетий, так страшно закончившись, представляла собой неисчерпаемый сюжет для беллетриста, естественно было ожидать, что писатель изберёт своим предметом как раз эти испепеляющие годы. Случилось иначе. Предфевральские месяцы и гражданская война действительно были описаны в трилогии «Ключ» — «Бегство» — «Пещера», революционные 70-е годы и убийство Александра II — в романе «Истоки», пятнадцатилетняя панорама русской жизни, начиная с 1905 года — в романе «Самоубийство», но все эти книги пришли позднее. По горячим следам российской катастрофы было написано нечто совершенно другое — тетралогия «Мыслитель» («9 термидора», «Чёртов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров»), касающаяся событий 1793–1821 гг. Вроде бы настолько далеко, что уже и не про нас.

Между тем в интеллектуально-философском плане тетралогия оказалась самым злободневным творением Алданова, повествующим о революции как таковой — и о её преодолении. Преодолении не в действии, но в мысли, в беспрестанных философских диалогах, которые ведёт с героями таинственный гражданин с говорящей фамилией Ламор. Гражданин Ламор, хотя и изображён совершенным жидомасоном, в главной и любимой своей мысли чрезвычайно близок к иезуиту Жозефу де Местру — фигуре едва ли не культовой для русской эмигрантской мысли 20-х

годов, ибо изгнанный французской революцией и долгое время проживавший в России де Местр первый с максимальной прямоотой и отчётливостью сформулировал взгляд на революцию как ужасную и в то же время заслуженную кару за грехи ancien régime — взгляд, более чем актуальный и для русских изгнанников. По де Местру, столь страшные катаклизмы призваны служить двояким уроком. Правителям — в том, что злоупотребления порождают революцию. Подданным — в том, что революция хуже всяких злоупотреблений. Русская интеллигенция — вслед за просвещённым французским обществом XVIII века — обязана была признать, что, поставленная самим ходом вещей в качестве средостения между правителями и народом, она не делала ничего или почти ничего, чтобы напоминать и тем, и другим об этой мрачной мудрости, но всё или почти всё, чтобы злоупотребления не только в потенции, но и в реальности породили революцию.

Де Местр сумел обратить яд в противоядие: весь скепсис и весь блеск галльского ума, столь живо использованный просветительской мыслью для разрушения королевской тирании, он обратил на устои этой самой мысли. Алданов сродным образом явился искони любимой в России критически мыслящей личностью, чья критика, однако, была направлена не на традиционный объект приложения, т. е. закоренелое зло самовластья, но на прекраснотушных общественных деятелей, это самовластье свергающих, и на недалёковидных правителей, не имеющих ни воли, ни способностей его охранять. И художественная, и философская находка очень важная: эффективный расчёт с безумием до-революционной русской мысли мог быть осуществлен лишь на её же языке, в её же приёмах — в противном случае он вовсе не был бы услышан.

Из среды кающихся прогрессистов в половине двадцатых годов явились два реакционера: Бердяев и Алданов.

Бердяев в книге «Философия неравенства. Письма недругам по социальной философии», кипя и задыхаясь, ниспровергал святыни оптимистического прогрессизма и говорил о необходимости подлинной, т. е. творческой, сумевшей отразиться пережитую трагедию реакции, ибо только она способна преодолеть революцию. Таким творческим реакционером в области belles-lettres и явился Алданов. Лишённый бердяевской порывистости — при чтении его книг на ум скорее приходит пушкинский «старик, шутивший отменно тонко и умно, что ныне несколько смешно», — он не менее захватывал умы и души мудрым покаянным скепсисом, вселяя в них иной, печальный и свободный взгляд на историю.

В Россию всё, к сожалению, приходит не совсем вовремя. Алданов вернулся на родину в угаре перестройки, когда прежде запретные книги валились на читателя до кучи — да при этом русский читатель ещё и по необходимости ежедневно посещал сей мир в его минуты роковые. Между тем, книги, написанные так отменно тонко и умно, стоит читать в более располагающей к медленным раздумиям обстановке — например, сегодня, когда прогрессивная общественность так нуждается в протрезвляющем алдановском сарказме. Пресса бьётся в конвульсиях, обличая стагнирующий режим, а на ум приходит реплика из романа «Бегство», где в январе 1918 года бывший начальник охранки напоминает бывшему богатейшему капиталисту об уже почти сказочном 1916 годе: «Вы тогда много говорили об отсутствии гарантий и стеснении инициативы. Вероятно, теперь вы в полной мере наслаждаетесь и гарантиями, и свободой инициативы?»

(Максим Соколов. Творческий реакционер // Коммерсантъ, № 20, 1997)

Р. Р. Р.
Лингвистическая пьеса
для звукозаписывающего устройства*

ГОВОРЯЩИЕ ЛИЦА:

НАТАША — 37 лет, искусствовед
ГЕНА — 37 лет, инженер, муж Наташи
ТУСЯ — 40 лет, техник, сестра Гены
ВАЛЯ — 42 года, филолог
НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА — 65 лет, бывшая балерина, мать Наташи
ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА — 67 лет, бывшая балерина, тётя Наташи
ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ — 65 лет, филолог
БЭЛЛА — 34 года, преподаватель истории, подруга Вали
АНДРЕЙ — 6 лет, сын Наташи и Гены

МЕСТО И ВРЕМЯ РАЗГОВОРА:

Праздничный обеденный стол. Хозяева, гости, старики, ребёнок. Включён телевизор. Обстановка полной непринуждённости. Звон и передвигание посуды. Разговор то возникает, то затихает.

НАТАША (*указывая на блюдо с гренками*). Вальк, ты это самое...

ВАЛЯ. Очень хочу попробовать!

НАТАША. Ты попробуй, потому что... (*Вдруг вспомнив.*)
М-м! А селёдка-то где?

ТУСЯ. А вот она!

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. А я за мясо схватилась!
Надо за селёдку сначала.

НАТАША. Тусенька, ты попробуй. Вот это хлеб ещё.
(*Показывает на гренки.*)

ТУСЯ. Сейчас. А что это?

* Текст пьесы составлен по книге «Русская разговорная речь», М., 1973.

НАТАША. С перцем... Хлеб.

ГЕНА (*обращаясь к ребёнку*). На, Куков.

НАТАША. Куков, на!

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Слушайте, сначала селёдку?

НАТАША. Давайте селёдки. Туся, бери. Селёдочка, знаешь, хорошая.

ТУСЯ. Да нет, не могу. Ты же знаешь.

НАТАША. Хорошая.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Селёдка чудесная. Такая мягкая, я её еле-еле очистила.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Финская?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. А?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Финская селёдка?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Почему финская? Исландская.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. А я вот в Финляндии жил. Счёт финский, к слову сказать, до сих пор помню. В Куоккале жил.

ТУСЯ. Да?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Интеллигенция в Куоккалу ездила.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Угу, угу... На дачу?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. На дачу, да, но... там... общения с местным населением почти не было.

ТУСЯ. Не было.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Ну, я, правда, играл там...
(Пауза.)

ТУСЯ. С мальчиками?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Да, с мальчиками. Счёт финский, какие-то игры...

ТУСЯ. Интересно, да.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Да... э... занятный финский народ...

ТУСЯ. Угу. *(Пауза.)*

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Потом целый ряд было... м-м... э... э... было в еде особенностей... названий. Форшмак! Форшмак... э... армериттер, вот... *(Пауза.)* Такое блюдо было, это от немцев.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Армериттер? Это я даже не знаю.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. А-а! Это очень вкусно. Это вам надо как хозяйке.

ТУСЯ *(перебивает)*. А что это?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Ну... это делается омлет... э... с булкой, намоченной в молоке.

ТУСЯ. А-а! Ага.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. И слегка подслащивается. *(Смеётся.)* Дёшево и быстро.

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Да, и можно взять на вооружение.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ *(с лёгким смехом)*. Да... *(Пауза.)* Можно-можно... можно.

НАТАША. Андрюша, тебе удобно? Тебе, наверное, не очень удобно? Да?

ТУСЯ *(за Андрея)*. Удобно. *(Пауза.)* Удобно. Там хорошо.

НАТАША. Сейчас давай, значит, нальём вина.

ГЕНА. Наташ, наливай вина, я...

НАТАША. А я не умею. Я оболью.

ГЕНА *(берёт бутылку)*. Это что у нас здесь?

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Это кагор.

<...>

(Борис Останин. Р.Р.Р. // Часы, № 19, 1979)

→ 6 июня: Р.Р.Р., 2

МАЙ
24
пятница

Лошадь, пещера Ласко

МАЙ
25
суббота

Сборник ленинградской неофициальной прозы
70–80-х годов
ИЗОБРЕТЕНИЕ ОРУЖИЯ

Леон Богданов	Шесть писем на жёлтой бумаге Черногория Заметки о чаепитии и землетрясениях	3
Борис Кудряков	Белый флаг Сияющий эллипс Время жатвы	2
Аркадий Драгомощенко	Хвост дракона	3
Борис Дышленко	Пять углов	2
Сергей Коровин	Изобретение оружия	2
Илья Беляев	Игра в жмурки, или Охота на серебристоухого енота	2

Василий И. Аксёнов	Фанчик	1
Борис Останин	Пунктиры	2
Виктор Лапицкий	Венецианской карнавал	1
Сад пыток		
Борис Ванталов	Книга облаков	3
Владимир Эрль	Вчера послезавтра и послезавтра	2

23 авт. л.

Сборник ленинградской прозы
70–80-х годов
НА ОТЪЕЗД ЛЮБИМОГО БРАТА

Авторы: Б. Улановская, П. Кожевников, Н. Подольский,
Б. Иванов, М. Берг, А. Бартов, И. Адамацкий, Е. Звягин, Т. Кор-
вин, А. Петряков

25 авт. л.

<Предложение издать два сборника неофициальных ленинградских прозаиков было передано в апреле 1989 года в ЛО издательства «Советский писатель»; изданы они не были.>

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение

25 мая 1989 г.

Уважаемый Борис!

Мне передали в Секретариате писательской организации Ваши предложения относительно сборников «Изобретение оружия» и «На отъезд любимого брата». К сожалению, в заявке Вашей нет ни телефона, ни Вашего отчества, поэтому я пользуюсь, так сказать, предоставленными дан-

ными. Думаю, нам надо встретиться и переговорить. Позвоните мне в издательство: 279–34–37, условимся о встрече. Жду звонка.

Назаров Р. В.

Главный редактор ЛО изд-ва «Советский писатель»

МАЙ

26

воскресенье

В английской семье родился мальчик, который до одиннадцати лет не произнёс ни слова. Однажды, во время завтрака, мальчик отодвигает вдруг тарелку и говорит: — Гренки подгорели!

Потрясённые родители: — Джон, ты можешь говорить? А что ж ты раньше молчал?

Джон: — До сих пор всё было в порядке.

Гвоздь в памяти

МАЙ

27

понедельник

Одна поэтическая строка (иногда и того меньше: одно-два слова) — клешней вцепится порой в память и годами держит, не отпуская.

У Володи Алейникова когда-то запало в душу «и ласточек надломленные крылья» — как только летом видел в деревне ласточек, немедленно вспоминал их «надломленные крылья». У кого-то, возможно, такой клешней оказалась другая алейниковская строка «когда в провинции болеют тополя», мандельштамовское «слепая ласточка в чертог теней вернётся», «человек весёлый Франц» Введенского, «нет перемен в кануны октября» Драгомощенко, «я Тютчева спрошу» Кривулина — у каждого своё. Понятно, что поэзия может обойтись и без такой гвоздём вбитой в память строки, но с ней — как с обручальным кольцом на пальце: казалось бы, то же самое, что и без него, а ведь совсем другое... поэтическое кольцо убеждает, укрепляет, согревает — если, конечно, любишь.

Дети и внуки: Никифор с Соней, Полина с Елисеем, 2017

Инь и Ян
(минипьеса)

Первый акт

ЯН: — Дао или не Дао?

ИНЬ: — Дао, Дао!

Занавес

При закрытых дверях
Сцена пятая

Гарсен не переставая барабанит в дверь.

ГАРСЕН. Откройте! Откройте же! Я на всё согласен! Кандалы, щипцы, расплавленный свинец, гаррота... жгите меня, рвите на части — я готов страдать до конца. Лучше кнут, иголки под ногти, серная кислота, только не этот призрак страдания, не эти муки от мыслей. *(Дёргает*

МАЙ
28
вторник

МАЙ
29
среда

МАЙ
30
четверг

дверную ручку.) Откройте! (Дверь внезапно открывается. Гарсен едва не падает.) А!

Долгое молчание.

ИНЕССА. Ну что ж, Гарсен. Иди.

ГАРСЕН *(медленно)*. Интересно, почему она открылась?

ИНЕССА. Чего ты ждёшь? Иди! Уходи скорее!

Пауза.

ГАРСЕН. Я не пойду.

ИНЕССА. А ты, Этель? *(Этель неподвижна. Инесса громко смеётся.)* Каковы, а! Каковы все трое! Путь свободен, никто вас не держит. Умрёшь со смеху!словно неразлучные друзья.

Этель бросается на неё сзади.

ЭТЕЛЬ. Неразлучные? Гарсен, помоги мне! Скорее! Вытолкнем её и закроем дверь. Пусть узнает, неразлучные мы или нет.

ИНЕССА *(отбиваясь)*. Этель! Этель! Не надо! Я не хочу туда, не хочу!

ГАРСЕН. Отпусти её.

ЭТЕЛЬ. Глупец, она же тебя ненавидит.

ГАРСЕН. Я остался из-за неё.

Этель отпускает Инессу и в оцепенении смотрит на Гарсена.

ИНЕССА. Из-за меня? *(Пауза.)* Ну что ж, хорошо. Закрыйте дверь. Когда она открыта, здесь ещё жарче. *(Гарсен идёт к двери и закрывает её)*. Из-за меня?

ГАРСЕН. Да. Ты знаешь, что такое трусость.

ИНЕССА. Знаю.

ГАРСЕН. Тебе известно, что такое зло, стыд, страх. Было время, когда ты заглянула в свою душу, а потом думала, думала без конца над тем, что там увидела. Ты знаешь, что такое зло. И если называешь меня трусом, то только потому, что сама это испытала. Так ведь?

ИНЕССА. Да.

ГАРСЕН. Тебя-то мне и надо убедить: мы — одного поля ягоды. Думала, уйду? Нет, я не могу оставить тебя торжествующей, со всеми твоими мыслями обо мне.

ИНЕССА. Ты полагаешь тебе удастся меня убедить?

ГАРСЕН. Ничего другого не остаётся. Я их <своих коллег по газете> больше не слышу, ты это знаешь. Наверняка они со мной покончили. (Пауза.) Инесса, мы здесь одни. Только вы двое думаете обо мне. Но она — не в счёт. Значит, ты. Ты меня ненавидишь, но если ты мне поверишь — я спасён.

ИНЕССА. Это не так просто. Смотри, какая я твёрдолобая.

ГАРСЕН. Я этого дождусь.

ИНЕССА. В твоём распоряжении целая вечность.

ГАРСЕН (берёт её за плечи). Послушай, ведь у каждого есть своя цель. Мне было плевать на деньги, плевать на любовь. Я решил стать настоящим мужчиной и поставил на это. Разве можно быть трусом, выбрав такой опасный путь? И разве можно судить о целой жизни по одному единственному поступку?

ИНЕССА. А почему бы и нет? Тридцать лет ты мечтал стать настоящим мужчиной и позволял себе тысячи маленьких слабостей, потому что героям всё позволено. Очень удобно! А потом, в минуту настоящей опасности, ты... уехал в Мексику.

ГАРСЕН. Я не мечтал о геройстве, я его выбрал. И сделал это по собственной воле.

ИНЕССА. Докажи! Докажи, что это не только мечта. Я должна судить по твоим поступкам.

ГАРСЕН. Я слишком рано умер. У меня не хватило времени для поступков.

ИНЕССА. Умирают всегда слишком рано. Или слишком поздно. Но жизнь-то кончилась — пора подводить итоги. У тебя ничего не осталось, кроме твоей жизни.

ГАРСЕН. Змея! Ты на всё находишь ответ!

ИНЕССА. Ну, ну, не падай духом! Возможно, убедить меня окажется не так-то трудно. Попробуй, поищи доказательства. *(Гарсен пожимает плечами.)* А не ты ли говорил, что тебя трудно вывести из себя? Ничего, сейчас за всё заплатишь. *(Пауза.)* Гарсен, ты — трус! Трус, потому что я этого хочу. Ты слышишь? Потому что я этого хочу. Смотри, какая я слабая: всего-навсего взгляд, устремлённый на тебя, дыхание, мысль о тебе. *(Гарсен, раскинув руки, идёт к ней.)* На что ты надеешься? Хочешь схватить мою мысль? У тебя нет выбора: ты должен меня убедить. Ты — в моих руках.

ЭТЕЛЬ. Гарсен!

ГАРСЕН. Что?

ЭТЕЛЬ. Отомсти ей.

ГАРСЕН. Как?

ЭТЕЛЬ. Поцелуй меня, и ты услышишь, как она запоёт.

ГАРСЕН. Ты права, Инесса. Я — в твоих руках, но и ты — в моих.

Он склоняется над Этель. Инесса кричит.

ИНЕССА. Трус! Трус! Давай! Утешься девкой!

ЭТЕЛЬ. Пой, Инесса, пой!

ИНЕССА. Какая прелестная пара! Видела бы ты его огромную лапищу на своей спине! У него ладони мокрые от пота, он запачкает тебе платье.

ЭТЕЛЬ. Пой, пой! Гарсен, обними меня крепче. Пусть она лопнет от злости.

ИНЕССА. Давай, Гарсен, обними ее крепче. Слейте воедино тепло ваших тел! Какая прелестная любовь! Нежная и глубокая, словно сон. Гарсен, я не дам тебе уснуть.

Жест Гарсена.

ЭТЕЛЬ. Не слушай её. Поцелуй меня, я — твоя, вся, целиком.

ИНЕССА. Чего же ты ждёшь? Делай, как она сказала! Трус Гарсен держит в своих объятьях детоубийцу Этель. С кем на пари: поцелует её этот трус или нет? Я вас вижу,

вижу... я — целая толпа, слышишь, Гарсен, я — толпа! (*Шепчет.*) Трус... Трус... Напрасно ты от меня бежишь, всё равно я тебя не оставляю. Что ты ищешь на её губах? Забвение? Но я-то тебя не забуду! А ведь убеждать тебе придётся меня! Ну, иди ко мне, иди. Я жду. Чувствуешь, Этель, его объятия слабеют, он слушает меня, словно пёс. Твоим он не станет!

ГАРСЕН. Неужели никогда не наступит ночь?

ИНЕССА. Никогда.

ГАРСЕН. И ты всегда будешь меня видеть?

ИНЕССА. Всегда.

Гарсен оставляет Этель и делает несколько шагов по комнате. Подходит к бронзовой статуэтке.

ГАРСЕН. Бронза... (*Гладит статуэтку.*) Вот оно, это мгновенье! Передо мной статуэтка, я смотрю на неё и понимаю, что я — в аду. Да, они всё предусмотрели. Даже то, что я стою перед этим камином, сжимаю рукой статуэтку и знаю, что вы смотрите на меня. Пожираете меня взглядами! (*Быстро оборачивается.*) Как? Вас всего лишь двое? Мне показалось, гораздо больше. (*Смеется.*) Да, это ад. Никогда не думал... Помните: сера, костёр, колья... Какие пустяки! Зачем здесь колья? Ад — это другие.

ЭТЕЛЬ. Любимый!

ГАРСЕН (*отталкивает её*). Оставь! Она стоит между нами. Я не могу тебя любить, когда она на меня смотрит.

ЭТЕЛЬ. А! Так она нас больше не увидит!

Этель хватается со стола нож для бумаг, бросается на Инэс и наносит ей несколько ударов.

ИНЕССА (*смеётся, отбиваясь*). Что ты делаешь, дурочка? Ты ведь знаешь, что я — мертва.

ЭТЕЛЬ. Мертва?

Нож падает из её рук. Пауза. Инесса поднимает нож и с силой вонзает его в себя.

ИНЕССА. Мертва! Мертва! Я не боюсь ни ножа, ни верёвки, ни яда. Понимаешь, я уже мертва. И мы всегда будем вместе.

Она смеётся.

ЭТЕЛЬ (*разражается смехом*). Чёрт возьми, всегда! Какой ужас! Всегда!

ГАРСЕН (*смеётся и смотрит на них*). Всегда!

Каждый садится в своё кресло. Долгое молчание. Они перестают смеяться и смотрят друг на друга. Гарсен поднимается.

ГАРСЕН. Ну что ж, продолжим...

Занавес

(Жан-Поль Сартр. При закрытых дверях, 1944)

МАЙ

31

пятница

Безмятежность

ИЮНЬ

Дети хоронят жужелицу

Нежное и торжественное шествие. Гроб — коробок, лепесток цветка — погребальный покров. В гробу лежит жужелица. Мы не видим её лица. Наша печаль сладка. Мы обнаружили жужелицу на ступеньках крыльца. У неё нет ни матери, ни отца. Покрышки её хрупнули, газовые крылышки выпрастываются из-под них, как смятые нижние юбки. Печаль наша легка, не тяжелей спичечного коробка, несущего её насекомое тело. Здесь, в ямке под яблоней, в которую мы прошепчем секретное слово, тайное желание, и присыплем его землёй. Здесь, под яблоней, зарыто много таких желаний. Иногда некоторые из них сбываются. Вряд ли здесь можно усмотреть какую-либо связь или закономерность.

(Марианна Гейде. Бальзамины выжидают)

→ 10 июля: Гейде, 3

Уважаемый господин Петер Курман!

Позвольте сообщить Вам о том, что в 1989 году в Ленинграде учреждена независимая литературная премия Э/Е для переводчиков современной и классической русской литературы. Премия присуждается общественным жюри, состоящим из писателей, критиков, переводчиков — участников творческой лаборатории «Поэтическая функция» при Ленинградском отделении Советского фонда культуры.

июнь

1

суббота

июнь

2

воскресенье

Литературная премия Э/Е за 1991 год присуждена
— Виктору Ворошильскому (Польша),
— Хансу Бьёркегрену (Швеция) —
и будет вручена им предположительно в сентябре 1991 года
в Ленинграде.

Из разговора с Вами весной с.г. я понял, что возглавляемый Вами Союз писателей Швеции мог бы реально способствовать приезду Ханса Бьёркегрена в Ленинград. Прошу сообщить о возможностях финансирования его поездки. Точная дата вручения премии будет согласована в ближайшее время с обоими лауреатами.

С уважением,
от имени жюри литературной премии Э/Е
Борис Останин

2 июня 1991 г.
Ленинград

ИЮНЬ

3

понедельник

Дмитрий Конрадт

В Харькове у моего брата Геннадия был друг Петя Введенский, оба старше меня лет на восемь, оба, кажется, уже работали. По воскресеньям мы ходили все вместе (ещё второй брат Виталик) в сад имени Шевченко, где моя любимая тётка Евгения Петровна работала в продуктовой лотке близ «чёртова колеса» и угощала меня (я с детства был сластёной) замечательными ирисками на развес, а сыновей с Петей бесплатно катала на «чёртовом колесе». Их не совсем понятная мне привязанность к этому аттракциону вскоре прояснилась: ДО колеса друзья выпивали немного горилки, ПОСЛЕ него то же самое, складывая таким образом своеобразный бутерброд: стопка горилки — чёртово колесо — стопка горилки, и достигали хмельного эффекта с изрядной экономией денежных средств.

Лет через 17–18, когда я работал в Ленинграде «на лифтах» (эта работа заслуживает особого описания), одно время вместе с Ильёй Левиным, мне достались от него машинописные копии стихотворений Александра Введенского, в которого я, что называется, нырнул с головой, сердцем и пятками, просидел, перепечатывая, всю ночь за пишущей машинкой (не помню, была у меня тогда новенькая «Оптимма» или старый друг «Ундервуд») и вскоре воспроизвёл стихи с небольшим предисловием в самиздатском журнале «Часы» (№ 5, 1977), а ещё немного спустя, когда узнал, что Введенский с 1937 года жил в Харькове, где у него родился сын Пётр, в моей голове что-то щёлкнуло, и я возвестил ближнему миру: друг моего брата — и есть сын гениального поэта Александра Ивановича Введенского! Догадка столь же неожиданная, сколь и идиотская: мало ли в Харькове Введенских? — спросить подробности было не у кого, и тогда я, лёгкий на подъём, отправился в Харьков, чтобы узнать подробности на месте.

Всё случилось как в сказке: Петя Введенский ака Пётр Александрович оказался, как я своей шальной головой придумал, и впрямь сыном поэта! Его немолодая мать Га-

лина Борисовна, так уж получилось, за несколько дней до моего приезда вышла замуж за пожилого киевского архитектора по фамилии, если не ошибаюсь, Забела-Врубель (родственник певицы?) и только-только уехала с ним в свадебное путешествие под Киев.

Рассказывать о нашей встрече и беседе с Петром можно долго, постараюсь покороче: явился я, естественно, не с пустыми руками, а с бутылкой водки и журналом «Часы», где были опубликованы стихи его отца, которые тут же, с места в карьер, принялся с вдохновенным лицом читать, объясняя сыну их «головокружительную небывалость». Пётр (инженер-снабженец ХТЗ), оказавшись уже несколько выпивши, слушал меня по возможности внимательно, понимающе качал головой, а когда я наконец замолчал, чтобы немного закусить, сказал, что тоже кое-с-чем важным меня сейчас алаверды познакомит, отправился в соседнюю комнату, принёс оттуда старую газету «Правда» и со значением принялся читать из неё о том, как «Энверу Ходжа сообщает свои указания Сталин». Бр-р-р!

В ответ на столь неожиданную *подлянку* (молодой ленинградский радикал в моём лице не желал терпеть рядом с гениальным Введенским «политикана Евтушенку») я в знак протеста принялся остервенело хлестать стопку за стопкой, довольно быстро опьянел и, отключившись, завалился спать прямо на полу.

Утром опохмелились, продолжили беседу. По словам Петра, Александр Иванович не слишком афишировал в семье свои поэтические занятия — оставшиеся после него бумаги, если я верно понял, не сохранились вовсе не по причине его радикальной поэтики, а «за ненадобностью в хозяйстве». До меня в Харьков приезжал Миша Мейлах с Анатолием Александровым, выспрашивали рукописи — без результата. Судьба архива Введенского — ленинградского и харьковского — сплошное горе, сохранилось, впрочем, несколько прекрасных его фотографий.

Узнав адрес «молодых», я в тот же день отправился в Киев вдогонку, но, когда добрался до столицы, мой запал иссяк (такое со мной уже случалось: поехал однажды на Соловки, но, оказавшись в Кеми, раздумал ехать дальше — неловко показалось праздным туристом маячить на этих *жутких* островах — и отправился восвояси). Зато, пусть и без Галины Борисовны, провёл несколько прелестных дней на Андреевском спуске у Андреевской церкви — «у поэтов», где познакомился с Марком Белорусцем (переводчик Целана) и Виктором Летцевым.

Роберт Грейвс

Р. Р. Р.

<...>

ГЕНА. Виктор Семёнович, пейте кагор. Он вам не понравился?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Понравился, но пить я его не хочу.

АНДРЕЙ. Что-то у тебя... тётя... а... это... Дайте мне, пожалуйста, жареный хлебушек!

июнь

5

среда

июнь

6

четверг

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Жареный хлебушек? Конечно, бери любой кусочек.

ГЕНА (Тусе, указывая на бутылку). Этого?

ТУСЯ. Угу. И ветчины немного.

ГЕНА. Бери лучше язык. Или селёдку.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ (Бэлле). Ну, в общем, у каждого формируется свой язык, в каких-то определённых условиях... У одних он формируется... (Пауза.) ...только в течение, вот... детства и юности... Я думаю, что мой язык формировался всё время. Ну, в общем, значительную... э-э... роль сыграло моё детство. В формировании языка, вот, произноше-е-ния, даже некоторых оши-и-бок речи, которые для меня типичны... Ну, скажем, я произношу «оне» вместо «они».

БЭЛЛА. Да?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Да.

БЭЛЛА. Даже сейчас?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. И... и сейчас... это у меня, очень трудно отвыкнуть. Говорят, что «оне» типично для петербургского произношения.

БЭЛЛА. Угу.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Но дело в том, что петербургского-то произношения не сохранилось ни у кого.

БЭЛЛА. Ну, очень мало, но, наверное, всё-таки есть?

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Вымер город! Вымер вот, в блокаду.

БЭЛЛА. Ну, я понимаю, ну, не совсем всё-таки...

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. В блокаду, потом война.

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Да.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Потом... революция... м-м... полная смена...

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Переезды всякие, и вот всё это...

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Да. Но это в прошлом...

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА (*с иронией в голосе*). Я тоже вся в прошлом, и всё у меня...

ТУСЯ (*со смехом*). Да... было...

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Всё было, и ничего нет. (*Смеется.*) И ничего нет. И вот живу теперь безо всяких забот. Когда был участок, сколько было забот! Ай-яй-яй-яй-яй! И когда я всё это успевала делать? Шестнадцать соток!

ТУСЯ. Большой какой!

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Да. А домик маленький. Надо показать вам... э-э...

НАТАША. Фотографию, да?

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Фотографию. Сейчас. Где же? Это... (*Ищет. Пауза.*) Куда я дела свою сумочку? Ох, старость, вот она! Старость — не радость. Девушки, дорогие мои, старость — не радость. Старость — это... гадость. (*Смех.*) Самая настоящая гадость. (*Смеется. Пауза. Протягивает фотографию.*) Вот это я была, когда была не старая. (*Смеется.*) Двадцать пять лет!

БЭЛЛА. У-у! Какая прекрасная фотография!

ВАЛЯ. Колосса-а-льный, колоссальный клуб там, чудный, там, во-первых, и широкоэкранный он, и вообще, так сказать. Главное, воздуху много, народу мало, всё чудесно.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Интересно, что в Петербурге целый ряд был особенностей в еде. Например, кисели, компоты всегда горячие.

НАТАША. Валь, слушай-ка, я про другое хотела спросить. Ты, наверное, уже смотрела эти «Дни Турбиных»?

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. А есть ли что похожего? Ничего, наверное?

ТУСЯ. Есть.

НАТАША. Есть!

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Можно подумать, что я — моззванка.

БЭЛЛА. Ты знаешь... она очень динамична... там эти две лестницы, то вперёд кто-то бежит, то кто снизу, кто вверх спускается, все, и вот этот знаменитый монолог, но понимаешь, он ведь очень просто, там трагическая сцена, и очень сильно трагедийный образ...

ГЕНА. А я, между прочим, тоже люблю горячий, даже вот и сейчас... кисель...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Да. Да.

ВАЛЯ. Угу.

БЭЛЛА. Я люблю такие старинные фотографии.

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Да.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Потому... м-м... чай с молоком!
Чай с молоком!

ГЕНА. А сейчас она лежит, заболела инфекционной желтухой.

БЭЛЛА. Вы и сейчас хорошо выглядите.

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. Хорошо выгляжу?

НАТАША. Говорят, эти микробы через слюну передаются!

БЭЛЛА. А если обернуть в бумажку, я думаю, ничего...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Горьковатые какие-то... да...

БЭЛЛА. Угу.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Чай с молоком.

ГЕНА. Да-да-да...

АНДРЕЙ. Ещё жареного хлебushка!

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Формируется язык... в определённых условиях...

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА. Да...

ГЕНА. Угу. Так сказать... э-э... разговорная речь.

ВИКТОР СЕМЁНОВИЧ. Совершенно верно! Разговорная речь.

(Разговор продолжается.)

(Борис Останин. Р.Р.Р. // Часы, № 19, 1979)

Ли́ка в Чаваньге, Белое море

ИЮНЬ

7

пятница

Хасидские истории

Говорил рабби Пинхас <из Кореца>: «С тех пор, как я начал истинно служить Творцу моему, я уже больше не пытаюсь самостоятельно приобрести что-либо, но беру только то, что даёт мне Бог. Ибо, если ученик тёмнен, он сможет впитать любой дошедший до него луч света».

ИЮНЬ

8

суббота

Говорил рабби Пинхас: «В каждом слове и каждом действии содержатся все десять сфирот, десять сил, изливающихся из Бога, ибо они наполняют собой весь мир. Неправильно думают люди, что Милость — один изначальный принцип, а Суд — другой. Ибо в каждой вещи содержатся все десять творящих сил. Кто опускает руку, в того таинственным образом вливается свет. Кто поднимает руку, из того таинственным образом изливается свет. Полнота взаимного движения высшего и низшего вмещает в себя тайну Милости и Суда.

Нет слов, самих по себе бессмысленных. Нет действий, самих по себе бесполезных. Человек делает слова бессмысленными, а дела бесполезными, неправильно говоря и поступая».

Один ученик рабби Пинхаса испытывал сомнение, ибо не понимал, как это Бог может знать обо всех его помышлениях, даже о самых смутных и неопределённых. Он пошёл к рабби Пинхасу с тем, чтобы разрешить мучивший его вопрос. Подходя к дому учителя, он увидел, что рабби Пинхас смотрит на него из окна. Ученик вошёл, поприветствовал наставника и уже собирался поведать о своих печалях, как цадик прервал его, сказав: «Дорогой мой, мне это известно. Почему же ты думаешь, что этого может не знать Бог?»

Говорил рабби Пинхас: «Бывает, что человек не может петь громко; но вот подходит к нему другой, который поёт громко. Тогда и первый начинает петь громче. В этом — тайна связи духа с духом».

Говорил рабби Пинхас: «В каждом человеке есть нечто драгоценное, чего нет ни в ком другом. Поэтому сказано: „Никого не презирай“».

Говорил рабби Пинхас: «Если человек решается на что-то великое и хочет, чтобы это было в духе истины, ему не следует опасаться, как бы кто-либо другой не сделал того же самого. Но если он поступает не в духе истины, но стремится лишь к тому, чтобы стать непревзойдённым, то низводит великое до степени ничтожного — и тогда любой способен стать его подражателем».

(Мартин Бубер. Хасидские истории)

Христофор

Бабья дюжина

Число 13 принято суеверно остерегаться и, предостерегая от его использования, именовать «чёртовой дюжиной» — скорее всего, последствие ревизии словаря после разгрома матриархата. Число 12, напротив, обласкано: 12 зодиакальных созвездий, 12 колен Израильских, 12 апостолов, счёт на дюжины рубашек и яиц, сохранившийся кое-где до сих пор. Вместе с тем, число 12 бытует с некоторой то ли запинкой, то ли заминкой, объясняемой, возможно, глубинной памятью о «чёртовой дюжине»: знаков Зодиака 12, но есть и отброшенный — Змееносец; колен Израильских 12, но где-то пребывает утраченное тринадцатое; апостолов дюжина, но есть и тринадцатый — Павел, и т.п.

ИЮНЬ

9

воскресенье

ИЮНЬ

10

понедельник

Происхождение числа 13 — естественное, природное, оно связано с тринадцатью лунными месяцами в году и тринадцатью управляемыми Луной менструациями. Объявление женщины (особенно её менструаций) *нечистой* спровоцировало восприятие нечистым, демоническим, а то и требующим искоренения её важнейшего числа 13 — женской, или лунной, дюжины. Распространённая в наше время *мужская* дюжина возникла, скорее всего, из неё: 12 — ближайшее, как и 14, число к 13, но с прагматической, мужской точки зрения «лучше делится» (на 2, 3, 4, 6; 14 только на 2 и 7), а деление, прежде всего добычи, — одна из важнейших задач мужчины-охотника-добытчика.

→ 14 июня: Лунный месяц в 28 дней

→ 17 июня: Лунный/женский календарь

ИЮНЬ

11

вторник

Диктатор — имя, которое заставляет призадуматься. Он — человек диктата, повелительного повторения, тот, кто всякий раз, когда о себе заявляет опасность чуждой речи, намеревается побороть её строгостью командования — без возражений и без сдержанности. На самом же деле он схож со своим провозглашаемым противником. Шёпоту без предела он противопоставляет чёткость приказа, вкрадчивости неслышного — не допускающий возражения окрик; жалостное скитание призрака из «Гамлета», который скитается под землей, старый крот, то тут, то там, без сил и без судьбы, он подменяет застывшей речью царственного разума, который командует и никогда не сомневается. Но этот совершенный соперник, ниспосланный провидением человек, призванный прикрыть своими окриками и железными решениями туман двусмысленности призрачной речи, — не ею ли он порождён на

самом деле? Не её ли он пародия, ещё более пустая, чем она сама, маска, её лживая реплика, когда молитвами уставших и несчастных людей, чтобы избежать ужасного ропота отсутствия — ужасного, но не обманчивого, — обращаются к присутствию категорического истукана, который требует лишь покорности и обещает великое отдохновение внутренней глухоты?

И вот диктаторы вполне естественно приходят, дабы занять место писателей, художников и мыслителей. Но в то время как пустая речь командования есть испуганное и лживое продолжение того, что уж лучше будут слушать в общественных местах в виде воплей, чем примут, чтобы громадным усилием внимания утихомирить, лично на себя, у писателя совсем другая задача, а также и совсем другая ответственность: войти — более чем кто бы то ни было — в интимные отношения с исходным ропотом. Только этой ценой и может он навязать ему безмолвие, в этом безмолвии его услышать, затем выразить, перед тем его видоизменив.

Нет писателя без подобного подхода, нет, если он не перенёс стойко подобное испытание. Эта неговорящая речь очень похожа на вдохновение, но с ним не совпадает: она ведёт только в то единственное для каждого место, преисподнюю, куда спускается Орфей, место рассеивания и несогласия, где вдруг нужно обратиться к ней лицом и найти — в себе, в ней и во всём опыте искусства — то, что преобразует бессилие в мощь, заблуждение в путь и неговорящую речь — в безмолвие, исходя из которого она и в самом деле может говорить и дать заговорить в себе истоку, не уничтожая людей.

(Морис Бланшо. Смерть последнего писателя // Комментарии, № 1, 1992)

ИЮНЬ
12
среда

Живые скульптуры

Жизнь в театре

На сцене. Роберт и Джон, в хирургических халатах, склонились над операционным столом.

Р о б е р т. Тампон сюда, коллега... хорошо.

Д ж о н. Чего бы я не дал сейчас за сигару!

Р о б е р т. Ещё несколько минут, и покурим вместе.

(Пауза.) Нервничаете немного, Джимми?

Д ж о н. Нет. То есть да.

Р о б е р т. Не стоит. Через несколько лет будете делать это с закрытыми глазами. Тампон! Зажим! Нет, нет, большой!

Д ж о н. Виноват.

Р о б е р т. Всё в порядке. Ещё один, пожалуйста.

Склоняются над столом.

ИЮНЬ
13
четверг

Д ж о н (*показывает*). А это что такое?

Пауза. Роберт качает головой. Джон кивает.

Д ж о н. Что это?

Роберт выразительно качает головой.

Пауза.

Джон что-то шепчет Роберту, Роберт — Джону.

Пауза.

Р о б е р т. Будьте добры, дайте мне результаты электро... гм... как его... Дайте, пожалуйста. (*Подталкивает Джона к кулисам.*) Нет... Нужны показания.

Д ж о н (*указывая*). Что это?

Р о б е р т. Где?

Д ж о н. Вот здесь, рядом с селезёнкой. (*Пауза.*) Странная опухоль.

Р о б е р т. Что?

Д ж о н. Я говорю: странная опухоль возле селезёнки. (*Пауза.*) Неужели вы не видите?

Р о б е р т. По-моему, ничего нет. Для опухоли ещё не время. Снимите-ка лучше... показания с синтезатора... м-м... с анализатора... Можете вы это сделать, наконец?

Д ж о н (*шёпотом*). Роберт, это уже было.

Р о б е р т. Позвольте с вами не согласиться, коллега. Снимете вы, наконец, показания с этой... штуки или нет?

Пауза.

Д ж о н (*шёпотом*). Эта реплика уже была.

Р о б е р т. Ничего подобного! Больной в состоянии шока, я начинаю на вас сердиться. Если вы и дальше желаете работать со мной, немедленно снимите показания! (*Пауза.*) Или мне позвать полицию? (*Пауза.*) У вас сердца нет... Больной — в глубоком шоке!

Пауза. Джон снимает маску и уходит.

Р о б е р т. Куда же вы? (Пауза.) Дезертир! (Пауза.)

В зрительный зал.

Р о б е р т. Дамы и господа! То, что вы сейчас видели, образец — не скажу совершенного — но очень хорошего хирургического искусства, использующего самую современную технику... с минимумом суеты... с минимумом беспорядка... и я надеюсь, что вы... (Занавес начинает опускаться.) ...что вам понравилось...

Занавес падает. Пауза.

Р о б е р т. Есть у кого-нибудь текст пьесы?

(Дэвид Мэмет. Жизнь в театре // Часы, № 43, 1983)

Лунный месяц в 28 дней

Теснейшая связь лунного месяца с менструациями на деле и в слове ($\text{mens}_L = \text{месяц}$) позволяет по-новому оценить продолжительность лунного месяца во времена возникновения женщины и закрепления менструационного цикла, средняя величина которого в 28 дней (± 3 дня) наводит на мысль о том, что Ева, превращаясь в женщину рожающую — точнее: в женщину с месячными — видела каждое новое полнолуние не через $29\frac{1}{2}$ дней, как сейчас, а через 28. Иначе говоря, Луна вращалась тогда быстрее и была ближе к Земле. Знай мы годовую скорость её удаления от Земли и будь уверены в постоянстве этой скорости — говорят о 2 метрах в год, откуда возникла эта цифра, не знаю, — удалось бы подсчитать, сколько миллионов (или всё-таки тысяч?) лет тому назад Ева покинула Эдем бездетности, стала «яйцекладущей» (превратилась в женщину) и родила злого первенца.

Занятно, что в полной колоде без джокеров 52 карты, как и недель в году, и 13 карточных достоинств, как лун-

ных месяцев, а в малом наборе домино — 28 костей, но связывать эти факты с астрономией и, тем более, с физиологией не буду, оставлю лазейку для случая.

→ 15 декабря: Интересное положение

Владимир Овчинников,
Эскиз декорации к пьесе В. Кушева «730 шагов», 1983

У грузина умерла жена. Убитый горем он бродит по квартире — то в одну комнату, то в другую, то на кухню — и с горечью повторяет:

— И здесь тебя нет! И здесь тебя нет!

Идёт дальше:

— И здесь тебя нет!

Постепенно убыстряет темп речи и движений и наконец, переходит на лезгинку:

— И здесь тебя нет, и здесь тебя нет! И здесь тебя нет, и здесь тебя нет! Асса! Асса!

ИЮНЬ
15
суббота

ИЮНЬ
16
воскресенье

Лунный/женский календарь
(13 месяцев по 28 дней, 364 дня)

ИЮНЬ

17

понедельник

ВЕСНА

березец 1–28	1 марта — 28 марта
цветень 1–28	29 марта — 25 апреля
травич 1–28	26 апреля — 23 мая

ЛЕТО

червень 1–28	24 мая — 20 июня
липец 1–28	21 июня — 18 июля
серпич 1–28	19 июля — 15 августа

ОСЕНЬ

вересай 1–28	16 августа — 12 сентября
листопад 1–28	13 сентября — 10 октября
грудень 1–28	11 октября — 7 ноября

ЗИМА

студенец 1–28	8 ноября — 5 декабря
леденец 1–28	6 декабря — 2 января
снежень 1–28	3 января — 31 января
лютый 1–28	1 февраля — 28 февраля

День Нового года — пустой день между 28 февраля и 1 марта.

Високосный день — пустой день перед днём Нового года (раз в четыре года).

Валерий Лукка,
Раздавленная маска, 1989

Слишком юные не умеют рассуждать здраво, слишком старые — тоже.

Думаешь ли о каком-то предмете слишком мало или слишком много — одинаково себя морочишь.

Если судишь о своём труде сразу же после его окончания, то ещё не можешь от него отделиться, если слишком долго спустя, то уже не можешь в него войти.

Так и картины, если смотреть на них со слишком близкого или слишком далекого расстояния. И лишь единственная маленькая точка и есть нужное место.

Все другие слишком близко, слишком далеко, слишком высоко или слишком низко. В искусстве живописи эта точка определяется перспективой, но кто её определит для истины и морали?

(Блез Паскаль)

Варшава, 20 июня 1991

Дорогой господин Останин,

Спасибо за милое письмо, поздравляющее меня с получением литературной премии Э/Е <осенью 1991 года переименована в премию им. В. Жуковского>. Это для меня большая честь и радость.

К сожалению, мне трудно сейчас ответить, смогу ли я в сентябре приехать в Ленинград. Как Вам известно, я всю весну проболел; сейчас мне лучше, но не настолько, чтобы я счёл возможным строить определённые планы на раннюю осень.

Прошу извинения, но я не могу передать Ваше письмо председателю польского ПЕН-Клуба господину Артуру Мендзыжецкому: сам я член правления ПЕН-Клуба и мне неудобно просить деньги на свою поездку, тем более что мне известно трудное материальное положение нашего центра ПЕН (это относится также к другой организации, в которой я состою — т.е. к Сообществу польских писателей). Если я всё же смогу собраться в путь, то попробую сделать это за собственный счёт. Единственное, что мне в таком случае будет необходимо, это официально оформленное приглашение, требуемое советскими органами при въезде в СССР.

Ещё раз спасибо за всё.

Жму Вашу руку —
Виктор Ворошильский

Варшава, 16 ноября 1991

Дорогой Борис,

Большое спасибо за Хармса и за всю Вашу заботу о моих делах. Я очень рад, что Наталье <жена Ворошильского> удалось с Вами встретиться. Надеюсь раньше или позже (е. б. ж.) тоже познакомиться с Вами лично. А пока — шлю дружественный привет.

Ваш
Виктор Ворошильский

Да, конечно, интеллигенции очень туго. Да, конечно, очень туго было бы и в тюрьме, и в лагере, например, мне. Значительно хуже большинству интеллигенции. Но в какое сравнение могут идти наши страдания и наши лишения со страданиями и лишениями русского крестьянства, и не только русского, а и грузинского, татарского, киргизского и всякого другого. Ведь вот, как ни отвратительно мне, как ни голодно, ни холодно, каким бы опасностям я ни подвергался ещё, со мной считались в тюрьме и будут считаться в лагере. Я имею тысячи возможностей выкручиваться — возможностей, совершенно недоступных крестьянину. С крестьянином не считаются вовсе, и никаких возможностей выкручиваться у него нет. Меня плохо ли, хорошо ли, но всё же судят. Крестьянина и расстреливают, и ссылают или вовсе без суда, или по такому суду, о котором и говорить трудно; я видал такие «суды». Тройка безграмотных и пьяных комсомольцев засуживает семью, в течение двух-трёх часов её разоряют вконец и ликвидируют под корень. Я, наконец, сижу не зря. Да, я враг советской власти, я всегда был её врагом, и никаких иллюзий ГПУ на этот счёт не питало. Но я был нужен, в некотором роде «незаменим», и меня кормили, и со мной разговаривали. Интеллигенцию кормят и с интеллигенцией разговаривают. И если интеллигенция садится в лагерь, то только в исключительных случаях «массовых кампаний» она садится за здорово живёшь.

Я знаю, что эта точка зрения идёт совсем вразрез с установившимися мнениями о судьбах интеллигенции в СССР. Об этих судьбах я когда-нибудь буду говорить подробнее, но всё, что я видел в СССР, — а видел я много вещей, — создало у меня твёрдое убеждение: лишь в редких случаях интеллигенцию сажают зазря, конечно, с советской точки зрения. Она всё-таки нужна. Её всё-таки судят. Мужика — много, им хоть пруд пруди, и он совершенно

реально находится в положении во много раз худшем, чем он был в самые худшие, в самые мрачные времена крепостного права.

(Иван Солоневич. Россия в концлагере)

ИЮНЬ

22

суббота

Анри Мишо

Погонный метр книг

ИЮНЬ

23

воскресенье

Как-то Влад засобирился вдруг в эмиграцию, стал готовить документы и — добрейшая душа! — предложил поместиться комнатами (Танину девятиметровую на канале Грибоедова на его 25-метровую у Пяти углов), «чтобы государству не досталась».

Прикинув, что обстановка наших комнат мало чем отличается, мы решили не перевозить мебель (диван, кухонный

стол, шкаф, этажерку, стулья), шторы, люстру, кухонную утварь, а «просто рокироваться», что беззаботно и сделали. В одном пункте Влад всё-таки дал слабину: прихватил с собой антикварный письменный стол с «толстовскими» бортиками. Впрочем, и я хорош: перевёз в новое жильё несколько коробок книг, тогда как Влад давно уже аскетически ограничил свою библиотеку «одним погонным метром» из тридцати по-настоящему необходимых ему книг.

Через пару месяцев Таня случайно напала на удачную цепочку нового обмена: *без единого рубля доплаты* мы поменяли владикову 25-метровку на 40-метровую комнату на улице Декабристов, напротив блоковского дома. По прошествии года Влад уезжать в Израиль раздумал, но, когда я предложил ему «честный обратный обмен», махнул безразлично рукой: у него в то время появилась Рита, жилищный вопрос его не волновал.

ИЮНЬ

24

понедельник

Николай Копейкин, Металлурги и компьютер

Кеша и Аглая

ИЮНЬ

25

вторник

Попугаи залетели ночью из кухни в мою комнату, где я спал. — Кеша и Аглая. — Видимо, двери были открыты — из кухни в коридор и из коридора в комнату. Попугаи жёлто-зелёные. У Кеши больше жёлтых перьев, а у Аглаи — зелёных: у неё вся грудка зелёная, а спина и крылья зелёные в чёрную крапинку...

Кеша сел на столик между диваном и окном, прямо около моей головы. А над столиком развешены иконы, они занимают угол — от столика до потолка. И Кеша стал просить меня, чтобы я его научил молиться. Я взял его в руку и начал читать «Отче наш». Он повторял за мной, но не своим обычным сочным чириканьем, а как-то тихо лепетал, почти шелестел. —

— Да святится имя Твое.

— *Да святится имя Твое.*

— Да приидет царствие Твое.

— *Да приидет царствие Твое.*

— Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.

— *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...*

Аглая сидела где-то высоко, я не помню — возможно, на лампадке под потолком — и оттуда смотрела на нас молча и тупо. О чём она думает, нельзя было ни понять, ни предположить. Скорее всего, у неё не было вообще никаких мыслей. Глаза выпуклые — две чёрные бусинки.

Всё это меня — нельзя сказать, чтобы умилило, но как-то тихо поразило. —

Я открыл глаза. — Оказалось, что я лежу на диване лицом к спинке.

Я приподнялся и оглядел комнату. — Настольная лампа горела у окна, рядом с компьютером. Попугаев не было. — То ли они улетели назад в кухню (Аглая впереди), то ли вообще не прилетали...

(Николай Байтов. Три рассказа // Носорог, № 5, 2016/17)

Пляшущие иероглифы

Ни с того ни с сего усмотрел вдруг в китайских иероглифах стенографическую (точнее, сценографическую) запись движений рук и тела *глухонемого*, его жестов, мимики, танца. Мир, если верить индусам, был создан танцем безмолвной Шакти. Китайские иероглифы — как бы запись её танца. Египетские — совсем другое, «рисуночки», идеограммы, майянские — застывшие сгустки энергии, а китайские — динамика, *танец*. Все они, каждый по-своему, противостоят «фонетической линейке» и богу времени Кроносу.

Говорят, — слышал от глухого Лёни-Феликса, — что есть две азбуки глухонемых: одна — фонетическая (у каждого народа своя), другая — экспрессивная, танцевальная, международная. Но и китайские иероглифы понимают самые разные народы Китая, хотя произносят их по-разному, они из разряда второй, экспрессивной азбуки.

Интересно, нельзя ли научиться «читать» иероглифы по движению их частей, единственно из их танца — без всякой семиотики и герменевтики?

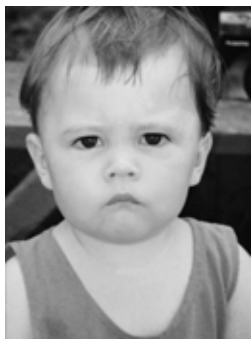
Электронная техника вытеснит вскоре язык глухонемых на периферию европейской культуры: как каллиграфию заменили некогда наборные шрифты и клавиатура, так жестовый язык и движение пальцев уступят место чипам. Осталась слабая надежда на пляшущие китайские иероглифы.

(1980-е)

ИЮНЬ

27

четверг

Андрюша, 2003

ИЮНЬ

28

пятница

Росу вишнёвую меча
Ты сушишь волосом волнистым.
А здесь из смеха палача
Приходит тот, чей смех неистов.

То черноглазую гадалкой,
Многоглагольная, молчишь.
А то хохочущей русалкой
На бивне мамонта сидишь.

Он умер, подымая бивни,
Опять на небе виден Хорс.
Его живого знали ливни —
Теперь он глыба, он замёрз.

Здесь скачешь ты, нежна, как зной,
Среди ножей, светла, как пламя.
Здесь облак выстрелов сквозной,
Из мёртвых рук упало знамя.

Здесь ты поток времён убыстрила,
Скороговоркой судит плаха.
А здесь кровавой жертвой выстрела
Ложится жизни черепаха.

Здесь красных лебедей заря
Сверкает новыми крылами.
Там надпись старого царя
Засыпана песками.

Здесь скачешь вольной кобылицей
По семикрылому пути.
Здесь машешь алою столицей,
Точно последнее «прости».

(Велимир Хлебников. Жизнь, 1919)

Уважаемый г-н Гваттари!

С нетерпением ждём Вашего приезда на Летнюю школу «Язык — сознание — общество» (Ленинград, 9–13 августа 1989 г.) как одного из главных её участников. Уже сейчас группа энтузиастов из «Поэтической функции» изучают идеи книг «Анти-Эдип» и «Тысяча плато», они были бы счастливы услышать Ваш доклад и разъяснения. Наметившийся в нашей стране духовный и интеллектуальный подъём нуждается в таких учителях и собеседниках, как Вы. Если у Вас есть возможность, вышлите, пожалуйста, свой доклад или тезисы к нему заблаговременно, чтобы мы перевели их на русский язык.

К сожалению, министерское постановление от 1989 г. не позволяет советской стороне оплачивать *транспортные* расходы иностранных участников таких неофициальных встреч, как наша Летняя школа. Однако мы надеемся найти возможность так или иначе облегчить Ваши финансовые тяготы.

Просим передать привет и благодарность Татьяне Горичевой за её помощь «Поэтической функции». Благодарим Вас за присланный в 1988 году «Текст для русских».

До встречи,
Борис Останин, секретарь «Поэтической функции».
28.6.89

ИЮНЬ

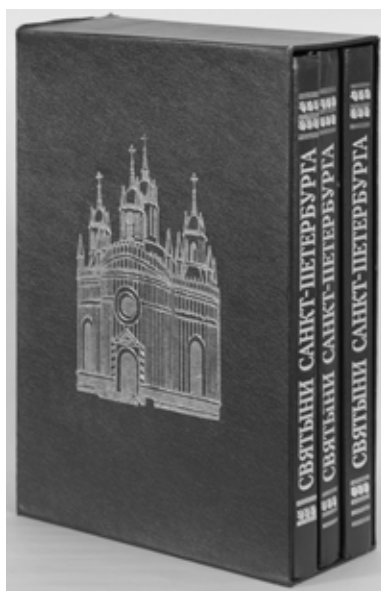
29

суббота

ИЮНЬ

30

воскресенье

Святыни Санкт-Петербурга

ИЮЛЬ

я помню чудное мгновенье
и повторится всё как встарь
как мимолётное виденье
аптека улица фонарь

ночь улица фонарь аптека
передо мной явилась ты
живи ещё хоть четверть века
как гений чистой красоты

душе настало пробужденье
бессмысленный и тусклый свет
и божество и вдохновенье
всё будет так исхода нет

умрёшь начнёшь опять сначала
и для меня воскресли вновь
ночь ледяная рябь канала
и жизнь и слёзы и любовь

(Герман Лукомников)

ИЮЛЬ
1
понедельник

Русско-еврейскую идентичность японская исследовательница Вакана Коно рассматривает как толчок к появлению художника-персонажа. «Любопытно, что Розенталь является персонажем, созданным Кабаковым, но сам

ИЮЛЬ
2
вторник

Кабаков также ощущает, что он время от времени играет разные роли как персонаж. Как мы видели, до некоторой степени это было общее ощущение у русско-еврейских нонконформистов, в том числе у Брускина, Комара и Меламида. С самого начала творческого пути у них было осознание своей сложной идентичности».

Одной из сторон еврейского «иконоборчества» можно считать «деконструкцию». «На пути самоидентификации они пробовали деконструировать мифологические миры, причём не только советскую мифологию, но и еврейскую», — пишет о московских художниках Коно.

В их картинах, связанных с еврейской мифологией, также присутствует дух самопародии и самообъективация. <...> Здесь будет уместно привести цитату из Михаила Эпштейна: «Русский концептуализм воспринял такие черты западного постмодернизма, выраженные особенно в философии Ж. Деррида и Ж. Бодрийера, как полная игровая децентрализация всех структур, деконструкция любого культурного смысла до первичных атомов внесмыслицы, обнаружение в любом подлиннике черт искусной подделки и замещения, включая реальность как таковую — самую тщательную и продуманную из всех подделок, суррогат высшего сорта <...>».

Единственной фундаментальной выставкой на тему еврейства в русском искусстве остаётся выставка 1995 года в нью-йоркском Еврейском музее «Русские еврейские художники в век перемен. 1890–1990», представившая более 300 работ пятидесяти художников, выполненных в России и в СССР. В репортаже с этой выставки Екатерины Дёготь в «Коммерсанте» был сделан ряд ценных замечаний о еврейской идентификации художника в России: «Само понятие „художник-еврей“ включает в себе неразрешимый парадокс: традиционная еврейская культура, как известно, не допускает изображений, поэтому еврей-художник безнадежно отчуждён и от своей культуры, и от

той, в которую он заброшен. Но таково же положение и любого еврея в России, не только художника, — его родной язык русский, он прочно связан с русской культурой, но она не принимает его; он принадлежит еврейской нации, но с её культурой никак не связан. Тем более художник-еврей в России есть человек без родины, единственной родиной которого является искусство. Он всегда дистанцирован, всегда наблюдатель, всегда рефлексивен. Не случайно жертвами антисемитской кампании пали в первую очередь критики — во всех видах искусства. Не случайно их обвиняли в том, что они „смотрят на жизнь со стороны, рыбьими глазами равнодушного наблюдателя“. И не случайно именно тотально критическая циническая позиция, для которой не было ничего святого и безусловного, ничего не подвластного пониманию и, следовательно, страшного, стала позицией концептуального искусства 1970-х, в одиночку разрушившего советскую идеологию.

Еврей всегда, конечно, есть фигура Запада внутри России, некий внутренний диверсант, глядящий трезво и без веры. <...> Еврейское художественное сознание глубоко стратегично, и поэтому такие баловни сталинской культуры, как автор „Дворца Советов“ Иофан, академик Бродский или менее преуспевший прилежный портретист Кацман, — гении личной стратегии и умения устраиваться в культуре и жизни — на выставке не менее уместны, чем соседствующие с ними художники, избравшие путь жертвы, стратегия которых, впрочем, оказалась не менее успешна, так как сегодня их слава не меньше.

Во всяком случае, очень рано еврей-художники поняли, что единственный путь для них — лучше всех выразить „истинно русское“».

(Андрей Хлобыстин. Шизореволюция)

→ 2 ноября: Шизореволюция, 3

ИЮЛЬ
3
среда

Херлуф Бидstrup, Рождение моды

ИЮЛЬ
4
четверг

Вереницу изысканных стад замыкает комичным циклопом безобразная животиная.

Слагаются ей в убранство восемь насмешек, расщепляют её безумие.

Благочестиво рыгает тварь в сельском воздухе.

Вислые бока наболели, распёрты, выпростать готовы приплод.

От копыт до тщетных бодал окутана она вонью.

Такою мне в Ласко на фризе является престранно пережатая мать,

Мудрость, чьи глаза полны слёз.

(Рене Шар. Безобразное животное)

54

Не обладая достаточным упорством или не располагая временем, недобросовестный автор, вместо того чтобы написать большое стихотворение или, скажем, научную статью, записывает свои соображения в виде одной или нескольких фраз и в таком виде пускает их в свет. Так появляются интеллектуальные недоноски — максимы и эссе, свидетельства неуважения автора к своему труду, результаты лени или недосуга.

15

Стоит ли тратить силы на первое, если второе состоит в том, что третьего не будет?

12

Всякое прямое уподобление одного человеческого существа другому есть тягчайшее оскорбление для обоих.

4

Курице предшествует яйцо динозавра.

22

Российское пристрастие к разговорам объясняется молодостью нашей культуры. Так ребёнок, только что научившийся говорить, постоянно испытывает новые возможности и болтает без умолку.

11

Ногти — это зубы, оставшиеся с тех времён, когда рука была пастью.

12

План определяет действия человека. Но ведь и человек определяет действие плана.

ИЮЛЬ

5

пятница

37

Некто по имени Матрёшка был заключён внутрь шахматной фигуры. Там он не нашёл лучшего занятия, чем игра в шахматы с самим собой.

5

Протянул руку, так погладь кошку.

13

Наше двоеборье: сначала вырастить из себя хитиновый панцирь, а потом постараться от него избавиться.

10

В соревновании за жизнь призовой кубок — урна с прахом призёра.

7

Быть в огне — не значит ли быть огнём?

20

Там, где речь идёт о проблемах, обдумываемых тысячами, новизну видения может дать только парадокс. Метафора, не порождающая парадокса, здесь бессильна.

(Игорь Юганов. Телеги & гномы, 2007)

ИЮЛЬ

6

суббота

Цапля

Заключительным посланием <американского посла> Буллита из Москвы стало его необыкновенно резкое и потому очень интересное письмо государственному секретарю <Корделлу Халлу>, отправленное 20 апреля 1936 года. Он уже получил назначение в Париж и мог теперь высказаться откровенно. В этом письме, которое подводило итоги многолетних бесед Буллита с Кеннаном и другими специалистами по России, содержались основные элементы американской политики никем тогда не предсказанной холодной войны. Советский Союз, писал Буллит, «уникален среди великих держав, потому что это не только государство, но и штаб-квартира мировой религии». Чтобы понять Советский Союз, нужно разобраться в его географическом положении, огромных ресурсах и «расовом составе». Но важнее всего, подчеркивал Буллит, разобраться в содержании «коммунистической религии»: это она определяет и внутренние институты СССР, и его «необыкновенные отношения» с другими странами. Мистическим содержанием этой религии, объяснял Буллит, является вера в то, что как только на земле установится коммунизм, «из человеческой природы сами собой исчезнут жестокость, ненависть, зависть, жадность и ложь». Пока коммунистический рай на земле не установился, строящее его государство может проявлять жестокость, ненависть и далее по списку. Но потом, с объявлением коммунизма, государство самоустранится. Тогда больше не будет зла, нужды и войны, и на земле воцарится тысячелетняя благодать.

Политическая система Советского Союза есть «безбожная теократия», формулировал Буллит. Её верования, продолжал он, противоречат наследству Греции и Рима, учению христианской церкви и новейшим открытиям антропологов и психологов. Однако это факт, что в коммунистическую религию искренне верят миллионы молодых людей этой страны, и её диктатор, и влиятельные помощники этого диктатора. Он подчёркивал искренность этой

веры: конечно, многие из тех, кто благодаря ей добились земной власти, получают выгоду от своих верований; но нельзя отрицать, писал он, что в действиях большевиков «любви к человечеству столько же, сколько и ненависти, и что многие из них готовы принести в жертву во имя триумфа своей веры не только других людей, но и самих себя».

<...>

Советской бюрократии, полагал он <Уильям Буллит>, надо бояться только самой себя. «Единственным реальным страхом коммунистов является то, что их бюрократическая машина может сломаться от напряжения, например в случае войны. Ужас перед Кремлём настолько велик, что русские чиновники даже на высшем уровне всячески уклоняются от принятия решений... Неэффективность бюрократии — главная слабость СССР. Коммунистическая форма государства требует от бюрократии исключительных способностей. Но русские всегда были и остаются плохими бюрократами».

Из этого наблюдения Буллит делал дальнейшие выводы, которые смущали многих читателей секретного донесения; вероятно, из-за них оно оставалось неопубликованным и после того, как его рассекретили десятилетия спустя. Выводы эти касались национального или, как говорил Буллит, расового состава советской бюрократии. Поскольку русские были и остались плохими бюрократами, а социалистическое государство требует особенной эффективности от своей бюрократической элиты, «во всех наркоматах работает необычайно много евреев». Буллит приводил статистику: в СССР, по его подсчётам, был 61 высший руководитель (наркомы и их заместители), и 20 из них были евреи; в населении всего СССР на 61 человека приходился один еврей. «Высшая бюрократия почти во всех наркоматах состоит из евреев». И действитель-

но, он перечислял руководителей, с которыми имел дело, и те были евреями: нарком иностранных дел, внутренних дел, внешней торговли, транспорта... Только армия была «относительно свободна от евреев».

*(Александр Эткинд. Мир мог быть другим:
Уильям Буллит в попытках изменить XX век, М., 2015)*

Лилипут долго уговаривал великаншу выйти за него замуж, пока та наконец не согласилась. В брачную ночь счастливый муж ползает по не-объятной жене, трогает её за грудь, шею, колено и, не веря себе, с восторгом приговаривает:

— И это моё! И это моё! И это моё!

ИЮЛЬ
8
понедельник

ИЮЛЬ
9
вторник

Борис и Глеб

Сом

июль

10

среда

Сом, запутавшийся в травах на мелководье. Нетрудно, изловчившись, поймать его руками. Скользкий, склизкий, он бьётся в моих ладонях, всем своим телом являя негодование. В какой-то момент он выскользывает, и я вновь шарю руками, путаясь в мокрых травах, пока не ухватываю его прямо под жабры. По тяжести он сравним с семилетним ребёнком, удары его хвоста не болезненны, однако ощутимы. Вот я поймал его и прижимаю к своей груди, слышу удары холодного рыбьего сердца. Рыба то расширяет, то сжимает жабры, её рот раскрывается, принимая форму буквы «О», о которой нам, по правде говоря, мало что известно. Тщетны их трепыхания. Сом не умирает, но засыпает. Страх, которым пронизано его тело, сделает волокна его тканей чуть более жёсткими, печень его расширится и сделается более приятной на вкус. В какой-то момент, быть может, в тот самый, когда закатятся глаза сома, я чётко различаю в своём сознании его имя. Кажется, оно совпадает с моим собственным. Я не думаю больше об этом, иначе у меня отвалится голова. Я беру сома и несу его в дом. Там моя мать как следует его зажарит.

(Марианна Гейде. Бальзамины выжидают)

→ 3 ноября: Гейде, 4

ИЮЛЬ

11

четверг

НЛО в Быково, Псковская область

Петров и политика

Сергей Владимирович мало интересовался политикой. Как-то весной, через полгода после отставки Хрущёва, мы гуляем с ним по Старой Деревне возле закрытого буддийского храма, в котором живут *птицы* из Зоологического института, беседуем о том о сём, и вдруг из его реплик я понимаю, что Петров рассуждает о Хрущёве как о *действующем* политике, не подозревая о случившемся полгода назад государственном перевороте. Сначала удивился, потом, поразмыслив, восхитился: вот жизнь поэта, достойная подражания — жить и не замечать, как ветер перемен срывает листья, которые кому-то кажутся безмерными...

ИЮЛЬ

12

пятница

Глухота Петрова была «выборочной»: то, что мало его касалось, он не слышал, но стоило только нам с Александрой Александровной заговорить о его стихах, как он немедленно, словно привидение, возникал в дверном проёме: «А? что? что вы такое говорите?»

Работал Сергей Владимирович много и методично, скрупулёзно заполняя, кажется, под влиянием Любищева, разноцветными шариковыми ручками планы на будущее и отчёты о проделанной работе. Это касалось как его собственных многочисленных трудов (поэзия, проза, пьесы, переводы), так и шахматных турниров, за которыми он внимательно следил и для которых расчерчивал аккуратные таблицы.

Пока Петров погружался в гостиной в свои таблицы и стихи, мы с Александрой на кухне гоняли чай и играли в придуманный мною *соревновательный кроссворд*: обычный кроссворд из местной газеты, только отгадывать его надо не в аутистскую одиночку, а на пару, по очереди, ход за ходом — один по горизонтали, другой по вертикали. Александра превосходила меня общей начитанностью, я, тем не менее, выигрывал чаще — брал не эрудицией, а догадкой и наскоком, чем изрядно её сердил.

Можно поразмыслить о последнем писателе, вместе с которым без ведома остальных исчезло бы неброское таинство письма. Дабы придать ситуации привкус фантастичности, можно вообразить, что этот Рембо, ещё более мифический, чем Рембо подлинный, слышит, как в нём затихает умирающая вместе с ним речь. Можно, наконец, предположить, что в мире и в кругу цивилизации каким-то образом почувствуется этот безвозвратный конец. Что за ним воспоследует? По видимости — глубочайшее безмолвие. Обычно так вежливо и изъясняются, когда умирает какой-нибудь писатель: смолк голос, мысль рассеялась. Какое же настанет безмолвие, когда уже никто больше не заговорит столь импозантным образом — речью произведения в сопровождении ропота его репутации.

Поразмыслим об этом. Такие эпохи существовали, будут существовать, такой вымысел время от времени реа-

лен в жизни каждого из нас. На удивление здравому смыслу, в день, когда погаснет этот свет, не тишиной, но отступлением тишины, разрывом тишайшей толщи и приближением сквозь этот разрыв нового шума заявит о себе эра без речи. Ничего тяжкого, ничего шумного; едва только ропот, шёпот, он и не прибавит ничего к великому городскому гаму, от которого, как нам кажется, мы так страдаем. Единственная его характеристика — он беспрерывен. Единожды услышанный, он уже не может перестать быть таковым, и поскольку его никогда по-настоящему не расслышать, поскольку он ускользает от слуха, ускользает он и от всякого отвлечения, тем более в наличии, чем более от него отворачиваешься: опережающий отголосок того, что сказано не было — и никогда не будет.

(Морис Бланшо. Смерть последнего писателя //
Комментарии, № 1, 1992)

Гроза накинута взхлёб,
и шлёпая и хлюпая,
и каждый холм подставил лоб,
и жизнь — как девка глупая.

Гром как ударит топором
и реку — раз! — до пояса,
и выставиться всем нутром
и хочется, и боязно.

Нутро — как с мусором ведро,
а око — бац! — расколото.
Добро блестит, как серебро,
а зло горит, как золото.

(Сергей Петров, 1970)

Япиксы

Самцы у япиксов рождаются слепыми. Они бесцветны и лишены голоса. Женщины сообща разводят их под присмотром прислужниц. Сами же занимаются охотой, рыбной ловлей и выращивают цветы. Они женятся друг на друге и позволяют себе самца лишь в виде лёгкой пересменки в самом конце пиршества. Тот бросается на первую встречную, с яростью, с отчаянием, он оплодотворил бы и пень. Два раза в год, тем не менее, женщины япиксов должны явиться в мужскую резервацию, и там идет большой кутёж.

Аллаты

За правым ухом у них можно заметить крохотную железку. Она вырабатывает гормон юношеского роста, который препятствует развитию тела. Аллаты обожают детей. Оперируют их разве что скрепя сердце. Достичь у них зрелости — из ряда вон выходящая милость.

Оленивцы

Оленивцы, сами достигнув весьма высокой ступени цивилизации, поддерживают женщин в диком состоянии. Те разгуливают практически нагими по городам, в которых, как у нас, права гражданства завоевали асфальт и неон. Эти женщины не лишены отличий от наших.

Живот оленивицы на конце заострён, пониже колен он проходит между ног и опирается на землю на манер хвоста. Помню своё замешательство в гостиничном номере, когда поутру молоденькая оленивочка принесла мне завтрак. У нее был такой вид, будто она чего-то ждёт. Я рассеянно положил руку ей на бедро, потом мягко привлёк к себе. Она, не откладывая в долгий ящик, подобрала передник и скользнула ко мне в постель. Минуты, которые она мне уделила, вряд ли скоро сотрутся из моей памяти. Но должен, к своему унижению, сказать, что так и не обнаружил, где у неё влагалище.

Ливароны

Ливароны живут на берегу великой реки Сапик. С первого взгляда, их деревни — стадо слонов. Там-то они и живут. Опустошив, за вычетом кой-каких костей, призванных служить остовом, тело животного, они выскабливают изнутри шкуру тонкими пластинками слоновой же кости, потом набивают её соломой и оставляют сохнуть на ежедневном в их широтах солнце. Когда кожа достаточно затвердеет, солому удаляют через проделанную между ягодиц щель, каковая послужит первым жильцам дверью. Дом, их дом, готов.

Что всегда поражало меня в ливаронских деревнях, так это дымок, который выбивается на заре из хобота их обиталища, каковой они тщатся поддерживать в стоячем положении.

Уаруаши

У уаруашей уши под мышками. Уши-локаторы, которые даже ночью доставляют им акустическое видение мира. Когда с наступлением вечера их города упиваются полной темнотой, может быть любопытно засечь на улицах молодую особу, к которой вы проявляете интерес. К сожалению, уаруашские женщины испускают антирадарные волны, из-за которых приходится задевать их вслепую.

Слепняки

У слепняков женщины рождаются двойняшками, и, так как пропорция мужчин и женщин в точности та же, что между одиночкой и парой, все слепняки женятся на близняшках. У двоюродных там две пары, у троюродных... — и так далее, выкладка совсем не сложная.

В обычной семье одна занимается любовью и кухней, вторая хозяйством и детьми. Меняясь, впрочем, ролями. Шесть месяцев так, шесть месяцев сяк.

Слепняки возводят свои деревни на сваях. На глазах у всех, просиживая час за часом, созерцают они водную поверхность. Ожидая, возможно, чуда. Особым спросом пользуются вдовье слепнячки, без своей близняшки.

(Пьер Бетанкур. Миллионо-человек)

Речь как речка течёт, а человек её толкует, толчёт.

(1989)

ИЮЛЬ

16

вторник

ИЮЛЬ

17

среда

Модель бомбардировщика Ил-28

ИЮЛЬ

18

четверг

В июле 2012 года хотел съездить с Андрушей в Поставы (некогда Молодечненская область, ныне Витебская), навестить папину могилу. В день отъезда температура у сына взлетела до 39° — такое уже с ним случалось, в том числе когда собрались недавно всей семьёй на Казантип

и заранее купили билеты до станции-тёзки Останино: у Андрюши внезапная вспышка температуры. Отменяем поездку, сдаём билеты, на следующий день температуры нет, всё в порядке.

Чтобы не рисковать ребёнком (впрочем, через день температура предсказуемо упала до нормальной), поехал один. В Минске меня встретил Слава (ака Андрей Грубич), ныне специалист по радиоактивности и счётчикам Гейгера. Отправились на озеро Нарочь, у него там второй дом, после чего в Мирский и Несвижский замок, наконец, в Поставы (утомлённые поездкой в Мир и Несвиж, запланированный день пропустили, благодаря чему счастливо избежали аварии, в которую попал — с человеческими жертвами — поставский автобус).

17 июля добрались-таки до Постав, зашли в церковь Николая чудотворца, аккуратно в день памяти двух Андреев, апостола и иконописца, отыскали на кладбище могилу, поставили свечку, помянули водкой. 18 июля 1956 года, 56 лет тому назад, Владимир Николаевич Останин, штурман военной авиации, разбился в Белоруссии на бомбардировщике Ил-28. Десятилетний мальчишка, я много лет жил с мыслью и видел во сне, что отец жив, что его тайным образом заслали за границу *шпионом* (осенние события 1956 года в Венгрии подсказали страну «засылки»), долго хранил, а потом носил отцовскую кожаную куртку — косвенную причину его гибели.

18 июля был *первый день отпуска* отца, по возвращении из которого он твёрдо решил уволиться из армии. Завтра всей семьёй уезжаем в Сочи, собираем чемоданы... как вдруг отец вспоминает, что *оставил на аэродроме* свою кожаную куртку, и отправляется за ней. Как оказалось, зря. Начальство упростило его «слетать быстренько с молодыми ребятами-стажёрами», безропотный Останин, хотя формально был в отпуске и мог отказаться, по

доброте душевной и общей безалаберности, так и не взяв куртку, согласился — это был его последний полёт, последний день жизни.

- 20 июля/2018: Мост короля Людовика Святого
- 28 февраля: Нина и Владимир, родители
- 17 июля: Ил-28

ИЮЛЬ

19

пятница

Rock'n'roll

Хо - чу ле - жать с лю - би - мой ря - дом,
хо - чу ле - жать с лю - би - мой ря - дом, хо - чу ле - жать с лю - би - мой
ря - дом, а рас - ста - вать - ся не хо - чу.

Хвостенко, Волохонский

Госпожа Эрекция

Эрекция *существенно* отличает мужчину от женщины и наделяет его (по крайней мере в половом акте) господством над женщиной. Нет эрекции — нет совокупления, нет оплодотворения, нет беременности. Если бы мужчина — на манер йога — мог *полностью контролировать* свою эрекцию, его власть над женщиной (прежде всего половая, но не только) была бы полной. Сюда же: активные и обеспечивающие мужчине преобладание позы из Кама-сутры — «сверху» и «сзади».

ИЮЛЬ

20

суббота

Сюнга скромная

ИЮЛЬ
21
воскресенье

Дождь

В гостиную, и без того уже достаточно оживлённую и многолюдную, входит ещё один гость.

ХОЗЯЙКА (после обычных приветствий). Вы только что с улицы? Весь промокли... Вот и расскажите нам об устройстве ливня, иллюстрируя примерами, разными случаями из жизни и из небытия.

ГОСТЬ. Я чувствую, что высыхаю.

ХОЗЯЙКА. Ну и прекрасно! Вот вам тишина. Рассказывайте!

ГОСТЬ. Я хочу начать с башен, с их каменных вершин.

ХОЗЯЙКА. Прелестно!

ОСТАЛЬНЫЕ. Прелестно!

ГОСТЬ. А закончить чем-нибудь другим... если придётся.

ХОЗЯЙКА. Вы уже полностью завладели нашим вниманием!

ГОСТЬ. Итак, устройство: оно совершенно не изучено из-за своей несложности и простоты...

ИЮЛЬ
22
понедельник

ХОЗЯЙКА. Продолжайте, продолжайте!

ГОСТЬ. От башен перехожу к другому: призраки, например, совершенно неуязвимы для ливней — как и для прочих режущих и колющих предметов.

ХОЗЯЙКА. Я с вами не согласна. А окна? А их стеклянные лучи?

ГОСТЬ. Всё это не смертельно для выходцев из соседнего мира... Впрочем, одним амстердамским средневековым хроникёром описан случай.

ХОЗЯЙКА. Какой?

ГОСТЬ. Роттердамский.

ХОЗЯЙКА. Он там произошёл?

ГОСТЬ. Произошёл там, а описан в Амстердаме.

ХОЗЯЙКА. Ах, пожалуйста, не томите!

ГОСТЬ. В двух словах: казнь ливня.

ХОЗЯЙКА. О ужас!.. Но как же это так?

ГОСТЬ. Да, да, оказались и туловище, и голова... и шея.

ХОЗЯЙКА. А топор?

ГОСТЬ. Это неизвестно. Он пишет только, что что-то сверкнуло.

ХОЗЯЙКА. В Роттердаме?

ГОСТЬ. Пишет в Амстердаме.

ХОЗЯЙКА. Ах, вы опять сверкнули — жестокий!

ГОСТЬ. Такой же восклицательный знак стоит в конце его повествования.

ХОЗЯЙКА. Я вам не верю. Такое невозможно даже в Голландии.

ОСТАЛЬНЫЕ. Даже там.

ГОСТЬ. Ну почему же? Страна дождей и вопросительных знаков.

ХОЗЯЙКА. Вы высыхаете так стремительно, что мне становится страшно за роттердамский синтаксис.

ГОСТЬ. Он бросился вниз головой, с башни.

ХОЗЯЙКА. Кто? Синтаксис или хроникёр?

ГОСТЬ. Не тот и не другой, — а неизвестно кто. Или что. Видели только, как что-то стремительно пронеслось

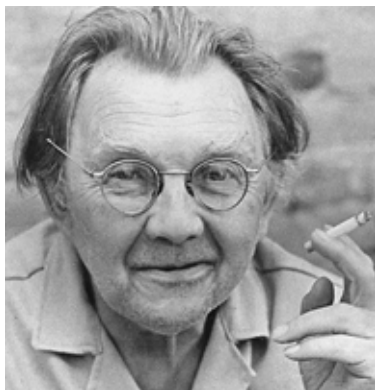
вниз... Эта башня до сих пор стоит, чуть наклонившись от времени.

ХОЗЯЙКА. Так это было время?

(Владимир Казаков. Дождь)

Марьяна Львовна ездилa с Алексеем Александровичем куда-то в глубинку — навестить местнoчтимoгo свягoгo Варсонофия. В обитeли eгo не застали, ктo-тo объяснил, что он ушёл по узкоколейке в соседнее село и подсказали путь. Марьяна и Алексей, чтобы не ждать, пошли, куда им велели, но не по колее, а по лесной тропинке, снизу. По-немногу смеркается, как вдруг вверху, на железной дороге — яркий свет, должно быть, поезд, только звуков почему-то не слышно. Свет медленно и по-прежнему бесшумно приближается, они поднялись к колее: навстречу идёт, о чём-то глубоко задумавшись, старичок — и светится. Они ещё ближе, но Варсонофий их заметил, *засмуцался...* свет начал медленно меркнуть и погас.

→ 28 мая/2018: Нина Конрадовна

Сергей Владимирович Петров

ИЮЛЬ

23

вторник

ИЮЛЬ

24

среда

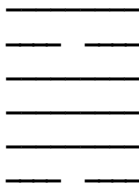
In this paper, according to an idea of N. Vorob'ev, we study natural category structures existing on the classes of non-cooperative games. It turns out that there exists a number of such structures which in turn naturally imply different modifications and generalizations of the basic notion of a game. In view of our purpose, it seemed natural to stress categorical features of all constructions and so to work not in the usual category of sets but in some general category C . Throughout the paper, we especially concentrate on two different but interrelated kinds of topics: category structures naturally arising in some game constructions (with, as mentioned above, a kind of «feedback») and categorical properties of equilibrium (understood very broadly). As a result, the equilibrium possesses the most desirable categorical property — functoriness — but only in the most general categories.

We stress two points here. Firstly, *all* introduced constructions have explicit game-theoretical semantics; on the other hand, a category structure on them always has a general, universal nature and is introduced from rather sophisticated general mathematical considerations which do not involve game-theory speciality.

We deliberately put aside a number of other principles of optimality including some of equilibrium type. They also have quite strong categorical properties and this fact may be used as a foundation for the construction of a kind of general theory of principles of optimality for corresponding classes of games.

*(Victor Lapitsky. On some categories of games
and corresponding equilibria //
International Game Theory Review, Vol. 1, No. 2 (1999)*

50. Дин. Жертвенник.

ИЮЛЬ
26
пятница

Изначальное свершение.

1

Жертвенник опрокинут вверх ногами.
Благоприятствует изгнанию упадка.
Наложницу берут ради её потомства.
— Хулы не будет.

2

Жертвенник наполнен.
У моих противников нужда.
Но до меня им не достигнуть.
— Счастье.

3

Ушки жертвенника изменены.
В действии будут препятствия.
Жиром фазана не насытишься! Как только будет дождь,
так он и иссякнет.
— Раскаяние! Но, в конце концов, — счастье.

4

У жертвенника подломилась нога.
Опрокинуты жертвы князей, и снаружи он выпачкан.
— Несчастье!

5

У жертвенника жёлтые ушки и золотая дужка.
— Благоприятна стойкость.

6.

У жертвенника яшмовая дужка.

— Великое счастье. Ничего неблагоприятного!

(«Книга перемен», машинопись, 1970-е)

→ 3 октября: И-Цзин, 2

ИЮЛЬ

27

суббота

Ко всему прочему, жизнь в кругу горстки людей, ютящихся среди этих пустошей, была приятна тем, что вне рамок совершенно неприметных повседневных дел, доступных каждому в одиночку, для больших работ, ради которых приходилось на несколько дней покидать свои дома и от которых зависела жизнь всех и каждого, иногда требовались усилия всей общины, и тогда эти небольшие перемещения приобретали оттенок торжественности и церемониальности. Сердце городка билось сильнее, чем обычно; все были счастливы отправиться вместе, маленькой сплочённой группой, на покорение чреватых удачами и случайностями просторов. Так бывало после высоких приливов, когда в поисках вынесенных на берег обломков подчас прочёсывали дюны на весьма большом расстоянии, и особенно когда, чтобы запастись стройматериалами, которые полностью отсутствовали здесь, в Грев-де-Лиля, отправлялись через равнину до самого Лоонского леса. На время этого путешествия к месту, отодвинутому для обитателей Грев фактически на край известного мира, в городе оставался крохотный гарнизон, а весь остальной люд — мужчины, женщины, дети, — щедро запасшись провизией, поднимался на борт плоскодонных барж, которые день за днём, проталкиваемые баграми, держали по узким протокам путь через болота. Сквозь напряжённое предвкушение предстоящих дней сурового труда пробивались приметы праздника: с утра до вечера баржи наполнились шутками и песнями. То мы скользили между зелёными шпалерами

тростника в живом лабиринте зыби и всплесков, то перспектива вдруг прояснялась и, насколько хватало глаз, к горизонту стелилась голая равнина цвета сухого торфа и пропитанной влагой соломы; мы скользили неощутимо, бездумно, прильнув под скрип багров к борту, глаза ровень с беспредельной плоскостью, часами скользили по самой поверхности земли, под бесцветным шатром небесного окоёма. Многие из отпльвших с нами женщин были красивы, и на протяжении этих ничем не заполненных дней иногда часами напролёт всё место в наших грезах занимало одно лицо; в его серых, цвета моря и соли, глазах пробегал тот самый свет лимба, который оттесняет к земле летние ночи на Севере, — холодный и нежный, но заколдованный, и лихорадка скорее овладеет спящим в его прозрачности, нежели в тени манцинеллы. Утром на четвёртый день на горизонте, окутанный паром, показался Лоонский лес. Мы высадились в навязывающей робость тишине под высоким пологом крон, среди запаха плесени. Запрет, которому в Грев-де-Лилиа следовали буквально, повелевал, чтобы никто никогда не проводил в Лоонском лесу больше трёх дней кряду, и, надо думать, лихорадка, извечно витавшая над этими обделёнными воздухом болотами, его оправдывала; но в полумраке, среди искорёженных мощных стволов, было не уберечься от куда более смутного недомогания: тяжёлая листовенная сень первобытного логовища по мере продвижения в лес сжималась всё теснее, словно окутывая рассудок глубоким мраком: шаги, под которыми похрустывал фетр веточек и взрывались облачками пыли грибы, препровождал, казалось, время к некоему всё ещё дремлющему в тени исчезнувших сил миру: когда деревья рушились под ударами топора, сердце на мгновение медлило забиться вновь, как будто было грубо попрано какое-то предвечное предписание, как будто нечто чешуйчатое вот-вот внезапно отодвинет засов и лес огласится оглушительным паническим рёвом. Когда мы

углублялись дальше, чтобы присмотреть в сих лишённых птиц зарослях участка для вырубki, замолкал даже Аль: казалось, что рука всякий раз приподнимает всё более запылённую и более тяжёлую драпировку над всякий раз всё более потаённой комнатой, откуда что ни мгновение от нас ускользает какая-то тень; нас обуревало искушение и в то же время страх погрузиться ещё дальше в зачарованные сумерки. Мы словно бы узнавали этот герцинский лес с его тяжеловесной и мрачной магией, столь же глубоко захороненный в нас, как и образы солнца и луны: там распахнута эта притаившаяся лесная ложбина над тяжёлой лужей, где сердце перестаёт биться и готов распахнуться покров листвы.

Мы возвращались, до отказа нагрузив барки штабелями свежеотёсанных брусев, густо пахнущих корой и смолой. Когда мы добрались до обозримых окрестностей Грев-де-Лилиа и стало видно, как над горизонтом встаёт её песчаная складка, женщины затянули песню, в которой шла речь о заснеженных краях и тёмных ночах, когда молятся, чтобы над неприкаянными морями наконец забрезжил рассвет: внезапно почувствовалось, что этот маленький народ до сих пор не избыл воспоминаний о великих морских переселениях, о чёрных барках с призрачными носами, способных уцепиться в штормовую погоду прямо за хребет драконов. Таким милым и более лёгким, чем где бы то ни было ещё, для сна делало здесь дом то, каким он представал даже просто на глаз, будто его, добротного пропахшего солью и дёгтем, только-только просушили на песке — что без грусти напоминало: в один прекрасный день им вновь завладеет прилив. Брега-Вьёй была когда-то для нас тюрьмою; здесь же полы были настланы из палуб старых барок, а сон перемежался наполненными свежим воздухом грёзами. Иудеи, отстроив себе города, каждый год возвращались на несколько дней в свои шатры из шкур и шалаши из ветвей в память о тех временах, когда скитались по пустыне.

Вскоре после нашего последнего путешествия в Лоон Леро почувствовал, что заболел. Поначалу ничто в его состоянии не вызывало у нас беспокойства: приступы болотной лихорадки чуть ли не стали в Грев-де-Лилиа частью местных ритуалов, и на пасхальной неделе Леро смог встать и почувствовал себя лучше. Но на второй день Пасхи лихорадка вернулась, на сей раз жестокая, и лишила его сил. Он лежал на матрасе из водорослей в тесной комнате, которая выходила на болота, и мы по очереди за ним ухаживали. Пришли весенние ливни: через приоткрытое окно внутрь проникала только капель из промокшего сада, за изгородью в соседнем палисаднике сушилось, никогда не высыхая, на верёвке бельё; глаз, вопреки своей воле, час за часом следил за пузатыми каплями, проскальзывавшими одна за другой вдоль верёвки, словно костяшки на счётах. Иногда в саду скрипела калитка и в комнату заходила, казалось, родившаяся из тумана женщина, она безмолвно наливала пива или молока, раздувала огонь под чайником и, перед тем как уйти, на мгновение клала руку на влажный лоб страдальца странным жестом Парки. Затем я опять оставался один. Леро никогда не жаловался и, казалось, не страдал. Когда я оборачивался к нему и проводил под пропитанным потом одеялом рукой по скромному тельнику, я видел его уставившиеся в одну точку глаза, в которых отражение оконной рамы отбрасывало в полумрак блестящее пятно, и ощущал у себя под пальцами, словно нечто поднывавшееся из земных глубин, то тяжёлое сотрясение, которое только одно и обитало теперь в доме.

К концу пасхальной недели лихорадка внезапно спала. Дожди прекратились, туманы поднялись над равниной, через настежь распахнутое окно было слышно, как над роняющими капли торфяниками поют перепёлки и иволги — песчаные палисадники повсюду утопали в запахе сирени. Казалось, что спад сей жестокой лихорадки, от

которой у нас перехватывало горло, умиротворял землю. Леро, бледный и кроткий, покоился со своей характерной улыбкой, которую Бертольд с усмешкой называл его *внутренней улыбкой*, — странной улыбкой согласия и участия, вроде той, что подчас остаётся у нас на губах, когда мы закрываем книгу. Ниже груди одеяло, которое приподнималось только возле ступней, обрисовывало ту длинную складку, впалую и жуткую, какую видишь в постели роженницы: словно некий ангел своим мощным коленом раздавил и кровать, и спящего. Леро открыл глаза, взглянул на нас, не переставая улыбаться, и казался довольным. Внезапно он три или четыре раза, очень быстро, моргнул и испустил что-то вроде долгого вздоха; его глаза остановились на чём-то, рука упала мимо матраса, и кольцо на пальце с глухим звуком ударилось о дерево. Аль, Бертольд, Энго и я окружили кровать. Мы замерли в неподвижности, не произнося ни слова: казалось, наши сердца не шелохнутся, пока до них вновь не донесётся лёгкое дыхание; внезапно комната наполнилась нежной солнечной желтизной. Стукнула калитка, вошла женщина и, удивившись, до чего мы неподвижны, наклонилась над кроватью и безмолвно опустилась на колени; только тогда у нас хлынули наконец слёзы и Аль, поцеловав страдальца в лоб, закрыл ему глаза. В пустой комнате мало-помалу смеркалось, поблескивало только висящее над кроватью оружие и кольцо на пальце упавшей руки; их чистые, искрящиеся пятна озаряли лицо усопшего не знаю уж каким жестоким и нежным, обжигающим светом.

Теперь он покоится на крохотном кладбище Грев. Кладбище напоминает рощицу на краю болот, потому что по здешнему обычаю в ногах каждой свежей могилы сажают дерево. Вырытая могила обернулась на песке кучей сухого чёрного торфа. Собрался весь городок — когда ветер уносил вверх тихий ропот молитв, слышна была только канонада волн с другой стороны дюн. Потом мы разо-

шлись по опустевшим домам, где за оградами лаяли предоставленные сами себе собаки. На следующий день мы до рассвета покинули Грев-де-Лилиа.

*(Жюльен Грак. Закатные земли —
Les Terres du couchant, Paris, 2014)*

→ 27 июля/2017: Грак — Дорога

Ален Роб-Грийе

ИЮЛЬ
28
воскресенье

Дмитрий Авалиани

ИЮЛЬ
29
понедельник

«КОМИКСЫ

ИЮЛЬ

30

вторник

Хочу сразу же сказать, что обильно рассеянные по этому тексту кавычки угрожают сделать его чтение делом не вполне внятным (*lisible*) — и я буду придерживаться смешанной стратегии.

Иногда я буду оговаривать: «в кавычках» или «кавычки открываются» — в тех случаях, естественно, когда это обусловлено текстом, т. е. в нём написано «кавычка открывается», например;

в других случаях, хотя я и не знаю, будет ли это отчётливо слышно, я буду выделять, отображать закавыченные слова или сегменты текста голосом — как было, например, только что, когда я цитировал выше последующий ниже текст (конечно, в тот момент, поскольку я ещё не оговорил этой возможности, подобное «голосовое» выделение было нарушением правил, ибо — соблюдением ещё не писанного соглашения; это не случайно: нарушение правила или договора, слушание является необходимым условием его фиксации — может быть, за счёт ничейной, ничтожной, но неустранимой зоны между перформативом и констативом);

и, наконец, часто мне будет слишком затруднительно прибегать к одному из двух первых путей — я буду следовать лживому среднему пути, разрывать, отомкнув извечные оковы, мостик между глазом и ухом, читая глазами кавычки и не подавая в этом, скажем, виду: я буду, увы, оставлять вас, послушайте, во мраке неведения — как минимум касательно кавычек.

Для начала, сделав вид, что мы её не заметили, проникаем — ладно? — за/под неслышимую кавычку, «открывающую» в кавычках текст, и прочтём название. Не услышавшись: КОМИКСЫ. Что бы это могло хотеть сказать (*vouloir-dire*)?

Сам «смысл» (словарное значение) слова «комикс» подразумевает иллюстрацию, картинку, пересечение двух нарративных рядов — не будем углубляться в очень сложную текстуру текста «комикс» (в кавычках), достаточно вспомнить многомерную нелинейность лучшего образчика комикса — кэктоновского Бердслея. Ограничимся констатацией принципиальной возможности комикса быть — парадигмой фундаментальной невнятности статуса и локуса иллюстрации. Заголовок же — уже в другом пространстве — может (возможна любая модальность) просто называть то, что идёт ниже, т. е. в нашем случае настоящий текст, каковой, тем самым, окажется иллюстрацией, картинкой/надписью комикса. Это объясняет, почему мы возьмём другую — какую угодно — вывеску-заглавие (sign-board), иллюстрирующую нашу, например «Ослы» (заметим в скобках, что в данном месте, не носящем высокого звания названия, в кавычках) — учтём при этом, что для комикса не существенно, воспринимаем ли мы о с л о в как слово или как овод, ухом или глазом. Что подразумевает подобная вывеска?

Ну, во-первых, она может висеть над загонем (в зоопарке, к примеру) и указывать, что в загоне том содержатся — предложены глазу — ослы, а не, к примеру опять же, обезьяны. Она именуется находящихся в загоне: ослы, причисляя каждую единицу (голову, хвост, ..., ...) к множеству неизвестного размаха, но не осуществляя коллективизации этих единиц в множество (стая ослов) как знак подмножества. Она, можно сказать, обрекает их быть ослами, этих трущихся, как мы теперь видим, друг о друга животных.

Во-вторых, может статья, что Ослы — вокабула, заголовок словарной статьи, а также, как всегда бывает, и подпись. Подпись под сопровождающим оную рисунком. На котором представлены различные представители семейства/типа ослов. Как то: онагр, ишак, кулан, тарпан... Предъявлено описание фактор-множества.

Пойдём дальше: быть может, заглавие/вывеска Ослы сходна по своему значению (т. е. употреблению) с буквой М в её противоположности Ж и нуждается в рассмотрении параллельно — или последовательно — с названием Ослицы.

Оно, может быть, вывешено на мосту? Около потока, о коем наслышаны от Гераклита?

Или мы читаем это название на корешке книги? Ну да, I see, быть может, это заглавие пьесы Аристофана. Быть может, несохранившейся. Быть может, это название переведенной мною пьесы Аристофана. Или Эхила. Или Вяч. Вс. Ивановым.

Быть может, здесь допущена опечатка — или правильно напечатана описка — и имеются в виду «Осы» Аристофана. Или «Послы» Джеймса, забыл как звать.

Возможны и более сложные случаи. Например: Плавт в переводе Артюшкова. Или: целая полка различных (почему? что это означает?) изданий Апулея. Но кто осмелится поручиться, что среди россыпей азианского его красноречия не затесался Псевдо-Лукиан? И ещё: название избранных басен Лафонтена. И отсюда — метонимически, сударь мой, метонимически — линии: Лафонтен-Богданович, Риббентроп-Каганович, Кузмин-Ростропович.

(Кстати (всё это в скобках), неизвестно, является это существительное (это известно) нарицательным или собственным. Коих нехватка.)

(И как быть с именем собственным? Чья оно собственность? После коллективизации? Когда я говорю по-русски Донкихот, я что, имею в виду героя Сервантеса с его ослом? Или новый коктейль Donkey Hot? Или афродизиак?)

«Ослы» — это название команды. Или даже партии. Или плакат демонстранта. Или реклама салями. Или столицы ряда воинственных скандинавских стран. Или надпись на карте звездного неба, в созвездии Рака.

Пора идти на попятный. Кавычка — посыл — там, вверху. Вернемся назад — «Энума элиш...»

Простодушно поверим обещанию первой теперь кавычки и решим, что речь идёт об ««Ослах»» (в двойных кавычках).

(Виктор Лапицкий. «Комиксы // Митин журнал, № 32, 1990.

Текст написан для выступления на Международной летней школе «Язык — сознание — общество», 1989)

→ 18 сентября: «Комиксы, 2

июль

31

среда

В доме на Малой Охте

АВГУСТ

АВГУСТ

1

четверг

Ленин (довольно потирая руки): — Наденьке ска- зал, что ушёл к партийным товарищам на собра- ние, Коллонтай позвонил, что Надежда Констан- тиновна на свиданку не отпустила, а сам в биб- лиотеку — и читать, читать, читать!..

АВГУСТ

2

пятница

Главным, но не слишком мною любимым, ленинград- ским транспортом был, разумеется, трамвай. Целый мир. Трамваев много, ходили они повсюду. <...>

На остановках — мрачные и очень раздражённые тол- пы, люди с тоской вглядывались вдаль. Вечерами можно было различать маршруты по разноцветным сигнальным огням. «1» — оранжевый и белый, «2» — синий и красный, «3» — зелёный и красный, «4» — два оранжевых, «5» — два красных, «6» — два синих, «7» — два зелёных. Днём эти цвета можно было видеть на трапецевидных таблицах с номером маршрута над «фасадом» головного вагона. Зна- ние этой трамвайной геральдики (существовавшей, кста- ти сказать, хотя и в руинах, до недавнего времени) входило в кодекс чести ленинградского пассажира. Те, кто ездили только на извозчике (такие были) или на такси (были, но совсем редко) и трамвайной грамоте не разумели, в разно- чинной интеллигентной среде презирались.

И в Ленинграде, и в Москве существовала великая «трамвайная мифология», без которой и жизнь, и литера- туру двадцатых-тридцатых просто нельзя вообразить.

В дореволюционные годы трамвай был транспортом ультрасовременным, достаточно даже изысканным, чистым и комфортабельным, имел электрический европейский аромат... Но очень быстро стал олицетворением советской ущербной чрезмерности, с потными и злыми висящими на подножках людьми, концентрацией озлобленной скупченности, движущейся коммуналкой, провоцирующей ненависть («хам трамвайный»).

И всё же сохранялась своя трамвайная поэзия: нежные, весёлые звонки, бодрое гудение и щелчки контроллера, шипение пневматических тормозов, разноцветные рулоны билетов («режьте билеты, режьте билеты, режьте осторожно» — почему-то эта песенка из Марка Твена была тогда у всех на слуху...) И этот особенный «трамвайный запах» — электричества, как тогда казалось, запах металла, свежести (озона?), чего-то ещё, непонятного, но симпатичного. Особенно празднично ощущался этот запах после возвращения с дачи и уж совсем сказочно — после войны, когда мы приехали в Ленинград после четырёх лет деревенской жизни — запах цивилизации, запах таинственного «самоходного» и бесконечно ленинградского транспорта.

Обычный трамвай был ещё дореволюционного производства, с закруглённым передком, без дверей, с открытыми проёмами, из которых в час пик свисали гроздьё замученных, остервеневших пассажиров. Глагол «висеть» был обыденным термином трамвайной жизни. Кондукторша продавала билеты, ругала пассажиров, иногда объявляла остановки и, дёргая за верёвку, протянутую через весь состав, звонила в колокольчик, давая водителю знак к отправлению. Сверху свисали трапециевидные ручки на брезентовых ремнях, в потолке — особые «трамвайные» (кажется, для постоянного тока) лампы, продолговатые, с остреньким защипом на верхушке, горевшие тусклым, красноватым «трамвайным» светом. Скамьи — вдоль окон, деревянные, крытые отполированной пассажирами жирно

лоснящейся рейкой. На планках для объявлений мелькали, кажется, лишь политические листовки и объявления о наборе в школу вагоновожатых.

У трамвайных служащих тоже была какая-то смутно мною припоминаемая униформа с красными кружками и полукружками в чёрных петлицах.

Сзади трамвая висела знаменитая «колбаса» — резиновая кишка, по которой в случае прицепа следующего вагона шёл в тормозную систему сжатый воздух. Отсюда выражение — «ездить на колбасе», хотя катались, разумеется, не на шланге, а на буфере, держась за этот самый шланг-колбасу. Ни довольно многочисленные милиционеры, ни ещё более многочисленные дворники, очень любившие свистеть в свистки и наводить порядок, победить страсть к катанию «на колбасе» не были в состоянии.

(Михаил Герман. Сложное прошедшее // Невский архив, № 3, 1997)

АВГУСТ

3

суббота

Евстафий

Англичанин-психоаналитик беседует в Индии с учёным брахманом, рассказывает ему о европейской психологии, о Фрейте, открывшем бессознательное и тем самым совершившем революцию в науке о человеке, о взаимоотношении бессознательного с сознанием...

Брахман (заинтересованно): — Насчёт бессознательного — ничего нового. А что такое сознание?

...имеются четыре архетипа, которые сменяют друг друга и в зависимости от своего доминирования создают гармоничного, героического, аскетического и мессианского человека. Они отличаются друг от друга той жизненной установкой, которую люди принимают по отношению ко Вселенной. *Гармоничный человек* воспринимает Вселенную как космос, одушевлённый внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению или упорядочению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет и мысли об эволюции, а лишь полный покой — мир достиг своей цели. Так чувствовали гомеровские греки, китайцы эпохи Кун-цзы, христиане времён готики. *Героический человек* видит в мире хаос, который он-то и должен упорядочить своей преобразующей силой. Здесь всё в движении. Миру ставятся цели, определяемые самим человеком. Так чувствуют древний Рим, романские и германские народы Нового времени. *Аскетический человек* переносит бытие как заблуждение, от которого он пытается скрыться в мистической сути вещей. Он покидает этот мир без надежды и без желания улучшить его. Так чувствуют индусы и греки-неоплатоники. Наконец, *мессианский человек* чувствует себя призванным создать на земле более возвышенный, боже-

ственный порядок, образ которого он скрыто носит в себе. Он стремится создать вокруг себя ту гармонию, которую чувствует в себе. Так чувствуют первые христиане и большинство славян. Эти четыре архетипа можно определить следующими ключевыми положениями: согласие с миром, господство над миром, бегство от мира и освящение мира.

Гармоничный человек живёт в мире и со всем миром, связанный с ним в одно целое. Аскетический человек отворачивается от мира. Героический и мессианский вступают с ним в противоборство. Первый — из желания полноты своей власти, второй — во имя и по воле Бога. Гармоничный и аскетичный человек — статичны, два других — динамичны. Гармоничный человек считает замысел истории исполненным, аскетический — исключает даже возможность когда-либо увидеть это исполнение. Оба они не предъявляют своему времени никаких требований. В противоположность этому героический человек и мессианский хотят видеть мир иным, чем тот, который им представляется. Это волнует их и понуждает к напряжению всех сил. Поэтому их эпохи активнее и динамичнее других.

Картины мира у гармоничного и мессианского человека родственны между собой. Однако то, что первый воспринимает как данность, другой видит лишь как дальнюю цель. Для обоих, однако, мир — как возлюбленная, которой они отдаются, чтобы соединиться с нею. В отличие от них героический человек смотрит на мир как на рабыню, которую он попирает ногой; аскетический же человек — как на искусительницу, которой следует избегать. Героический человек не взывает смиренно к небу, а, полный жажды власти, злыми, враждебными глазами смотрит вниз, на землю. По самому существу своему он всё дальше и дальше удаляется от Бога, всё глубже и глубже уходит в материальный мир. Секу-

ларизация — его судьба; героизм — его жизнеощущение; трагизм — его конец.

Мессианского человека вдохновляет не воля к власти, а настроенность к примирению противоречий и к любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, а стремится к соединению разобщённого. Им движет не чувство подозрения и ненависти, а чувство глубокого доверия к сущности вещей. Он видит в людях не врагов, а братьев; в мире — не добычу, на которую надо набрасываться, а хрупкую материю, которую надо спасти и освятить. Им движет чувство некоей космической взволнованности. Он исходит из ощущения целостности, которую он носит в себе и которую пытается восстановить в окружающем расколоте мире. Его не покидает тоска по всеобъемлющему и стремление сделать его осязаемым.

Кто смотрит на историю именно так, как на ритмичный процесс сменяющихся в ней архетипов и их земных воплощений, тот избегает соблазна относить смысл и цель мира к далёкому конечному будущему. Ему нет нужды выдавать вексель на это неопределенное будущее. Для него, как для Ранке, все времена «равны перед Богом», даже героические, которые и знать не хотят о Боге. Каждый эон несёт в себе смысл мира. Подобно паузе в мелодии, и безбожные эпохи имеют в космическом ритме свою функцию: лишь на фоне тёмных эонов светлые выступают во всей своей сияющей полноте. Только так для Божества возможно открывать себя человеческому роду. Привыкшие к свету, пресыщенные им глаза вряд ли узрели бы Божественное. Сумерки же обостряют зрение и побуждают искать свет.

(Вальтер Шубарт. Европа и душа Востока, 1938)

→ 15 сентября: Шубарт, 2

АВГУСТ

6

вторник

Елисей и Соня в деревне

АВГУСТ

7

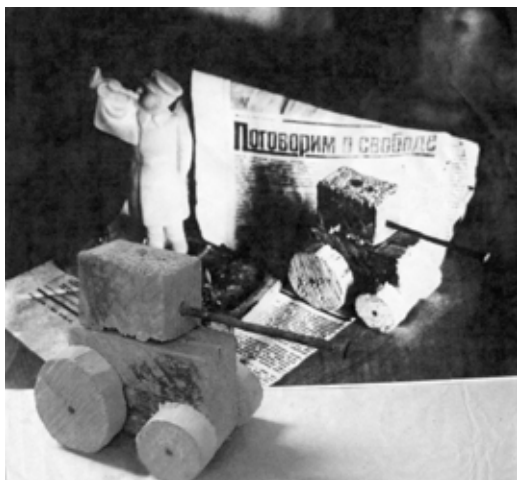
среда

Чтобы геральдический знак, например герб, был *гармоничным, устойчивым и впечатляющим*, необходимо — исхожу из самых общих соображений, — чтобы он состоял из взаимодействующих и взаимодополняющих элементов трёх миров: природного, культурного и фантастического (онирического, иномирного).

Образцовые примеры таких гербов: финский, чешский, российский, в каждом из которых присутствует зверь (лев, орёл) — *природный* мир; корона, меч, скипетр, держава — *культурный* мир (сама симметричная и продуманная организация герба также отсылает к культуре); лев, стоящий на сабле, с человеческой рукой вместо правой лапы (Финляндия), лев с раздвоенным хвостом (Чехия), двуглавый орёл (Россия) свидетельствуют о *иномирном*.

Возможно, эти рассуждения относятся не только к геральдике, но и к искусству в целом?

→ 19 января: Трёхглавые орлы

Борис Кудряков, Детская игрушка

Эдмон и его мать разминулись молча. Мать шла от соседа, заняв фунт чечевицы на ужин. В эту минуту перед её глазами стоял безмен, которым взвешивали чечевицу, и она размышляла о том, верен ли он. Мужа, как и сына, она миновала быстро, даже не взглянув в его сторону, и в позе мужа тоже ничто не говорило о том, что он её заметил. Она зажгла лампу, которая стояла на своём обычном месте, на каминной доске, рядом с будильником, бок о бок с которым висело на гвозде распятие. Часы, как самый мелкий предмет, должны были всегда располагаться посередине, а лампа и распятие не могли поменяться местами из-за гвоздя, на котором висело последнее. Женщина прижалась к стене и не отрывалась от неё до той минуты, пока не вывернула фитиль. Когда же вывернула, взялась за прокопчённый абажур, обезображенный большой дырой. Поставив абажур, она заметила Сапо и подумала сначала, что перед ней стоит дочь. Тогда мысли её унеслись к дочери, которой здесь не было. Она

опустила лампу на стол, и внешний мир скрылся во мраке. Она села на стул, высыпала на стол чечевицу, принялась её перебирать. Вскоре на поверхности стола образовались две кучки, большая всё время уменьшалась, маленькая росла. Внезапно, яростным взмахом руки, женщина смела обе кучки воедино, уничтожив, таким образом, меньше чем за секунду, плод двух-трех минут работы. Потом вышла и вернулась с кастрюлей. Не подохнут, сказала она и ребром ладони смахнула чечевицу в кастрюлю...

(Самуэль Беккет. Мэлон умирает // Трилогия, СПб., 1994)

АВГУСТ

10

суббота

A noir, **E** blanc, **I** rouge, **U** vert, **O** bleu: voyelles,

Je dirai quelque jour vos naissances latentes:

A, noir corset velu des mouches éclatantes

Qui bombinent autour des puanteurs cruelles,

Golfes d'ombre; **E**, candeurs des vapeurs et des tentes,

Lances des glaciers fiers, rois blancs, frissons d'ombelles;

I, pourpres, sang craché, rire des lèvres belles

Dans la colère ou les ivresses pénitentes;

U, cycles, vibrations divins des mers virides,

Paix des pâtis semés d'animaux, paix des rides

Que l'alchimie imprime aux grands fronts studieux;

O, suprême Clairon plein des strideurs étranges,

Silences traversés des Mondes et des Anges:

— O l'Oméga, rayon violet de Ses Yeux!

(Артур Рембо. Гласные, 1871)

Борис Конструктор, 2018

В детские годы в Таганроге, помимо любимых заводных машинок, которые шустро разъезжали по блестящим пола-вицам и непременно заезжали под шкаф, имелось несколько хозяйских книжных изданий, которые я снова и снова перечитывал (читать выучился задолго до школы и обо-жал «взрослые» книги, хотя не всегда и не всё в них пони-мал): трилогию Сухово-Кобылина («Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина») в большом серого цвета томе, «Парнас дыбом» издания 1927 года, «Маленьких дикарей» Сент-Томпсона без обложки и титульного листа, зато с ри-сунками, подшивку дореволюционной «Нивы», из фотогра-фий в которой навсегда запомнился бравый охотник-ан-гличанин на фоне горы загубленных им антилоп...

Наши хозяйева дядя Ёра и тётя Клава сдавали нам, семейству военного штурмана, просторную солнечную половину дома с отражающимся в большом ярком зеркале южным солнцем, а сами обитали в тёмной, окна которой были завешены плотными шторами, и большую часть дня мирно там спали, а когда не спали — ели (оба), или готовили еду (тётя Клава), или уезжали в служебном фургоне за едой (дядя Ёра).

Рано утром дядя Ёра, служивший в заготконторе, отбывал на работу, а уже в полдень возвращался с кроликами, курицами, овощами и фруктами, разгружал запасы в сарай, курятник и погреб, после чего громко требовал у суетившейся в летней кухне жены: «Клавдя, насыпь борщу!» Тётя Клава «насыпала» из огромной кастрюли тарелку, потом другую, наконец третью — и садилась рядом с мужем. Оба были какие-то необъятные и ели немислимо много, после чего отправлялись в затемнённую прохладную спальню отдохнуть перед ужином.

«Август» Бруно Шульца — по касательной, но об этом же: о моём летнем Таганроге, об Аркашиной летней Виннице: «Тёмную квартиру на первом этаже дома, выходящего на рынок, ежедневно пересекало всё огромное лето: тишина дрожащих слоёв воздуха, сияющие на полу и грезящие в жарком сне квадраты, мелодия шарманки, возникающая из самой глубины золотой жилы дня, два-три такта припева, снова и снова повторяемые где-то на фортепиано, тающие на белых залитых солнцем тротуарах, исчезающие в огне дня бесконечного полдня. После уборки Адель затемняла комнаты, опуская полотняные шторы. И тогда краски звучали на октаву ниже, комната наполнялась тенью, как бы погружаясь в мглу морской глубины, смутно отсвечивающей в зеркалах, и весь зной дня дышал на шторы, слегка колеблющиеся от грёз полуденного часа».

→ 12 августа/2017: Шульц

Рубль премии Андрея Белого

АВГУСТ

13

вторник

Книжная титулатура

Когда в начале 80-х годов мы с Сашей неторопливо сочиняли в котельной на Уткиной даче «Молнию и радугу», перемежая своё сочинение разномастной перепиской на разноформатной бумаге (от кассовой ленты и полукартона до буфетных салфеток), более всего о соколовской «Между собакой и волком», я обратил его внимание на преобладающие в разных странах и в разные времена «схемы названий»: на левом фланге — индивидуалистическая, номиналистская Англия, где идеальное название книги совпадает с именем главного героя (*номинация*), на другом — соборная Россия и барочная Испания с их символами, аллегориями и народной мудростью в заглавии (*именование*).

Вот несколько неполных списков, чтобы прояснить мысль.

Шекспир: *Отелло, Ромео и Джульетта, Макбет, Генрих VI*, но: *Венецианский купец, Сон в летнюю ночь, Буря*.

Байрон: *Чайльд-Гарольд, Манфред, Каин, Дон Жуан, Мазепа*.

Диккенс: *Приключения Оливера Твиста, Николас Никльби, Мартин Чезлвит, Домби и сын, Дэвид Копперфильд, Крошка Доррит*, но: *Посмертные записки Пиквикского клуба, Лавка древностей, Холодный дом, Тяжёлые времена*.

Лопе де Вега: *Учитель танцев, Собака на сене, Овечий источник, Валенсийская вдова, Девушка с кувшином, Дурочка, Звезда Севильи*.

АВГУСТ

14

среда

Кальдерон: *Жизнь есть сон, Поклонение кресту, Врач своей чести, Стойкий принц, Дама-невидимка, В тихом омуте.*

Пушкин: *Кавказский пленник, Бахчисарайский фонтан, Скупой рыцарь, Каменный гость, Пиковая дама, Медный всадник, но: Повести Белкина, Борис Годунов, Евгений Онегин.*

Гоголь: *Вечера на хуторе близ Диканьки, Старосветские помещики, Шинель, Нос, Портрет, Невский проспект, Ре-визор, Мёртвые души, но: Тарас Бульба;*

Тургенев: *Записки охотника, Дворянское гнездо, Накануне, Отцы и дети, Вешние воды, Дым, Новь, но: Рудин, Ася.*

Островский: *Свои люди — сочтёмся, Бедность не порок, Доходное место, Гроза, Женитьба Бальзаминова, Горячее сердце, Бешеные деньги, Лес, Снегурочка, Волки и овцы, Бесприданница, Без вины виноватые, Таланты и поклонники.*

Достоевский: *Бедные люди, Белые ночи, Двойник, Записки из Мёртвого дома, Преступление и наказание, Идиот, Бесы, Подросток, Братья Карамазовы (наполовину), Дневник писателя.*

Толстой: *Детство, Отрочество, Юность, Казаки, Война и мир, Воскресение, Крейцеров соната, Власть тьмы, Живой труп, Смерть Ивана Ильича, Отец Сергей, но: Анна Каренина, Хаджи-Мурат.*

Бунин: *Листопад, Деревня, Суходол, Господин из Сан-Франциско, Окаянные дни, Жизнь Арсеньева (наполовину), Тёмные аллеи.*

Андрей Белый: *Серебряный голубь, Петербург, Москва, Маски.*

Розанов: *Уединённое, Опавшие листья, Сахарна, Возрождающийся Египет, Апокалипсис нашего времени.*

Платонов: *Епифанские шлюзы, Город Градов, Река Потудань, Чевенгур, Счастливая Москва, Котлован, Ювенильное море, Джан (сплошная география).*

У Набокова, как ни странно, не только номинации, есть и именованья, в этом он следует Пушкину: *Король, дама, вальет, Приглашение на казнь, Весна в Фиальте, Подвиг, Дар, но: Машенька, Защита Лужина (наполовину), Истинная*

жизнь *Себастьяна Найта*, *Пнин*, *Лолита*, *Ада*, или *Ада* (вариант тавтологического перевода).

Шолохов: *Тихий Дон*, *Поднятая целина*, *Судьба человека*.

Солженицын: *В круге первом*, *Раковый корпус*, *Архипелаг Гулаг*, *Красное колесо*, *Бодался телёнок с дубом*.

Саша Соколов: *Школа для дураков*, *Между собакой и волком*, *Палисандрия*.

Понятно, что полярностью *индивидуализм* — *барокко* (*номинализм* — *реализм*) названия книг не исчерпываются, нужен более кропотливый и тонкий анализ, чтобы, среди прочего, разобраться с такими промежуточными между номинацией и именованием названиями, как *Крошка Доррит* и *Защита Лужина*.

Саша на следующий день после нашего разговора отправился в Публичку, отыскал в каталоге книгу С. Кржижановского о книжных названиях и заказал на мой номер, но я то ли поленился и до Публички не добрался, то ли, в духе Паоло Трубецкого, «не захотел поддаваться чужому влиянию». Да и саму идею до ума не довёл, только обозначил.

(1980-е)

→ 16 февраля/2017: Умственная гигиена

Журнал «Часы» я помню по запаху — смесь клея и табаку: запах комнаты Бориса Ивановича <Иванова> на Карповке. Интересно: когда я, бывало, приносил Борису Ивановичу переплести журнал «Метродор», то «Метродор» этот запах не удерживал.

Если переходить к серьёзным материям — журнал «Часы» был для меня первым воплощением той культурной модели, которой я старался следовать на протяжении многих лет. Напомню, речь шла о создании *альтернативного* культурного пространства — без ЦК КПСС, собраний и приседаний, шикания и хлопков, без Союза советских писателей.

«Часы» не были единственным независимым журналом, но первым, с которым я познакомился, и тем, который послужил отправной идеей для того, чтобы вместе с моими друзьями издавать ещё один журнал — «Метродор». Тридцать пять лет спустя я задаюсь вопросом: Каковы результаты? Триумф? Апофеоз? Конечно же — нет. Невозможно выиграть у могущественных политических сил, а тем более — сил истории. Но кое-что возможно, и парадигму я заимствую из повести <Бориса> Дышленко, которую когда-то прочитал в «Часах». Там герой, в духе определённых литературных традиций, борется с некоей неодолимой силой. Так вот — можно не проиграть, можно свести партию вничью. Можно выстоять и оставить исход открытым для других поколений, которые, быть может, будут действовать в более счастливых условиях. Издатели «Часов» вызывают у меня восхищение.

(Дмитрий Панченко, 2011)

АВГУСТ

16

пятница

Иннокентий Благодатов, Дом

Сухой остаток

Русское существительное *суть* почему-то возводят к латинскому глаголу *esse*, «быть», да ещё в третьем лице множественного числа: (они) *sunt*, «они бытийствуют» (почти по Хайдеггеру), «они есть». С таким же успехом, зато с несколько большим смыслом можно произвести существительное *суть/сущность* от слова *сухой* (сук, сушь, сушёный, сухарь, соха-суковатка и пр.), что я и делаю. «Вода испарилась, сухой/существенный остаток остался».

АВГУСТ

17

суббота

тут-кто-то-жил-уже

предупреждают доски

а-мы-то-ждали

первыми будем

жителями после дождя

(Наталья Азарова. Календарь.
Книга гаданий, М., 2014)

АВГУСТ

18

воскресенье

Лучница

АВГУСТ

19

понедельник

АВГУСТ

20

вторник

Если бы евреи были все обращены Иисусом Христом, у нас были бы только пристрастные свидетели. А если бы они были истреблены, у нас вовсе не было бы свидетелей.

Евреи отвергли Его, но не все: святые Его приняли, а плотские — нет, и это не только не вредит Его славе, но добавляет к ней последнюю, завершающую черточку. Ведь тот довод, который они приводят, единственный, который можно найти во всех их книгах, в Талмуде и у раввинов, — это только то, что Иисус Христос не покорил все народы силой оружия. *Gladium tuum potentissime*. Разве это не единственное, что они могут сказать? Иисус Христос был убит, говорят они, Он пал и не покорил язычников силой. Он не дал нам их в добычу. Он не раздаёт сокровищ — больше им сказать нечего. За это я и люблю Его. Я не хотел бы того, какого они себе представляют. Ясно, что только пороки помешали им Его принять, но из-за этого отказа они стали свидетелями нелицеприятными, и более того, через это они исполнили пророчества.

(Блез Паскаль)

АВГУСТ

21

среда

Павел Кузнецов, Стрижка овец, 1913

Давняя и всякий раз откладываемая мечта консерваторы: «Не за горами, кажется, время,

Когда студент не Горького и не Демьяна бедного — Леонтьева и Страхова с базара понесёт!

— а вместе с ними Данилевского, Григорьева, Каткова, Победоносцева, Розанова, Меньшикова...» Всего лишь мечта, студенту не до них — ни тогда, ни сегодня, ни, кажется, завтра.

→ 6 сентября Убийство Меньшикова

72. Обезьяна - символ оригинальности мышления, хитрости, смекалки и сообразительности (см. 51). В Китае Обезьяну считают ребенком Неба и Земли, а обезьяньему богу Сунь Укуну за его незурядные качества Повелительница Запада Сивану подарила волшебный персик бессмертия. Обезьяна олицетворяет как бы божественные качества мага, фокусника, умилого и духовного человека, хозяина своих инстинктов и творческих сил. Обезьяна также и учитель, показывающий двойственность добрых и злых дел, и часто символизирует состояние человека либо непрощенного, ищущего истину, либо духовного, нашедшего истину, но скрывающегося под маской шута, чтобы не быть "белой вороной".

73. Петух - олицетворяет посредника, сторожа, осуществляющего контакт между Небом и Землей и являющегося проводником энергии Солнца, что делает Петуха птицей Солнца. Так, в Японии он символизирует первый луч света и надежду на лучшую, более удачную жизнь. В Китае Петуха наделяют характером, соединяющем в себе пять добродетелей. Он является защитником слабых и утешенных. Умение охранять свой дом от злых сил делают его отличным сторожем. Способность Петуха распределять корм среди обитателей двора, подкармливая более слабых, свидетельствует о его добром сердце. **Мудрость, бесстрашие и доброта** заставляют относиться к нему с большим уважением. Петух - символ солнечного типа и героического начала.

74. Собака - символ отваги, храбрости, бескорыстия и справедливости. Собака всегда была верным другом, помощником и защитником человека. Известно, что многие собаки обладают сверхчувствительным восприятием,

АВГУСТ

24

суббота

Частные производные выручают в том случае, когда в какой-то точке не удаётся взять *полную* производную. Хорошие помощницы, хотя бы как метафора, для запутавшегося в жизни и склонного всё полагать «относительным» (сюда же: модули, электронные орбиты, формула расстояний между планетами, совпадение видимых величин Луны и Солнца, числа Фибоначчи и пр.).

АВГУСТ

25

воскресенье

Какой
богиня или бог
я не возлить вино
не шептать
исступленно
молитва

чтоб он — она
так ревновать
так насмеяться над я

так вот он дар
держат чтоб ты — она своя рука
твой глаза заглядывать

так кто же
я — она — мы
как жестокий дар
даже самое нежное
даже самое солнечное
тебя

*Литова тукинось
сисем вцрень томбалев
сисем паксянь товолол*

А Литова ушла
за семь лесов
за семь полей

(1998)

*(Сергей Завьялов.
Мелика, М., 2003)*

В шестьдесят первом году вслед за всеми остальными в стране упряднили и нашу яланскую МТС, «Полярную», как она именовалась. Народ тут же стал разъезжаться в поисках работы, и прежде всего, конечно, молодые. Кто в города соседние, кто в рабочие, леспромхозовские в основном, посёлки. А в селе нашем старинном, вместо коренных, уцелевших после всех перетрясок, начали селиться новые, не привычные для нас попервости — как по облику, так и по своему поведению — люди. Бичи.

Забросила судьба из далёкой Белоруссии в Ялань и Аркашку Кацюпу, лет тридцати, невзрачного, тощего и очень уж неряшливого: рядом с ним и устоять было трудно — дух от его нестиранного и заношенного вретича исходил такой, что любого, даже нечувствительного, как напёрсток, с души воротило. «Синий, как пуп, — говорили про Аркашку добродушно старухи. — Запашистый». Присмотрел его, убогонького, один наш хитрован-селянин, Плетиков Василий Серафимович, — вот на него днями и батрачил Аркашка за стакан бражки, а жил отдельно, по-барски, в бесплатно доставшемся ему доме-крестовике, навсегда оставленном хозяевами, под крутой, четырёхскатной крышей, заняв в нём одну из четвертин. Его-то, этого Аркашку бедосирого, я и описал в одной из глав своей рассыпанной впоследствии «Ялани». Описал и — с лёгкой душой тогда, в чём и раскаиваюсь теперь горько — смерть для него придумал, как в ту минуту мне представилось, соответствен-

ную. Как для героя, разумеется, а настоящий-то живи бы да живи он, и сто бы лет ему не мера, века чужого, и моего в том числе, не заедал он, Аркашка, зла никому, кроме себя, не причинял, наверное.

Происходило дело так в романе (роман — условно говоря). Как-то поздно вечером, отбатрачив день на Плетикова и получив от него норму хмельного зелья, приплёлся Аркашка домой (а в избах выстыло — всё же зима, в разгаре сретенские морозы) и сразу взялся растоплять буржуйку. Дров натолкал в неё битком, обдал обильно их соляркой из бутылки и, повозившись неловко в потёмках со спичками, подпалил, а сам спать тут же завалился — не мог больше, пьяный, на ногах держаться. Бутылка, небрежно приткнутая им около буржуйки, опрокинулась, солярка пролилась на пол, от искры, от нагрева ли сильного вскоре и вспыхнула — довольно случаев подобных. А в это самое время будто бы гулял с девушкой по Ялани один молоденький паренёк, более значительный персонаж в романе, нежели Аркашка, пожар увидел, послал подружку людей будить и звать их на помощь, а сам поспешил туда, где горело. Подбежал к дому, в дверь той четвертины, в которой жил Аркашка, сунулся — там оказалось заперто — и заперто изнутри. Будто бы выбил паренёк окно, забрался в дом, но постояльца там не обнаружил. От дыма забился он, Аркашка, под кровать и сначала задохнулся, несчастный, а потом и обгорел, обуглился, как головёшка, там же, под кроватью.

Из романа:

«Витька забрался в разбитое им окно. Горел пол. Дым разъедал глаза и запирал дыхание. Витька нащупал кровать, обжёг об раскалённую дужку руку и резко её отдёнул. Кровать с панцирной сеткой была пуста. Он пробрался к окну, отдышался, набрал в лёгкие воздуха и, минуя горящие половицы, направился в другой угол — к охваченной огнём стене. На другой кровати горела постель, Аркашки на ней не было».

Ну и вот. Учился я тогда <в Ленинграде> на втором или уже на третьем курсе, точно не скажу. Сдав экзамены за первый семестр, приехал на каникулы в Ялань. Уже отъездившись, отоспавшись, бродил я среди ночи по пустынному, редко где освещённому электрическими фонарями и до боли родному мне селу (правда, не как герой из моего романа — один, без девушки, в чём и отличие), завернул на изобилующую осиротевшими избами улицу, с чёрными развалинами дворов и амбаров, занесёнными снегом, и заметил, что как-то странно озарён изнутри тот дом, в котором, по моему предположению, должен был обитать Аркашка: бывает — рыжая, низкая луна так в стёклах окон отразится, но не было луны о ту пору, не вошла ещё. Когда, ускорив шаг, поближе подступил, тогда и понял, что пожар там.

Непривычно: торчит дом одиноко, словно после нашествия вражеского. Ни двора с ним рядом, ни кола — всё на дрова Аркашка испилил, и до сеней уже, смотрю, добрался. Попытался я открыть дверь, подёргал за скобу. Либо заперта была дверь оттуда, из избы, либо гвоздями заколочена снаружи, чтобы мальчишки в дом не проникали, — не поддаётся. Ощупал рукой притолоку — в темноте не разглядеть было — петля свободная, замок в ней не висит, палочка, как у нас обычно делают, из дому уходя, вместо замка никакая не заткнута. Сухо, морозно — и будто с месяц так уже стояло, — снег не валил уже давненько — дорожка от ворот до крыльца твёрдо утоптана, инеем припорошена, да слой-то его, как слюда, тонкий — не узнать никак по следу, дома хозяин, вышел ли куда. Сердце подсказывало мне, однако — заколотилось вдруг тревожно, — что есть там, внутри, живой кто-то, страдает, — чутьё какое-то, не объяснить. Выбежал я из ограды, одно из глядящих в улицу окон выбил и забрался в дом — горел в нём пока ещё только пол, да занялась стена-казёнка вблизи печки, — сквозь сгущившийся дым огонь жёлто просвечивал. Позвал я сначала раз да другой громко — но только в пламени трещит — никто не отозвался. Искал в избе — двери в другие четвертины

досками были заколочены, — искал, пока терпелось, и после вон выпрыгивал, чтобы отдышаться, лицо и руки снегом натирал и снова лез внутрь, а там (окно-то вышиб — доступ воздуху свободный) и потолок уже огнём лижет — жар и оттуда уже, сверху. Кровать — добрался до неё — постель на ней пылает: тут уж и вовсе нечем продохнуть от ватной гари — и на кровати никого. Решил, что нет в доме Аркашки. То ли ещё не вернулся — пьёт где-нибудь или, напившись, спит у кого-то из бичей. То ли вообще тут, пока сильные морозы, не находится, переберётся лишь к весне, так как громаду экую непросто отопить. Были на окнах резные наличники — на заглядение проходим — и те успел содрать, спалил — сам их не мастерил. Но дверь-то на крючок закрыта изнутри — проверил. Разве что так: накинул он, Аркашка, крючок, а сам через чердак вышел — лаз там, на кухне, с лестницей имелся, помню... Но это маловероятно: куда уж проще, думаю, как на замок-то.

Склоняясь к полу, где тот ещё не пылал (дым внизу чуть реже), обошёл всё заново, кругом всю четвертину, и на русской печи палкой — попалась под руку какая-то — теперь проверил, и в самой печи, и под шестком, мало ли, и на полатах — не забрался ли на них Аркашка спьяну, — провёл палкой и под столом на кухне, до стен протыкал ею пустоту, а вот под кроватью поискать, уж как на притчу прямо, и не догадался, ногой, правда, под нею, помню, пошарил, да неглубоко, насколько дотянулся, — даже и в мыслях у меня тогда не промелькнуло, что мог он, бедолага, туда закатиться, если ползти, казалось мне, то было бы к двери уж... Из дому выскочил.

Стою.

Народ начал подтягиваться — по одному подходят и вагаю. Разговоры — то ленивее, то бойче. И — где он, Аркашка, — никто толком не знает, гадают только, но гадать — не ведать. Кто-то его как будто и встречал, да не сегодня вроде, вспоминают, а дня за два, за три ли до этого. Год назад и я его встречал, мол, кто-то так шутит. Смотрю,

и Плетиков Василий Серафимович — тот уже тут — к нему все сразу: должен, мол, знать — нет, говорит, работника, мол, до отвалу накормил — смеются все: конечно, дескать, до отвалу, — в шесть или в семь часов вечера его выпроводил, а куда он после этого направился, понятия, мол, не имею. И лишь Чапаиха, бичиха, едва владеющая языком, — не в кою пору было протрезвиться ей, — мат-перематом всех заверила, что у себя, дескать, Аркашка, и быть ему, сволочи, мол, больше негде, что до полуночи он, глист засохший, у неё водчонкой угощался, а как допили всё, лично сама она его, под локоточек, мол, до крылечка довела, а то, что в дом вошёл он, недоделанный бульбаш, так крест вот вам и сукой, дескать, буду.

Прежде в снегу хорошенько вывалявшись, чтобы не вспыхнула на мне одежда, проник опять я в избу, скоренько по возможности все закутки проверил вновь, а под кровать, поглубже в угол, и на этот раз не сунулся, как будто что-то не пускало, но — как и тот паренёк, герой из моего романа, двигаясь наощупь в точно таком же, только придуманном мной будто, положении, — так же, как он, ладонь ожёг об её дужку.

Дотла сгорел дом, некогда самый, пожалуй, приглядный в Ялани, с расчудесно изукрашенными мастерской резьбой не только наличниками, но и причелинами и очельем, один из самых казистых, наверное, в селе, сгорел дом до подполья, и тушить было бесполезно — высох за век под хорошим карнизом — часа за три в золу обратился. А чёрное, как спелое арбузное семечко, тело Аркашкино (головню ли — то, что осталось от бывшего интеллигентного человека или, скорее, использованного частично, как расшифровывали у нас слово «бич») отыскивали приехавшие утром пожарные с милиционером под уже голой, окалённой панцирной сеткой железной кровати; чуркой обугленной лежал полутруп (в смысле формы, а не химии и биологии) на превратившемся в наст — от огня сначала, а потом от мороза — снегу напротив дымящего и парящего ещё пепели-

ща, пока его, завёрнутого в мешковину и упакованного в картонный ящик из-под телевизора «Горизонт», не увезли в Елисейск на судебно-медицинскую экспертизу... <...>

Из романа:

«Аркашкин труп положили в картонный ящик из-под телевизора «Горизонт» и увезли в Елисейск на экспертизу».

Совпало и это.

(Василий И. Аксёнов. Так было)

→ 3 сентября: Так было, 2

АВГУСТ

27

вторник

Вода по улице летала,
и каждый мелкий океанчик
холодным ветром оплетало,
и бушевал он, как стаканчик.

Какой-то дом стоял безуглый,
как баба на озябшем блюде,
и под водой рябой и круглой
шагали жить густые люди.

Шаги висели, словно гири.
(Сорвать их или прочь стряхнуть бы!)
И в капле, будто в малом мире,
переливались чьи-то судьбы.

И радуга, над крышей стоя,
как виадук, на низ глядела
и из порожнего в пустое
переливалась то и дело.

(Сергей Петров, 1974)

АВГУСТ

28

среда

Идею «Ленин — гриб» публично озвучил на ТВ в мае 1991 года Сергей Курёхин, изрядно переиначив при этом рассказанное ему когда-то Владом о войне двух культур —

виноградной/винной и грибной/наркотической. Влад соби-
рался сам сказать об этом, но ведущий С. Шолохов его в эфир
не пустил (кажется, Влад был не совсем трезвый), а Курёхин
вместо владикова нейтрального «Ленин — представитель
грибной культуры» без тени улыбки ошарашил телезрителей
исторической фразой «Ленин — гриб», вызвавшей невероят-
ную реакцию. Как ни смешно это звучит, многие восприняли
курёхинские слова на полном серьёзе — завалили студию
опровергающими письмами и телефонными звонками: «Ку-
рёхин неправ, Ленин — НЕ гриб, он — человек» и т.п.

Некогда сходную, хотя и в меньшем масштабе, реакцию
вызвала публикация в «Часах» сочинённой Димой Панчен-
ко и его московским приятелем Павлом Диатроптовым
трагедии Метродора Лемносского «Клопы». Текст трагедии
и обстоятельства её «находки», казалось бы, однозначно
свидетельствовали о розыгрыше, почему я и поместил её
без специальных разъяснений, о которых настоятельно
просил чересчур уж серьёзный Борис Иванович. И что же?
Он оказался прав: кое-кто из читателей «Часов» попался на
нехитрый крючок, приняв «Клопов» за чистую монету.

Дорогой Володя <Строчков>,

три месяца проведя в псковской деревне и изрядно там на гри-
бах-ягодах расслабившись, с удивлением встретил, по возвра-
щении в Ленинград, сюрприз, возникший не без участия извест-
ного тебе Саши Горнона: предложение от некой новосибирской
команды, наделённой деньгами, бумагой и издательскими пра-
вами, издавать всесоюзный литературно-художественный жур-
нал. После некоторых раздумий и колебаний — в последние
годы не однажды приходилось сталкиваться с мыльными про-
жектми — я согласился, о чём и хочу тебе сообщить.

Мою дальнейшую просьбу угадать нетрудно: о сотрудниче-
стве. Эту просьбу передай, пожалуйста, своим друзьям — Са-
ше Левину и Павлу Митюшёву. Два ограничивающих условия
таковы: 1) информацию о будущем журнале пока особо не

распространяй — боюсь сглазить, да и не хочется на случай возможной неудачи (1%) выглядеть прожектёром; 2) направление журнала предполагается в целом аполитическое, то есть связанное исключительно с политикой языка.

Собственно, это продолжение сборника «Новые языки в искусстве», первый выпуск которого лежит набранный, но так и не напечатанный в Воронеже, плюс с «мясом» (= с художественными текстами, а не с одними статьями, хотя разница между теми и другими в последнее время становится всё неприметнее).

Издание предполагается гонорарным, тираж 30 тыс. экз. Мы обещали собрать первый номер за три сентябрьские недели и отослать в Новосибирск, где его издадут в течение месяца, а мы тем временем будем собирать второй. Такая вот механика.

Если ты согласен участвовать в «Эксцентре» (условное название журнала), прошу, не откладывая, прислать тексты (поэтические, статьи) и краткую биографическую справку. На самом деле у меня кое-какие твои тексты есть, но было бы неплохо их продублировать или хотя бы сообщить, какие вещи уже опубликованы и где. Мой домашний телефон: 306–18–45, Саши Горнона: 555–12–08.

С уважением, приязнью и надеждой на сотрудничество,
Борис.

<август 1990?>

АВГУСТ

30

пятница

Владимир Овчинников, Интерьер с черепахой, 2004

Klage des Zorns und der Liebe!
Salz, das auf Augen ruht!
Oh, und Böhmen in Tränen!
Oh, und Spanien im Blut!

O schwarzer Berg, der du das
Licht verdunkelt hast!
Zeit ist es, Zeit, dem Schöpfer
Hinzuwerfen den Paß.

Ich weigre mich zu leben
Im Tollhaus, unter Vieh.
Ich weigre mich, ich heule
Mit den Wölfen nie.

Ich weigre mich zu schwimmen
Als Hai des Lands, stromab
Den Strom gebeugter Rücken –
Ich weigre mich, lehn ab.

Ablehn ich, daß ich höre,
Ablehn ich, daß ich seh.
Auf diese Welt des Irrsinns
Gibt es nur eins, ich geh.

1939

*(Марина Цветаева,
Стихи к Чехии)*

СЕНТЯБРЬ

СЕНТЯБРЬ

1

воскресенье

Слава Мартынов со своим братом, о. Ионой

СЕНТЯБРЬ

2

понедельник

Англичанин в Африке разговаривает с людоедом.

Людоед: — Вы в Европе людей убиваете?

Англичанин: — На войне да.

Людоед: — И убитых, конечно, съедаете?

Англичанин (с гримасой): — Нет, нет, ни в коем случае!

Людоед (удивлённо): — А зачем тогда убиваете?

В 1990 году в издательстве «Советский писатель» вышла моя книга «День первого снегопада». Название не моё. Моё было — «День Покрова». В издательстве сказали, что «покров — это когда бык тёлку кроет», вынудили меня поменять название, категорически. Поменял. В первом романе «Зазимок» герой Олег, получив сообщение о смерти отца, едет на похороны.

В романе:

«Тихий лес. Здесь и ветра нет, и носа он сюда не кажет, только дружок его вертится — сквознячок кладбищенский, лист потрепать — у него и силёнок-то, а на другое что не хватит. Упали с черёмухи отцу на лицо две капли, на веки прямо, и не разбились, стекла по вискам, как бусины хрустальные. Взглянул на них Олег — и не удивился; и других чувств, кажется, никаких — будто плыл долго, на берег выбрался и впал в беспамятство. Только тот мальчик, маленький, босой, который так и не высказал тогда — ни тогда, ни позже за всю свою жизнь — слова такого: папочка! — взметнулся, забился, как в падучей, пришёл в себя, попробовал вырваться, но в горле застрял и задохся, задохся и скорчился. Подкосились ноги — так, будто сзади кто подкрался, полоснул ножом и перерезал сухожилия. Упал коленями в глину. Ткнулся щекой в щетину белую. Сказал:

— Папка, — пустым, бессмысленным, бумажным, как искусственные цветы на могилах, ощутил это слово, не умом ощутил, а сердцем, но не своим как будто, а того, задохшегося в горле мальчика, и произнёс:

— Отец, — и легко стало, легко: заплакал...

Сорвался лист с черёмухи, упал отцу на руку.

А потом смотрел кто-то на скоро растущий холм бурой глины, брёл кто-то обратно в Ялань, входил в дом кто-то, мыл руки, раздавал гостям полотенца, садился за стол, пил водку из доверху полного стакана, не закусывая, видел —

не видя, слышал — не понимая слов собравшихся за столом людей, и думал: не понимаю... не понимаю... ничего не понимаю...»

Мой отец умер через шесть лет после выхода этой книги.

Совпало всё. День смерти. Погода. Но когда с черёмухи отцу на лицо упали две капли, мне стало совсем плохо: подкосились ноги — так, будто сзади кто подкрался и перерезал ножом сухожилия... — дважды отца похоронил.

Было подобного немало, да говорить здесь обо всех случаях не хочется и незачем...

<...>

И последнее.

Раньше мне иногда казалось, что некоторые куски моего текста написаны не мной, а кем-то другим. Но кем?

Работал я в то время по ночам, днём пытался отоспаться. Не всегда мне это удавалось. Чаем поддерживал себя.

Перечитывал после написанное мной предыдущей ночью и диву давался: будто некоторые абзацы вписал в мой текст кто-то другой, я, точно, видел их впервые.

Я не писал на пьяный ум. Не верно. Писал, конечно, и когда писал, восторгался бурно сотворённым — ай, да сукин сын! как-то похоже, — но, протрезвев, выбрасывал «шедевр» — полнейший бред, чудовищную чушь. А надо было сохранить? Может, и надо. После посмеяться.

Был я в то время, когда набивал свой текст, на месте, за машинкой? Не знаю. Да вроде был.

Замещал ли меня на какое-то время кто-то? Не знаю. Ни с кем вроде не договаривался.

Ночью стал спать, а днём работать, эта иллюзия исчезла.

(Василий И. Аксёнов. Так было)

Никифор в деревне

СЕНТЯБРЬ

4

среда

Как-то Леон Богданов подарил Володе Эрлю на день рождения редкую восточную книгу, а потом они, так уж получилось, поссорились — и Леон потребовал её назад.

Эрль: — Элик, разве так можно? Вы подарили мне эту книгу на день рождения.

Леон (мгновенно): — Да, но ведь день рождения уже кончился!

СЕНТЯБРЬ

5

четверг

Мужу <Михаилу Меньшикову> разрешили одеться и выпить стакан чаю. После этого он простился с нами, перекрестил каждого из нас и окружённый вооружённой стражей вышел из родного дома навсегда.

Тут мы ещё больше почувствовали горе, обиду и любовь к нему. Все рыдали: моя мама, я, няня, дети и прислуга. Горе ведь обрушилось так неожиданно... Его увели в тюрьму, где сидело уже много валдайских купцов, взятых заложниками.

СЕНТЯБРЬ

6

пятница

Я оставила плачущих детей с мамой и, чувствуя, что что-то надо делать, не теряя ни минуты, надо помочь ему, надо найти заступников, бросилась к знакомым Птицыным за советом. Молодой сын Птицыной был арестован в эту же ночь, но наутро его уже выпустили на поруки. Может быть, освободят и мужа или хоть разрешат мне свидание с ним. Он сам лучше что-нибудь придумает, научит меня, что делать.

Птицыны советовали мне не просить свидания с мужем сегодня же, а пойти туда лучше в воскресенье. Но когда в воскресенье я пошла просить о пропуске в тюрьму, мне сказали, что разрешить свидание нельзя. Нет служащих, от которых это зависит. Притом власть вчерашних распорядителей уже и прекращается, т.к. в Валдай прибыл Главный военный полевой штаб.

Вернувшись домой ни с чем, я поспешила послать мужу его спальный прибор, хлеба, яиц и записку, которую ему и доставили, несмотря на все затруднения. В понедельник утром я пошла со старшими детьми Лидочкой и Гришей в Главный военный полевой штаб, помещавшийся на Торговой улице в доме Ковалёва. Мы стали читать надписи на стенах этого дома «Комендант», «Комиссар», «Председатель Главного штаба». Войдя наконец в указанную нам комнату, мы увидели там за столом только несколько молодых людей. Один из них занимал место председателя. Я заметила у него на пальце чудный бриллиантовый перстень.

Я стала просить у него пропуска для свидания с мужем, я всё-таки надеялась на то, что свидание наше состоится и что он укажет мне пути, назовёт кого-нибудь, кто мог бы его защитить. Сама я решительно не знала, что делать, только с мукой чувствовала, что время дорого, что нельзя терять ни минуты.

Молодой человек, выслушав мою просьбу, спросил меня:

— Как Ваша фамилия?

— Меньшикова, — был мой ответ.

Тогда он понизил голос и как бы по секрету пробормотал:

— Я хорошо знаю Вашего мужа, мои родители были близко знакомы с ним.

Обрадованная, я спросила: «Как Ваша фамилия?»

Он шепнул ещё тише: «Князь Долгоруков. Но прошу вас никому не говорить этого».

Сдерживая свою радость, и чтобы не выдать его перед другими сидящими в этой комнате, я шепотом сказала: «Хорошо».

Какая неожиданная радость. Князь прямо пообещал содействовать в освобождении мужа. Однако в пропуске на этот день он мне отказал. Всё же я вернулась домой окрылённая надеждой. Приготовив мужу обед, я сама понесла ему в тюрьму, взяв с собой и детей. Детям было дико, что папа в тюрьме. За что?

Я не могла понять, как это можно ни с того ни с сего посадить в тюрьму совершенно невинного человека.

Хорошо, что князь Долгоруков поможет. И хоть обед передадут мужу. Вернувшись домой, я получила первую записку от мужа, переданную нашей няне Ирише одной из её знакомых.

Во вторник утром я снова поспешила в штаб, надеясь на этот раз получить разрешение на свидание с мужем. Князь Долгоруков занимал своё место председателя. Выслушав меня, он громко заявил, что муж мой настолько важный преступник, что никакого пропуска к нему дать нельзя. И по всей вероятности, для суда над ним его повезут в Новгород. Я решила, что куда бы его ни повезли, я поеду с ним, и сказала об этом князю.

Тогда он громогласно заявил мне, что назначение штаба состоит в том, чтобы чинить суд скорый и справедливый. Князь заявил, что сам он не будет допрашивать му-

жа, т. к. он лично знаком с ним. Это могло бы навлечь на него нарекания.

А я, развеся уши, выслушала всё, что говорил мнимый князь, который оказался совсем не Долгоруким, а евреем Гильфонтом, студентом Медицинской академии. Бедный, бедный муж мой, бедные мои дети.

Когда в среду я снова пришла за пропуском, мне сказали, что Гильфонт уехал в Новгород. Я обратилась к заменявшему его молодому человеку, русскому, здоровому и раскормленному. В самой грубой форме он отказал мне в пропуске и сказал, что муж мой преступник. Он призывал к еврейским погромам. Я возразила, что мой муж никогда не призывал к погромам. Если он и порицал иной раз деяния евреев, то точно так же, как порицал и деятельность всех других людей, если она была во вред России...

Он не соглашался с этим и говорил:

— Ваш муж писал за деньги...

Я заметила, что всякий берёт деньги за свою работу. И вы берёте деньги за Вашу работу. Во всяком случае я Вас прошу не говорить мне дурного о моём муже. Но он не унимался.

— У нас есть доказательства того, что он призывал к погромам. Вот они...

Он указал рукой на вырезки из старого номера «Нового времени», взятые у нас при обыске.

Дневники мужа и письма к нему валялись у них тут же на подоконнике. Всё это было очень больно. Кто же может дать мне пропуск для свидания с мужем?

Комендант направил меня к комиссару. Комиссар Губа, выслушав мои слёзные просьбы, сказал, чтобы я пришла за пропуском лучше вечером, часов в семь. Тогда у него, может быть, будет время поговорить со мной, а теперь ему некогда. Я пошла вечером и с семи часов ждала очере-

ди в приемной. Долго, долго пришлось ждать. Сердце болело, голова кружилась от тревожных мыслей. Наконец комиссар вышел ко мне и спросил, что нужно.

— Свидания с мужем.

— Нельзя.

Я стала перед ним на колени, кланялась, плакала, молила не отнимать у детей отца...

Он злобно сказал:

— А на что он нам. На мясо, что ли.

Я так плакала, что он велел меня выгнать из штаба. Я покорилась и ушла, но в четверг вернулась попытать счастье. Страшно было пропустить благоприятную минуту, благоприятную встречу, благоприятное настроение судьей. Ведь через кого-нибудь Бог поможет нам. Надо ловить, искать... В четверг в штабе не было уже ни Гильфонта, ни вчерашнего комиссара, ни коменданта. На этот раз я нашла там молодого человека лет 19-ти с прекрасными грустными глазами. Я подошла к нему и стала просить о пропуске. Он пообещал походатайствовать за меня, но дать пропуска сам он не мог. Я вернулась домой. Там мне передали письмо от мужа. Он писал, что был уже допрос всем арестованным. В одной камере с мужем сидели наши купцы: Н. В. Якунин, М. С. Савин, В. Г. Бычков, Я. Б. Усачёв и двое юношей Б. Виноградов и Н. Савин. При допросе мужу сказали: «Можете быть покойны. Вы свободы не получите».

Он спросил: «Это месть?»

— Да, месть за ваши статьи, — был ему ответ.

Письмо было написано на клочке газетной бумаги. Бедный муж просил прислать детей в сад, прилегающий к тюрьме. Ему хотелось хоть издали посмотреть на своих малышей. Он писал, что каждый день в 12 ч. и в 4 ч. он подходит к окну, к решётке и смотрит, не гуляют ли в саду его детишки...

Мы жили на противоположном конце города и никогда раньше в этот сад не ходили. Письма мужа были полны ласки и заботы о них.

Он писал, что в сердце у него ещё теплится слабая надежда на сохранение жизни.

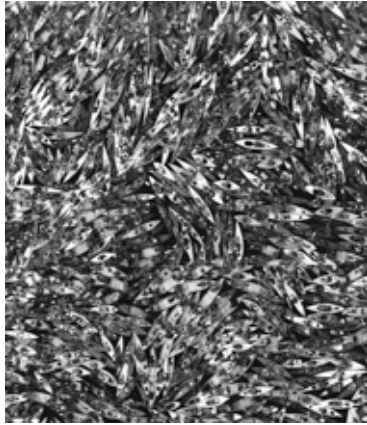
Я послала в прилегающий к тюрьме сад четырёх старших детей. Только две младшие крошки остались дома. Сама я пришла в сад несколько позже. Отыскав детей, я сейчас же увидела и своего бедного заключённого, в четвёртом окне второго этажа. Я горько плакала и показывала рукой на своё сердце, чтобы сказать: «Смотри, как мне больно. Как невыносимо тяжело и больно выносить то, что с тобой делают».

Он тоже отвечал понятными мне жестами, что и ему очень тяжело, и я видела, как он, бедный, горько плакал, глядя на нас из-за решётки. Несчастливые дети, широко раскрыв глаза, смотрели на папу, который из-за тюремной решетки благословлял их и посылал им воздушные поцелуи. Он не сводил с них глаз и, казалось, не мог достаточно наглядеться на них. Подле него стоял у окна знакомый нам Савин, тоже арестованный. Сорок минут провели мы в этих немых разговорах, говорили глазами, сердцами, горестно и жадно глядя друг на друга.

Когда муж сделал знак рукой, чтобы мы уходили, мы пошли, не подозревая, что это свиданье было последним, что мы уже не увидим его живым.

(Мария Меньшикова. Как убили моего мужа // М. О. Меньшиков: Материалы к биографии, М., 1993)

→ 20 сентября: Убийство Меньшикова, 2

Лодки, соревнование на плотную упаковку

СЕНТЯБРЬ

7

суббота

Татары, обиженные на русскую поговорку «Незванный гость хуже татарина», обратились в Верховный Совет СССР с предложением о её отмене. Верховный Совет принял постановление: «Изменить поговорку на „Незванный гость лучше татарина“».

(Анекдот 1970-х годов)

СЕНТЯБРЬ

8

воскресенье

Чаваньга, фактория

СЕНТЯБРЬ

9

понедельник

В начале 1920-х годов лишь немногие математики в России были марксистами. Самые видные из них, Отто Шмидт (1891–1956) и Эрнст Кольман (1892–1979), разделяли сходную политическую ориентацию, но заметно различались в вопросе терпимости к инакомыслящим и, к слову сказать, своими математическими способностями. (Шмидт намного превосходил здесь Кольмана.) Коммунист с 1918 года, Шмидт занимал несколько правительственных постов, был директором государственного издательства, редактором (совместно с Бухариным) Большой советской энциклопедии и членом ВЦИКа. <...>

В отличие от него Кольман был воинствующим марксистом нарождающегося сталинского типа, человеком, который готов был любым способом избавиться от тех, в ком видел своих идеологических врагов. Кольман родился и вырос в Чехословакии, где получил математическое образование в Карловом университете, в Советскую Россию на исходе Первой мировой войны его забросила судьба солдата. Он был очень опасным идеологом, невероятно серьёзно относился к своим марксистским убеждениям и любую иную точку зрения рассматривал как реальную угрозу советскому государству. Кольман сыграет зловещую роль во многих событиях советской истории и станет главным обвинителем Егорова, Флоренского и Лузина. Вместе с тем он по-настоящему интересовался наукой и написал несколько книг по истории науки и математики, которые до сих пор заслуживают внимания. Неудивительно, что иногда его называли «чёрным ангелом московской математики». <...>

В 1920-х — начале 1930-х годов воинственный марксизм, представленный Кольманом, стал преобладать над умеренным марксизмом, защищаемым Бухариным и Луначарским. Но в переходное время Кольману и ему подобным приходилось поджидать подходящий момент, чтобы одержать верх над своими противниками. Кольман всегда видел в Егорове идеологического врага, но не решался напасть на него в Московском университете, где у профессора было много сто-

ронников. В конце концов, Егоров был председателем Московского математического общества, директором Института математики и механики при Московском университете и одним из самых известных математиков в Советском Союзе. Тем не менее, в начале 1920-х годов Егоров предоставил Кольману такую возможность. Нуждаясь в деньгах, Егоров стал помимо университета преподавать в московском Институте гражданского строительства. Кольман немедленно воспользовался шансом: понимая, что Егоров более уязвим в институте, чем в престижном Московском университете, он выбрал это место для своей первой атаки.

В 1924 году Кольман выступил на партийном собрании — здесь у него нашлись сторонники — и охарактеризовал Егорова как «реакционного приверженца религиозных воззрений, оказывающего опасное влияние на студентов, и человека, который путает математику с мистикой». Поскольку Егоров не был членом партии, он не присутствовал на этом собрании и не имел возможности защититься. Когда ему сообщили о нападках, он честно и, пожалуй, несколько наивно признался в том, что он — человек верующий, и даже пытался защитить свою позицию, говоря, что в учебные заведения должны допускаться люди разных верований. В результате его из Института гражданского строительства уволили. <...>

В сентябре 1930 года Егоров и более сорока других верующих — часть из них, подобно Егорову, были членами имяславского кружка — были арестованы. Их обвинили не только в «смешении математики и мистики», но и в «участии в контрреволюционной организации», которая называлась «Русская Истинно-Православная Церковь» или «катакомбная Церковь». Егорова сначала поместили в тюрьму в Москве, затем сослали в Казань.

*(Лорен Грэхем, Жан-Мишель Кантор.
Имена бесконечности, СПб., 2011)*

→ 22 декабря: Имена бесконечности, 2

Отцы-основатели, спасибо за верность Самиздату!

СЕНТЯБРЬ

11

среда

Прошу меня простить за то, что не смогла приехать на вручение премии. Я нахожусь сейчас в Стэнфорде. С одной стороны — Гуверовский архив, где хранится собрание русской неофициальной печати. С другой стороны — городок Купертино, где в середине 1970-х были изданы книги родоначальников NLP (нейро-лингвистического программирования). Сегодня 23 декабря, в Калифорнии вечное лето. А я вспоминаю историю, которую мне рассказал Володя Дубровский, а ему рассказал сайгоновский поэт Витя Терентьев, а ему рассказал один бродяга, вернувшийся в Ленинград из Сибири (а может, и сам Витька видел это). Будто где-то в Сибири бьёт из земли газ, и он горит среди вечной мерзлоты гигантским костром. Вокруг него растопило снег, растёт трава. Там собираются бродяги, пришедшие из разных мест. Время от времени приезжает милицейская машина, в неё сажают бродяг, отвозят куда-то в лес и выкидывают на снег...

Я не была знакома с Витей Терентьевым, но думаю, что такое место существует. И всё так и происходит: костер пылает, бродяги сходятся, машина выезжает, снег блестит... и так по новому кругу...

Простите за это лирическое отступление...

Казалось, век литературного самиздата закончился в 1991 году. Но при подготовке книги о кафе «Сайгон» пришлось снова заняться самиздатом и выпустить книгу под маркой вымышленного издательства ZAMIZDAT.

Причина была не в цензуре. Крупные издательства отказывались брать книгу в том объёме и составе, в котором она есть, называя три заветных слова: «неформат», «целевая аудитория», «куратор». Прежде всего выдвигали свои требования по персоналиям, включённым в книгу, ограничивая круг мемуаристов четырьмя — самое большее два-

дцатью громкими именами. Во всех случаях речь шла о том, чтобы свести воспоминания к одному ракурсу, заранее выбранной концепции, под которую куратором «подвёрстывался» бы материал. Вариантов предлагалось немного: криминальный мир Питера, ленинградский рок-клуб (Гребенщиков и К°), диссиденты (последняя группа в ряде издательств, напротив, подлежала сокращению).

Один депутат посоветовал обратиться за финансовой помощью в Смольный, в комитет по печати. Будто бы есть человек, которому есть что сказать о «Сайгоне», о поэтах и прочее. Вскоре были присланы воспоминания о знакомстве с Кривулиным и о том, как свинтили по пьяному делу. Оказалось... действительно, был в «Сайгоне» такой человек, приходил «посмотреть» на поэтов. С биографией автора меня познакомил В. Долинин.

Не знаю, исследовано ли понятие «формат», появившееся в отечественном книгоиздательстве в 1990-е годы? Что касается «целевой аудитории», то это понятие беспокоило умы задолго до появления рецептивной эстетики и NLP. В 1920-е гг. в Ленинграде детские театры сотрудничали с т. н. «педологами». Правильность театрального репертуара проверялась экспериментальным путем. После спектакля у юных зрителей брали анализ крови, пытаясь зафиксировать химическое воздействие искусства.

Возвращаясь к вопросу, академический самиздат 2000-х возник из нежелания моделировать книгу как приманку. Он свободен от кураторов и бесполезен для подсадных уток.

Я благодарю всех, кто мне помогал. А особенно художника и музыканта Дмитрия Каховского, им были подготовлены к изданию аудио-записи авторского чтения, включая редактирование студийных и домашних записей, реставрацию магнитофонных записей 1960–80-х годов. Каховский создал логотип Zamizdat и оформил обложки всех трёх книг.

Спасибо Светлане Друговейко-Должанской за рискованное для жизни соблюдение грамотности среди писателей.

Благодарю Антона Осипчука за помощь в издании книги «Время и Слово».

Отдельное спасибо Вячеславу Долинину и Кириллу Козыреву.

А также безымянному бродяге, бывшему учителю начальной школы для афро-американцев в Бостоне, предложившему выпить за всеобщее благоденствие.

(Юлия Валиева. Письмо комитету премии Андрея Белого, 2011)

СЕНТЯБРЬ

12

четверг

Иволгинский дацан

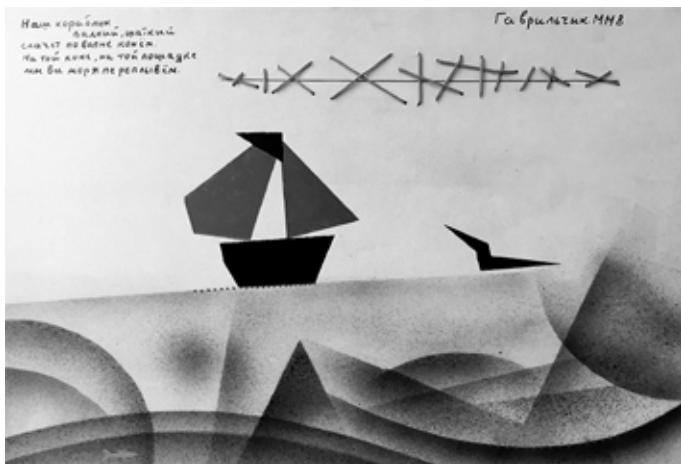
СЕНТЯБРЬ

13

пятница

Охота продолжается: отстрел всего живого Время производит. И если редко гибнет кто от стрел Амура, то Оно людей изводит пластами поколений... Может быть, на свете этом лучше камнем быть?

(Николай Лукка, 2011)

Владлен Гаврильчик, Кораблик

Когда начинают себя сравнивать европейские нации, живущие в сообществе одного и того же архетипа, то есть образующие семью с одной и той же судьбой, они замечают в себе совпадения и отклонения, но самое существенное проявляется гораздо слабее: своеобразии самой семьи. Видятся только внутрисемейные различия, клановые разновидности и нюансы, в то время как общий признак семьи считается само собой разумеющимся и поэтому не бросается в глаза. Но он обнаруживается сразу же, как только мы противопоставляем европейские нации или одну из них (за исключением Испании) — русским. Тогда все они плотно смыкаются на одной стороне, а русские остаются в одиночестве на другой, поближе к индусам и китайцам, нежели к европейцам. Русские и европейцы являют по отношению друг к другу «совершенно другой мир». И русские чувствовали это всегда очень тонко. Они глядели на Европу примерно так, как человек рассматривает различные особи какого-нибудь рода обезьян. Он их почти не отличает друг от друга, поскольку видит в них только обезьян. Но тем ярче видятся ему черты родо-

СЕНТЯБРЬ

14

суббота

СЕНТЯБРЬ

15

воскресенье

го свойства, типичные. Так было с Достоевским, который имел о различных европейских нациях одно и то же мнение — плохое. Если европеец посмотрит на русских, а потом на самого себя, он должен показаться себе в новом свете. В сравнениях такого рода заключена непреходящая ценность: через русское он может познать себя до конца, включая и специфику своей западной семьи. То, что выглядело обычным, становится особенным. То, что казалось само собой разумеющимся, становится сомнительным. Тогда вдруг открывается, что многое может быть совершенно иным, чем дома; например, на власть можно смотреть не только как на ценность, которой домогаются, но и как на искушение, которого следует избегать. Обретение этих совершенно новых возможностей, масштабов и перспектив пробуждает самознание, способное проникнуть до самых потаённых глубин. В том, что мы смотрим на себя по-другому, вплоть до глубин своей души, как раз и заключается сущность нашего духовного обновления, тайна нашего возрождения. Это применимо как к отдельной личности, так и к целым народам.

(Вальтер Шубарт. Европа и душа Востока)

→ 7 ноября: Шубарт, 3

Уважаемый Владимир Фёдорович <Марков>!

Я знаком с Вами заочно — через Е. Б. Белодубровского из Фонда культуры — и читал Вашу замечательную статью о «глупой поэзии», которую передал в журнал «Лабиринт/Эксцентр», она появится в его четвёртом номере. К сожалению, этот журнал выходит очень нерегулярно, не могу сказать точно, когда это будет. География у журнала впечатляющая: редакция — в Петербурге, финансовая контора — в Екатеринбурге, типография в Казани... Впрочем, екатеринбургские коллеги бьют себя в грудь и божатся, что — несмотря на все трудности — 4-й номер выйдет в этом году.

Несколько слов о себе: бывший сотрудник машинописного журнала «Часы» (за пятнадцать лет выпустили 80 номеров),

сейчас работаю в небольшом частном издательстве Чернышёва, издаём философскую, религиозную и серьёзную художественную литературу. В ближайших планах: переводы Петрарки, Бельмана, трилогия Беккета, книга о петербургских храмах, К. Леонтьев... Среди уже изданного: «Тибетская книга мёртвых», справочник о художественных объединениях в России, две книги П. Успенского...

О трудностях издательского дела в России Вам, вероятно, известно: покупают в основном массовую литературу — фэнтези, триллеры, порно и т.п. Серьёзные книги издаются малыми тиражами и расходятся медленно. Тираж продаётся почти полгода, за это время деньги (при нынешней инфляции) сильно падают в цене и т.д. Простите за жалобы; дело, в общем, понятное.

Из зарубежных авторов у нас возникли определённые контакты с П. Калиновским из Австралии (книга «Переход» о жизни после смерти), Е. Дрыжаковой («Герцен на Западе») и теперь, кажется, с Вами.

О Ваших пожеланиях по нестандартному оформлению книги (квадратный формат, футуристическая обложка и пр.) мне известно, они выполнимы. Кое-какие вопросы ещё предстоит решить: издавать двух- или однотомник (мы предпочли бы одно-, но толстый, со статьями, письмами, поэзией, мемуарами), о переводе непереведённых статей, о фотографиях. Издание однотомника обойдётся (тираж 3000, объём 600–650 стр.) примерно в 3 млн. рублей. Распространять будем через библиотечный коллектор (там у нас хорошие личные контакты) и через магазины.

По предложению Евгения Борисовича <Белодубровского> я присоединяю к этому письму официальную записку, которая, возможно, поможет Вам получить дотацию от какой-нибудь казённой организации (такую же бумагу я отослал Е. Дрыжаковой и М. Альтшуллеру).

Для первого письма, кажется, достаточно.

Борис Останин
194044 Петербург, Выборгская наб., 41,
Издательство Чернышёва

СЕНТЯБРЬ

17

вторник

Борис Констриктор, 1979

СЕНТЯБРЬ

18

среда

К а в ы ч к и... порождение XVII, говорят, века...

Сколь разными сторонами повёрнуты они тремя присутствующими здесь языками. Чисто внешнее описание «крюков» кавычки в русском, таящее, однако, как водится, в себе некие каверзы, закавыки, принцип неевклидовости текста... Английское функциональное описание, предельно конкретизирующее и «евклидизирующее» их использование — как цитатных помет (quotation marks) — начинаешь думать, не явились ли кавычки результатом выступления италикков за свои римские права... Французское guillemets, сохраняющее, прославляющее, прословляющее, коллективизирующее имя собственное своего изобретателя — как след, зола — идеальная метка...

Нарушение правила — предписание правила — порождение правила. Все вместе: кавычка как носитель иносказания.

Чуть легкомысленно интерпретируя Соссюра в письменном преломлении (голос ломок, *verba manent, scripta manent*), можно сказать, что смысл рождается между, вероятно, слов. Знаки препинания — безмысленные, бессмысленные (микрофлора? планктон? гумус?) обитатели ничейной зоны между, односторонние, мёбиусовы означающие, априорно лишённые означаемых, т. е. не существующие лингвистически твари, олицетворяющие синтаксические потоки, волнующие поверхность означающих и тем самым созидающие, конституирующие конфигурации, созвездия означаемых: их СМЫСЛ. Возвращаясь, тварны и творящи, в четвертую — и первую природу.

Вообще кавычки постулируют смысл текста внутри, замкнутый смысл, выключая его из контекста, — кавычка как скальпель. И далее — мета метатекста: вынос тела текста. Кавычкой текст подписывается: «текст».

Текст без кавычек (без возможности их существования) — тело без органов.

Классическая цитатность — трансплантация органов, отдельная же кавычка — просто надрез ткани, ничего более, не завершённый в круг *circumcisio*.

Кавычки переадресовывают текст, меняют местами — наличие и отсутствие, явленное и виртуальное, адресата и адресанта, агенса и пациенса.

Кавычки, стены скриптуральной крипты, лапидарные со-хранители неповторности.

Кавычка против перечтения. Как волнорез кровообращения. Текста. Кавычки, как и скобки, неизменемы и неизменяемы при метаописании — см. «Новые африканские впечатления» (кстати, цитату «Африканских впечатле-

ний») после единственного центонного локуса *Locus Solus'a*.

Кавычки парнокопытны, как, к примеру, и их родственницы, старшие сестры — скобки, действующие примерно так же (*en-thesis* — действие по-мещения), но — пространственно — в другом измерении.

Кавычки — это симболон, тессера. Их двойственность, чётность, конечно, женственна.

Допуская мини-маль-ное с точки зрения мать-и-матери языковое насилие, можно сказать, что топологически тетрада кавычек гомо-топически экви-валентна женским половым органам, да не скажем гениталиям, ибо порождение здесь невозможно, наружным складкам, возможно только приятие, таящим в себе пустоту матрицы.

Вводя своего осла в лоно, отмыкаемое посылком кавычки, вызываешь в памяти пресловутую сцену *coitus'a* между ослом и матроной из вообразённых нами на полке (где ударение?) «Золотых ослов», кстати цитируемую, повторяемую в каждом из них неоднократно. (Неприсутствующему здесь Гуревичу — А. Я. — хотелось бы посвятить сей архаичный экземпляр — и тем не менее хрестоматийный, достойный стиля Мориса де Сюлли, — *exemplā*, этих средневековых комиксов.)

Ну а у нас — кавычки объемяют наиболее итифаллический от-брызг текста, так и должно быть, в этом нет ничего противоестественного. Обычное дело: название закавычивается. Но обычно — оторвавшись от текста, не около, в другом тексте, в месте отсутствия своего текста. Как метка. Вторично используемая метка. Мета. Метаемая вовне. Во вне. Метаметка.

Пара кавычек, заковывая название, обеспечивает, требует, позволяет ему полную оторванность, независимость от сугубо под-лежащего ему текста, снимая как метафорическую, так и метонимическую ему сопричастность.

Но некое перверсивное насилие со стороны текста оно всё же испытывает — как раз-таки перверсивное.

Не подразумевается ли при этом, что пространство, (маточкин) шар между двумя кавычками возможно раздуть и поместить туда весь текст, чье название там торчит?

Но мы наталкиваемся глазом всегда на кавычку соло... Кавычка, как настоженная мышеловка, настораживает. Когда зазвучит щелчок второй кавычки, захватывающей ослов (слово) в полон?

(Виктор Лапицкий. «Комиксы»)

→ 18 октября: «Комиксы, 3

Владимир Яковлев, Цветок

СЕНТЯБРЬ

19

четверг

Настала пятница <20 сентября 1918 года>, страшная, злополучная пятница, принесшая мне такой тяжёлый удар, удар, рубивший и мою жизнь, и жизнь детей. С утра

СЕНТЯБРЬ

20

пятница

у нас что-то загорелось в трубе, мы испугались пожара. Поднялся переполох, из-за которого запоздал обед мужу. И когда няня принесла обед в тюрьму, ей там сказали, что Меньшикова увели в штаб на допрос.

В этот же день сын Савина принес мне пакетик от мужа, это было утром. Развернув его, я выронила из бумаги обручальное кольцо и испугалась. Муж возвращал мне кольцо. Мне стало жутко и страшно. Задыхаясь от волнения, я стала читать. Муж посылал прощальное письмо мне, детям, бабушке, друзьям и близким людям, любившим его, ценившим его. Он прощался со всеми и писал, что умирает жертвой евреев, не видя, не сознавая своей вины. Детям он посылал кусочки сахара и по леденцу. Читая и разглядывая присланное, мы горько плакали. Долго не смолкали в нашей комнате стоны и рыдания. Мама старалась утешить нас и говорила, что муж по своей мнительности, может быть, преувеличивает опасность и напрасно только расстраивает себя и нас. Неужели не спасти его. Неужели, правда, перед ним смертельная опасность...

Окончательно теряя голову, я снова бросилась в штаб. Надо было искать защиты, спасенья... Но где найдёшь их? У входа в штаб, внизу, у лестницы, я увидела того юношу, который накануне обещал мне своё ходатайство. Я узнала, его фамилия — Давидсон.

Увидав его, я подошла к нему и стала просить о пропуске. Он посмотрел на меня, взял меня за руку и сказал: «Как мне вас жаль. Зачем вы так убиваетесь, зачем. Не плачьте. Ваш муж будет жив. Завтра я вам достану пропуск к нему».

Я спросила: «А сегодня суда не будет?»

— Какой же может быть суд, когда комиссар и председатель суда уехали в Новгород. Успокойтесь, успокойтесь. Всё будет хорошо.

— Да... Правда...

Моё наблевшее, измученное сердце переполнилось горячей благодарностью к этому доброму человеку. Видимо,

он сочувствовал моему горю, понимал его. Я схватила его руки и стала с благодарностью целовать их, обливая их слезами. Как я благодарила его за себя и своих детей...

Я поверила тому, что он поможет спасти мужа, поможет сохранить ему жизнь. Ведь в этом всё... В этом главное. Как ни ужасно, как ни мучительно всё, что мы переживаем, но готовы терпеть и худшее, готовы выносить ещё что угодно, только бы сохранить ему жизнь и не допустить злодеяния. Несколько успокоенная и обнадёженная Давидсоном, я иду домой и на городской площади встречаю знакомую купчиху. Она останавливает меня и радостно сообщает, что из Петрограда приехал некий Ликас и что он просил передать мне, что в Петрограде усиленно хлопочут за мужа. В разговорах об этом мы дошли до её дома. Она вызвала Ликаса, который сейчас же рассказал мне, что инженер Оранжеев усиленно хлопочет об освобождении мужа. Переговорив с Ликасом, я решила немедленно послать ещё в Петроград срочную телеграмму для ускорения и усиления ходатайства. У меня не было с собой денег, но Ликас вызвался сейчас же отправить телеграмму в Петроград. Прощаясь со мной, моя знакомая взяла с меня слово, что я сегодня же отслужу молебен св. Трифону и Иоанну Воину. И я вернулась домой почти вполне успокоенная.

Накормив обедом всех своих, я заперла дом, и мы все вместе: бабушка, няня, дети, я и прислуга пошли служить обещанный молебен на горе. Подойдя к церкви, мы увидели, что собор и церковь Введения закрыты. Служить молебен можно было только на кладбище. Неужели Бог не хотел выслушать нашей общей дружной молитвы.

Мы снова приуныли. Стало тяжело и жутко. Я послала няню к тюрьме в сад, вместе с детьми надеясь, что муж уже вернулся туда, а сама поспешила отнести Ликасу деньги за телеграмму. Хотелось убедиться в том, что он послал её. Мама вернулась домой. Пока дети шли с няней к тюрьме, стал накрапывать дождь, поднялся ветер, всё сильнее

и сильнее, разыгралась настоящая буря. Видно, и небо возмутилось совершаемым грехом.

Разве не грех было это осуждение на казнь невинного человека, честного труженика, талантливого писателя, трудами и талантливостью которого гордилась бы всякая страна, в которой люди не сошли с ума.

Небо омрачилось. На <Валдайском> озере забушевали волны. Лодки так и рвало, так и бросало. Казалось, любимое озеро моего мужа кипело гневом, скорбью и негодованием.

Дети с няней дошли до штаба и остановились в воротах, чтобы переждать ливень и бурю. Только старшая моя девочка, 10-летняя Лидочка, невзирая на ливень, побежала в лавку за мясом. Остальные дети укрылись от непогоды в штабе.

Няня услышала тут, что сейчас идёт суд над моим мужем. Не прошло и десяти минут, как дети услышали громкое бряцание оружия, говор и смех, и на улицу высыпало человек 15 вооруженных солдат-красногвардейцев. Это была стража, окружающая мужа. Он шёл среди них в одном пиджаке и своей серенькой шапочке. Он был бледен и поглядывал по сторонам, точно искал знакомого доброго лица. Неожиданно увидав детей так близко, он просиял, рванулся к ним, радостно схватил на руки самую маленькую Танечку и крепко-крепко прижал её к груди. Муж поцеловал и прекрестил её, хотел поцеловать и благословить и тянущуюся к нему Машеньку, которая с волнением ждала своей очереди, но его грубо окрикнули, приказывая идти вперёд без проволочек. Муж гордо посмотрел на них и сказал:

— Это мои дети. Прощайте, дети...

Он успел сказать няне, что его ведут на расстрел. Поражённая ужасом няня замерла на месте, затем убедилась, что его ведут действительно на расстрел, переулочком к берегу озера, которое он так любил. О подробностях казни нам после рассказывала мещанка, видевшая убийство из своего дома, находящегося напротив места расстрела.

Придя под стражей на место казни, муж стал лицом к Иверскому монастырю, ясно видимому с этого места, опустился на колени и стал молиться.

Первый залп был дан для устрашения, однако этим выстрелом ранили левую руку мужа около кисти. Пуля вырвала кусок мяса. После этого выстрела муж оглянулся. Последовал новый залп. Стреляли в спину. Пуля прошла около сердца, а другая немного повыше желудка. Муж упал на землю. Лёжа на земле, он конвульсивно бился, он бил руками об землю, судорожно схватывая пальцами её. Сейчас же к нему подскочил Давидсон (будь он навеки проклят) с револьвером и выстрелил в упор два раза в левый висок.

Слова свои Давидсон, наконец, привёл в действие. Как рассказывали после мне вместе сидевшие с мужем, при допросе (это было в тюрьме), при котором был и Давидсон, он сказал:

— Я сочту за великое счастье пустить Вам (мужу) пулю в лоб.

Дети расстрел своего папы издали видели и в ужасе плакали. <...>

Пока совершались эти ужасные злодеяния, я, ничего не подозревая и твёрдо надеясь на успех Петроградского ходатайства, отнесла деньги за телеграмму и спокойно пошла домой. Я не слыхала даже выстрелов, которые слышали все, кто был на улицах. Проходя мимо дома моих знакомых — Птицыных, я увидела заплаканные лица девочек. Я также заметила, что их прислуга, увидав меня с балкона, точно отшатнулась в ужасе. — «Что с ним, что такое?..» Я вошла к ним и прямо спросила: «Что случилось?»

Елизавета Петровна Птицына, смущённая и печальная, ничего не ответила, но молча поднесла мне ложку брома. Я удивленно спрашивала, зачем это, и говорила, что я совсем спокойна.

Тогда она сказала, что в штабе идёт суд над мужем и чтобы я шла туда. Я не поверила. Ведь мне сказали, что

суда не будет. Но она настаивала на том и дала мне в прожатые своего взрослого сына Костю.

Мы побежали вдвоём под страшным ливнем. Поднимаясь по лестнице на площадке, в густых облаках табачного дыма я увидела мальчишек-красногвардейцев, довольных, сытых, гогочущих. Спрашиваю:

— Правда ли, что судят Меньшикова?..

В ответ взрыв грубого хохота. И сквозь смех вопросы:

— Это учёного этого? Это профессора в золотых очках? Да его уже давно расстреляли на берегу озера.

Я, как ужаленная, вскрикнула:

— Звери проклятые...

Толпа бросилась на меня с винтовками.

— Ты смотри, — кричали солдаты. — Ты у нас поговори...

Но я потеряла сознание и тут же упала, как мертвая. После того, как на меня вылили ковш холодной воды, я очнулась. Я обезумела от горя и ужаса. Мысли мешались. Я то рвалась к озеру, то просилась в тюрьму. Костя Птицын не отходил от меня и отвёл домой. Здесь ждало меня новое горе с мучительнейшими переживаниями. Я увидела моих несчастных сирот, измокших, дрожащих, бледных, перепуганных и горько рыдающих. Больше всех убивалась и плакала трёхлетняя Машенька. Она ломала крошечные ручонки, горестно твердила, не переставая: «Папочку убили злые люди...»

Моя старшая дочь Лидочка, возвращаясь одна из лавки, почему-то пошла не обычным кратчайшим путем, а берегом озера. Подойдя к краю берега, она увидела на земле что-то прикрытое плащом и на вопрос к стоящим тут же людям, что это, бедной девочке ответили: «Твой папа». Лида зарыдала и бросилась бежать домой. Она сказала мне, что и сама узнала папу по сапогам, узнала по его ногам.

Непрерывные вопли и плач всё время стояли у нас в квартире, включая и прислугу.

Бабушка и Лидочка поехали в штаб просить, чтобы нам отдали тело мужа. Выслушав просьбу бабушки, Давидсон сказал:

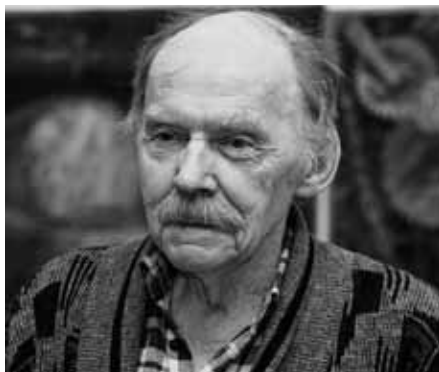
— Кто что заслужил, то и получил.

(Мария Меньшикова. Как убили моего мужа)

Le ciel ne s'offense pas, il ne s'offense pas,
 Mais s'il s'offensait, il s'offenserait,
 Les étoiles se seraient alors mises à parler, même les étoiles —
 Car leur foi au ciel est telle, et le secret de la disparition
 céleste est tel,
 Car telle est la force du silence céleste, que, si le ciel s'offensait,
 La silence ferait tinter les mots stellaires.

Mais le ciel ne s'offense pas —
 Et tout le secret céleste y est — les étoiles tombent en silence
 Et toute la foi céleste y est — dans le silence stellaire
 Et toute la force céleste y est — dans la disparition silencieuse.

(Валерий Молот. Звёзды падают молча, 1967)

Борис Иванов

СЕНТЯБРЬ

23

понедельник

одинокий в синем

рыбак по-китайски-сидит

полноводья мелкой реки посреди

небо растворимо

*(Наталия Азарова. Календарь. Книга гаданий)***Премия имени В. Жуковского**

24 сентября 1991 года в Петербурге, в Доме писателей состоялась торжественное вручение двух литературных премий.

Премия имени Василия Жуковского <бывшая «Э/Е»>, учреждённая Петербургским Фондом культуры при участии литературного журнала «Лабиринт/Эксцентр» <и творческой лаборатории «Поэтическая функция»>, присуждена шведу Хансу Бьёркегрену и поляку Виктору Ворошильскому за выдающуюся многолетнюю деятельность в области перевода классической и современной русской литературы.

Премия Андрея Белого вручена поэту А. Горнону (Петербург), прозаику Ю. Мамлееву (Париж) и литературоведу М. Эпштейну.

Материальный фонд премий составили пожертвования от художников (недавних неформалов), как денежные (Вл. Овчинников, А. Белкин, Г. Богомолов), так и картинами (Е. Фигурин, В. Герасименко, А. Маслов).

(Лабиринт/Эксцентр, № 3, 1991)

ЛАУРЕАТЫ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
имени В. А. Жуковского за 1991 год

Ханс Бьёркегрен

Поэт, романист, журналист, переводчик. Родился в 1933 году в Стокгольме. В 1960-х годах работал в Москве корреспондентом газет и телеграфных агентств скандинавских стран.

В 1970-е годы издал в своих переводах сборники Б. Пастернака, А. Ахматовой, О. Мандельштама, А. Вознесенского, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко. Переводчик А. Солженицына (в том числе «Архипелага ГУЛАГ») и автор первой биографической книги о нём (1976). Составитель и переводчик поэтических антологий «Русская поэзия от Державина до Бродского» (совместно с Л. Э. Блумквистом, 1989) и «Страна Октябрьских легенд» (1991). Автор исследования «Русская почта» из истории русской революции.

Виктор Ворошильский

Поэт, романист, эссеист, переводчик. Родился в 1928 году в Гродно. В 1956 году окончил аспирантуру Литературного института имени М. Горького в Москве. С 1956 года главный редактор польской газеты «Культура», впоследствии — главный редактор подпольного журнала «Запись», один из создателей польских независимых университетов. Известен многочисленными переводами русской классической и современной поэзии и прозы, в том числе двухтомной антологии новой русской поэзии (1971). Автор книг «Жизнь Маяковского», «Жизнь Есенина», «Кто убил Пушкина», романа «Сны под снегом» (о М. Е. Салтыкове-Щедрине).

Премия — рубль, пособие — тысяча

Два года тому назад в «Огоньке» впервые появилось публичное упоминание о независимой литературной премии Андрея Белого, которую ежегодно присуждает анонимное жюри ленинградских участников «неофициальной» культуры. К тому времени премия имела десятилетнюю историю и хороший список лауреатов, среди которых известные имена: Саша Соколов, Владимир Малявин, Алексей Парщиков, Иван Жданов, Елена Шварц...

28 декабря 1990 года во Дворце культуры пищевииков впервые состоялось вручение денежных пособий, назначен-

ных Всесоюзным Гуманитарным фондом им. А. С. Пушкина девяти лауреатам премии. Для телевидения была разыграна традиционная церемония: лауреату вручают 1 рубль и яблоко, подносят стопку «белого», выслушивают его речь; по окончании же съёмки были розданы разноцветные хлопушки с купюрами.

Пособия Гуманитарного фонда за 1990 год получили московские поэты Ольга Седакова, Геннадий Айги и Владимир Алейников, ленинградские прозаики Василий И. Аксёнов и Борис Кудряков, Борис Иванов (культурология). Юрий Новиков (искусствоведение), Владимир Эрль (текстология), а также Вера Богданова-Курочкина, вдова скончавшегося три года назад Леона Богданова, значительнейшего автора новой «сложной» ленинградской прозы.

При всей «призрачности» и отсутствии государственной регистрации, очевидно, что литературная премия Андрея Белого намечает смутные, но естественные очертания «второй», «неофициальной», «новой» — но, вероятнее всего, просто *реальной* культуры, которая всегда становится очевидной при крушении государственного, администрируемого института культуры. Эта премия является как бы голосом, обращённым к обществу, — и голосом, компетентным в знании предмета. Насколько он будет услышан, вопрос особый. Писатель серьёзного, но пока непривычного и неочевидного труда в любом нормальном обществе рассчитывает на поддержку своего существования и внимание к своей работе. Даже если он не приносит «прямую пользу развлекательности или поучительности», он вызывает уважение не меньше серьёзного учёного...

Нельзя не оценить благотворительную деятельность Гуманитарного фонда (генеральный директор — Леонид Жуков): независимая культура развивается пока с большим

трудом и сложностями. Появляются новые независимые литературные журналы («Третья модернизация», «Вестник новой литературы», «Бланк», «Лабиринт/Эксцентр»), свободно организуются выставки и концерты... Однако при нынешнем повороте культурных институтов от идеологии к коммерции, к первобытным рыночным отношениям прямого спроса любое серьёзное и долговременное начинание в области культуры, не поддержанное финансово, обречено на гибель.

Материальная помощь, которую Гуманитарный фонд щедро оказал новым журналам «Лабиринт/Эксцентр» и «Знак», позволяет надеяться, что назначенное им же пособие не будет единовременным.

<1991?>

(Василий Кондратьев)

Быково

МОЛЧАНИЕ
(инсценировка рассказа
Николая Байтова «Silentium»)

Действующие лица:

Рассказчик
Мишка
Федька
Маруся
Настя
Странник
Игумен

СЕНТЯБРЬ

27

пятница

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

На обочине дороги

На сцену выходит Рассказчик.

Рассказчик: — Эконом велел заквасить капусту. Мишка с Федькой поехали, нагрузили воз, да на обратной дороге сломали ось. Телега присела на задок, кочаны посыпались.

На сцену из-за кулис выкатывается колесо и несколько кочанов капусты. Следом появляются Мишка и Федька. Мишка с руганью поднимает колесо и уносит, Федька собирает кочаны в кучу, выносит из-за кулис несколько новых.

Мишка (из-за кулис): — Федька, а топор где?

Федька: — Кажись, в монастыре позабыл.

Мишка (появляется): — Вот ведь искушение! Чем ось поправить-то?

Пауза. Из-за кулисы выходят Маруся и Настя.

Рассказчик: — Шли мимо бабы-молодухи с базара.

Федька: — Бабоньки, у вас топорика нет часом?

Маруся: — Ха-ха-ха! нет топорика, а вот есть пива ведро.

Мишка: — Не тяжело нести? Могём полегчить.

Настя: — А мы належке.

Федька: — Ну так потяжелить?

Маруся: — Ха-ха-ха! На хера ты годишься! Стриженный, поди?

Федька: — А хоть бы и стриженный! Ты вперёд погляди, а после посмеёмся.

Настя: — А не прокис грешить-то, олух капустный?

Рассказчик: — Федька ещё что-то едрёней шутил, бабы вовсе развеселились и присели на земляничный пригорок. Пошла гулянка.

Бабы с громким смехом садятся на пригорок. Мишка с Федькой подходят к ним, по очереди пьют из ведра.

Рассказчик: Потом с опушки показался странник.

Появляется странник и молча останавливается поодаль. Рассказчик обходит его и удаляется со сцены.

Мишка (*вспомнив про дело*): — Эй, человек божий, есть топор?

Странник: — Топор.

Мишка: — Ось, вишь, сломалась, надо новую.

Странник: — Новую.

Мишка: — Ну так я и говорю: топор у тебя есть?

Странник: — Есть.

Мишка: — Давай.

Странник (*по-прежнему неподвижный*): — Давай.

Мишка подходит к страннику ближе. Федька поднимается.

Мишка: — Давай, где он у тебя?

Странник (*глядя Мишке в глаза*): — У тебя.

Мишка растерянно оглядывается по сторонам.

Мишка: — Что у меня?

Странник (*не отводя от Мишки взгляда*): — У меня.

Мишка (*вздрагивает и подходит к страннику вплотную. Грозно*): — Ты это что, дядя, шутки взялся шутить?

Странник: — Шутить.

Мишка: — Шутить? А в рыло?

Странник: — В рыло.

Мишка (*бьёт его по уху*): — Ну так на!

Странник (*не пытаясь заслониться, невыразительным голосом*): — На!

Федька подходит ближе и смеётся, Мишка вторит ему.

Федька: — Тьфу ты! Прости Господи! Помрачение дьявольское, не иначе!

Маруся и Настя (*с пригорка*): — Да он убогий! Про него на базаре сказывали. Он говорить не может ничего, только повторяет.

Мишка (*ворчит*): — Убогий! Понимает же, однако... Ведь не дурак же — вон как смотрит... Чего, дядя, смотришь?

Странник: — Смотришь.

Мишка: — То-то, «смотришь»... Напугал ты меня...

Странник: — Меня...

Мишка: — Ох, искушение, что ты будешь делать. (*Обращается к Федьке.*) Слушай, дай ему копейку, пусть идёт.

Федька (*лезет в карман*): — На, человек божий, уж извиняй нас...

Странник: — Нас.

Федька: — Иди с Богом.

Странник (*продолжая стоять*): — С Богом.

Федька: — Зря мы тебя...

Странник: — Тебя.

Федька: — А, надоел.

Федька машет рукой и возвращается к бабам. Мишка, немного помявшись возле странника, неловко отворачивается от него и идёт следом за Федькой. Странник по-прежнему стоит на дороге неподвижно, как будто охраняя сваленные с телеги кочаны.

Появляется Рассказчик.

Рассказчик: — Беззаботная пирушка поломалась. Молодухи поджались, вытянули лица и, переждав малое время, завязали свои мешки и отправились. Мишка ушёл с ними в деревню звать на подмогу.

Маруся и Настя уходят, следом Мишка. Федька крестится, ложится на пригорке и засыпает. Молчание.

Рассказчик: — Вскоре из-под горы появляется коляска с игуменом, который возвращается в монастырь.

За кулисами слышен шум коляски. Федька поднимается и смотрит. Рассказчик уходит.

Игумен (*невидимый, вознице*): — Стой! (Пауза.) Фёдор, что это у вас стряслось?

Игумен выходит на сцену.

Федька: — Да вот ось поломалась, отче.

Игумен: — Ну так починяйте...

Федька (*смущённо чешется*): — Топора нет, отче. Михаил побёг на деревню...

Игумен: — Так Михаил с тобой?.. (*Переводит взгляд на странника.*) А этот — что?

Федька: — Да вот пристал какой-то убогий. Ничего не говорит, только слова повторяет... И стоит здесь столбом.

Игумен (*всматривается в странника*): — Я знаю этого человека. (Пауза.) Десять лет назад, при игумене Павле, он приходил. Пожил некоторое время, потом исчез. Мне он запомнился, я хочу с ним поговорить. (Пауза. *Страннику.*) Эй, поедешь со мной в монастырь?

Странник: — В монастырь.

Игумен: — Да, в монастырь. Полезай на козлы.

Странник: — На козлы.

Игумен идёт за кулисы, странник за ним.

Возница (*невидимый*): Но-о!

Звук отъезжающей коляски.

ЗАНАВЕС

(Инсценировка рассказа Николая Байтова «Silentium»)

→ 7 октября: Молчание, 2

СЕНТЯБРЬ

28

суббота

Кооператив «Обертон»
Для предоставления в Должицкий сельсовет
Плюсского р-на Псковской области

ХАРАКТЕРИСТИКА

Настоящая выдана тов. Останину Борису Владимировичу, 1946 г. рождения, русскому, б/п, проживающему по адресу: г. Ленинград, Красногвардейский пр., д. 36/2, кв. 46, женатому, имеющему 2 детей.

Тов. Останин Б. В., главный редактор коммерческого издательства «Обертон», работает в указанном издательстве с 1.01.1990 г. За этот период зарекомендовал себя как грамотный, профессиональный сотрудник, дисциплинированный, инициативный, безотказный в исполнении всевозможных обязанностей. Поддерживает добрые товарищеские отношения с сотрудниками, а также прекрасные отношения в семье. Нареканий и взысканий не имеет.

Администрация убеждена в том, что т. Останин Б. В. достойно справится с содержанием в надлежащем состоянии приобретаемого им дома и приусадебного участка.

Коммерческий директор Э. О. Яковлев
Нач. отдела кадров А. С. Михайлец

27 сентября 1990 г.

Юри Аррак, Люди с вещами

Сучка с сумочкой

Не закрывайте личико тряпицею
 Ведь ничего вам скоро не останется
 Я мог болтаться меж двумя столицами
 Но я не знаю с кем придется кланяться

Прятели кругом одно невежество
 Неверие и нету информации
 Ах девушки ах прелесть вашей свежести
 Для истины ещё одно препятствие

Гремит ли барабан иль плачет дудочка
 Мне всё едино если это правильно
 Но если рядом ходит сучка с сумочкой
 Я не уверен в том что это правильно

Зачем скажи я не уверен в будущем?
Ведь прошлое звучит струна нестройная
А настоящее я встречу в булочной
Ах новое, такое нестройное

Но есть залог что всё прекрасно в будущем
Не пыль и зной а облачко приятное
Волшебный миг — приходит сучка с сумочкой
В ней каждое движенье непонятное

Ах этот миг как горькое варение
Пусть пиво бродит в бочке рядом с солодом
Ведь жизнь могла быть чистое парение
Но небо пролилось дождём и холодом

Не стало наслаждений ни одежд
Проходит мимо армия в сорочках
Её сердца расположились между
Как будто звук в пяти линейных строчках

В пяти концах растягивалась нить
И насекомое не хочет жить
Оно дышать не хочет тем не менее
Никто не может знать его намеренья

1968

(Анри Волохонский, Алексей Хвостенко)

ОКТЯБРЬ

Для того, чтобы понять Бориса Останина, нужно поверить в маловероятную вероятность: однажды на свет родился человек, которого Господь освободил от зла. Представьте человека, *лишённого зла*, и попробуйте понять его судьбу, его жизненное пространство, его отношения с людьми, в которых зло обычно выступает в таких многообразных ипостасях, в таких смесях, что, кажется, близок к истине Иосиф Бродский, сказавший как-то, что в современном мире границу между злом и добром провести невозможно. Представьте: человек знает, что на свете есть добро и зло, хорошее и плохое, но это разделение его не касается, потому что Господь лишил его разума «око за око». И, следовательно, в житейских ситуациях постоянно вырисовывается какая-то странная недееспособность, странность, которая не угрожает вам, но которая может вас раздражать, вам хочется перейти на язык поучений и поправок. Вы, того не понимая, начинаете учить Останина «правильному ответу» на ситуации, на поведение людей, начинаете учить злу, т.е. *быть как все*. Нормальный человек, между тем, хочет кого-то обскакать, кому-то доказать, что его, нет, голыми руками не возьмёшь, нормальный человек хочет над кем-то и во имя чего-то одержать победу, кому-то отомстить, кого-то провести, к кому-то втереться в доверие, нормальный человек хочет успеха, славы... Отберите у нормального

ОКТЯБРЬ

1

вторник

человека все эти побуждения, посмотрите, что от него останется — и останется ОСТАНИН.

Нормальный человек должен, чтобы добиться успеха, прежде всего добиться победы над самим собой, преодолеть свои слабости, влечения, свою лень, беззаботность — победить в себе Адама, без этого не станешь ни кандидатом наук, ни писателем, ни начальником ЖЭКа. Останин *не добился ничего*, но он вошёл в жизнь очень многих людей, людей озабоченных, а часто подавленных своими проблемами, вошёл как свободный гость в камеру заключённого, в камеру, замкнутую наказанием и виной. Нет, он не приносит с собой ни бомбы, ни напильника, может быть, — коробку зефира, но главное — духовную сторону освобождения.

Останин оказался одной из центральных фигур Культурного движения, потому что движение добивалось духовного освобождения, не требуя для себя ни власти, ни социального доминирования. Это были проблемы поэтов, писателей, он же не был ни тем, ни другим, ни третьим. Но он был с нами, уже потому что был свободен всегда. Он был моральным образцом бескорыстия, лёгкости, свободы в окружении нищеты, страха и подавленности. В то время как многие официалы и неофициалы старались отделиться от эпохи, забирались в скорлупы и корсеты культуры, Останин размачивал чёрствость доставшейся доли *игрой*. Ничто так не поддаётся произвольным трансформациям, как человеческие отношения. Ничто так не противоречит принудительному детерминизму вещей, науки, времени, как способность человека к творчеству — и прежде всего творчеству художественному и творчеству новых отношений.

Старый режим пал не потому, что кто-то бил молотом по его шестерёнкам. Режим пал потому, что с него была сорвана маска. Происходящее ближе к театру, где дей-

ствием движут реплики, сценические интриги, а не к сшибкам социального катаклизма. Когда оказывается, что роль молодого любовника играет старикан, представление разваливается, и если продолжается, то по законам другого жанра.

Борис Останин — переводчик и редактор. Первый стоит между двумя языками, второй — между автором и читателем. Его призвание — человеческие отношения, и именно это качество сделало его переводчиком (отношения языков) и редактором (войти в отношения между автором и читателем, одновременно находясь на стороне и первого, и второго). Он не позволил этим занятиям растворить себя как человека. Его страсть — преподносить людям праздничные сюрпризы, потому он с такой серьёзностью относится к награждениям премией <Андрея Белого> и так тщательно иногда, будучи человеком искренним, скрывает свои несерьёзные затеи.

Он, если подыскивать литературный аналог, более всего похож на князя Мышкина. Но, зная Бориса Останина, можно понять дефекты знаменитого литературного образа. Представьте: вы лишены способности ко злу. Вы не совершили ни одного поступка во зло другому человеку. Ваша жизнь — что-то вроде идеального алиби. Но в том, что вы делаете и говорите, какие-то люди усматривают нечистые умыслы и корысть. Вас это ранит в самое сердце. Несправедливый мир не озлобил моего друга, но свобода от зла не сделала его счастливым, во всяком случае, более счастливым, чем другие.

<Продолжение утрачено>

(Борис Иванов, 1980-е?)

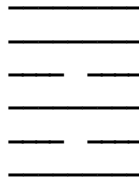
ОКТЯБРЬ
2
среда

Испанский романс

37. Цзя-жэнь. Домашние.

ОКТЯБРЬ
3
четверг

Благоприятна женщине стойкость.

1

Замкнись и заведи свой дом.

— Раскаяние исчезнет.

2

Ей не за кем следовать, а дело её в том, чтобы сосредоточиться на удовольствии.

— Стойкость к счастью.

3

Когда среди домашних суровые окрики, то будет раскаяние в строгости, но будет и счастье.

Когда же жена и дети болтают и хохочут, — в конце концов, будет сожаление.

4

Обогащение дома.

— Великое счастье.

5

Царь приближается к обладателю семьи. Не принимай этого близко к сердцу.

— Счастье!

6

В обладании правдой — суровость.

— В конце концов, — счастье!

(«Книга перемен», машинопись, 1970-е)

→ 18 января/2020: И-Цзин, 3

Дорогой Борис,

спасибо за Ваше хорошее письмо от 14-го июля. Жаль, что оно опоздало. Я долго ждал Вашего ответа <...> и в первых числах августа улетел в Москву обеспечить переиздание, так как я знал, что книгу <«Переход»> ищут. Я договорился с издательством «Новости», передал им деньги, намеченные для Вас, и заключил договор на единичный выпуск книги, тиражом в 50 000. Книга выйдет в октябре-ноябре 1993 года, и они как-то расплатятся со мной. Договор истекает 31 декабря 1993 года.

Вернувшись домой <в Австралию>, я нашёл Ваше письмо, ждавшее меня более 2-х месяцев. Жаль, что так получилось.

Вы пишете, что всё ещё хотите издать мою книгу вместе с книгой Кирсона. Я рад этому и посылаю Вам нужное разрешение. Учтите, что, так как авторские права остаются за мной, Вам будет нужно указать: «Печатается с разрешения автора», или «Права остаются за автором», или что-нибудь в этом роде.

Поездка и все расходы расстроили мои финансы, но Вы издаёте хорошие и нужные книги, и мне хотелось бы помочь Вам. <...>

Если будете издавать, вышлите мне две книги воздушной почтой и отложите для меня 50 книг по себестоимости за мой счёт.

Вчера получил две книги Вашего издания, большое спасибо. Хорошо изданы, с интересом будем их читать.

Шлём привет и желаем Вам и издательству полных успехов.

Пётр Калиновский.

<1993>

ОКТАБРЬ

5

суббота

Жан Эффель

Разговаривают два математика. Как узнать, кто из них интроверт, а кто экстраверт?

Ответ: Тот, кто смотрит на свои ботинки, — интроверт, а кто на чужие — экстраверт.

(Слышал от Виктора Лапицкого)

ОКТАБРЬ

6

воскресенье

Молчание

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

В келье игумена

Звон колоколов к вечерне.

Игумен (*хмурится и о чём-то думает. Страннику*): — Садись.

Странник (*продолжает стоять*): — Садись.

Игумен (*продолжает думать*): — Я не знаю, ради чего ты безмолствуешь. Ради Христа?

Странник: — Христа.

Игумен: — Или нет?

Странник: — Нет.

Игумен: — Вот видишь...

Странник: — Видишь.

Появляется Рассказчик.

Рассказчик: — Игумен вдруг живо увидел всё множество людей, которые встречались страннику в разное время. Там были люди глумливые, они смеялись и произносили ругательства... Игумен даже не смог помыслить какое-нибудь из этих ругательств, — так ему это было отвратительно... А странник всё повторял... Наверное, говорили и богохульства... (*Выходит.*)

Игумен: — Я ни разу не видел, чтоб ты крестился... Перекрестись.

ОКТАБРЬ

7

понедельник

Странник: — Перекрестись.

Игумен поворачивается к образам и медленно кладёт на себя крестное знамение. Потом смотрит на странника. Тот стоит неподвижно.

Игумен: — Мы слишком многое себе воображаем, и мы же многое боимся вообразить...

Странник: — Вообразить.

Игумен: — А вот — без ничего — мы смогли бы любить Бога? Ответь?

Странник: — Ответь.

Игумен: — Я молюсь. И конечно, Тот, Кому я возношу молитвы, — Он есть. Это несомненно. Сама молитва этому свидетельство. Но вот из чего берётся всё остальное? Это Он мне отвечает?

Странник: — Отвечает.

Игумен: — Не знаю. А если это я выдумал? Или другие выдумали?

Странник: — Выдумали.

Игумен: — А если моя молитва тщетна и нет никакого ответа, — что же мне? перестать молиться?

Странник: — Молиться.

Игумен: — Вот видишь...

Странник: — Видишь.

Игумен: — А силы?

Странник: — Силы.

Игумен: — Силы не безграничны. Любой может отчаяться...

Странник: — Отчаяться.

Игумен: — Отчаиваться нельзя... Возьми простого верующего. Он молится Богу, а кроме того верит во множество всяких сущностей: в бесов, в ангелов, в рай, в ад, в мощи и в иконы чудотворные... Он живёт словно в облаке... А развейся вдруг это облако и останься он как бы в наготе, ведь он Бога-то потеряет, вот чего я боюсь...

Странник: — Боюсь.
Игумен (*нахмурившись*): — Боишься? А ты не бойся!
Странник: — Не бойся.
Игумен: — Вот то-то. За себя лучше думай.
Странник: — Думай.
Игумен: — А я вот думаю, — можешь ты мне ответить? — а как Царство Божье?
Странник: — Божье.
Игумен: — Оно — есть?
Странник: — Есть.
Игумен: — Есть или нет?
Странник: — Нет.
Игумен: — Значит, это всё равно для тебя?
Странник: — Для тебя.
Игумен (*кивнув*): — Значит, и Царства не ради.
Странник: — Не ради.
Игумен: — А — умрём?
Странник: — Умрём.
Игумен: — И если — ничего?
Странник: — Ничего.
Игумен: — И — всё равно?
Странник: — Всё равно.

Молчание. Входит Рассказчик.

Рассказчик: — Игумен смолк надолго. Непомерная усталость ощутилась вдруг сразу во всём теле. Он присел на койку. Спустя время, начал мысленную молитву, но слова поплыли, запутались, он начал дремать.

Игумен поступает по словам Рассказчика: садится на койку, молится, дремлет.

Рассказчик: — Потом он вздрогнул, заслышав движение в келье, и очнулся.

Странник стоит перед аналоем и что-то пишет в большой книге. У ног его лежит тощий развязанный мешок.

Рассказчик: — «Это он оттуда достал книгу, — подумал игумен, — он с собой её носит».

Игумен встаёт, чтобы подойти к страннику и посмотреть, что тот пишет. Это даётся ему с большим трудом. Игумен приближается к Страннику, заглядывает ему через плечо.

Рассказчик: — Это толстая кипа листов, прошитая грубой бечёвкой. Перед странником стоит чернильница, тоже, видно, с собой принесённая. Он макает туда перо и криво, громадными буквами, царапая бумагу, пишет слова в столбик.

На большом экране на стене строка за строкой появляются слова, которые пишет Странник. Игумен повторяет их. Рассказчик сопровождает его слова жестами сурдоперевода.

АГРАФЕНА

ИВАН

ПРОХОР

МАРЬЯ

НИКОЛАЙ

ПЁТР

ИВАН

МАВРА

МИРОН

ПЁТР

ВАСИЛИСА

ЛУКЕРЬЯ

ПЕЛАГЕЯ

ПАНТЕЛЕЙ

ИВАН

ЕФИМ

Игумен: — Помянник? (Пауза.) Это ему подавали милостыню и говорили, кого помянуть, а он теперь записывает... Так и говорили по одному имени, чтобы он повторял... А это что такое?

На экране продолжают появляться слова. Игумен читает их, Рассказчик жестикулирует, переводя строки одну за другой на язык глухонемых.

ТОПОР
НОВУЮ
ЕСТЬ
ДАВАЙ
У ТЕБЯ
У МЕНЯ
ШУТИТЬ
В РЫЛО
НА
СМОТРИШЬ
МЕНЯ
НАС
С БОГОМ
ТЕБЯ
В МОНАСТЫРЬ
НА КОЗЛЫ

Рассказчик: — Тут игумен что-то вспомнил и догадался: «Он пишет все слова, которые произнёс!»

Игумен (*со страхом оглядывая толщину исписанных листов*). — Это за все годы молчания? С самого начала?..

Странник переворачивает страницу.

Рассказчик: — Игумен увидел, что это последний лист в книге: дальше идёт доска, к которой на гвоздиках привязана верёвка, скрепляющая листы... Приближаясь к низу, странник пишет всё медленней и крупнее.

Рассказчик уходит из кельи.

Игумен (*молча сопровождает появляющиеся на экране слова жестами сурдоперевода*):

САДИСЬ
ХРИСТА
НЕТ
ВИДИШЬ
ПЕРЕКРЕСТИСЬ
ВООБРАЗИТЬ

ОТВЕТЬ
ОТВЕЧАЕТ
ВЫДУМАЛИ
МОЛИТЬСЯ
ВИДИШЬ
СИЛЫ
ОТЧАЯТЬСЯ
БОЮСЬ
НЕ БОЙСЯ
ДУМАЙ
БОЖЬЕ
ЕСТЬ
НЕТ
ДЛЯ ТЕБЯ
НЕ РАДИ
УМРЁМ
НИЧЕГО
ВСЁ РАВНО

Игумен подаётся далеко вперёд, заглядывает...

Игумен (*просительно*): — Можешь ты мне дать это прочесть? Всё это. С самого начала.

Странник (*не оборачиваясь, громко*): — Нет!

И закрывает книгу.

ЗАНАВЕС

(Инсценировка рассказа Николая Байтова «Silentium»)

Преимущества еврейского народа.

В этих разысканиях еврейский народ влечёт к себе моё внимание прежде всего обилием удивительных и необыкновенных вещей, случившихся в его истории.

Я вижу прежде всего, что этот народ весь состоит из братьев; тогда как другие народы образовались из соединения множества семейств, этот, хотя и такой многочис-

ленный, весь произошёл от одного человека, и, будучи все одной плотью и членами друг друга, они составляют могучее племя из одной семьи, — вещь в своём роде единственная.

Эта семья или этот народ — самый древний из всех известных людям, что, как мне кажется, вызывает к нему особое почтение. И более всего в наших разысканиях; ведь если Бог всегда общался с людьми, то за преданиями об этом следует обратиться к ним.

Народ этот не только необыкновенно древний, но и удивительно стойкий: жизнь его непрерывно длится от зарождения его и доныне; тогда как народы Греции и Италии, Лакедемона, Афин и другие, пришедшие много позже, давно погибли, он продолжает жить, наперекор всем стараниям многих могучих царей, сотни раз пытавшихся его погубить, как о том свидетельствуют его историки и как можно о том судить по естественному порядку вещей на протяжении столь долгих лет. И всё-таки он всегда выживал, и это выживание было предсказано. И простираясь от изначальных времен до нынешних, его история включает в себе истории всех наших народов.

Закон, который правит этим народом, есть и самый древний закон в мире, и самый совершенный, и единственный, который неизменно хранился в государстве. Это замечательно доказывают Иосиф («Против Аппиона») и Филон Александрийский; из разных текстов у них видно, что закон этот столь древний, что другие древнейшие народы и само слово «закон» узнали только более тысячи лет спустя, так что Гомер, описавший историю многих государств, этого слова ни разу не употребил. А его совершенство легко понять из простого чтения: мы видим, что он обо всем позаботился так мудро, так справедливо и так осмотрительно, что и самые древние законодатели у греков и римлян, немного о нём наслышанные, позаимствовали из него свои главные законы, что видно из того сво-

да, который у них называется Двенадцатью таблицами, и из других доказательств, приводимых Иосифом.

Но этот закон в то же время — самый суровый и строгий в том, что касается до отправления их религии; он обязывает народ под страхом смерти соблюдать множество мелких и обременительных правил, так что поразительно, как этот закон неизменно хранился на протяжении стольких веков таким своевольным и пылким народом, тогда как все другие государства меняли время от времени свои законы, куда более мягкие.

Книга, которая первой заключила в себе этот закон, сама есть древнейшая книга в мире; книги Гомера, Гесиода и прочих появились только шесть или семь сотен лет спустя.

<...>

Чистосердечие иудеев.

Они проносят с собой любовно и преданно эту книгу, в которой Моисей объявляет, что они были всю свою жизнь неблагодарны к Богу, что ему ведомо — они станут ещё неблагодарнее после его смерти, но что он призывает небо и землю в свидетели против них, что он их достаточно многому (научил).

Он объявляет, что Бог, разгневавшись на них наконец, рассеет их по всем земным народам, что как они раздражали Его, поклоняясь богам, которые не были их богами, так и Он раздражит их, призвав народ, который вовсе не Его народ; и Он желает, чтобы все Его слова были сохранены навеки и чтобы книга Его была помещена в ковчег завета и всегда свидетельствовала против них. — Исайя. Исайя говорит то же самое. 30. 8.

(Блез Паскаль)

ОКТАБРЬ

9

среда

Нюша от Володи

Один американец приезжает с семьёй во Францию, по совету своего приятеля-гурмана отыскивает под Парижем дорогой пятизвёздочный ресторан, прославившийся мясными блюдами и соусами, и заказывает обед. В знак уважения к иностранцам обслуживает их сам шеф-повар, приносит то и другое, но вскоре американец замечает, что на столе нет кетчупа, и сообщает об этом шеф-повару. Тот с изумлением и непониманием смотрит на американца, потом молча идёт на кухню, возвращается с пластмассовым ведёрком — и с криком: «Вот вам кетчуп! Вот вам кетчуп!» выпрастывает его содержимое на стол.

ОКТАБРЬ

10

четверг

ОКТЯБРЬ

11

пятница

Волигамси (Исмагилов)

ОКТЯБРЬ

12

суббота

Октябрь месяц этого года я прожил в одиночестве, в некотором дачном месте, в шестидесяти километрах от города. Разнообразные чувства обуревали меня в этот долгий месяц, но из приятных самым сильным было наслаждение, испытываемое от этого самого одиночества, тишины и поздней осени. Строго говоря, я жил не один, со мной жили кошка и одиннадцать кур — их я должен был поить и кормить и при случае оберегать от набегов хищной соседской собачки, уже удавившей одну курицу, отчего остальные теперь панически этой собачки боялись.

Жизнь моя текла просто и размеренно, о чём я давно мечтал и чего никак не мог достичь в городе. Вставал я рано, кормил кур и кошку, ходил за молоком, топил плиту, завтракал, прохладился минут двадцать на участке, наблюдая опять-таки кур, потом сидел за скрипучим столиком у окна с карандашом в руке и с переменным успехом

снова наблюдал кур и неохотно готовящуюся к зиме природу. И снова топил печку, кормил кур и кошку, обедал, потом пытался опять сидеть с карандашом, или гулял, или читал, и т. д. и т. д., потом тянулись вечерние часы, потом ночные часы «с криками петухов в полночь, перед зарёй и в зорю», и всё снова, и всё сначала...

О внешней канве моей жизни за этот месяц рассказывать нечего, если же обратиться к внутренней моей жизни, то, как и многим, наверное, мне кажется, что о ней, о внутренней моей жизни, нельзя ни в сказке сказать, ни пером нельзя её описать. Здесь же я хочу рассказать, собственно говоря, не о своей внешней или внутренней жизни за этот месяц, а о жизни кур, которая непринужденно текла буквально перед моим носом и спокойная естественность которой нарушалась лишь встречным ко мне куриным любопытством. <...>

...забота о вверенных мне Юлией Андреевной курах меня не обременяла, за исключением трёх или четырёх ночей, в которые, преодолевая укоренившуюся в курах привычку, я занимался их переселением из летнего курятника в зимний, ловя их, испугавшихся, за что попало в тёмном и загромождённом сарае — летнем курятнике, — и по одной, по две и по три таская в более утеплённое помещение — зимний курятник, где каждый раз ещё с полчаса светил им, курам моим, свечкой в окошко, чтобы они могли утомиться, рассевшись там на специально приготовленных мною жердях. Забота о курах меня не обременяла, за исключением ещё тех случаев, когда куры от набегов всё той же собачки, оставляя на родной усадьбе лишь сырые перья, разбегались, попутно взлетая на дома и сараи, далеко по окрестностям и в ближайший лесок, откуда я потом с помощью доброжелательно настроенных соседей изгонял некоторых из них восвояси, на собственную их территорию (остальные же обычно возвращались к утру самостоятельно). За исключением всех этих случаев, мои заботы о курах

сводились лишь к их незатейливому кормлению: утром и вечером — пшено, по полкилограмма пшена (28 копеек за килограмм), пшено они явно предпочитали другим крупам, перловке например, — недаром в поговорке: «голодной курице просо снится» упоминается именно просо, а не что-либо иное; в обед же, если не было завозимого Юлией Андреевной из города своеобразного, но очень питательного комбикорма, я варил курам картофель в мундире, из которого с помощью пустой пол-литровой бутылки наминал солидную кастрюлю прекрасного картофельного пюре, которое куры с большим удовольствием, правда, в несколько приёмов, но до последней крошки поедали...

<...>

Куры, куры... Кур всегда называют курами, то есть всех кур — кур мужского и женского рода; и хотя где-то там подразумевается, что куры — это и куры и петухи, но женский смысл слова «куры» преобладает, и бедные петухи в курах этих, абстрактных курах женского рода, растворяются, и абстрактно торжествует женское куриное начало. А когда-то было не так, «куры» твёрдо значило «все куры», то есть и те и другие, и петух назывался не только петухом, но и куром, петух — это был кур. А слово «петух», как я недавно узнал из одной книги и о чём никогда почему-то самостоятельно не задумывался, происходит от слова «петь»: петь — петел — петух.

Так вот, петух был когда-то куром, и тогда слово «кур» не несло в себе оттенка унижения мужского петушиного достоинства. Когда-то было совсем наоборот, — не скромная кура, а красавец кур-петух считался в те древние времена священной птицей: он возвещал время и ход ночи, он первый своим криком встречал, приветствовал встающее над землею светило — красное солнце. И как бы ни менялся в нас и для нас смысл слов, истинный петух, не обращая ни на кого внимания, всегда помнит своё былое величие и достойно блюдет себя и в оперении, и в осанке, и в благо-

родной снисходительности к матерям, сестрам, женам и к молодому поколению.

Вот именно таким благородным, блюдущим себя петухом был тот петух, что завоевал этой осенью мою столь сильную симпатию. Много я видел петухов на своем веку, может быть, даже и более крупных и более красивых оперением, чем этот, но уж так сошлись все обстоятельства, что именно в этом петухе наиболее полно выразилось для меня понятие кур-петух. Слов нет, петух этот очень красив: роскошный крупный гребень, тяжело колышущийся, полный алой и горячей — потрогайте-ка его — петушиной крови, как крупная рубиновая или золотая корона, спускающийся даже немного ниже черепа, на загривок, на шею, — поистине золотой гребешок. Да и под стать гребню роскошное оперение. Это был не белый петух и не чёрный петух, это был и не просто пёстрый петух — это был петух огненный. Будто высыпали перед вами кучу раскалённых углей и кусков металла, и словно куча эта теперь остывала на ваших глазах, держа в себе и красное, и золотое, ещё горящее и уже подёрнутое пеплом, бурое, ржавое, цвета свернувшейся крови, и те иссиня-чёрные с зелёным отливы, что называются «цвета воронова крыла» или цвета воронёной стали. Это был калёный-перекалённый петух. (Бывали когда-то калёные стрелы, а то был калёный петух.) От головы на грудь и спину ниспадал у него пышный и золотой воротник, а у основания иссиня-чёрного хвоста, утончённые и изящные, вились, завивались, кудрявились лёгкие пёрышки ржаво-красного цвета...

А осанка! Слов нет, в ней выражается сознание или ощущение, как вам больше понравится, всей этой великолепия своего оперения и короны, а главное — знание, убеждённость в священности своей особы, сознание породы, уходящей корнями в дремучую древность...

(Олег Базунов. Собаки, петухи, лошади // Холмы, освещённые солнцем, 1977)

ОКТАБРЬ

13

воскресенье

С Игорем Чернышёвым (в центре) и его мамой
Марией Петровной на танкодроме в Каменке

Купальщики

Кто, чернец, покинув печку,
Лезет в ванну или тазик —
Приходи купаться в речку,
Отступись от безобразий!

Кто, кукушку в руку спрятав,
В воду падает с размаха —
Во главе плывёт отряда,
Только дым идёт из паха.

Все, впервые сняв одежды
И различные доспехи,
Начинают как невежды,
Но потом идут успехи.

Влага нежною гусыней
Щиплет части юных тел
И рукою водит синей,
Если кто-нибудь вспотел.

ОКТАБРЬ

14

понедельник

Если кто-нибудь не хочет
Оставаться долго мокрым —
Трёт себя сухим платочком
Цвета воздуха и охры.

Если кто-нибудь томится
Страстью или искушеньем —
Может быстро охладиться,
Отдыхая без движенья.

Если кто любить не может,
Но изгладан весь тоскою,
Сам себе теперь поможет,
Тихо плавая с доскою.

О река, невеста, мамка,
Всех вместившая на лоне,
Ты не девка-полигамка,
Но святая на иконе!

Ты не девка-полигамка,
Но святая Парасковья,
Нас, купальщиков, встречай,
Где песок и молочай!

(Николай Заболоцкий, 1928)

О Борисах из «Часов»

Не буду в своём выступлении касаться тонких материй. Мои слова — о людях, Борисе Иванове и Борисе Останине. Знаю я их вот уже лет сорок, можно сказать, что дружим. Иногда редко встречаемся, иногда часто. Мои наблюдения (как любят говорить сейчас, включённые) заставляют меня *восхищаться ими*. Это — подлинные русские интеллигенты, наследники просветителей XIX века, бескорыстно преданные культуре. Нищие и полуголодные, они отдавали

всё своё время и энергию на собирание, редактирование, печатание, переплёт сотен толстых журналов. Они представили платформу практически всем более-менее талантливым людям второй (неофициальной) культуры. И понесли их труды в массы.

Что двигало ими? Абстрактная любовь к культуре ни о чём не говорит, мало ли как можно любить Ея Высочество! Ими двигала любовь *к самим людям*: к авторам, обречённым на одиночество и самоубийство, к читателям, которые жаждали приобщиться к новым, неизвестным советским людям пластам мировой культуры.

Согласно Платону, Диотима учила, что связным между Богами и людьми является Эрот-философ (недаром греки изображали Гермеса возбуждённым созерцанием Коры-Персефоны). Культура, понимаемая в самом широком смысле — от земледелия до храмового и мистериального служения, — это виртуальное поле, в котором живут Боги. «Часы» были передаточным механизмом между ними и людьми. Любители аналогий могут уподобит журнал фаллосу, а его издателей — гермесам (герменевтам). Какой кайф они от этого получали? Они утопали в роскоши человеческого общения.

Низкий им поклон за их самоотверженную работу, аскетизм, и прочая, и прочая...

Владислав Кушев, один из авторов журнала «Часы»,
ректор Института Нового человека.

12 октября 2011

*(Выступление на вечере,
посвящённом 35-летию журнала «Часы»)*

— Эй вы, херувимы и серафимы! — сказал Остап, вызывая врагов на диспут. — Бога нет!

— Нет, есть, — возразил ксёндз Алоизий Морошек.

(Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой телёнок, 1931)

Борис Свешников

ОКТАБРЬ

17

четверг

Нет, спасательный круг кавычек не выносит ослов вне текста, не оберегает их от потопления в письме *inter duo* «птичками», скажем кайрами (*Ugia*), тонко- и толсто-клювыми... увы, выяснить, о которой из них идёт речь, можно, лишь сравнив их обеих, что невозможно — у нас лишь одна... ёлочка?.. лапочка?..

Так же невозможно понять — вне внешней системы отсчёта — о синусе идёт речь или о косинусе... или же, вне контекста, о котором это синусе... и даже глагол или существительное слово «синусит». А русское ухо (не французское, функция которого — *entendre*), того и гляди, кое-где не уловит разницы между ослами и годами.

Пожалуй, пора честно ответить на вопрос, поставить который давно уже стоило (я, если бы мог, уклонился бы от ответа). Нет, ещё не было кавычки, закрывающей начальную. Неизвестно, будет ли продолжаться текст, если мы до неё доберёмся, но что он станет другим — несомненно.

ОКТАБРЬ

18

пятница

Ясно, что влажный глаз, бегущий по насту настоящего текста (не знаю, как быть с сухим ухом), обязан несмотря ни на что ожидать второй — закрывающей кавычки — пусть даже там, «дальше-дальше» (Норвид), — чтобы призвать к закону дискурс, начавшийся с, кавычка открывается, «Комиксы. Но после предыдущей фразы ожидание удваивается — стандартное сдваивание следов, свойственное другим оторопелым длинноухим (метонимия?).

След ослов, тень ослов, тень от слов...

Давайте предположим, что в конце текста нас не ждёт порванная финишная ленточка замыкающей кавычки — или теперь уже ряд кавычек? что текст останется отомкнутым для глаза и замкнутым для уха — отточием... оно заметно...

Неурочное наличие начальной кавычки и вероломное непорочное отсутствие конечной — и вот наш текст единственной кавычкой, одним махом лишён сразу и начала, и конца.

Посему весь текст воспринимается в иной модальности. Мы никуда не ушли от ослов. Быть может, это лозунг, быть может, что (почти?) то же самое, — перформатив, быть может, что почти то же самое, — призыв.

Например: кавычка открывается, «Ослы всех стран, совокупляйтесь!», кавычка, глядишь, закрывается.

Или: кавычка открывается, «Ослы оставляют за собою право...

Здесь открывается, кавычка открывается, «новое поэтическое мышление»: не братцы-кролики, а братья ослы из комикса «Fioretti».

Отсутствие закрывающей кавычки, открытость текста во в-не — самозавет, как и автоцитата: «... любая текстовая манипуляция — есть попытка заставить проявиться, т. е. заговорить бытие языка: в нём и без него, т. е. не язык, но пустоту, в которой язык функционирует, результат работы

дискурса, не наполняющего, как думали раньше, но опустошающего, не язык, но его нарушение произведением (текстом, письмом), заключающим в себе свой собственный код, влекущее его в неведомую и невидимую — темнейшую — кузню слова, быть может, называемую безумием».

Итак, новый завет, новое обрезание — отсутствием. Снова обрезанное сердце Писания, обрезанное Слово. Sichelschrift.

Здесь, в заключении, хочу благословить его цитатой. Но прежде не могу отказать себе в удовольствии описать точно её топос.

Василий Васильевич Розанов, дополнение к цитате из его книги «Семейный вопрос в России», приводимой в сноске к письму ссылающегося на неё анонимного читателя его же книги «В мире неясного и не решённого», воспроизведённому в приложении ко второму изданию этой же книги 1904 года. Итак:

«Замечу ещё, что без наружной плоти, в точном виде своём, головка *tembrī virilis* являет *прототип* или *общий тип* устройства *головы* (значит — не органа, а целого почти организма, седалища всех органов ощущения и мозга) всего животного царства, без исключений; и в то же время в себе повторяет форму *сердца*. Достаточно в соответствующем месте наметить глаз, ещё смеженный: и истина этого станет очевидна: » — здесь я прерываю цитату, ибо далее в этом комиксе шло рисованное изображение одного объекта, смежившего очи, и отодвигаю в сторону своё желание пририсовать ему слоновьи уши.

Слоновьи, а не, скажем, ослиные, ведь, на конец, вполне может статься, что загон, на котором написано «Ослы, пуст, ослы здесь нет, тем более что я оставил его отомкнутым: второй кавычки здесь нет.

А. С.-Л. <Скард-Лapidус> 18 июня, летняя ночь

(Виктор Лапицкий. «Комиксы»)

ОКТАБРЬ

19

суббота

Рокуэлл Кент

Скромный Ницше

Михаил Шейнкер об авторе «Пунктиров»: «Останин — это здоровый, весёлый и скромный Ницше».

ОКТАБРЬ

20

воскресенье

ОКТАБРЬ

21

понедельник

Эмблема издательства Чернышёва

ОКТАБРЬ

22

вторник

Ясный и холодный день поздней осени, еду ровной рысцой по большой дороге. Блеск низкого солнца и пустых полей, осеннее безмолвное ожидание чего-то. Но вот вда-

ли, за мной, слышен треск колёс. Прислушиваюсь — треск мелкий, быстрый, треск беговых дрожек. Оборачиваюсь — кто-то нагоняет. Этот кто-то всё ближе, ближе — уже хорошо видна его во весь дух летящая лошадь, затем он сам, то и дело выглядывающий из-за неё и покрывающий её то кнутом, то вожжами... Что такое? А он уж вот он, настигает — сквозь треск слышно мощное лошадиное дыхание, слышен отчаянный крик: «Барин, сторонись!» В страхе и недоуменье виляю с дороги — и тотчас же мимо мелькает сперва чудесная, гнедая кобыла, её глаз, ноздря, новые вожжи сургучного цвета, новая блестящая сбруя, взмыленная под хвостом на ляжках, потом сам седок — чернобородый красавец мужик, совершенно шальной от скачки и какого-то бессмысленного, на всё готового иступленья. Он бешено кидает на меня, пролетая, свой яростный взгляд, поражает свежей красной пастью и смолю красивой молодой бороды, новым картузом, жёлтой шёлковой рубахой под распахнувшейся чёрной поддёвкой — узнаю: богатый, хозяйственный мельник из-под Ливен — и как ветер летит дальше. А пролетев с версту, сразу соскакивает с дрожек. Тут уж я гоню к нему и, приближаясь, вижу: лошадь стоит на дороге и тяжело носит боками, сургучные вожжи висят по оглоблям, а сам седок лежит на дороге возле, лицом книзу, раскинув полы поддёвки.

— Барин! — дико кричит он в землю. — Барин!

И отчаянно взмахивает руками:

— Ах, грустно-о! Ах, улетели журавли, барин!

И, мотая головой, захлёбывается пьяными слезами.

1930

(Иван Бунин, Журавли)

Пицца колдунов

ОКТАБРЬ

23

среда

«Таймс», 19 января 1968 года. Пятнадцать африканцев — двенадцать мужчин и три женщины — были брошены в тюрьму после того, как суд в Форт-Виктории признал их виновными в том, что они съели труп африканского ребёнка, извлечённый ими из могилы. В своих заявлениях полиции обвиняемые говорили: «Мы колдуны, а это пицца колдунов».

(Бэзил Дэвидсон. Африканцы. М., 1975)

ОКТАБРЬ

24

четверг

Приключения Тинтина

ОКТАБРЬ

25

пятница

Я благодарю тех, кто решил присудить премию Андрея Белого моим переводам книг Рене Жирара. Если бы я мог приехать, я, наверное, воспользовался бы тем правом, какое даёт любая премия, — и порассуждал бы на какую-нибудь из возможных отвлечённых тем: «Что такое перевод»

или «В чём суть теорий Жирара» или «Жирар и мы». Но на расстоянии я предпочитаю ограничиться тем, что мне кажется необходимым, — а именно, назвать тех, без кого эти переводы не могли быть сделаны и изданы.

Это отец Борис Бобринский, живущий во Франции православный священник и богослов, в кабинете у которого в 1992 году я впервые наткнулся на книги Жирара, — а для знакомства с Жираром мне действительно требовалась какая-то счастливая случайность, поскольку я никогда не слышал о нём ни в Москве, ни от своих французских друзей-философов.

Это Сергей Козлов и Ирина Прохорова, которые в 1997 году предложили мне перевести «Насилие и священное» для издательства «Новое литературное обозрение». Сергей Козлов стал редактором этого перевода и все ключевые термины в переводе — продукт наших обсуждений. Через 10 лет — уже не по долгу службы, а по дружеской любезности — он внимательно прочёл и мой перевод «Козла отпущения».

Это Ирина Кравцова, главный редактор издательства Ивана Лимбаха, которая предложила мне перевести книгу «Козел отпущения» и без единого упрека вытерпела все мои опоздания.

И это мой друг Фёдор Погодин, который прочёл в рукописи перевод «Козла отпущения» и дал мне много ценных советов. Фёдор умер летом этого года. Он был одним из тех, кто читает книги Жирара не как антропологический или философский труд, а как лично важное сообщение. Я знаю нескольких таких читателей — и именно они, мне кажется, верно понимают то, что Жирар хотел сказать. Суть теории Жирара не в том, что миметическое желание и механизм козла отпущения встречаются в истории или в жизни иногда или даже часто, а в том, что они универсальны. Иначе говоря: не некоторые, а все желают по чужому образцу, не некоторые, а все участвуют в гонениях на невинных — все, а значит и ты, читатель. Только те, кто слышит в книгах

Жирара это обращённое лично к читателю «ты», — только те, кто не делает для себя фарисейского или романтического исключения, — только они, собственно, и понимают, что Жирар имел в виду.

Я все-таки высказался на отвлечённую тему, пусть и коротко — но теперь возвращаюсь к списку людей, которым благодарен, чтобы завершить его именем самого Рене Жирара. Завтра, 25 декабря, ему исполняется 88 лет. Сегодняшнюю церемонию можно считать лучшим ему поздравлением. В заключение хочу поблагодарить того, кому придётся читать этот текст. Спасибо.

(Григорий Дашевский.

Письмо комитету премии Андрея Белого, 2011)

ОКТАБРЬ

26

суббота

Богородица Семистрельная

ОКТАБРЬ

27

воскресенье

Самое большое счастье нередко окаймляют наимрачнее-нейшие мысли, и Дэниел принялся размышлять над своей специфической неспособностью привлечь к средневековой литературе хоть кого-то из студентов. Сколько лет

прошло уже с тех пор, как блестящие выпускники школы выказывали интерес к староанглийскому языку? Дэниел старался, как мог, <...> но каждый семестр одно и то же: горький урожай подростков, собранный и брошенный непросеянным к воротам университета «Золотой Запад», его игнорировал. Увядшая продукция отчаявшихся школьных учителей, когда-то преподававших Шекспира, Китса и Дикенса и попавших в капкан минимальных лексиконов, лишённых воображения рассудков и полной умственной пассивности современного дитяти. Старшие авторы прорабатывали «Тридцать девять ступеней» <роман Джона Бьюкена (1915)> и «Уотершипские холмы» <роман Ричарда Адамса (1920)> дольше, чем авторам потребовалось, чтобы написать их. Откуда было взяться надежде на то, что дети телевидения заинтересуются происхождением и развитием литературы, которую они считают для себя слишком сложной?

Неприятность заключалась в том, что если Дэниел не обеспечит достаточного количества студентов, тёмные силы зашумят об отмене курса староанглийской литературы и заставят его преподавать предметы, некогда считавшиеся зоной исправительных дисциплин, а ныне подвергшиеся скоропалительной пластической операции и представленные как современное образование. «Межличностное общение» производило выпускников, способных быстро опознать других членов человечества и деликатно убедить их купить совершенно ненужные им вещи. «Мастерство карьерного роста» демонстрировало, как следует написать резюме на объявленную вакансию и как поддерживать во время собеседования связную речь.

Средневековая литература ничего подобного не обещала. И вообще ничего коммерчески выгодного, так что количество народа, находившего эту особенность облагораживающей или хотя бы оправданной, с каждым годом

уменьшалось. Нынче эпоха современного образования, чьи несведущие верховные служители способны претворить свои облачные мысли в кровь и плоть новорождённых подданных. «Золотой Запад» был в фарватере этого процесса, неустанно изобретал новые предметы из всё более сомнительного материала, хрупкого и ломкого, выбранного за объём, а не за вес, за случайности, а не за сущность, и горделиво представлял себе, что находится там, где происходит «информационный взрыв» и — ещё одно клише — «количественный рост знаний», где бессмысленным употреблением прилагательного пытаются замаскировать возникновение мира, в котором всё больше и больше людей со всё лучшими способами общения обнаруживают, что им совершенно нечего сказать друг другу.

Дэниелу иногда казалось, что планету населяют радиолюбители вроде тех, голоса которых он слышал по подпольному радиоприёмнику Ларио Фетца. Кто-то с Аляски разговаривал с обитателем Огненной Земли.

— Как погода? — спросил аляскинец.

— Холодная и дождливая, — отвечал огненноземлец. — А у вас?

— У нас тоже холодная и дождливая.

После чего наступило долгое молчание. Они связались с противоположных концов мира, выяснили, что сказать им нечего, и попрощались. Дэниел вздрогнул при мысли о том, как много таких людей среди университетских преподавателей, и когда Могучий Мотор <мотоцикл Дэниела> свернул на Уикам-стрит, он вознамерился сам отыскать нескольких новых учеников. Как-нибудь.

(Путер Уэйр. Безумие Дэниела О'Холигена, СПб., 2010)

→ 6 мая/2018: Безумие Дэниела О'Холигена

Сочинение семьдесят третьего года

1.

Лежи,
лошадка,
вершина жизни,
лежи,
лошадка,

2.

кошелёк
вопильщика,
кузовок
пиццальщика,
рукоять
копальщика,

3.

лежи,
лошадка,
крупинка мира,
лежи,
лошадка,

4.

половины
лодки,
подбородки,
спины,
спины,
человечьи
лица,
лица,
половицы,
плечи,
плечи,

ОКТАБРЬ

28

понедельник

5.

кружись,
лошадка,
крошинка
шара,
кружись,
лошадка

6.

тряпичника,
песочника,
лодочника,
булочника,
птичника,
цветочника,
коробочника,
будочника,

7.

кружись,
лошадка,
коробка,
лодка,
кружись,
лошадка

8.

платья,
платья,
платяные,
колченоги
нитяные,
птицеловы,
головы,
гладко
расцелованы,

9.

кружись,
кружись,
лодочка,
лошадкина
коробочка,
лежи,
лежи,
лошадка,
копальщика
лопатка,
песочника
колотушка,
ночная
игрушка...

*(Андрей Монастырский,
1973, отрывок)*

Кузьма Петров-Водкин, Утренний натюрморт, 1918

ОКТАБРЬ

29

вторник

Музыкальная ломка

ОКТАБРЬ

30

среда

В школьные и студенческие годы моё музыкальное развитие было самым обычным: посещение филармонии, коллекция пластинок, движение от Моцарта, Чайковского, Сибелиуса, Грига, Брамса — через Шумана, Шуберта, Бетховена — к Стравинскому, Бартоку, Хиндемиту, на которых я и *сломался*. Баха почему-то обошёл стороной, Вагнера тоже, зато одно время увлекался Верди, Россини и Бизе — слушал их на огромных американских пластинках «His Master's Voice» с собакой у ратруба граммофона, которыми снабжал меня отец школьного приятеля Бориса Васьковского, в конце войны побывавший в Японии и вернувшийся оттуда со сказочной красоты кимоно и коробкой пластинок.

Среди филармонических концертов почему-то особо запомнился англичанин Джон Огдон (* 27 января 1937 года). Слушал его, если не путаю, 1 октября 1966 года, в день своего 20-летия, потом долго хранил программку с фотографией бородача, будущего клиента лондонской психлечебницы, которому, *чтобы не утратил форму*, разрешали играть там на рояле.

30 октября 1966 года, кажется, так. Поздняя осень, на улице холодно. Выхожу из филармонии изрядно потрясённый (Барток, «Музыка для струнных, ударных и челюсть», Дебюсси, Стравинский, дирижёр Евгений Мравинский), сажусь на Невском в троллейбус, берусь рукой за холодную металлическую штангу над головой — металл морозит ладонь, бросаю взгляд на троллейбусную публику... и вдруг меня прошибает могучий неостановимый поток слёз. Вероятно, соображаю задним числом, обострённая реакция на глубочайшую *несовместимость* божественной музыки и бренного мира плюс упрямое нежелание поступиться миром ради музыки.

В ближайшие несколько дней раздал приятелям все свои музыкальные принадлежности (проигрыватель, пластинки, книги, ноты) — и на долгие годы вычеркнул музыку из жизни. Ровно то же вскоре произошло с математикой.

→ 2 марта: Барток

→ 21 мая: Стравинский

Как вы полны, земные пять минут,
когда пекут блины, бельё стирают,
торгуют телом, песенку поют,
целуются, в квартире прибирают,
в трамвае едут и судьбу клянут,
играют в шахматы и спину гнут,
животики от смеха надрывают,
рожают и пускают в дело кнут,
возводят из соломинок уют,
по морде бьют, ломают, создают,
и дремлют, и от пули умирают
иль просто Богу душу отдают.

(Сергей Петров, 1974)

НОЯБРЬ

НОЯБРЬ

1

пятница

Что бывает утром

Утро. Лето. Кузьминский и Молот, переводчик Беккета и большой молодец, обходят все пивные ларьки по очереди. Левитин выходит на Английский проспект утром, встречает Кузьминского и Молота, переводчика Беккета и большого молодца, они уже обошли все пивные ларьки по очереди. «Вот тебе Молот, — говорит ему Кузьминский, — дружи с ним». Он и дружил с Молотом по имени Валера. Молот мог долго стучать в стальную грудь свою, ростом был с Пушкина. И взирал Валентин на него с полным умилением, поскольку смотреть на человека ниже тебя ростом ни с чем не сравнимое удовольствие. Сейчас такого утра уже не существует, сейчас — завтрак, освящённый робкими лучами общения, отчуждающая слабость.

Портрет Михнова, сделанный из слов

Лето. Длинный человек с длинным носом в мастерской молча рассматривает работы Валентина Левитина, работ больше ста.

— Вам хоть что-нибудь понравилось? — задаётся страшный и гениальный вопрос.

Михнов задумчиво:

— Мне очень нравится эта точка.

Та же ночь и та же грусть

Вот ночь. Вот время. Оно все ещё длится в сером и жёлтом. Вот память. Она надменна. Она скачет. Она исчезает, как вода в воде. Вот Арефьев. Вот Стерлигов. Вот Шварц.

Вот Кондратьев. Вот Рихард Васьми. Вот Валентин Левитин. Все они юноши-борононосцы. Все они римляне. Куда они скачут? Вот варвары. Их имена неизвестны. Они по-прежнему занимаются критикой и выковыривают булавкой своего взгляда очередную правду.

Сила ночи, сила дня, сила дивана, сила окна

Сергей Стратановский и его квартира, а в ней Лена Шварц и Боря Куприянов, а также большой стол и большой человек до потолка, он же и большой поклонник поэтических талантов. Всё это лето — и день рождения. Витя Кривулин лежит под диваном и, не вставая, пускается, как Софокл с Еврипидом, в обстоятельный разговор о достоинстве поэтического лежания под диваном. Лена Шварц, обладая талантом, тоже поэтическим, и принадлежа к другой школе мысли, поэтически вылезла в окно, с которого и была возвращена в прозу мускулистой мужской рукой. Вот так Виктор Кривулин, не вылезая из-под дивана, победил в поэтическом турнире.

Портрет Неменовой, сделанный из слов

Лето. По набережной Карповки гуляет Валентин Левитин с Гертой Неменовой, рядом — огромная очередь за мороженым.

— Давайте займём очередь за мороженым. Так жарко, — просит Левитин Неменову.

— Нет, — отвечает она, — я хочу любоваться этой собачкой.

Лето. Набережная Карповки. Очередь за мороженым уже растаяла, а Левитин с Неменовой всё ещё любят разные собачки.

(Наталья Постолова.

Пять пейзажей из жизни художника Валентина Левитина // Люди без одиночества, СПб., 2010)

→ 3 января/2020: Люди без одиночества, 2

Terror modernus

НОЯБРЬ

2

суббота

Мы живём в удивительное время, когда сама возможность искусства поставлена под вопрос. Были времена, когда эта проблема стояла несравненно серьёзнее, например, в эпоху иконоборчества в Византии VIII–IX веков. Тогда за тот или иной ответ на вопрос «изобразим ли Бог?» шли на смерть, убивали, и народ бежал на окраины империи. Сейчас же попросту непонятно, о чём речь: как и современный человек, современное искусство потеряло свою субстанцию — его интерпретации бесчисленны, а называться искусством претендуют самые противоречивые виды и жанры творчества.

Современное искусство, характеризующееся крайней демократизацией, профанацией и потерей магическо-сакральных функций в их связи с профессиональными навыками, вместе со всей гуманитарией сдало свои позиции и обслуживает безликие массмедиа. От внутренней лжи оно покрылось депрессивной коростой, которую трудно пробить, чтобы добраться до живого. Особенно контрастно эта ситуация выглядит по сравнению со второй половиной XX века, когда кипела «борьба течений», стили стремительно сменяли друг друга, а о своих амбициях — стать родоначальниками новой культуры либо отстоять старые идеалы — заявляли целые художественные движения.

Из искусства ушёл его возвышенный смысл, и формально торжествует низший из классических жанров — карикатура, которую характеризует легковесность и брутальность образов, литературность, суетливая мелочность, социально-политическая критика и сатира, абсурдистский стёб, коллажность и химеричность — вплоть до живых уродов в сайнс-арте и дигитальных монстров.

Всё это отражает драму чести современной «творческой единицы», передоверяющей ответственность или да-

же сами творческие функции идолам власти, науки, политики, сексуальности и пр. и паразитирующей на этих «папашах» хотя бы путём критики и скандала. При этом комичным образом то, что Маркс предопределял для коммунистической формации, и то, что авангардисты считали революционным преобразованием общественных структур, — объявление всякой деятельности творчеством и всех людей художниками — стало банальной яввью. Только на Манхэттене около 100 000 жителей называют себя художниками. <...>

Искусство превратилось в технику имитации и манипуляции, совпадающей со стратегиями глобальной политики, торговли, экономики, и с 1990-х годов оно начинает пробуксовывать на месте. <...>

Мы можем говорить о гуманитарном энергетическом кризисе, охватившем мир, и о новых коммуникативных технологиях (в том числе и в искусстве) как способах восполнения этой недостачи через имитацию, комбинаторику и апроприацию. Важнейшей чертой современных манипулятивных художественных технологий является их соблазняющий характер, и поэтому настоящий художественный жест сейчас несёт в себе разочарование. То, что казалось весёлыми играми с властными энергиями интеллектуально подкованной молодёжи в 1980-е, в 1990-е уже стало скверным анекдотом. Обесчещенный художник становится конвейерным работником индустрии, отчуждённо производящим продукцию для абстрактных пространств галерей, абстрактных людей (покупателей), абстрактных событий (одно и то же произведение легко может участвовать в выставках с противоположной концепцией).

Описанные выше рецессию, безвременье, «промежуточный период» вроде бы можно переждать. Но это будет самообман — гипотетические силы зла только того бы

и ждали. Существует надежда, что все указанные болезненные моменты — обратная сторона происходящего у нас на глазах возвращения в мир веры и знания как неделимого начала, находящегося в непрестанном изменении. И тогда нашу ситуацию можно сравнить с «гонкой культурных вооружений», подобной той, что велась между двумя мировыми войнами. Но в 1930-е скрежетали гигантские государственные идеологические машины, а сейчас, как в современной войне, «воюют» не фронты, а идут на прорыв небольшие, но хорошо подготовленные и экипированные ударные группы.

(Андрей Хлобыстин. Шизореволюция)

У Святой Лючии две пары глаз

У Святой Лючии две пары глаз — те, которыми она глядит сквозь помеху вещей, и вторые, какими обносит собрание, точно угощает цветными леденцами. Святая Лючия машина, как и остальные, но машина зачарованная. Они подходят по одному или двое, осторожно берут с блюда глазное яблоко двумя пальцами, яблоко скользкое и тугое, взгляд, лишённый оправы, кажется, ни на что не направленным. На вкус оно солоноватое и студенистое, как устрица, но лишено запаха. На блюде тотчас появляется другое. Теперь Дух может видеть тебя изнутри, как бы при помощи божественной эндоскопии. Святая Лючия машина, как и остальные, но машина бессмертная. Её глаза не иссякают. Такова сила убеждения.

(Марианна Гейде. Бальзамины выжидают)

Иван Сотников

Насколько моя литературная и личная жизнь текла бездарно, нервно, с бесконечными мучениями и потерями, настолько музей начала восьмидесятых меня радовал. Разумеется, можно было и тогда, в пору «дней Александровых прекрасного начала», смотреть на него глазами Золя, Хейли (Ильи Штемлера?) и сочинять ироничный и занимательный для многих документальный роман «Музей». Было чем возмущаться, над чем смеяться и по какому поводу злостствовать. Но было и иное.

Музей отличается от любого другого гуманитарного учреждения тем, что помимо людей, с которыми можно ссориться, приятельствовать, дружить, против которых или с которыми плести при желании интриги, есть и то, ради чего он сооружён. Искусство. Сами картины, статуи и прочее. Просто быть в запаснике, брать в руки миниатюру Со-

НОЯБРЬ

4

понедельник

НОЯБРЬ

5

вторник

колова или написанную на картонке картину Шагала «Зеркало», перебирать рисунки Конашевича, ощущать «телесность» искусства — особое состояние человека моей профессии. Поэтому общение с коллегами смягчается, а то и заменяется общением с произведением искусства, особым, музейным, интимным общением.

Музейщик — человек особенный. Не поработав в музее, до конца нашей профессии не понять и не освоить. Хотя и калечить профессионалов музей умеет. В слове «музейщик» есть возвышающий смысл, но есть, увы, и уничижающий. Музейщик — знаток, чувствующий, различающий, синтезирующий знание, опыт и интуицию, видящий подлинность, родственные связи вещи, тончайшие обертоны мазка, текстуры, движений шпателя. Без подлинного музейщика нет нашей науки, как без археологии нет истории.

Археологией, однако, история не исчерпывается, как и не может быть ею подменена. Музейщик, случается, — это и бескрылое знаточество, когда в вещи умирает искусство и движение культуры, когда вольная мысль исследователя, эссеиста вязнет и задыхается в инвентарной зашоренности, в стремлении знанием подменить понимание и чувство, а лучше всего и исключить их из профессионального обихода. Есть классики и подлинные поэты каталогов, но есть и элементарные зануды, решительно не интересующиеся искусством, но лишь предметами искусства. Помню страстного бородатого эстонского коллегу — хранителя пивных кружек в маленьком музее, кажется, под Тарту. По каким-то причинам для посетителей музей был закрыт. «Это неважно, — кричал восторженный кружковед, — экспонаты надо собирать, показывать незачем!» Кружек было немислимо много, и мне, каюсь, они казались одинаковыми. Великолепный бородач вызвал у меня восхищение, испуг и тоску. Чего только не случается в музеях.

*(Михаил Герман. Сложное прошедшее /
Passé composé, СПб., 2006)*

Вырица, церковь Петра и Павла

НОЯБРЬ

6

среда

Испания, как и Россия, очень мало отражает прометеевскую культуру, скорее это её иногда открытый, иногда тайный противник. Поэтому Испанию нельзя противопоставлять русскости в качестве представителя современного Запада. Более того — русские и испанцы стоят плечом к плечу как союзники, а сегодняшняя Европа — их общий враг. В деле преодоления западно-восточного противостояния Испания, с её ярко выраженным ориенталистским уклоном, борется за чувственное и религиозное мироощущение Востока.

Испания расположена напротив Европы и неприступна, как крепость. Если Россия, так же труднодоступная, является империей между Азией и Европой, то Испания — империя между Европой и Африкой. Кто мы есть по отношению к Европе? — вот вопрос, судьбоносный не только для русских, но и для испанцев. Этому вопросу Унамуно посвятил семь томов своих *ensayos* <очерков>. Обе нации соприкасаются с прометеевской культурой, не растворяясь в ней. В то время как остальная Европа имела возможность свободного развития, испанцы и русские страдали под чужеземным игом. В борьбе против нехристиан, в одном слу-

НОЯБРЬ

7

четверг

чае — мавров, в другом — татар, им пришлось отстаивать и утверждать свою христианскую веру. Почти в одно время было покончено с рабством. В 1480 году Иван III отказался платить дань татарскому хану, в 1492 году Фердинанд отвоеванием Гранады завершил эпоху Реконкисты. Оба народа быстро разрослись вширь на огромных просторах, создав империи небывалого размаха. <...> XIX столетие стало для обоих народов веком ползучей революции. И вновь предательские признаки внутреннего раздора выпадают на одно и то же время: чуть ли не в один год — в 1820 году потерпела крушение либеральная революция полковника Риего, в 1825 году подавлен бунт русских декабристов. Дальнейшее развитие заканчивается открытой гражданской войной: в России в 1918–1921 годы, в Испании — в 1936 году; и всё это в конвульсиях, сила которых приоткрывает бездну внутренней муки и превосходит всё, что доводилось когда-либо видеть Европе. В обоих случаях речь идёт о конфликте между врождённой готикой души и проникающей прометеевской культурой, о кроваво-грандиозном решении спора между духом ландшафта и духом эпохи.

Испанский ландшафт, за вычетом прибрежной полосы, представляет собой выжженную солнцем пустыню с немногими, необычайно прекрасными оазисами, — это бесконечная равнина, сравнимая по протяженности со степями России или даже с пустынями Средней Азии. Особенно это касается Кастилии; и именно она, а не прелестная Андалусия, сформировала душу испанца. Призрачность кастильского ландшафта, с его мерцающими световыми явлениями, увлекает его жителя за пределы горизонта — в бесконечность, приближая к сверхъестественному миру. Это заставляет преходящее казаться слабым отблеском Божественного и — побледнеть в сравнении с ним. Это придаёт жизни сакральный оттенок. В таком ландшафте, который своим простором расширяет взор и душу, как и в русских степях, только и мог вырасти человек вселенского чувства, а культура, которую он сформировал, может быть только культурой кон-

ца. Её приметы проступают в испанце тем ярче, когда он, как и русский, без оглядки доверяется духу своего ландшафта. Четыре пятых населения живут на суше. Это крестьяне, которые остаются таковыми и в городе. В Севилье, древнем городе с трёхтысячелетней историей, на улицах встречаются только земледельцы. Испанская культура столь же мало городская, как и в России. Чисто городские явления капитализма и словесной риторики ей чужды. Испанец ведёт себя тише и немногословнее, чем любой другой южанин. Культуре конца свойственно молчание.

Todo nada, Dios solo — вот главная мудрость Испании; Бог и душа, всё остальное — ничто. Сердце испанца, как и русское сердце, — это удобное место для вторжения иррациональных сил, наполняющих его горячностью или мрачностью. Укоренение в вечном — это перспектива, из которой можно судить о сущности испанцев, оставляя в стороне все племенные различия. Испанец живёт пред лицом вечности, осознанно или неосознанно. Всем сердцем он чувствует истинность Бога и призрачность мира. Основополагающая черта его души — религиозность. Поэтому античный Рим, несмотря на 500-летнее господство, не оказал особого влияния на испанцев, а немецкая Реформация прошла мимо них, как и мимо русских, не оставив и следа. <...>

Технический прогресс испанцу не по душе. «Пусть другие изобретают! — обратился Унамуну к своему народу. — Я чувствую в себе средневековую душу и считаю, что душа моего отечества тоже средневековая, что она осталась верна себе, пройдя через Ренессанс, Реформацию и Революцию (1789), и хранит в себе духовное наследие прежних, так называемых мрачных времен». Испанцы, как и русские, народ не современный, да и не могут быть таковым как носители культуры конца. Поэтому Европа думает, что вправе смеяться над отсталой Испанией, как и над отсталой Россией. Эти характеристики, вменяемые как недостаток, когда-нибудь ещё сделают честь обеим странам.

Готическая эпоха была бы для испанской души самой благотворной. Но каков рок: в период разветывания готического эона Испания страдала под гнетом арабов; когда же она наконец обрела свободу — готика была при смерти. В этом нам видится глубокая причина того, почему Испания на узком рубеже между готической и прометеевской эпохой, едва освободившись от чужеземного ига, молниеносно взметнулась ввысь и почему она всего несколько десятилетий спустя снова утратила эту высоту. Испанская душа могла расцвести, пока ещё жил готический архетип — последний его всплеск был в барокко, в эпоху контрреформации. С закатом готического эона угасли и её большие возможности. <...>

Поскольку испанец религиозен, он *безнормативен*. Заботу о земле он препоручает небесам. «Самый неприемлющий правила народ Европы», — отзывался Ортега-и-Гасет о своей нации. Испанская драма, в отличие от французской, пренебрегает правилом единства места и времени. Богатая фантазия не позволяет применение строгих построений. По той же причине испанец склонен к анархии. Его тянет, наподобие приверженцев Бакунина, к анархическому, а не к диктаторскому социализму. (Отсюда политическая роль армии как фактора внутреннего порядка.) А от беспорядочности всегда только один шаг до крайности. Душе испанца, как и русского, недостаёт срединного состояния. Это максималист, в котором нет умеренной зоны. С абсолютностью своих требований он не идёт ни на какой компромисс. Он всегда колеблется между двумя экстремальными полюсами — абсолютизмом и анархией, святостью и варварством, между Богом и хаосом. Безмерна жажда любви у Дон Жуана, необъятен Эскориал как в выборе его строительных размеров, так и в количестве строительного материала — ставшее камнем воплощение слепой, неистовой воли. В испанце, как и в русском, стихийная, но не дисциплинированная сила. Только *furore*, *tumos* <вдохновение, страсть, ярость>, но не дисциплина.

И в социальном плане испанцу, как ещё только русскому, недостаёт опять же всё уравнивающей *середины*. Между элитой и средним уровнем зияет пропасть непонимания. Недостаёт посредников между верхом и низом. Тонкому высокообразованному ведущему слою с его латифундиями противостоит безучастная масса. Очень слаба средняя социальная группа, способная черпать силы внизу и посылать их наверх с тем, чтобы уменьшить нижний слой и пополнить верхний. Следствием того, что Испания (как и Россия) в Средневековье не знала феодальных отношений, была ещё до недавнего времени крайняя безграмотность. Недостатки в структуре общества сразу отражают недостатки в структуре души.

Люди, живущие пред лицом Божиим — и только они — способны к чувству братства. Поэтому в Испании, как и в России, существует истинное *братство*, и слова «равны перед Богом» или «братья во Христе» воспринимаются как живая правда. Перед последней, Божественной инстанцией все имеют одинаковое достоинство призванной к вечности отдельной души — монах, нищий, солдат, идадьго, гранд и король. Это метафизическое достоинство испанец именует своей честью. К ней социальная субординация отношения не имеет. <...>

Получать милостыню в Испании столь же мало унижительно, как и в России, потому что и у нищего есть свое достоинство; он предоставляет богатому шанс проявить себя христианином. Только среди братски мыслящего народа могла созреть мысль Достоевского о солидарности. Была она, независимо от русских, высказана и в Испании. Унамуно учил о всеобщей вине людей и призывал каждого сделать своим личным делом вину общества, лежащую бременем на всех. Не напоминает ли это русскую соборность, когда мы читаем такие строки у Унамуно: «Храм Божий наиболее священен потому, что является местом всеобщего плача». Это надо понимать: только братски настроенный человек находит дорогу к Богу — мысль, одинаково дорогая и русскому, и испанцу.

Говорят, что испанец индивидуалист, на что указывают и его анархические склонности. Это верно, только испанский индивидуализм не следует путать с германским. Личностный идеал испанца покоится на христианской основе и не отменяет мысль о братстве. Как защищала Тереза этот христианский персонализм от языческого культа индивидуализма эпохи Ренессанса! Испанец любит личную свободу из-за вечности, а не из-за земных приобретений. Он ищет самоисцеления, а не самовозвышения.

Всё, что мы сказали о душевной человечности русских, а также об их способе мышления (выразительная мысль, универсальность видения) и об их форме мышления (открытость мысли), относится также и к испанцам. В своей природной жизненной силе они отдают безусловное предпочтение душе перед вещью или делом. В искусстве они охотнее выражают мир духовный, нежели подражают миру внешнему. Для них человек существо прежде всего чувствующее, а уже потом — мыслящее.

(Вальтер Шубарт. Европа и душа Востока)

→ 12 октября/2017: Испания и Россия — сёстры

НОЯБРЬ

8

пятница

Лондон,
Великобритания
<...>

Уважаемый г-н Мэттью Браун!

Большое спасибо за добрые слова об изданной нами книге «Художники русской эмиграции». В устах искусствоведа-профессионала её положительная оценка приобретает для нас особое значение. Предшествующая книга этой серии «Золотой век. Художественные объединения» уже разошлась, в издательстве не осталось ни одного экземпляра, но нам, к счастью, удалось приобрести её у частного лица, она ждёт Вас. Сообщите, пожалуйста, по какому адресу её выслать, или, как явствует из Вашего письма, Вы хотите навестить нас сами.

На всякий случай упомяну ещё два наших издания, которые, возможно, Вас заинтересуют: «Святыни Санкт-Петербурга» и «Исторические кладбища Петербурга».

Ждём Вас в гости. Наш адрес: Выборгская набережная 41, тел. 542–03–22. Если на метро — до станции Выборгская, налево по улице Смольякова до набережной Большой Невки и направо, метров 300.

До встречи, Борис Останин,
главный редактор издательства Чернышёва.

<1994?>

Пригон, Баранчик и Тарантул

Максим посещал детский сад во дворе Академии наук, я тоже недолго поработал по этому адресу (ЛО ИИЕТ АН СССР, Университетская наб., 5) — старшим научно-техническим сотрудником, проще говоря, лаборантом, но в читательском билете БАНа мне по рассеянности написали «старш. науч. сотр.», и потому я мог брать книги домой в большом количестве, не особо задумываясь о сроке их возврата.

Этой привилегией я почти не пользовался, так как читал мало, зато брал Борису Гройсу заказанные им книги, вроде киркегоровской «Or — either» (он не знал тогда немецкий и уж, тем более, датский). Полный датский Киркегор, томов тридцать, не меньше, стоял в шкафу у Сергея Владимировича, и он с гордостью говорил: «В Ленинграде всего три полных собрания сочинений Киркегора, один из них — у меня». Он же научил меня, объяснив суть дела, писать Киркегор через «и» в противовес распространённому (с французского, что ли?) Кьеркегору с «ь» и подсказал неизвестные мне тогда ударения в фамилиях Розанов и Шестов. (Я тут же заподозрил, что шварцмановский псевдоним Шестов происходит от *Шестоднева*.)

Возвращаюсь к Максиму и детскому саду. В его группе было три заводилы (он сам, Баранчик и Саша Тарантул, сын художника Бориса Тарантула, приятеля Гены Алексеева), которых, случись что в детском саду, воспитательница немедленно объявляла виновными: «Пригон, Баранчик и Тарантул! Это, конечно, ваших рук дело!»

Как-то в детский сад приехала комиссия из РОНО и принялась задавать детям «умные» вопросы, один из которых («Дети, какие бывают жидкости?») загнал меня в тупик: окажись я на месте детей, вряд ли бы сумел ответить («Вода? Нефть?»). Но заводилы, все трое, не ударили в грязь лицом и, перебивая друг друга, принялись знакомить членов комиссии с семейными застольными привычками: «Водка! Старка! Перцовка! Пиво! Спотыкач! Зубровка!» Пришлось на следующий день идти к детсадовскому начальству, объясняться насчёт непозволительной для дошкольного возраста осведомленности в *хмельной гидравлике*.

→ 28 июля/2018: ЛО ИИЕТ АН СССР

НОЯБРЬ

10

воскресенье

«Кремлёвские дети»: Володя Александров (в центре),
Володя Микоян, его жена Татьяна

Сон смешного человека

<...> Пусть сон мой породило сердце моё, но разве одно сердце моё в силах было породить ту ужасную правду, которая потом случилась со мной? Как бы мог я её один выдумать или пригрезить сердцем? Неужели же мелкое сердце моё и капризный, ничтожный ум мой могли возвыситься до такого откровения правды! О, судите сами: я до сих пор скрывал, но теперь доскажу и эту правду. Дело в том, что я... развратил их всех! <...>

Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться — не знаю, не помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиною грехопадения был я. Как скверная трихина, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи проник в их сердца и понравился им. Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Явились союзы, но уже друг против друга. Начались укоры, упреки. Они узнали стыд и стыд возвели в добродетель. Родилось понятие о чести, и в каждом союзе поднялось своё знамя. Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за моё и твоё. Они стали говорить на разных языках. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением. Тогда у них явилась наука. Когда они стали злы, то начали гово-

речь о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтоб сохранить её, а для обеспечения кодексов поставили гильотину. Они чуть-чуть лишь помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой. Они не могли даже представить его себе в формах и образах, но, странное и чудесное дело: утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав его сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как дети, обоготворили это желание, построили храмов и стали молиться своей же идее, своему же «желанию», в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему. И однако, если б только могло так случиться, чтоб они возвратились в то невинное и счастливое состояние, которое они утратили, и если б кто вдруг им показал его вновь и спросил их, хотят ли они возвратиться к нему? — то они наверно бы отказались. Они отвечали мне: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаем это и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердый Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через неё мы отыщем вновь истину, но примем её уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья — выше счастья». Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался лишь унижить и умалить её в других, и в том жизнь свою полагал. Явилось рабство, явилось даже доб-

ровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогли им давить ещё слабейших, чем они сами. Явились праведники, которые приходили к этим людям со слезами и говорили им об их гордости, о потере меры и гармонии, об утрате ими стыда. Над ними смеялись или побивали их камнями. Святая кровь лилась на порогах храмов. Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость и чувство самосохранения заставят наконец человека соединиться в согласное и разумное общество, а потому пока, для ускорения дела, «премудрые» старались поскорее истребить всех «непремудрых» и не понимающих их идею, чтоб они не мешали торжеству её. Но чувство самосохранения стало быстро ослабевать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для приобретения всего прибегалось к злодейству, а если оно не удавалось — к самоубийству. Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве. Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдание в песнях своих. Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, но любил их, может быть, ещё больше, чем прежде, когда на лицах их ещё не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил их осквернённую ими землю ещё больше, чем когда она была раем, за то лишь, что на ней явилось горе. Увы, я всегда любил горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а об них я плакал, жалея их. Я простирал к ним ру-

ки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что всё это сделал я, я один, что это я им принёс разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтоб они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтоб в этих муках пролита была моя кровь до капли. Но они лишь смеялись надо мной и стали меня считать под конец за юродивого. Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали, и что все то, что есть теперь, не могло не быть. Наконец, они объявили мне, что я становлюсь им опасен и что они посадят меня в сумасшедший дом, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце моё стеснилось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся.

(Фёдор Достоевский. Сон смешного человека, 1878)

→ 7 марта: Бобок

Чекан Чернограда

Чьё чаепитие, чьё?
Что челобитчику чахнуть?
Чует частенько чутьё:
Чачи черёд чебурахнуть.
Чачи четырежды чары
Чтил чародей Чиковани,
Чувственность через чинары,
Честь Чиковани чеканил.
Чьё челобитие, чьё?
Чьи чаевые чадили?
Чуете чад, чудачьё?
Черти червонно чудили.

— Чуешь, четырежды чадо?
— Чую, четырежды чую,
Чую чекан Чернограда,
Чую чеканку чужую.

*(Евгений Феоктистов.
Азбука молчания)*

(именительный)

Уважаемый Михаил Леонович <Гаспаров>,

(винительный)

хочу, наконец, повиниться в нескольких своих, отчасти связанных с Вами, бестактностях и безграмотностях:

1) не опознал Вас в лицо на конференции «Новые языки в искусстве» (Москва, февраль), т.к. знал исключительно по почерку, из-за чего наш разговор в кулуарах принял весьма неопределённые очертания, а мог бы...

2) «оконфузился» с Solus Rex,

3) непомерно задержался с письмом.

(родительный)

За время нашей переписки по поводу «Поэтической функции» мне удалось стать родителем (в обычном смысле слова), а 11 ноября, к тому же, ЛО Советского фонда культуры после месячных волокит наконец разрешилось и удочерило «Поэтическую функцию», окрестив её своей творческой лабораторией.

Первые реальные выгоды для П.Ф. от этих родов, удочерений и крестин — почтовая бумага с красивой эмблемой ЛО СФК; в дальнейшем ожидаются кое-какие другие: афиша, ксерокс, оплата проезда и размещения гостей,

(предложный)

но уже сейчас я хочу воспользоваться предложом второго рождения П.Ф. и обратиться к Вам с предложением: формально подтвердить (или опровергнуть) своё участие в ней в качестве член-корреспондента.

(творительный)

Вот некоторые подробности творческого портфеля П.Ф. (что бы Вы могли сказать по этому поводу, что предложить?):

— 1–4 февраля 89-го: 3-я конференция «Новые языки в искусстве», международная Летняя школа по новому искусству,

— октябрь 89-го: международный поэтический симпозиум (гости из США, Франции и пр.),

— подготовка сборников (материалы конференций, критика, поэзия, проза) на ксероксе и (вероятно) в типографии,

— циклы лекций по новому искусству, устный альманах «Забывтое и неизвестное».

(дательный)

Кое-что будет оплачиваться (Фондом? Соросом?).

П.Ф., как можно видеть, проделала определённый путь (хотя бы организационный), её нынешние слабости, включая профессиональную недостаточность, очевидны и могут быть преодолены как за счёт внутреннего роста, так и интеллектуальным притоком извне,

(звательный)

почему и обращаюсь к Вам, Михаил Леонович, со своим очередным посланием, призывом и предложением, а также с уважением и ожиданием —

Борис Останин.

<1988?>

Уважаемый Михаил Леонович,

извините за столь торопливый ответ, который ни в коем разе не требует от Вас ускорения ритма переписки, «просто так получилось».

Большое спасибо за открытку, но ещё большее — за согласие стать член-корреспондентом «Поэтической функции». После её учреждения в Фонде культуры возникает всё возрастающее поле возможностей, причём не все из них непременно связаны с новейшим искусством. Так, устный альманах «Забывтое и неизвестное», по убедительной просьбе ру-

ководства Фонда, нацелен на широкую публику и вполне выдерживает в своих пределах упомянутых Вами Кузмина и позднего Мандельштама. (Егунова я, признаться, мало знаю, зато обериутами когда-то увлекался, особенно А. Введенским, ездил в Харьков к его сыну Петру).

Активизация ПФ начнётся, вероятно, с декабря: первые три выпуска альманаха, коли про него зашёл разговор, предполагаются тематическими: П. Флоренский, Г. Айги, С. В. Петров (ленинградский поэт и переводчик). Столь же просветительская (но и поэтическая!) функция у цикла лекций, которые мы собираемся проводить, начиная с декабря, в ФК, Центральном лектории и ЛГУ.

Со временем всё это обретёт вполне приличные черты (афиша, оплата выступлений, командировочные и т.п.) Если у Вас или у Ваших знакомых возникнет желание и появится возможность выступить в Ленинграде (очно или текстом выступления), не считайте за труд сообщить об этом за 3–4 недели вперёд, чтобы успеть подготовить афишу, прессу и аудиторию.

Главное детище ПФ на сегодняшний день — сборник материалов конференций «Новые языки в искусстве», равно как и сами конференции. Ксерокс 1-го выпуска должен скоро появиться, посылаю его содержание. 2-й выпуск начнём готовить после реализации первого; здесь я, как и прежде, как и в будущем, надеюсь на Ваше в нём участие.

Что касается «Сирин», то статья сочинена мной, в основном, под влиянием замечательного словосочетания «весёлая наука» — Вы совершенно верно ухватили в открытке её дух, говоря о С. Леме и т.п. Через несколько дней, если не утомил этим письмом, пришлю вдогонку ещё одно.

С искренним уважением,

Борис Останин.
<30.XI.88>

30.5.89.

Дорогой коллега, спасибо за приглашение, но я в августе буду если не в больнице, то в отпуске, т.е. за необходимостью сочинить за три месяца полторы книги. А за душой ни-

чего нет: я не генератор идей. Быть почётным членом Пи-ф. <«Поэтической функции»> для меня вправду почёт (говорю совершенно серьёзно), но для неё во мне пользы мало. Старый позитивист, я охотно занялся бы стихом непечатного авангарда, но тут на один сбор материала не хватит остатка жизни. Пущее спасибо — за конспект-статью. Всеми вольными ассоциациями, дополнительно возникающими, не обременяю Вас (а пустить бы её по рукам, чтобы обросла!), обращаю внимание только на два пункта. 1) От Ванессы грех не вспомнить о даме Свифта, родство которого с Набоковым, мне кажется несомненно; 2) что Н. подписывался «Сирин» в Европе и перестал, поселившись в Итаке, штат Нью-Йорк, может быть развито ещё изящнее. Кстати, 3) до «Вырина» читается «Вирин» от «вира» (— «майна»), что тоже осмыслимо. На Выре как арене гражд. войны (поэма Тихонова) уже не останавливаюсь и умолкаю. Будьте благополучны, и поклон всем добрым людям!

Ваш М. Г. <Гаспаров>

НОЯБРЬ

14

четверг

Борис Кудряков, Снежки в доме

Аксакал ленинградских самиздатских журналов — журнал *Часы* — начал выходить с 1976 года. К настоящему времени вышло восемьдесят номеров журнала! Он выходит раз в два месяца объёмом 250–300 страниц машинописи через 1,5 интервала. Предоставим слово бессменному редактору *Часов* Борису Ивановичу Иванову. На информационной встрече-диалоге редакторов независимых изданий 24–25 октября 1987 года в Ленинграде он говорил:

«Вернёмся в 1975 год. Чем была невыносима ситуация? Талантливые люди, которые могли составить славу нашей литературы, чувствовали себя обществу совершенно ненужными, более того, власть пыталась их убедить, что они не только не нужны, но для общества опасны, и их дальнейшее существование нежелательно. Люди впадали в депрессию, пьянствовали, эмигрировали. Существовало несколько салонов, но они были под суровым надзором. В этой ситуации я считал, что журнал нужен для того, чтобы создать культурную микромодель нормального общества, писатель должен почувствовать, что он нужен другим, что от него ждут достижений. Уже то, что люди, которые просят дать для публикации произведения, печатают их и журнал знакомит с его творчеством других людей, — уже одно это меняет одномерную и безнадежную картину мира. Мне не раз потом приходилось слышать признания: «Не будь журнала, я бы давно бросил писать».

Второе, что я понял: журнал должен быть *спокойным*, спокойствие — это та атмосфера, в которой нуждается пишущий человек. Он должен быть уверен, что составитель журнала не сорвётся на крик и не поставит автора издания под удар. Нужно было приготовиться к бегу на длинную дистанцию.

Думаю, что эти условия оказались действительно важными. Сколько прекрасно начинавших журналов было разгромлено!

...И последнее: журнал *Часы* представляется изданием культурного движения, а не какого-либо кружка, то есть стремился публиковать всё достойное, независимо от вкусовых и тематических представлений составителей. Через год-полтора это был уже небольшой коллектив.

Итак, в 1976 году стал выходить журнал *Часы* — журнал лояльный, открытый всем веяниям независимой гуманитарии, способный выдерживать политические заморозки. Сам факт его существования в какой-то мере легализовал культурное движение, показал его преемственность и внутренние закономерности явления».

В *Часах* выступали В. Алейников, Л. Богданов, Б. Гройс, А. Драгомощенко, Б. Дышленко, Б. Иванов, В. Кривулин и многие другие.

Особенностью этого журнала была ориентация сугубо на внутренние резервы, без контактов с зарубежьем. Отсюда и специфический демократизм журнала, в силу которого право на первую публикацию предоставлялось почти каждому представителю пишущего подполья, чего не скажешь о праве на вторую или третью, здесь всё решал талант автора. Но таким образом *Часы* стали своеобразным индексом второй ленинградской литературы, хранилищем текстов мира андеграунда двух последних десятилетий.

(Борис Констриктор.

Дышала ночь восторгом Самиздата, отрывок)

Кодекс простых людей

1. Простые люди говорят и пишут просто.
2. Простые люди издают простые книги.
3. Простые люди не думают.
4. Простые люди умеют отдыхать.
5. У простых людей нет комплексов.

6. Простые люди в президиумах не сидят.
7. Простые люди расписываются простым карандашом.
8. Простые люди предпочитают простую пищу.
9. Простые люди любят простых людей.
10. Простые люди не понимают сложных людей.
11. Простота лучше воровства.
12. О. Уайльд: «Общество простых людей — последнее убежище для людей сложных».

*(Составлен основателями Общества простых людей
Кириллом Козыревым и Борисом Останиным, 1991)*

Борис Кудряков, конец 70-х

Дорогой Геннадий <Айги>, получил от Вас все три письма (первое, на мамин адрес, сильно задержалось) и стал владельцем сразу двух копий Вашей «Белой речи». Постараюсь, слегка её преумножив, вернуть побыстрее в Москву.

НОЯБРЬ

17

воскресенье

НОЯБРЬ

18

понедельник

Тронулся лёд «Поэтической функции»: нас учредили при ЛО Советского фонда культуры как творческую лабораторию, поставив тем самым некий знак препинания (многоточие? тире? вопросительный?) в завершение трёхлетних усилий по её организации и прикреплению. Что это даст реально — помимо почтовой бумаги с красивой эмблемой и некоторого престижа — пока неясно.

1–4 февраля 1988 года проводим в Ленинграде III конференцию «Новые языки в искусстве». Не совместить ли Вам своё чтение с ней? Удобен ли этот срок или лучше в январе? (Афиша, помещение и, вероятно, оплата проезда обещаны Фондом культуры; нужна Ваша фотография для афиши). Кого бы Вы посоветовали пригласить на конференцию из поэтов, художников, критиков, искусствоведов?

Хорошо, если бы Вы привезли с собой «герольда», готового сказать что-нибудь о Вас и Вашем творчестве. Конференция предполагается с уклоном в сторону «пристального чтения» и разборки произведений, плюс общие вопросы современного искусства и истории авангарда 1910–20-х годов в связи с современностью. Не захотите ли сами выступить с докладом (помимо чтения стихов)?

На «В мире книг» подписаться постараюсь, но не обещаю (тяжело с деньгами, не подписался *ни на один* журнал). Ваш клич перебрал знакомым, призвал всех подписаться на собрании П.Ф. и даже повесил объявление в Фонде культуры, где появляется немало занятных людей (в основном, впрочем, *пассеистов*).

Я, кажется, уже писал Вам о замысле международного поэтического симпозиума (Ленинград, октябрь 1989). Когда будете во Франции, возьмите на примету 2–3-х французских поэтов и попробуйте, как представитель П.Ф., предварительно побеседовать с ними о симпозиуме. <...> Это же касается венгров (1–2 поэта); прочие «языки» у нас на примете уже есть.

На днях провели вечер поэта Роберта Крили (США) в Центральном лектории и литературного критика Дональда Веслинга в ЛГУ — постепенно обрастаем «людьми и знакомствами».

Итак, жду письма с *точным* указанием (для афиши) дня выступления, фотографию и ответ о «герольде». Возможно, на эту же тему Вам напишет Сергей Завьялов.

И ещё одно: не могли бы Вы «формально» подтвердить своё участие в П.Ф. (для москвичей и провинции предусмотрен статус член-корреспондента)? Кого бы Вы могли порекомендовать?

С сердечным приветом,
Ваш давнишний должник —

Борис.
<конец 1988 года>

Рокуэлл Кент

— Мышка, мышка, где была?
— У соседки кровь пила.

(Матвей, 6 лет)

Из моих консерваторских воспоминаний прежде всего мне хочется остановиться на фигуре Сергея Ивановича Танеева. Это был музыкант и человек исключительной значительности и оригинальности. Трудно понять, почему о Танееве, у которого было столько учеников, которые так

НОЯБРЬ

19

вторник

НОЯБРЬ

20

среда

НОЯБРЬ

21

четверг

много о нём знают и помнят, в конце концов так мало написано, и до сих пор никто не приступил к такой нужной работе, как биография Танеева. <...>

Танеев был человек исключительной прямооты и правдивости. У каждого человека, сколько я их не знал (а знал я их очень много), наблюдается в большей или меньшей степени свойство несколько меняться в зависимости от того, с кем он имеет дело. Я уже не говорю о крайнем полюсе этого свойства — о людях, которых иллюстрировал Чехов в своём превосходном рассказе «Хамелеон». Но эти черты до некоторой степени свойственны почти всем людям. У Танеева это свойство отсутствовало совершенно. Кто бы к нему ни пришёл, знаменитый ли человек или простой смертный, беседовал ли он с высокопоставленным лицом или со своей нянюшкой Пелагеей Васильевной, он ни сколько не менялся. Танееву в равной мере было чуждо подобострастное отношение к людям высоко стоящим или же отношение свысока к ниже его в общественном смысле стоящим людям. У него было глубокое уважение к личности человека вообще. <...>

В характере Танеева было много детских черт. Между прочим, он очень любил сладкое, и когда за чаем были какие-нибудь конфеты или печенье, он поедал всё это в большом количестве и с большим удовольствием. Вообще же, Сергей Иванович, не желая ломать голову над придумыванием ежедневного меню, установил себе для обеда раз и навсегда одинаковое меню. На обед у него неизменно на первое был свекольный борщок, а на второе — котлеты и что-нибудь сладкое, обычно клюквенный кисель. В праздник к этому прибавлялся пирог с капустой. <...>

Танеев был скромным в своих потребностях выше всякой меры. Я помню, как он мне как-то жаловался: «Хочется мне, Александр Борисович, поехать ещё раз весной в Ита-

лию. Я там был в молодости. Когда я был профессором консерватории, я весной всегда был занят экзаменами, теперь же досуг у меня есть, но зато так мало денег, что я не могу поехать». При этом Сергей Иванович часто и довольно много занимался с талантливыми мальчиками, подготавливая их по гармонии, контрапункту и т.п. Никогда ни с кого из этих учащихся, хотя среди них были люди с хорошими средствами, он не брал ни одной копейки, а занимался со своими частными учениками всегда совершенно бесплатно. Те же из них, которые нуждались, почти что жили у него. Он их кормил, одевал, а нянюшка Пелагея Васильевна ухаживала за ними, как родная. <...>

Несмотря на большую серьёзность, Сергей Иванович любил шутку, весёлый разговор, каламбуры и иногда очень удачно острил. Благодаря рассеянности, с ним иногда бывали курьёзные случаи. Два-три примера я расскажу.

Однажды Танееву пришлось ехать куда-то на санях вместе с одной очень полной женщиной. Это, кажется, была знаменитая певица Фелия Литвин. Когда она первая села в сани, то заняла чрезвычайно много места. Сергей Иванович смотрел, смотрел (сесть ему было негде) и, в конце концов, спросил её: «Скажите, пожалуйста, вы с какой стороны сели?»

Несмотря на то, что всю жизнь прожил в Москве, Танеев по рассеянности часто запутывался в московских улицах, и вот он мне рассказывал, что однажды, выйдя через Петровские линии на Петровку, он никак не мог сообразить — куда ему идти: направо или налево. Не решившись спросить у кого-нибудь дорогу, он сел на извозчика в надежде, что тот его вывезет. Но когда они тронулись, извозчик обратился к нему и сказал: «Барин, я первый день езжу по Москве. Вы мне покажите, куда нужно вам ехать!..»

Однажды летом, когда Сергей Иванович проводил летние каникулы в имении Масловых (Селище Орловской губернии), там же проживала какая-то художница, не особенно выдающаяся. Она очень хотела написать портрет Танее-

ва. Он, не желая тратить много времени на позирование, всячески уклонялся от этого и всё пугал художницу тем, что поедет в близлежащий город на велосипеде и там острижётся, после чего ей уже не будет иметь смысла писать его портрет. Художница, не теряя надежды на то, что Сергей Иванович будет позировать ей, когда он однажды отправился на велосипеде в город, взяла с него слово, что он стрижься не будет. Каково же было её огорчение, когда она увидела возвратившегося из города Танеева без бороды и без усов, с голой головой. Когда она в ужасе спросила его: «Что же вы наделали, Сергей Иванович?» — он невозмутимо ответил: «Ведь я обещал, что не буду стрижься, а я... обрился!» <...>

После смерти Чайковского ряд не совсем законченных им произведений был приведён в окончательный порядок С. И. Танеевым. Среди этих произведений было сочинение для фортепиано с оркестром — «Анданте и финал». Это почти завершенное сочинение Чайковский не успел инструментовать. Танеев его закончил и инструментовал; оно было издано Беляевым. Когда инструментовка «Анданте и финала» была закончена, произведение это было поставлено в программу одного из Русских симфонических концертов Беляева в Петербурге. Сергей Иванович поехал туда и исполнил его в этом концерте. Произведение это при первом исполнении успеха, однако, не имело. Танеева из уважения один раз вызвали, и этим всё кончилось. Рахманинов, который был в это время в Петербурге и присутствовал в этом концерте, рассказывал мне, что после концерта они с Сергеем Ивановичем вышли вместе и довольно долго шли по улице молча. Танеев молчал, а Рахманинову неловко было заговорить: он думал, что Сергей Иванович не в духе из-за того, что произведение не имело успеха и, видимо, никому не понравилось. «Так, — рассказывал Рахманинов, — мы прошли с полдороги. Вдруг Сергей Иванович остановился у какого-то фонаря и стал неистово хохотать. Когда, нако-

нец, он пришёл в себя, я обратился к нему с вопросом: „Что с вами, Сергей Иванович?“ — Танеев сквозь хохот произнес: „А я ведь три биса приготовил!“...»

(Александр Гольденвейзер. *Воспоминания. М., 2009*)

Чаваньга, отлив

Лежат обнажённые руды, кристаллы,
друзы.
Неписанное, за-
твердевшее в язык,
отворяет небо.

(Вброшены вверх, на виду,
искоса, так
и лежим мы.

Ты, дверь пред сим, в тот раз доска
с убитою на ней
звездю меловой:
она
теперь для одного — читающего? — ока.)

НОЯБРЬ

22

пятница

НОЯБРЬ

23

суббота

Пути туда.
Час леса
вдоль хлюпающей колеи.
Подобраный
малец, зияющий
орешек буковый: чернявую
открытость
допрашивают пальцы-мысли
о чем — —
к чему?

О
неповторимом, к
нему, к
всему.

Хлюпают пути туда.

Что-то, идти что может, неприветно,
как сердцем ставшее,
приходит.

(Пауль Целан. À la pointe acérée)

НОЯБРЬ

24

воскресенье

Абраккас

Метонимическое прочтение 'символа'

— У-у-у-у! Звуковой сигнал. Начало вступления.

У-у-у-уважаемая публика!

В последнее время я стал большим любителем импровизации и очень рад, что имею сегодня возможность выступить с ней, хотя во избежание недоразумений добавлю, что в это же самое последнее время стал большим любителем не просто импровизации, но импровизации *заранее подготовленной*, более того, импровизации, уже имевшей место в отдалённом или не слишком отдалённом прошлом, что позволяет поименовать её *ретро-импровизацией*, имевшей место, если этот факт кого-то интересует, в интимном кругу, насчитывавшем трёх, двух, а то и одного (собственно автора) слушателя, из которых, если мне не изменяет память и зрение, здесь присутствуют сейчас эти самые три, два, один, присутствовавшие некогда и прислушивавшиеся к моей импровизации, предполагавшейся к будущему публичному прочтению, что в данный момент и происходит, и, что не менее важно, кроме них присутствует, так сказать, инородная часть аудитории, которой ранее не довелось быть упомянутой импровизации со-участниками и со-слушателями, так что без малейшего зазрения совести я могу говорить перед большинством слушателей так, как если бы импровизировал впервые, и, более того, чувствовать себя импровизатором, хотя, конечно... (нрзбр.)... пренебрегая частностями... (нрзбр.)... о моей тайной привязанности... (нрзбр.)... по существу отжившая и пережившая себя... (нрзбр.)... и немедленно, сию же минуту... (нрзбр.)... с тем, чтобы исчерпать себя как тайну, для того чтобы обрести публичность или, если присутствующие пообещают мне и друг другу хранить эту тайну некоторое время втайне, дабы она обрела статус публичной тайны нашей Летней школы, ускользающей в данную минуту от её иностранных

участников, которые плохо понимают мой русский язык, и от тех её отечественных участников, которые по разным причинам (крайняя усталость, рассеянность, опьянение, временная невменяемость) не способны вполне усвоить моё рассуждение, каковое по существу является отговоркой или словесным экивоком, касательно которых я торжественно обещаю, что более их не будет, кроме уже проскользнувших и немногих других, так или иначе связанных с излюбленным мною жанром «весёлой науки», о подробностях которой я не собираюсь долго распространяться, дабы не впасть в противоречие со своим обещанием насчёт отговорок и словесных экивоков и не свести своё сообщение исключительно к разъяснению одного, но весьма пространного экивока, но ещё более ради того, чтобы приятно разочаровать, а то и посрамить тех из собравшихся в этом зале слушателей или будущих читателей этого сообщения, при условии что оно до них дойдёт, при условии что оно будет в ближайшем или отдалённом будущем напечатано или написано от руки, чтобы приятно, как уже было сказано, разочаровать, а то и посрамить тех и других и некоторых неизвестных мне третьих, ошибочно предвкушающих, что моё сегодняшнее выступление, несмотря на все мои экивоки, будет ничем иным, как, в лучшем случае, развёрнутым обсуждением некоего пространного экивока, не относящегося к выступлению или могущего таковым показаться, а совсем напротив, прямо и непосредственно, без каких-либо отговорок и экивоков, громким и отчётливым голосом прочту вслух текст своей ретро-импровизации, даже если она, вопреки всем моим усилиям, покажется кому-то неуместным скопищем всевозможных экивоков и отговорок.

— У-у-у-у! Звуковой сигнал. Конец выступления.

<1991?>

→ 27 ноября: Метонимическое прочтение ‘символа’, 2

Стаи птиц потянулись на юг, как тесьма.
Я на горы гляжу в бесконечную даль.
Подымаюсь на холм, опускаюсь с холма —
Беспредельна тоска, беспредельна печаль.

(Ван Вэй)

НОЯБРЬ

26

вторник

— У-у-у-у! Звуковой сигнал. Продолжение выступления. Оглавление.

Моё сообщение в стиле ретро-импровизации будет состоять ровно из четырёх, а если время позволит — из большего, если же не позволит — из меньшего числа параграфов-главок, которые я позволю себе незамедлительно обнародовать.

НОЯБРЬ

27

среда

- § 1. Метонимическое прочтение 'символа'.
- § 2. Предпоследние слова Пушкина.
- § 3. Акакий Акакиевич в Фиваидской пустыне.
- § 4. Без названия (с забытым названием).

В целом, все эти ровно четыре, больше или меньше четырёх, параграфа служат, по замыслу автора, в данном случае меня, исполнению трудноисполнимой, а то и вообще неисполнимой демонстрации психо-познавательного механизма *забвения* (далее переводчик может не переводить), в известной степени противостоящего и в неизвестной степени дублирующего весьма распространённый и в последние годы всё более распространяющийся механизм *памяти*, равно как и другие, по видимости отличные от забвения, но родственные ему или соседствующие с ним механизмы, вроде рассеянности, расслабленности, обморока, тупости и тому подобное.

Пример беру из оглавления: «§ 2. Предпоследние слова Пушкина». Этим названием я хотел бы напомнить публике,

с одной стороны, хрестоматийную фразу «Дайте мне ягоду морошку!», произнесённую Пушкиным незадолго до его смерти и теснейшим, *однокоренным* образом со смертью связанную, а с другой, подчеркнуть, что, объявляя её «предпоследней», я тем самым даю понять, что не совсем помню, если вообще знал, была ли она действительно последней, предпоследней или иной с конца, звучала ли именно в этой, а не иной редакции и так далее, хотя элементарная интеллектуальная честность, которой все мы так богаты, удерживает меня от еретической гипотезы об отсутствии упомянутой или близкой в ней фразы в лексиконе предсмертного Пушкина и тем самым позволяет мне, а косвенным образом и всем присутствующим, сохранить определённую верность гуманистическим и гуманитарным заветам.

Надо ли, ещё раз повторяю, повторять, что своим сообщением я ни в коем случае не собираюсь выразительно и достоверно продемонстрировать работу механизма забвения и родственных ему и соседствующих с ним механизмов, тем более что я поставил своей целью их *естественное* действие, избегая какой бы то ни было искусственно-театральной симуляции... (нрзбр.)... вынужден отклонить... (нрзбр.)... даже если привлеку тем самым внимание... (нрзбр.)... безусловная важность этой темы... (нрзбр.)... тем более что я нахожусь в позиции исследователя-практика и подопытного-испытуемого одновременно, или, говоря лаконичнее, являюсь *подопытным испытателем*... (нрзбр.)... как своеобразное напоминание об одном из членов семиотической триады Смысл-Энергия-Зияние, а именно о последнем из них, зияющем и именно этим своим зиянием себя обнаруживающем, члене.

— У-у-у-у! Конец оглавления. Параграф первый.

§ 1. Метонимическое прочтение 'символа'.

В виду темпоральной неотвратимости и желая уступить лекторское место многочисленным приезжим го-

стям, я всё более и более сокращаюсь и ускоряюсь с тем, чтобы. Под конец своего. Сообщения. Перейти на телеграфный. Стил. На назывные. Предложения. И отдельные! Вы! Кри! Ки!

Возможен и другой, менее щадящий публику вариант: оставшиеся 20–30 минут моей импровизации, которую, к слову сказать, я записал на магнитную плёнку, прогнать в оставшиеся 2–3 минуты в ускоренном режиме в надежде на то, что подсознание слушателей всё-таки ухватит если не откровенную суть, то сокровенный образ моего сообщения.

Избегая крайностей, попробую избрать третий путь.

Но прежде обращу внимание собравшихся на две опечатки, вкравшиеся в название моего сообщения, напечатанное в программе Летней школы, тем более что Мелимир Бледников некогда справедливо заметил, что типографские опечатки порой привносят в текст недостающую ему оригинальность, и даже пытался, используя как подручное средство броски нечётных костей, составлять стихи, состоящие исключительно из типографских опечаток.

(О-ля-ля! Вспомнил вдруг, как назывался, вернее, как называется сейчас четвёртый параграф моего сообщения. «Происхождение идей из духа непонимания». Название, как видите, в меру имитационное.)

Возвращаюсь к первому параграфу. Его правильное название: «Метонимическое прочтение ‘символа’», а вовсе не «Метонимическое прочтение символа», как значится в программе. Если различие между одинаково звучащими названиями от вас ускользнуло, скажу без обиняков: перед словом *символ* и после него должна стоять одинарная кавычка, кавычечка, с трудом изображаемая в устной речи, хотя разница, вводимая *на бумаге* этой кавычкой, этими двумя одиночными заковьками, сами понимаете, безмерная. Прошу всех владельцев программы и организаторов Летней школы внести в указанном месте упомянутые одинарные кавычки.

Собственно говоря, первый параграф моего сообщения можно сократить до одной-единственной, хотя и громко звучащей команды: «Даёшь метонимию в поэзии!» или до более расплывчатого рассуждения о важности теоретической разработки и практического внедрения *неметафорических регистров* поэзии.

Как вы помните, Роман Якобсон, если огрубить его мысль, предполагал, что поэзия в целом тяготеет к метафорическим приёмам, а роман и кинематограф — к метонимическим. Нелишне, однако, заметить, что многое здесь зависит от того, какая именно поэзия имеется в виду. Стоит только опустить из рассмотрения — как чисто локальную — европейскую поэзию Нового времени (прежде всего романтическую, символическую и так называемую «метаметафорическую»), как враз обнаружится целый букет затемнявшихся ею поэзий, в которых метафора не является доминантой. Например, не раз уже упомянутая мной (не здесь и не сейчас) скальдо-эддическая поэзия с её центральными риторическими фигурами — хейти и кеннингом, о которых три года тому назад на конференции «Новые языки в искусстве» я выступал с зачаточным докладом «Возвращение кеннинга».

Чтобы не ограничиться голым призывом и сделать его более выразительным, а то и парадоксальным, приведу нестандартную этимологию слова *символ*, позволяющую обнаружить в его глубинах, на самой, казалось бы, заповедной территории метафоры не метафорические подмены и не переодевания, а метонимический скелет смежности. В самом деле, греческое слово *symbolē* умалчивает о подобии и сходстве, означая буквально 'сбрасывать воедино' (*sym-* — соединяющий префикс, соответствующий русскому *со-*, *с-*; *bole* — 'бросать', 'кидать', 'швырять'), что позволяет, используя забытый русский глагол *лука́ть* (означающий ровно те же 'бросать', 'кидать' и сохранившийся в словах 'разлучать', 'отлучать', 'прилучать'), перевести *symbolē* не-

сколько скандальным животнo-эротическим словом *случка*. В пользу этого перевода говорит, среди прочего, древнегреческий символ — дощечка, которую предварительно переломив, вручали главам двух семейств как свидетельство их примирения, которое символ демонстрировал въяве соединением, случение двух своих частей в одну целостность.

Как видим, в столь, на первый взгляд, метафоро-символическом слове, как символ, на первый план выдвигается пространственно-метонимическая организация действий: сначала разлом и разведение, затем сведение, размещение и пребывание в ближайшем соседстве.

Слово *случка*, которым я осмелился перевести символ, оказывается той родниковой точкой, из которой на нас готов обрушиться настоящий фонтан... Стеснённый временем, ограничусь тем, что буквально пунктиром укажу несколько тем для размышления.

Царьградo-никейский Символ веры — христианское вероучительное определение — некогда изрядно удивил меня своим необычным для религиозных формул видом (членение на точно пронумерованные двенадцать параграфов-членов) и затруднительностью понимать *символ* в его названии в метафоро-символистском смысле, ибо Символ веры вовсе не подменяет веру чем-то на неё похожим, а даёт лапидарное перечисление составных частей веры, из которых она, собственно говоря, складывается (грамотные богословы поправят меня). Сюда же отнесу преломление Евхаристии; понимание Церкви как метонимического единства верующих; Священный брак, снимающий дистанцию между Небом и Землёй благодаря метонимическому посреднику; разорванную фотографию, которую в советских фильмах шпионы и партизаны используют для опознания «своих». В возникшем контексте слово *случай* приобретает нетривиальное звучание, далёкое от послепаскалевской математизированной теории

вероятностей, напрочь отбросившей *неслучайный* аспект случая, о котором прекрасно знали древние греки.

— У-у-у-уф! На сегодня довольно. Но только на сегодня. Шахерезада отыграла себе ещё один день жизни, Бог знает, сколько их у неё.

<1991?>

НОЯБРЬ

28

четверг

Юрий Коваль, Чистый Дор

НОЯБРЬ

29

пятница

НЕБЫВАЛОЕ, ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ И НЕВИДАННОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

8 НОЯБРЯ 1922 ГОДА В ЗАЛЕ «ТРУБАЧА»

ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ С ЖИВЫМИ ФИГУРАМИ,

БЕСПОЩАДНАЯ СХВАТКА МЕЖДУ КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ.

УЧАСТВУЮТ САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ОСОБЫ.

ИГРА БУДУЩЕГО В КОСТЮМАХ XVIII ВЕКА.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ВЗНОС В ПОЛЬЗУ ШАХМАТНОГО

ОБЩЕСТВА ПАНЧЕВО.

Военные обнажили сабли и выстроились друг напротив друга. Петар Коич стоял крайним справа в красном мундире с платком под воротником и исписанными ногтями. Офицеры <слоны> встали позади него, подкатили пушки <ладьи>, на их сиденья сели артиллеристы с горящими фитилями, с хлыстами в голенищах сапог, вошли белые и красные конники. На минуту наступила тишина, и тут с обеих сторон одновременно появились королевы, следом за ними — белый и красный короли и сели на свои престолы на колёсиках. Музыка заглушила всё, и аплодисменты отметили конец построения. С галёрки, невидимый, безумным голосом закричал Величкович, словно командуя ротой в настоящем бою:

— Е-четыре!

— Це-пять! — послышался ответ со сцены, где скрывался и отдавал приказы другой командир — Конда-младший.

Пешки сделали первые шаги навстречу друг другу. Помощник закройщика Коста Сарич взмахнул саблей как сумел и перешагнул её свист. Судебный писарь Ружичка, чей белый парик едва скрывал его чёрные волосы, двинулся с другого конца поля боя навстречу Саричу. Под его белым шелковым доломаном скрывались сильные лопатки, которыми можно палец укусить. Белый конник, родственник Ленки <Шварц> д-р Стеван Михаилович, не захотел надевать золотистый парик поверх своих красивых волос, на которых идеально сидела треуголка, и размышлял о своих долгах, но при этом имел вид человека, бесконечно довольного жизнью.

— Эту выкормили левой грудью, — заключил он, глядя на Ленку, одетую в роскошный белый мех и восседающую напротив него в кресле в глубине юбки на кринолинах.

Но тут перед молодой белой королевой появляется красный офицер. Это Чирилов. Он галантно кланяется своей невесте, словно приглашая на танец, но они в противоположных лагерях, и на самом деле он представляет серьёз-

ную угрозу и для неё, и для других белых фигур. Это понимают и Конда-младший на галёрке, и белые фигуры на доске. Капитан артиллерии Алекса Николич поворачивает ствол своего орудия на красного конника Чирилова, но конь, который ходит кочергой, имеет преимущество. Он повергает артиллериста, и «сбитого» капитана Алексу вывозят на лафете с поля боя. Чирилов опять поворачивается к белой королеве. Теперь на опасность отреагировал д-р Михайлович. Петлёй своего хлыста он ловко захватывает саблю поручика Чирилова. В мгновение ока разоружает его, срывает с него, будто при разжаловании, эполеты и по команде Конды-младшего удаляет с поля. Всё совершается настолько быстро, что белая королева успевает лишь вскрикнуть, поручик обессилен и бледен, как выжатая тряпка, а потом происходит нечто необычное. Д-р Читинский по команде подходит совсем близко к белой королеве. Его красный доломан прекрасно сочетается с париком, он умело марширует, смеётся, протягивает руку и целует пальцы Ленки Шварц.

— Не подходите слишком близко! — восклицает она. — Я вас побью!

— Будто вы на меня сквозь сито смотрите, так я слаб, — шепчет д-р Читинский белой королеве. — Какую книгу вы взяли?

— Црнянского. А вы?

Читинский чувствует, как мурашки бегают у него по спине, он кланяется ещё ниже, словно приносит извинения, и, подчиняясь приказу, который читает с галёрки судьба, съедает белую королеву Ленку Шварц. Он выводит Ленку с красно-белого поля, поднимая её руку очень высоко, словно показывая всему свету. В этот миг они — самая красивая пара в зале, их белая и красная одежды гармонируют, золотые и черные волосы — тоже. Д-р Читинский возвращается в отчаянии, за обшлагом он несёт Црнянского и ощущает на своей голове два вида волос — те, что выпадают, и те, что растут. Он чувствует, что в затылок ему

давит толстый королевский палец, и слышит, как позади него кто-то хрипит или шумно чешется. Это белый король, господин Шварц, наказывает его за дерзость и предает его судьбу в руки своих воинов. Те выпроваживают Читинского, отобрав у него кавалерийскую саблю.

— Красная конница отступает! — кричит ему вслед Шварц.

*(Милорад Павич. Шахматная партия
с живыми фигурами // Русская борзая, 2001)*

→ 25 декабря: Шахматы (Сталин-Ежов)

30.XI.89

Дорогие Эллен <Берри> и Анисья <Миллер-Погачар>, получил ваше письмо в конце ноября, спасибо за заботу и работу над американским вариантом сборника <«Новые языки в искусстве»>. В ближайшую неделю вышлю недостающие доклады: 1) Дм. Спивак, 2) Вл. Малявин, 3) Вяч. Вс. Иванов, 4) Дм. Пригов, 5) С. Иванова, 6) О. Северская и М. Григорян, 7) Ю. Проскуряков, 8) С. Васильева. Обратите внимание на изменение названий (4) и (7) и перемену темы (8). Кроме того высылаю два текста, которые не были прочитаны из-за нехватки времени: 9) А. Акулов, 10) В. Лапицкий...

Извините за задержку, вероятно, это и есть пресловутая «обломовщина» (Анисья наверняка читала роман «Обломов» с архетипическим главным героем.)

Большую помощь в деле записи докладов на магнитофон, расшифровки и перепечатки оказала Ольга Абрамович, от которой передаю вам самый тёплый привет. <...>

О написанной мною книге о прозе узнал впервые из вашего письма.

С приветом и уважением,

Борис.

НОЯБРЬ

30

суббота

9.1.90

Дорогой, уважаемый Борис!

Бандероль с докладами дошла до нас 4-го января, к нашему всеобщему восторгу. Мы сердечно благодарим Вас с Ольгой Абрамович за эту значительную заслугу. <...>

К сожалению, нужных биографических сведений у нас не достаёт для большинства авторов, а именно:

В. Баранов, В. Лапицкий, А. Левин, С. Зинин, Д. Спивак, Ю. Латынина, А. Бурштейн, В. Левит, В. Иванов, Б. Останин (а Ваш доклад?), В. Аристов, Л. Редько, С. Иванова, С. Беляева, В. Милитарёв, А. Акулов, В. Малявин. <...>

Ещё раз большое спасибо за помощь. Наилучшие пожелания на «последующее десятилетие».

От имени редколлегии «ЗНАК»

Анисья Миллер-Погачар, Эллен Берри.

→ 30 июля: Лапицкий, «Комиксы

ДЕКАБРЬ

Статуя предка, Кафиристан

29 ноября 1929 года архиепископ Гдовский Димитрий <Любимов> был арестован в пос. Тайцы близ Гатчины. Одновременно с ним чекисты арестовали молодого священника Петра Белавского — настоятеля местной церкви свт. Алексия, Митрополита Московского, у которого квартировал архиерей, келейника владыки диакона Павла Морозова и верную экономку, монахиню Анастасию (Куликову).

В тот же вечер и на следующий день был арестован весь причт петроградского собора Воскресения Христова

ДЕКАБРЬ

1

воскресенье

ДЕКАБРЬ

2

понедельник

(«Спаса-на-Крови»): протоиереи Василий Верюжский, Иоанн Никитин, Александр и Сергей Тихомировы, священник Николай Прозоров из Пантелеимоновской церкви (бывшей часовни Александро-Ошеровского монастыря) на Пискаревке, а также много монашествующих и активных прихожан. Аресты продолжались до марта 1930 г. и захватили, среди прочих, одиннадцать монахов Богоявленского Перкомского монастыря под Новгородом, а также духовенство и мирян Псковской области. Всего по этому делу было привлечено сорок шесть человек, обвинявшихся по статье 58/10–11 Уголовного кодекса РСФСР. Так чекисты проводили крупную операцию по ликвидации придуманной ими «Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации „Истинно-Православная Церковь“». Операция началась по всей стране весной 1929 г. и закончилась в 1932 г.

Как известно, советская юстиция была к «иосифлянам» безжалостна и подвергала их репрессиям до окончательного искоренения. Следствие, разумеется, ставило перед собой одну-единственную цель: изобразить петербургских сторонников митрополита Иосифа заклетыми и несправлимыми врагами советской власти. При этом оно выполняло заранее намеченный план поэтапного разгрома истинно-православных христиан не только как своих идейных противников, но и как противников послушных безбожному режиму, помогая последним установить контроль над церковной жизнью. Поскольку Ленинград был центром «иосифлянского» сопротивления, то первый удар обрушился на него, а далее по всей стране пошли репрессии, которые в 1930 г. вынудили «иосифлян» начать уходить в катакомбы. В этом году все их архиереи уже находились в тюрьмах, лагерях или ссылке. В конце года был окончательно закрыт и храм «Спаса-на-Крови».

Чекисты всегда начинали массовую расправу с казней. Так было и в данном случае. Коллегия ОГПУ вынесла свой приговор 3 августа 1930 г. В соответствии с этим приговором 21 августа в тюрьме на Шпалерной были расстреляны

священники Сергей Тихомиров и Николай Прозоров. Владыку Димитрия от смертной казни спас лишь преклонный возраст — ему дали десять лет срока и вместе с большинством осуждённых отправили в Соловецкий лагерь особого назначения. Однако, через два месяца архиепископа Димитрия этапировали в московскую Бутырскую тюрьму по делу «Всесоюзного центра Истинно-Православной Церкви», откуда затем переправили в Ярославский изолятор, где обычно содержались важные политические заключённые. Год спустя, туда же попал и владыка Сергей (Дружинин), заменивший в Петрограде архиепископа Димитрия ровно на год. Именно на его руках новомученик архиепископ Димитрий скончался 4/17 мая 1935 года. Тело его было погребено на соседнем с тюрьмой кладбище. Через два года в черемисском городе Царёвококшайске (ныне Йошкар-Ола) расстреляли и владыку Сергия...

Всего по делу были осуждены сорок четыре человека (двое арестованных умерли во время следствия): десять из них получили по десять, двенадцать — по пять лет, восемь — по три года лагеря. Остальных сослали на север или в Казахстан. На процессе владыки Сергия в 1939 г. обвинялись уже семьдесят пять человек и почти все тоже пошли в лагеря и ссылку. В конце 1932 г., на третьем процессе, были вынесены приговоры последним питерским «иосифлянам», которых удалось выявить карательным органам. В результате этих процессов «иосифлянское» движение всего через четыре года после своего зарождения в Петербурге было обезглавлено и практически подавлено, сохранившись лишь в нелегальной форме...

В ноябре 1981 г. архиепископ Димитрий прославлен Русской Православной Церковью Заграницей в сонме Новомучеников и Исповедников Российских.

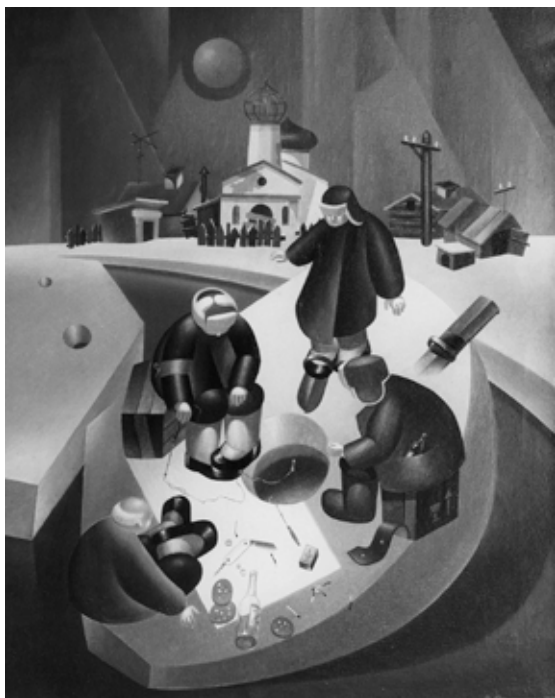
(Составлено по: Виктор Антонов.

Архиепископ Димитрий и его сподвижники // Возвращение, № 12–13, 1999)

ДЕКАБРЬ

3

вторник

Владимир Овчинников, Рыбаки на льду, 1977

ДЕКАБРЬ

4

среда

Петербургский критик Алексей Конаков сравнительно молод и написал не слишком много, но Положение премии Андрея Белого в номинации «Критика» этого и не требует, достаточно трёх-четырёх статей и неожиданного взгляда, а он у Конакова безусловно есть. Его статьи, скажу так, поэтичны — внезапностью идей, сближением далековатых смыслов, наличием замысловатых узлов и сгущений, стремлением покинуть утопанную площадку академической науки, неочевидными эвристическими кульбитами...

Особенно по душе то, что интерес Конакова к новейшим литераторам зачастую совпадает с решениями жюри

премии Андрея Белого, упомяну хотя бы Евгения Харитонова, Всеволода Некрасова, Леона Богданова и Бориса Кудрякова.

Можно, конечно, критиковать некоторые конаковские повороты и петли как чрезмерные (так, описывая автора/героя прозы Кудрякова как «тело без органов», аналогичное чувствилищу слепоглухонемой О. из исследования Ирины Сандомирской, Конаков забывает о *циклопическом фотоглазе* Кудрякова, выпирающем не только из его фотографий, но и из повестей), и, тем не менее, его посыл, драйв, устремление, идея увлекают за собой читателя и помогают заметить до этого незамеченное. Чего стоит хотя бы наивное (в кавычках) прочтение текстов из «Домашнего хозяйства» Пригова как натуралистических, а не концептуальных и метаязыковых, или сближение «Ленинградских стихотворений» Вс. Некрасова с краеведческим постмодернизмом Анциферова в «Душе Петербурга», или разработка динамики «семантических гнезд» лингвиста В. Виноградова и художника В. Пивоварова на материале дневников Леона Богданова, или уподобление специфической организации правого поля в текстах Харитонова опасной работе бритвой художников-акционистов...

Я выступаю сейчас в жанре речи-похвалы, а не исследования, потому не буду особенно углубляться и расширяться — и на этом прервусь, чтобы сообщить о том, что жюри премии сочло критическую деятельность Алексея Конакова последних лет достойной премии Андрея Белого.

*(Речь об Алексее Конакове
на московской книжной ярмарке НонФикшн, 2016 год)*

ДЕКАБРЬ

5

четверг

Иван Сотников

ДЕКАБРЬ

6

пятница

Брат мой
занесённый снега
окоченевший мороз
будто лишённый воздух холод
такой чужой страна
мы встретиться

и ни язык родной
ни какой общий оборот речь
ничего уже

ни даже память
проигранное сражение
родной очаг

но что же тогда
так заставлять одна болезнь большое
биться сердце

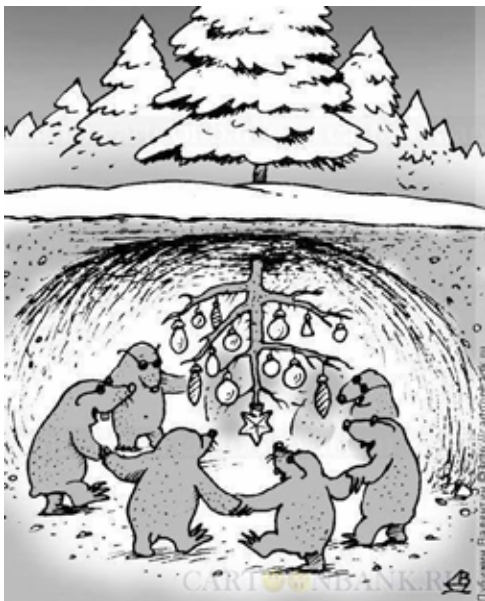
какой мордовский
удмуртский или зырянский бог
мы посетить

*Кодамо моро минь моратано?
Эрзянь морыне минь моратано.
Кодамо ёвтамо минь ёвтатано?
Эрзянь ёвтамо минь ёвтатано.*

Какую песнь мы запоём?
Мордовскую песню мы запоём.
Какую повесть мы поведаем?
Мордовскую повесть мы поведаем.

(1998)

(Сергей Завьялов. Мелика, М., 2003)

ДЕКАБРЬ

7

суббота

Кроты на ёлке

15.XI.88

Дорогая Таня <Горичева>,

спасибо за бандероль (два Башляра) — второй раз в жизни получаю из-за границы книги и как-то неожиданно, вдруг. Пришла в начале ноября, а вскоре открытка и наконец сегодня — извещение на новую бандероль, пойду за ней завтра. С Б. И. <Борис Иванов> ты, кажется, ошиблась домом, не 25-й ли у него?

Событий немало, вот самые спешные. 11 ноября Фонд культуры учредил «Поэтическую функцию» (на заседании которой ты была) в качестве творческой лаборатории, и мы обрели официальный статус и право (долг?) работать на общество. Фонд с особой настойчивостью подталкивает нас к реализации нами же предложенного проекта международной Летней школы «Проблемы современной культуры» (неделя в августе 1989) и даже обещает деньги на десяток иностранных участников (гостиница и питание, проезд-отъезд за свой счёт). Примерный список имён уже намечен (из Америки и Англии знакомые и коллеги, из Франции знаменитости: Феликс Гваттари, Юлия Кристева, Жак Деррида). К тебе такая просьба:

1) *срочно* прислать их адреса, чтобы мы могли выслать официальные приглашения, 2) рассказать им письменно или устно о «Поэтической функции» (анализ языка, риторика, философия культуры, планы по изданию международного журнала и пр.), 3) заручиться их согласием на участие в Летней школе (Ленинград-Пушкин-Рига), если не могут приехать, то пусть хотя бы пришлют доклады, 4) предложить запасных кандидатов (более интересных или доступных).

Приглашение на Летнюю школу, естественно, распространяется на тебя, Павла <Рака>, Бориса <Гройса>, Тупицына (о котором знаю только с твоих слов) и вообще на любых людей, которые смогут в августе *сами* добраться в Ленинград.

Замечу, что ты и Борис у Фонда культуры вообще нарахват. Дело в том, что в сентябре 1989 года состоится конференция по истории неофициальной культуры 60–70-х годов (организаторы — Фонд культуры и Музей истории города, я вхожу в орг. комитет) и вас хотят вполне официально пригласить на неё. Можешь обратиться к очевидцам и самодельцам

тех времён с просьбой прислать доклады и воспоминания (будет сборник материалов) и вообще настраиваться на поездку в сентябре в Ленинград — кто по приглашению, кто как турист. Хорошо, если бы Борис подгадал приехать на два месяца — август-сентябрь — и убил сразу двух зайцев. Кто ещё есть с «исторической хваткой»? Не оживить ли феминисток? По-моему, наступает важный момент в деле создания достоверного корпуса сведений о 60–70-х годах, а то о них уже курсируют самые невероятные легенды (обнаруживается масса героев, основателей, самиздатчиков и т.п.), так что хотя бы ради «исторической правды» и т.д.

И наконец, наша очередная, третья по счёту конференция «Новые языки в искусстве», на этот раз в Ленинграде (1–4 февраля 1989). Понимаю, что живьём вам вряд ли на неё поспеть, но очень надеюсь на доклады — как ваши, так и французских и немецких знаменитостей. Тезисы докладов хорошо бы прислать, не откладывая, в декабре, а доклады — в январе. Сборник обещают, но небольшим тиражом, неприбыльный, так что объясни всем, что отлично было бы махнуть рукой на авторские права, для нас это воистину барский подарок, а перевод мы сделаем при необходимости сами.

Кстати, о сборниках. Сейчас мы начали готовить первый выпуск сборника «Новые языки в искусстве» (по прежним конференциям), как только закончим, примемся за второй, так что можно не дожидаться специально конференции, а присылать заблаговременно доклады, статьи и интервью для второго и последующих выпусков. Нет ли чего готового у Бориса; м.б. перепечатать его старые статьи? Это касается и других людей — здесь я полагаюсь на твой вкус и знакомства.

Такие, впопыхах, новости. Из бытовых: Женя Пазухин уехал на месяц в Америку, там же Дима Панченко (приятель Сурена <Тахтаджяна>), Витя <Кривулин> собирается к вам в конце ноября (они затеяли Ассоциацию писателей и журнал, 23.XI будут читать всё в том же Фонде, своеобразном «культурном Сайгоне», кого там только нет!). Алёша Адашевский, представитель Фонда при «Поэтической функции», тоже сейчас во Франции, авось, отыскал тебя. На фоне этого великого челночного переселения народов я кажусь себе окаменелым дубом.

Ещё раз спасибо за книги: сначала посмакую их сам, потом дам Виктору <Лапицкому> (ты видела его в «Сайгоне») для частичного перевода, хотя сейчас он занят — готовит для всеохватной «Поэтической функции» сборник «Проблемы текста в новой французской философии». Об этом подробнее в следующий раз.

Привет Павлу, Борису, Наташе.

Борис О.

8.XII.88

Дорогая Таня,

пришли ещё три бандероли (с «Беседой»), кроме последней — в приличном состоянии, большое спасибо тебе и немцам-немкам, их приславшим. Если ты не против, я отправлю «Беседу» в Саратов и Киев, а то в Ленинграде — к кому не зайди, есть. Адрес Б. И. <Иванова> действительно дом 25.

Ты, вероятно, уже виделась с Виктором <Кривулиным>, и он рассказал о делах «Поэтической функции» на следующий год. Здесь необходима одна важная поправка: конференция «История неофициальной ленинградской культуры 50–70-х годов» передвигается с сентября на *11–14 апреля* <1989 года>. Фонд культуры готов любезно прислать официальные приглашения *десятку* эмигрантов-ленинградцев, но пока колеблется по поводу их материального обеспечения (гостиница и еда), проезд туда-сюда в любом случае предполагается за свой счёт. Соткалась следующая десятка: Горичева, Гройс, Аллой, Кузьминский, Довлатов, Жарких, Басин, Шемякин (?), Барбан, Хвостенко... Слух об *апрельской* конференции по неофициальной культуре прошу, по возможности, распространять как можно шире, настраивая *всех желающих* ехать в Ленинград туристским самоходом с докладами и воспоминаниями (а если нет возможности, присылать тексты). Фонд обещал издать сборник материалов, хотелось бы сделать его хрестоматийным. Очень надеюсь, Таня, на твою помощь, жду любых твоих советов и адресов и телефонов означенной десятки (и других эмигрантов), чтобы послать им приглашения. Пусть как можно быстрее

вышлют названия и, может быть, тезисы своих докладов — нужны для программы и афиши. Будут приглашены ТВ и пресса, и вообще этой конференцией власти готовы воспользоваться, если я верно понимаю, как важной ступенькой в эскалации примиренческой и возвращенческой политики.

Многое прояснилось и с Международной летней школой, но совершенно пока неясно, кто приедет из французов. Что ты скажешь на этот счёт? Сумела ли ты уже с кем-нибудь поговорить (уговорить)? С советской стороны, помимо «творческой молодёжи», предполагаются академические учёные вроде Аверинцев-Иванов-Лотман-Малявин, а также некие гуссерлианцы, культурологи и т.п. Здесь тоже медлить не следует, т.к. Фонд готов содержать иностранных гостей очень серьёзно (гостиница-люкс), но опять же — кроме оплаты поездки.

Извини мне этот просительно-бюрократический тон, но что поделаешь? О февральской конференции «Новые языки в искусстве» <1989 года> напишу в следующем письме, там же — подробности о I выпуске сборника (отдали на ксерокс) и прочих планах.

Жду письма с нетерпением.

С благодарностью за всё,

Борис.

Полина! Полынья моя!
Когда снег любит — значит, лепит,
А я, как плавающий лебедь,
В тебе, не помнящей меня.
Полина! Полынья моя!
Ты с глупым лебедем свыкаешься,
И невдомек тебе, печаль моя,
Что ты смеркаешься, смыкаешься,
Когда я бьюсь об лёд молчания.
Снег сыплет то мукой, то мукой,
Снег видит, как чернеет лес,
Как лебеди, раскинув руки,
С насиженных слетают мест.

Вот только охнут бабы в шали,
Дохнут морозиком нечаянно,
Качать второму полушарию
Комочки белого отчаянья.

*(Леонид Губанов.
Полина, 1963, отрывок)*

Письмо

Светает.
Снега, мороза нет.

Из пустынного одноэтажного дома медленно выползают бездомные и расползаются по объектам добычи средств жизни.

Появился первый из бригады кровельщиков.
Они ремонтируют плоскую кровлю нашей пятиэтажки.
Он смотрит на окно, где живёт молодая симпатичная особа.

Возможно, она стягивает с себя ночную сорочку.

Звонила Вера из Берлина: будет в Москве в январе, хорошо бы встретиться.

Звонил Арсений из Доброго: он написал новое стихотворение и дважды зачитал его. И я ответил, что хорошо.

По телевизору показали жизнь человека-отшельника, и я подумал о своём отце.

Живёт он в другом городе, не виделись и не общались мы с ним уже лет десять.

Как он там живет? Жив ли вообще?

Давно собираюсь написать ему, но каждый раз останавливаюсь перед чем-то непреодолимым.

Летом видел на даче очень крупную, похожую на орла птицу.

Она вылетела из лесной полосы вдоль железной дороги, опустилась на конёк моего дачного дома. Смотрела на меня отстранённо, холодно, сухо. И мне вспомнился взгляд отца.

Подошли ещё кровельщики. Один из них взгромоздился с ногами на лавочку, верхняя планка подломилась, и он полетел вверх тормашками. Его товарищи заржали, а вороны заволновались, загалдели, снялись с деревьев и ушли в сторону воинской части.

Скоро День ракетных войск стратегического назначения. Моя срочная служба прошла именно в этих войсках и...

И что?

Ничего. Прошла и прошла, хотя...

Ладно, как-нибудь в другой раз.

Асфальт, лужи, ветер, редкие островки грязного снега.

На рынке в продаже уже появились искусственные ёлки.

Когда-то давно замешкались с установкой ёлки. В сумерках наспех нагрёб во дворе мерзлых комьев, живую ёлку установили в ведро с этими комьями, они стали оттаивать, и оттуда пошла вонь.

То есть нагрёб какого-то мёрзлого дерьма.

Люди, машины, дома.

Видел Б., который спивался, а сейчас выглядит вполне респектабельно.

Видел В., который выглядел респектабельно, а нынче у аптеки просит добавить ему на «Трояр».

Прогулка по частному сектору за СИЗО.

Дома, домишки, халупы, кошки, собаки, кусты, деревья.

Задумчиво курит у калитки халупы старик в ватнике, в шапке, в валенках. И я вдруг поздоровался с ним, и он радостно ответил. И улыбка озарила его сухое морщинистое лицо. И я снова подумал о своём отце.

Сейчас приду и напишу ему.

Нужно забыть отстранённость и холодность его взгляда по отношению ко мне.

Нужно в самом себе преодолеть сухость и холодность.

Сейчас приду и напишу ему.

Уже пришёл.

Уже пишу.

(Анатолий Гаврилов. Берлинская флейта, М., 2010)

ДЕКАБРЬ

11

среда

Тени верблюдов

— Самый опасный вид спорта — шахматы. Можно за-
снуть и упасть глазом на короля.

— Мы как змеи. За неделю шкурка становится сухой,
в воскресенье мы её сбрасываем и живём дальше.

— Пять минут — это много. За это время можно поче-
саться во всех местах.

Дима: — Поедем в центр на метро?

Папа: — Нет, на оленях!

Дима: — На барсуках.

Папа: — Кто же ездит на барсуках?

Дима: — Блохи.

ДЕКАБРЬ

12

четверг

При взгляде с горы на Кисловодск: — Можно отсюда прыгнуть и полететь как птица. В смысле, как нелетающая птица. Как страус.

(Дима, 8 лет)

С Сашей Кобаком (слева), 1979

ДЕКАБРЬ

13

пятница

Один старый еврей умел очень хорошо заваривать чай, но секрета своей заварки никому не выдавал. Когда он стал умирать, у кровати столпились родственники и спрашивают:

— Абрам, расскажи нам, как у тебя получается такой замечательный чай. Открой свой секрет.

Старик жестом просит всех собравшихся склониться к нему и тихо, на последнем дыхании, шепчет:

— Евреи, не жалейте заварки!

ДЕКАБРЬ

14

суббота

Интересное положение

«Дама в интересном положении» — с этим выражением хочется хотя бы отчасти разобраться. Европейское interest (от interesse,) получило широкое распространение в ком-

ДЕКАБРЬ

15

воскресенье

мерции: выгода, процент, доход, лихва, рост, *прибыль*... и было, вероятно, перенесено на беременность как на состояние *ожидаемой прибыли*: во-первых, меняет свои очертания и прибывает женское тело, во-вторых, примерно через полгода ожидается прибыль в семействе. Срв. упомянутый в 1742 году императрицей Елизаветой Петровной плеоназм «интересная прибыль».

Изучение этого слова можно продолжить, памятуя о важности корня *inter-* (между-) и *meso-* в западной цивилизации: от Междуречья, мезозоя и международного Интернационала до, как видим, беременности и Интернета, связанного с той или иной формой срединного пребывания (как соединяющего, так и разделяющего), посредничества и роста. В русском языке есть производное от *meso-* слово *мездра* и заковыристый глагол *мездрить*.

ДЕКАБРЬ

16

понедельник

Леон Богданов, Дети

17 декабря 1988 г.

Дорогой Александр <Сокуров>!

Почти два года назад Ваше участие (к/ф «Скорбное бесчувствие» и выступление в к/т «Ленинград» 4 февраля 1987 г.) помогло становлению «Поэтической функции», о дальнейшей судьбе которой хочу дать Вам краткий отчёт. 1–5 февраля 1988 г. — конференция «Новые языки в искусстве» в Москве (56 докладов), 11 ноября 1988 г. — учреждение при ЛО Советского фонда культуры в качестве «творческой лаборатории». Сейчас — как следствие учреждения — у нас появились и появляются некоторые возможности (афиша, сборники материалов, лекции, командировки), которые хотелось бы использовать наилучшим — для нового искусства — образом. Высылаю Вам содержание первого выпуска сборника «Новые языки в искусстве», готового к печати. Не возникнет ли у Вас желания принять участие в его следующих выпусках (в любой форме: творческий манифест, теоретическая статья, критический разбор, воспоминания, диалог с собой...)? В пригласительном листке особое внимание прошу обратить на отмеченную крестиком Международную летнюю школу (7–13 августа 1989 г.), на которую со всей душой и энергией приглашаю Вас. В случае удачи школы Фонд культуры обещал превратить её в ежегодную (художественная и научная программы школы полностью определяются нами). Нет ли у Вас на примете 1–2 молодых, умных, радикальных, творческих людей на Западе, которых можно было бы пригласить в числе 10–12? Жду любые Ваши предложения и советы.

Можно писать по адресу: 191011, Ленинград, Невский пр., 31, ЛО Советского фонда культуры, для «Поэтической функции».

С искренним уважением к Вам как к человеку и замечательному художнику —

Борис Останин.

ДЕКАБРЬ

18

среда

Борис Кудряков, Рюмки

ДЕКАБРЬ

19

четверг

Некоторые русские, греческие, латинские имена евреи воспринимают как «свои» (близки по звучанию к еврейским именам или по другой причине), а некоторые очень не любят и крайне редко называют ими своих детей (слишком христианские, что ли?). Ниже, наобум святых, два коротких списка, без статистики, где-то, возможно, промахнулся.

Любимые имена: Александр, Михаил, Юрий, Борис, Григорий, Аркадий, Ефим, Лев, Семён, Марк...

Нелюбимые: Павел, Пётр, Андрей, Константин, Василий, Иван, Николай, Сергей, Алексей, Виктор, Геннадий, Кирилл, Игорь, Вячеслав, Анатолий, Фёдор, Степан, Георгий, Олег, Максим, Тимофей...

Про ходовое у евреев имя Александр есть анекдот: Александр Македонский по пути в Египет собирался разграбить Иерусалим, но евреи сумели-таки откупиться — пообещали, что, если Иерусалим останется цел, евреи будут называть своих первенцев в честь Александра. Тщеславный полководец соблазнился «нерукотворным памятником» и обошёл Иерусалим стороной.

ДЕКАБРЬ

20

пятница

Вырица, Казанская церковь, часовня Серафима Вырицкого.
За часовней — могила Ивана Сотникова

Дорогой Боря!

Во-первых, спасибо за информацию об очень привлекательном искусстве Вадима Воинова. Это, конечно, другое, чем лирический музей, поскольку в вещах существует отпечаток исторического прошлого, а не личность владельца. Но если взять «Мемориал вещей», то здесь мы с Воиновым делаем общее дело, точнее, Воинов делает, а я в основном размышляю. Если ты с ним знаком, передай самый сердечный привет. М.б., ему было бы любопытно ознакомиться с моей статьёй.

По поводу Ассоциации независимых писателей мне известно очень мало. Я был приглашён, но по домашним обстоятельствам не мог присутствовать на первом собрании. Решено, насколько я знаю, вести подготовку к учредительному собранию (в янв.-февр.), образованы 4 комиссии, в т.ч. мандатная и по подготовке документов и резолюций. От Ленинграда был Берг и ещё кто-то.

Мне звонил Дзюбенко, я постараюсь выступить на Фестивале (Фиесте) Языка <2-я конференция «Новые языки в ис-

ДЕКАБРЬ

21

суббота

кусстве», 1988> с докладом «Авангардизм и религия» — если позволят всё те же обстоятельства.

Вот, кажется, и все новости. <...>

Привет Аркадию Драгомощенко и всему твоему семейству. С Новым годом, дай Бог, чтобы понемногу осуществлялись наши старые идеи и нарождались новые!

Миша <Эпштейн>.

<1987?>

Дорогой Миша,

спасибо за отредактированный доклад, если нетрудно — поспори Викт. Ерофеева, единственного должника. Не хочет ли он прислать в «Часы» что-нибудь из прозы (сравнительно «мягкой», выражусь так) или из своих студий по французскому авангарду, если таковые окажутся у него свободными от официальных предложений.

В Ленинграде царит оксюморонная суэта-апатия, я вряд ли сумею дать тебе письменный отчёт о происходящем, не запутаю тебя. Всё же попробую вкратце по темам (если что заинтересует — опишу подробнее): а) «Поэтическая функция», б) материалы февральского семинара, в) ново-хлебниковский семинар «Поэтической функции», г) журнал «Часы», д) Клуб-81, е) апрельская конференция в Клубе-81, ж) Форум творческой молодёжи, з) форумный сборник поэзии, и) предполагаемый телевизионный «круглый стол», к) кооперативные издательства, л) альманах «Москва-Ленинград», м) прочее.

а), б): ПФ стоит на месте, но стоит хорошо, крепко, уверенно; её престиж в ленинградском обществе растёт, так что ещё два три месяца — и она будет все всякой конкуренции. Материалы для февральского сборника собраны почти все (и даже больше), за исключением 2–3: не прислали В. В. Иванов и О. Седакова — если увидишь их где-нибудь случайно, напомни.

а), в): Следующий семинар ПФ — кажется, я писал тебе о нём? — предполагается провести в Москве, в январе-феврале, на тему «Хлебников, Введенский и новая поэзия» (название можно уточнить). Ленинградское крыло ПФ предлагает

в качестве естественных организаторов ново-хлебниковского семинара Викт. Петр. Григорьева, Ольгу Свиблову, Мих. Дзюбенко, Конст. Кедрова и Мих. Эпштейна. Что ты скажешь об этом? Если в принципе согласен, то свяжись в первую очередь с Григорьевым (тел. 272–43–97) и Дзюбенко (177–61–89) и поговорите предварительно о возможностях и реальностях. Впрочем, учить не буду — дело довольно ясное.

г): Не забывай о «Часах»: они тикают понемногу, несмотря на все перестройки и кооперации; присылай любой интересный, особенно «рефлексо-теоретический» материал.

д), е): И Клуб-81 продолжается, хотя я, признаться, редко его посещаю. В конце апреля была довольно интересная трёхдневная конференция, подобная вашей «Стратегии и тактике», но с более теоретическим уклоном (вплоть до докладов о Псевдо-Ареопагите и Ап. Григорьеве). Были, впрочем, и практики-эсхатологи (группа «Новый мир», «Дельта» и пр.), занимающиеся спасением и активно призывающие слушателей заняться тем же.

ж): Форум творческой молодёжи был организован по образцу московского, декабрьского (организатор — Клуб молодого литератора при СП, в т.ч. Ю. Нешитов), но прошёл, насколько я понимаю, умереннее московского. Клуб-81 и ТЭЭИ участвовать в нём отказались, «остатки» выглядели слишком конформистски и к-соседу-агрессивно... Украшением Форума был некто из Москвы, рассказавший об учреждении Литературного арбитража, в котором довольно отчётливо угадываются очертания анти-дубля СП. Но ты о нём, как участник (и организатор?), знаешь лучше меня.

з), з): Я в Форуме почти не участвовал, но именно что почти: по просьбе Нешитова собрал $\frac{1}{2}$ поэтического сборника (8 поэтов из Клуба-81, 4 — из ПФ, по 300 строк каждый), вторую $\frac{1}{2}$ Нешитов взял на себя (12 поэтов из КМЛ). Это занятие несколько отвлекло меня от работы по пунктам а) и л), однако у Нешитова получено обещание, что если форумный сборник не пойдёт в дело в ближайшие 2–3 месяца, он возвращает мне все поэтические материалы — они вполне годятся для альманаха «Москва-Ленинград».

л): Так что останется только собрать для него прозу. Кроме того я списался с двумя московскими поэтами Влад. Алейниковым и Ген. Айги — из старшего поколения — и получил от них согласие на участие в альманахе М/Л и отчасти — тексты.

к): Основной центр интересов на Форуме был, естественно, кооп. издательства, но шума, биения в грудь, требований и угроз — больше чем реального, не скажу даже дела, а хотя бы приближения к делу. Судя по ЛГ, это повсеместная особенность, а м.б. и главная черта «перестройки». О московских кооп. издательствах в Л-де ходят невероятные слухи (В. Кривулин выдвинул идею «Академия/Лаборатория» на упомянутом Форуме, чем вызвал всеобщий восторг), но я, признаться, не очень-то им верю. Более того, проявив какую-то невероятную кассандровскую прозорливость, я предсказал в первый же день, когда услышал о «Вести» и «Столице» (кажется, после заметки в «Московских новостях») ряд событий, который — поверишь ли? — начинает сбываться. В их числе: слияние «Вести» и «Столицы» в одно гигантское государственно-монопольное частно-кооперативное (!) издательство с колоссальным оборотом, доходом и крупными розничными ценами (8–12 рубл. книга, срв. кооперативная колбаса!). Таким образом, государство ловит целое стадо зайцев, не говоря уже о том, что разделяется с книжным «чёрным рынком».

и): На телевидение нас (ПФ) приглашали уже не раз, но как-то всё неуверенно. Сейчас, кажется, отважились: тема «круглого стола» «Трудности понимания современной поэзии», день ещё не оговорен. Не хочешь ли постоловничать?

м): Ещё много всего, но на этом пока свой отчёт прерываю. И без того получился слишком канцелярским.

Пиши, спрашивай.

Твой Б.

<1988?>

Дорогой Миша,

спасибо за письмо и телефоны. Жаль (и очень рад за тебя), что в феврале ты уезжаешь. М.б., всё-таки указать тебя в программе (подскажи тему и пришли в декабре доклад), чтобы кто-нибудь из нас хорошо поставленным голосом прочёл доклад от твоего имени? Февральский семинар «Новые языки в искусстве» — пробный камень для «Поэтической функции» в её новом статусе: успех (или неудача) может резко изменить наше положение в Фонде культуры. Кажется, я писал, что в этот раз мы сделаем упор на конкретный анализ и «пристальное чтение», впрочем, это не закон, а лишь тенденция.

Второй пробный камень (драгоценный? — ибо Фонд культуры отпускает на него деньги) — международная Летняя школа по проблемам культуры (7–13 августа). Надеюсь, ты оценишь её рабочий подзаголовок: «Роль инновационных художественных техник в условиях жёстких социальных структур» (проще говоря, «Поэт и царь»). Если англичане не украдут тебя навсегда, ждём в Ленинграде летом. Хотелось бы, чтобы Летняя школа удалась, тогда Фонд культуры отпустит на неё новые средства и сделает *ежегодной*. Сам понимаешь, как это важно, ибо содержание школы на 90% определяется нами, в т.ч. и тобой как член-корреспондентом ПФ. Наши возможности и зарубежные связи Фонду пока плохо известны (нам, впрочем, тоже), из-за чего он предпочитает не рисковать и наращивать свои «инвестиции» в ПФ *постепенно*. На Летнюю школу 1989 года наметили пригласить 10 западных учёных (4-х американцев, по два из Англии и ФРГ), в будущем *интергостей* может быть гораздо больше, не говоря уже про авторитет школы. И в самом деле, чем Царскосельский форум хуже Иссык-кульского, как ты полагаешь?

В связи со сказанным, нет ли у тебя на примете 2–3-х надёжных, умных и радикальных людей с Запада? В принципе западная «десятка» уже намечена, но возможны разные накладки (у кого-то окажется занят август и пр.), так что неплохо было бы иметь нескольких «запасных». Фонд оплачивает всё (гостиница, еда, экскурсии) за вычетом билетов. Как, по-тво-

ему, корректно ли приглашать западных людей *частным* образом, т.е. сугубо на правах туристов, объяснив им при этом, что ПФ — организация 1) частная, 2) честная, 3) авангардная и 4) лишь чуть-чуть поддерживаемая Фондом культуры — и потому (пока) не может денежно обеспечивать всех участников школы. Если доверительно и неназойливо разъяснить это западным коллегам и эмигрантам (вот тебе, кстати, задание на поездку в Англию), не подгадают ли они свои туристские вояжи на начало-середине августа, ведь всё равно многие и без того собираются в СССР? А если не смогут приехать, не пришлют ли доклады — для публичного прочтения и издания в сборниках материалов школы?

С внутренними гостями дело обстоит проще, хотя и они могут разъехаться летом кто куда: кто в Крым, кто за границу. Фонд готов оплатить дорогу 10–12 участникам, имей это в виду. Плюс пресса, афиши и многое другое. Жду твоих предложений о составе и о школе в целом.

Несколько слов о сборнике «Новые языки в искусстве». 1-й выпуск почти готов для ксерокса (24 доклада и иные материалы), в декабре пришлю его или привезу сам. Сразу же начну составлять 2-й выпуск (чтобы успеть сделать его до февраля), а по материалам февральского семинара — 3-й выпуск. Если удастся договориться с типографией, они будут гораздо объёмнее, чем 1-й, и, вероятно, сумеют проглотить твои 3 печ. листа (в разделе «Тема»). В 1-м сборнике пришлось довольствоваться докладами по 5–7 маш. стр. (диктат ксерокса). «Рождение культуры» вышло в «Часах» вместе с выступлениями Пригова, Сопровского и Вик. Ерофеева и, по слухам, хорошо читалось в Ленинграде. Более того, недавно здесь была Таня Горичева (журнал «Беседа», Париж), она захотела то ли ответить тебе в своём журнале, то ли напечатать. На всякий случай даю её адрес — м.б., послать ей отдельный оттиск «Рождения»? Второй твой текст вошёл в 1-й сборник, осталась твоя переписка с приятелем, которую я тоже собираюсь вскоре использовать. Если сумею, напишу тебе на-днях по поводу твоей статьи в «Искусстве кино». Что и где ещё у тебя опубликовано официально? Рецензию Давыдова не читал, но слышал, что он сильно тебя поносит. Не

пора ли в таких рецензиях видеть — от противного — своеобразные инициационные значки?

Про «Память» в Ленинграде у меня нет точной информации; говорят, они откололись от Васильева и выдвинули умеренную культурно-церковную программу. С большим шумом прошёл суд над Арк. Норинским (он работал с моим приятелем на одной лодочной стоянке), см. его письмо в «Знамени» — его разыскали по отпечаткам пальцев, которые были известны органам по какому-то давнишнему уголовному делу. Вывод ясен: пиши письма в перчатках.

На этом прерываюсь, хотя рассказал далеко не всё. Особая тема: циклы докладов в Центральной лектории, альманах «Забываемое-неизвестное» и *апрельская* конференция по истории неофициальной культуры 50–70-х годов.

Как твоё новое дитя?

С приветом,

Борис.

... слова теряют силу, голос умолкает, пусть, я прекрасно это знаю, наступит молчание, полное шёпотов, отдалённых криков, обычное молчание, не надо больше слушать, не надо ждать, ждать этого голоса, крики стихают, подобно всем крикам, то есть они прекращаются, шёпот прекращается, звуки сдаются, и опять раздаётся голос, он возобновляет попытки, торопится, пока он есть, скоро его не будет, ничего не осталось, кроме клубка шёпотов и далёких криков, торопится, используя оставшиеся слова, куда торопится? не знаю, неважно, и никогда не знал, использовать оставшиеся слова, чтобы вернуть меня в мою историю, в мою старую историю, которую я забыл, далеко отсюда, сквозь шум, сквозь дверь, в молчание, именно так, слишком поздно, наверное, уже поздно, возможно, они вернули, откуда я знаю? в молчании не знаешь, возможно, это дверь, возможно, я у двери, меня бы это удивило, возможно, это я, возможно, где-то в другом месте это был я, я могу отправляться, всё

это время я путешествовал, не зная этого, сейчас я у двери, у какой двери, при чём здесь дверь, это последние слова, поистине последние, или шёпот, приближается шёпот, я хорошо это знаю, нет, даже не это, говоришь о шёпоте, об отдалённых криках, пока в состоянии говорить, говоришь о них до, говоришь о них после, снова ложь, наступит молчание, без длительности, не надо слушать, не надо ждать, когда оно нарушится, когда его нарушит голос, возможно, другого нет, не знаю, оно не нужно, это всё, что я знаю, это не я, это всё, что я знаю, оно не моё, оно единственное, что у меня было, ложь, у меня, должно быть, было и другое, то, которое длится, но оно не длилось, не понимаю, то есть оно длилось, оно всё ещё длится, я по-прежнему в нём, я оставил себя в нём, я жду себя там, нет, там не ждёшь, не слушаешь, не знаю, возможно, это сон, всё сон, меня бы это удивило, я проснусь, в молчании, и никогда больше не усну, это буду я, или сон, опять сон, сон о молчании, о сонном молчании, полном шёпота, не знаю, всё это слова, никогда не просыпаться, слова, ничего больше нет, надо держаться, это всё, что я знаю, они прекратятся, я хорошо это знаю, чувствую, они покинут меня, наступит молчание, на мгновение, на много мгновений, это будет моё молчание, длящееся молчание, то не длится, то всё ещё длится, это буду я, необходимо продолжать, я не могу продолжать, необходимо продолжать, я буду продолжать, необходимо говорить слова, пока есть слова, пока они меня не найдут, пока не скажут мне, странная боль, странный грех, необходимо продолжать, возможно, всё уже кончено, возможно, они уже сказали мне, возможно, они донесли меня до порога моей истории, поднесли к двери, которая откроется навстречу моей истории, меня бы это удивило, если она откроется, это буду я, наступит молчание, где я, не знаю, никогда не узнаю, в молчании не знаешь, необходимо продолжать, я не могу продолжать, я буду продолжать.

(Самуэль Беккет. Безъмянный // Трилогия, СПб., 1994)

Рассказывают, что в <казанской> ссылке <математик> Егоров сохранил свою веру, ежедневно творя Иисусову молитву. Когда ему запретили это делать, Егоров объявил в знак протеста голодовку. У него и перед арестом были проблемы с пищеварением, скорее всего язва желудка, теперь ситуация быстро ухудшилась. После нескольких недель без пищи 62-летний математик не мог стоять на ногах, а его внутренние органы, особенно печень, стали отказывать. Егорова отправили в больницу на улице Бутлерова, у двери в его палату поставили охранника. <...>

Лорен Грэхем побывал в 2004 году в этой больнице и услышал от нескольких человек истории о связанных с Егоровым событиях. В их правдивости невозможно удостовериться, но именно так пересказывают случившееся. Согласно рассказам, врачом в больнице была не кто иная, как доктор Мария Смирнитская, жена математика Николая Чеботарёва, который оставил в 1924 году свою должность в московском Институте гражданского строительства, узнав, что она досталась ему из-за несправедливого увольнения Егорова. Смирнитская помнила этот эпизод и поэтому постаралась сделать всё необходимое для спасения Егорова. К сожалению, процесс был необратим. Тогда Смирнитская решила, что Егоров должен хотя бы умереть в человеческих условиях. Как лечащий врач она обязана была подписать свидетельство о смерти Егорова. Она сделала это, когда Егоров был ещё жив, передала копию охраннику и попросила его побыстрее доложить о смерти Егорова начальству. После того как охранник ушёл, Смирнитская с помощью своего мужа положила Егорова на больничную каталку, накрыла простынёй и покатила по казанским улицам в свою квартиру, расположенную на третьем этаже дома по Старогоршечной улице (ныне улица Щапова).

Согласно этим историям, на следующий день Егоров умер на руках Смирнитской, и его последними словами были слова из 53-го псалма, созвучные его имяславскому

кредо: «Именем Твоим спаси меня!» («Во имя Твое спаси мя» на церковнославянском). <...>

Мужество атеиста Чеботарёва, проявленное им при заботе о верующем Егорове, самым неблагоприятным образом повлияло на его собственную карьеру. Выдающегося математика Чеботарёва трижды (в 1938, 1943 и 1946 годах) выдвигали в действительные члены Академии наук — редкая честь для провинциального учёного. Однако ректор Казанского университета и секретарь парткома сочли его выдвижение нежелательным и напомнили о его «реакционной» идеологии.

Единственное, что могло бы объяснить заявление руководства о «реакционности» Чеботарёва — его забота о Егорове.

*(Лорен Грэхем, Жан-Мишель Кантор.
Имена бесконечности)*

Богородица Троеручица

Сталин — Ежов
Сицилианская защита
(1926 год)

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd 4. K:d4 Kf6 5. Kc3 Kbd7 6. Ce2
a6 7. 0–0 e6 8. f4 b5 9. a3 Cb7 10. Cf3 Фd6 11. Ce3 Фc7 12.
Фe2 Ce7 13. g4 Kc5 14. Фg2 0–0 15. Lad1 Lfe8 16. g5 Kfd7
17. Ld2 e5 18. Kf5 Ke6 19. K:e7+ Л:e7 20. f5 Kd4 21. f6 Lee8
22. Ch5 g6 23. C:g6 hg 24. Фh3 Ke6 25. Фh6 Фd8 26. Lf3 K:f6
27. gf Лc8 28. Lfd2 Ф:f6 29. Л:f6 Лc7 30. Kd5 C:d5 31. ed Kf8
32. Cg5 Kh7 33. Л:d6 e4 34. Ce3 Лce7 35. Cd4 f6 36. C:f6
K:f6 37. Ld:f6. Чёрные сдались.

(Неизвестно, достоверна эта шахматная партия или кем-то сочинена.)

Граффити

Бойся стен ваннных. На них не пишут.

*Покупаем хлам и продаём антиквариат.
(написано по пыли на старом фургоне)*

*Могу поспорить, что могу прекратить играть
в азартные игры.
(Сидней)*

*Целомудрие — своё собственное наказание.
(Лондон)*

*Пасха в этом году отменяется. Нашли тело.
(Чикаго)*

С шизофренией ты никогда не будешь один.

НЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ЛИФТОМ ПРИ ПОЖАРЕ
*— просто прыгайте.
(Кардифф)*

ДЕКАБРЬ

25

среда

ДЕКАБРЬ

26

четверг

Львы — Христиане

7 : 0

(римский амфитеатр, Трир)

Нервные расстройства наследственны, мы получаем их от наших детей.

Мы — те люди, о которых предупреждали нас родители.

(Харогейт)

Ты никогда не одинок, если ты — сексуальный маньяк.

(Хэтфильд)

Не плюйте — может пригодиться.

(посреди Симпсонской пустыни, Австралия)

Я играл в футбол за Шотландию, пока не открыл «смирновскую».

НЕ КУРИТЕ В ПОСТЕЛИ

— и не спите в пепельнице.

(база ВВС США)

Социализм — опиум для пролетариата.

(Королевский колледж, Лондон)

Бесплодие — наследственно.

(Суонси)

Не ходите на работу — есть масса других дел.

(Йорк)

Афоризм — предсмертный хрип Революции.

(Оксфорд, 1968)

Если Бог существует, это его проблема.

(Эдинбург)

По-моему, секс лучше логики, но я не могу это доказать.

(университет Нового Южного Уэльса)

Не жалуйтесь на пиво. Когда-нибудь вы сами будете старыми и слабыми.

(Оксфордская пивная)

Кембридж, верни мне разум.

(Кембридж)

РОК ПРОТИВ РАСИЗМА

— нигилисты против всего.

(Истбурн)

Конфуций говорит: пока цепочка раскачивается, сиденье остаётся тёплым.

(Бат)

Преступление — высшая форма чувственности.

(Лондон)

Боже, дай мне терпение — но, пожалуйста, поторопись!

(Лондон)

Запрещено запрещать.

(Париж, 1968)

Равенство — миф. Женщины лучше.

(Технологический институт, Новый Южный Уэльс)

Дни граффити сочтены: письмена — на стене.

(Колчестер)

(Граффити из собрания Найджела Риза // Предлог, № 5, 1985)

Уважаемые дамы и господа,
дорогие товарищи и друзья!

Поначалу я не мог поверить, что действительно получил Премию Андрея Белого «За заслуги перед литературой». В романах и других прозаических произведениях я нередко выстраивал миры на грани яви и сна, подчас погружая их в фантастические пространства, где нет больше ни жизни, ни смерти, ни правды, ни лжи, и вдруг сам будто очутился в одном из таких вымышленных миров, где литература стоит выше всех законов вероятности и логики земных будней — я же знал, что Премия Андрея Белого присуждается, как правило, русским и русскоязычным авторам. И потому награда эта стала для меня приятнейшим сюрпризом — из тех, что преподносит нам самая что ни на есть реальная, осязаемая человеческая вселенная, а вместе с ней и зыбкий мир воображения, искусства и мужества.

Я не русский писатель, Володин — всего лишь псевдоним, и поэтому я прежде всего бесконечно признателен замечательным переводчикам, которые просиживали над моими книгами долгие часы, выполняя превосходные переложения на русский язык. Хочу выразить огромную благодарность Екатерине Дмитриевой, Валерии Кислову и Виктору Лапицкому, стараниями которых русские читатели смогли — вслед за читателями иноязычными — окунуться в образы, истории и странствия моих персонажей и приобщиться к постэкзотизму. Без этой колоссальной переводческой работы очень немногим из вас довелось бы последовать за обездоленными, сумасшедшими, каторжниками, недочеловеками, неживыми-немёртвыми, населяющими мои романы, отправиться вместе с ними в посмертный путь, в тьму, в Бардо, в сумеречный поход от первой до последней страницы.

Я благодарен моим переводчикам ещё и потому, что довольно многие из моих книг, вернее, из наших книг, были написаны с мыслью о России, зачастую о советской России. Родной язык у меня французский, но Россия с самого детства занимала особое место в жизни нашей семьи. В Первую мировую войну и в годы революции моя бабушка и тётя жили в Польше, потом попали в Крым, оттуда перебрались в Москву. Моё же знакомство с Россией началось с песен, с этих удивительных созвучий

русских народных напевов. В юности я очень рано пристрастился к книгам, с огромным удовольствием проводил время в компании Горького, Толстого, Достоевского, с восторгом и трепетом смотрел фильмы Донского, Пудовкина, Эйзенштейна. Позже всерьёз взялся за изучение русской и советской культуры: окончил университет по специальности русский язык и литература, читал и перечитывал великих русских и советских писателей 1920–30-х годов, затем современных авторов, а с конца 60-х и вплоть до начала 80-х неоднократно ездил в Советский Союз. Последний раз в СССР был давно, ещё при Андропове. Ни перестройки, ни постсоветской России я не видел. Россия подарила мне дружбу и диссидентство, сдобренные советским юмором, фатализмом, самиздатом, безденежьем, разговорами, в которых неизменно витали призраки лагерей и гэбэшной слежки, отголоски общественной борьбы с нацизмом. Именно такое настоящее и прошлое пронизывает историю многих персонажей в моих книгах, их картину мира, их взаимоотношения с людьми, их представления о человечестве в целом.

Я рассказал вам подробности моей биографии, о которых обычно предпочитаю не распространяться. Но сейчас мне было важно показать, как много у нас общего, несмотря на все злосчастные различия, проштампованные в паспортах. На этом, пожалуй, оставим частную жизнь Володина. Ведь и правда, за тридцать лет литературного труда вокруг более четырёх десятков книг сплотилось некое разноименное сообщество писателей, которые единодушно выступают за идеологию, отвергающую официальный мир, за культуру радикальной борьбы против верхов и действующих властей — финансовых, военных, экономических, политических и интеллектуальных. Эти писатели причисляют себя к постэкзотической, шаманской, диверсионной, иллюзорной литературе. И Володин — лишь одно из имён, стоящее наравне с Лутцем Бассманом, Эли Кронауэром, Мануэлой Дрегер, Жаном Власенко, Марией Самарканд, Инфернусом Иоаннесом и прочими. наших голосов много, они сливаются в хор, создавая предмет прозаического искусства, который, очевидно, так и останется за рамками литературы, именуемой — в общем-то, без уничижительного оттенка — официальной.

Эту престижную награду получают Антуан Володин и Лутц Бассман: Володин — за «Писателей», Бассман — за книгу «С монахами-солдатами», но обещанную бутылку водки мы разопьём вместе с остальными, по очереди откусив от яблока и разделив на всех памятный рубль. С нами будет и Эли Кронауэр, который перевёл и переработал множество русских былин, и Мануэла Дрегер, написавшая книгу «Одиннадцать сажистых снов», где на последних страницах герои умирают под звуки старинной русской песни «Сронила колечко» и таким образом исполняют завет одного из наших любимых писателей — Артёма Весёлого: «И когда-нибудь у придорожного костра, слушая цветную русскую песню, легко встречу я свой последний смертный час». И, конечно же, мы поднимем высоко над головой «Тюремные хайку» Лутца Бассмана, с безысходным лагерным юмором повествующие о тюрьмах, о железно-дорожных конвоях и, наконец, о смерти в сибирских лагерях.

Я не хотел бы прощаться с вами, не упомянув другое сообщество мощных и ярких авторов, писателей, поэтов, эссеистов, переводчиков — всех тех, кто получил признание и поддержку за 37 лет существования Премии Андрея Белого. Мне очень лестно оказаться сегодня среди этих людей, каждый из которых олицетворяет для меня ум, глубочайшую культуру, творческий дар и потрясающе самобытную душевную силу. Независимо от возраста и предпочитаемой литературной формы все мы принадлежим к одному поколению, не знающему ни границ, ни сословий: это поколение свободных людей.

Напоследок я, разумеется, хотел бы поблагодарить членов жюри, которые столь любезно обратили внимание на наши маленькие воображаемые миры, на их мрачность и неприкаянность, на их болезненную причудливость, на их чёрно-белые изображения, насыщенные отчаянием и в то же время любовью.

Спасибо вам всем, уважаемые дамы и господа, дорогие товарищи и друзья.

(Антуан Володин.

Письмо комитету премии Андрея Белого, 2015)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО
за 2015 год

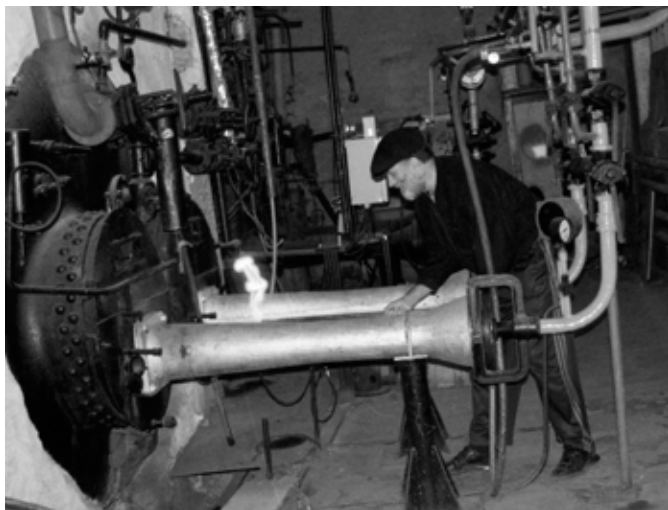
в номинации «За заслуги перед русской литературой»

присуждается

АНТУАНУ ВОЛОДИНУ

— автору книг «Писатели», «С монахами-солдатами», сумевшему наперекор границам любой страны и любого наречия расшатать *решётки языков* ради торжества и провала, провала и торжества наднациональной литературы униженных и притеснённых; страннику по кромешным мирам Бутово, Мордовии и Бардо, отцу и товарищу персонажей и друзей по застенку — Никиты Курилина, Марии Самарканд, Жана Влащенко, Виктора Гольденберга, Лутца Бассмана...

Санкт-Петербург, 2015 год
Жюри

Круглая баня, котельная

ДЕКАБРЬ

29

воскресенье

37. **Фукусукэ** - Малыш с воробьем -

ребенок с птенцом воробья счастья "фукура-сугзума" - является необычайно благожелательным символом. Иероглиф "фуку" - означает счастье, а "ра" - суффикс множественного числа. Таким образом, небесный волшебный воробей, сидящий на малыше, является символом, приносящим счастье, небесное покровительство и защиту маленьким детям. Нэцкэ можно подарить женщине с пожеланием благополучных родов.

Фукусукэ - мальчик, приносящий счастье - является одним из самых добрых и счастливых символов.

Нэцкэ Малыш с воробьём

Париж. 26.12.88.

Дорогой Борис!

ДЕКАБРЬ

30

понедельник

Спешу ответить на два твоих письма, которые получила недавно (из-за французской забастовки почты). Всё, что могла, сделала: написала письма вышеуказанным Дерриде, Кристевой и Гваттари, рассказала о ваших делах эмигрантам, пока встретила только Хвостенко, который очень хочет приехать, ждёт приглашения: Alexei Chvostenko, 55 Rue de la Goutte d'Or, 75018 Paris, France.

С иностранными философами, конечно, сложнее, не знаю, смогу ли лично с ними встретиться, ведь я много путешествую (как и они), кроме того, всякие приглашения нужно присылать такого уровня людям годом раньше. Но письма я написала самые трогательные и убедительные, может быть, кто-то и откликнется. <...>

Спасибо, что распространяешь «Беседу», посылаешь в другие города.

Низкий поклон Борису Ивановичу <Иванову>, дай Бог вам удачи.

Вероятно, приеду к середине февраля.

Твоя Таня <Горичева>.

Париж. 18.1.89.

Дорогой Борис!

Вот наконец-то желанная весть: я встретила с Гваттари, и он очень заинтересовался в поездке в Россию. Мы (с Павлом) подробно рассказали о конференции. <...>

Он приедет не один, с ним человек семь — отборная интеллигенция, художник, психоаналитик, все люди мыслящие, интересные. Они хотели бы пробыть в Ленинграде дней 10. Конечно, Гваттари прочтёт доклад. Он спросил у меня, на какую тему. Мы зачитали вашу программку. Я, зная, что последнее время он писал о субъективности, сказала, что это было бы интересно. Конечно, язык у него самый «зашифрованный», как и у всех значительных французских философов. Поэтому переводчик (он будет говорить на французском) должен немного разбираться в современной философии, хорошо бы найти такого, кто что-то понимает в психоанализе. Вообще, чтобы встреча была плодотворной и не скатилась к обсуждению «перестройки», нужно, чтобы и вы там подготовились. <...>

Я сама очень хотела бы приехать. Но у меня в августе два важных на Западе доклада. Впрочем, попробую их отменить.

Делёза, который и по сей день дружен с Гваттари, мы хотели тоже пригласить (мы его слушали в Сен-Дени), но он совсем сдал, никуда не ездит, и его друзья сказали нам, что в Ленинград он уж точно не поедет.

Бодрияр (которого я тоже почти пригласила), к сожалению, очень не по душе Гваттари. Лиотар и весь «постмодернизм» тоже вызывают раздражение мэтра. Он непрестанно выступает против симулякров, структурализма и постмодернизма. Так что этих замечательных личностей можно пригласить в следующий раз.

В феврале, наверно, буду в Ленинграде.

Храни тебя Господь.

Твоя Таня.

Адрес Гваттари: Felix Guattari, 16 Rue Saint Sauveur, 750003 Paris.

Он вам напишет через месяц-полтора. Хочет приехать с женой Жозефиной.

8.11.89

Дорогая Таня,

получил два твоих письма и читал с большой радостью. Спасибо за помощь с Гваттари: благодаря тебе у нас возникает «центральная фигура», «печка» Летней школы, от которой мы будем плясать — готовить переводчика, читать книги и т.п. Пишу вкратце, т.к. надеюсь увидеть тебя на-днях и подробно обо всём поговорить. Я бываю по вторникам с 17 до 19 в Фонде культуры, а второй и четвёртый вторник с 20 часов в Клубе-81 (там оргкомитет по «Неофициальной культуре»). Кроме того появляюсь на работе, тел. 26–24–378, по нему можно узнать, когда я работаю.

Конференция «Новые языки в искусстве» проходила с 1 по 4 февраля в Центральной лектории. Что касается одноименного сборника, то одно московское издательство согласилось его печатать, возможно, и остальные выпуски, но срочно потребовало от нас 2000 подписчиков (цена около 3 рублей). В ближайшие дни буду этим заниматься.

За критику тебе признателен, могу сказать следующее. Насчёт многотысячных крещений у Дудко и Меня не знал, но в Ленинграде с подобными явлениями не сталкивался. Другое дело, что *сейчас* массовые крещения достигли, кажется, и Ленинграда: так, недавно меня попросили найти священника для десятка молодых (лет по 19–20) актёров, которые сначала увлекались фольклором, а теперь захотели приблизиться к Церкви, а то и креститься. Конечно, при нынешней пропаганде христианства в прессе и по ТВ это неудивительно; заслуга «кучки крестившихся интеллигентов» в 70-е годы, каково бы ни было их число, на мой взгляд, как раз в решимости действовать *наперекор* обстоятельствам, атеистической пропаганде и моде и своим живым примером облегчать путь другим.

Полностью согласен с тобой насчёт ленинградской поэзии 70-х годов, которой можно гордиться и которой я горжусь, но дело в том, что мы с Сашей <Александр Кобак, речь

о докладе «Молния и радуга. Пути культуры 60–80-х годов»> старались быть *историками*, т.е. описать изменения в духовности общества независимо от того, нравятся они нам или нет, не путая описание с призывом. В первый выпуск сборника вошёл не весь доклад, а небольшой отрывок из него, страниц 5–6.

О «молнии» у Лиотара я не знал по причине своей малой начитанности, но у нас с Сашей в одном месте упомянуто, что «радуга» порой *включает* в себя и «молнию» и, вероятно, упомянутое тобой «болото». Об этом подробнее поговорим при встрече.

Спасибо за книги и журналы: я переслал их в Киев, Саратов, Свердловск и Москву. Провинция заметно активизировалась (сужу по Саратову и Свердловску), там начинают издавать машинописные журналы, организовывать литературные клубы и т.п., т.е. с разницей в десяток лет идут по следам столиц, с большим рвением используя наш опыт. Интересно, что из этого получится.

До встречи, Борис.

Милый Боря!

Видно, моя открытка до тебя не дошла. Я тебе свидание в прошлый четверг назначала. Дело в том, что после Гваттари ко мне пришли ещё. Один профессор философии *права* (нужно ли выступление на эту тему?) Ив (фамилию забыла), он ведёт отдел идей в «Эвенман» (крупный журнал) и собирается даже о всех делах ленинградской культуры там изложить.

Ив сказал, что может набрать несколько десятков <!> интеллектуалов для поездки в Ленинград. Вопросы: 1) Сколько их можно (гостиница, питание)? 2) Могут ли ехать жёны и дети <!>?

Напиши об этом Павлу <парижский адрес>. Он пришлёт тебе их адреса потом.

Напиши и Гройсу, который хочет, чтобы его пригласили и что-то из статей прислать. Его адрес — в «Беседе».

Я, наверно, уеду в ближайшее время в монастырь.

А так звони. Встретимся. Очень просил пригласить его Хвостенко (в апреле). Он предлагает вместо гостиницы оплатить ему путь. Денег у него ни копейки.

Храни тебя, Аркадия <Драгомощенко>, Бориса <Иванова> Господь.

Твоя Таня.
<февраль 1989?>

ДЕКАБРЬ

31

вторник

Андрей Белый, водочная этикетка

2020 ГОД ЯНВАРЬ

Правила для детей

Не люблю командовать ни детьми, ни взрослыми, но иногда, хочешь — не хочешь, приходится, вот и сформулировал или заимствовал себе в помощь несколько жизненных правил, выполнения которых, особенно первых двух, от своих детей упорно добивался.

ЯНВАРЬ

1

среда

1) Голова — живот — ноги

Кажется, у Айванхова обнаружил простое правило «Голова — живот — ноги», которое подразделяет окружающие ребёнка предметы, с которыми он ещё не умеет как следует обращаться, на три уровня — верхний, средний и нижний, строго запрещая их смешивать. Почему нельзя ложиться ногами на подушку или ставить их, на американский манер, на стол? Да потому что «голова-живот-ноги» и т.д. В случае животного это правило ещё очевиднее и мнемоничнее: голова — живот — зад (в пищевом коде: поглощение — переваривание — выделение), всё это *очень разное*.

2) Дверь

Дверь (во всех её разновидностях — от турникета метро до перехода в иной мир) надо миновать быстро, но сосредоточенно, энергично, вдумчиво, *не мешкая*, не задерживаясь, в противном случае прищемишь себе паль-

цы, получишь створкой по голове, помешаешь пройти встречному...

3) Айсберг

Мир устроен *гораздо сложнее*, чем ты думаешь: большая его часть (событий и причин, в физическом мире и в политике) скрыта от нас, как пресловутый «комель» айсберга, к тому же, в отличие от однородной ледяной глыбы, человеческий айсберг — разнородный, много-составный...

4) Сосчитай до десяти

Не реагируй мгновенно, *остынь*; возможно, никакой реакции от тебя не требуется, сосчитай до десяти, а то и до ста. Впрочем, этот пункт самый «диалектический»: иногда *мгновенная* реакция взрослого оказывается самой правильной, хотя для детей с их вспыльчивостью и необдуманными поступками это не так.

5) Не жалея о содеянном

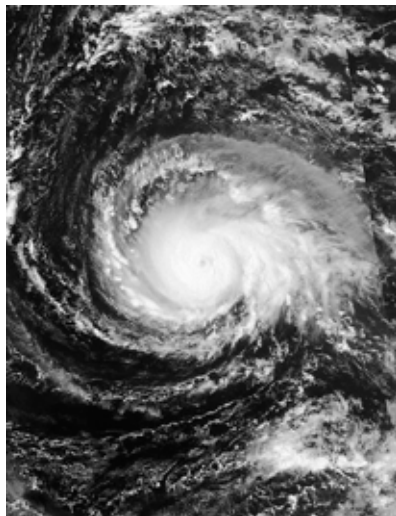
Не жалея о своих поступках, даже если они неверные, особенно если их нельзя переделать, не оплакивай прошлое, не скорби об упущенных вариантах, не разрывай себе душу возможностями (чаще всего фиктивными), живи в настоящем — действуй (или бездействуй) так, словно прошлого не было и следов от него не осталось.

6) 92%

Избегай абсолютных суждений, вместо 100% говори, допустим, 92%, а 8% оставляй на противоположные и неожиданные варианты, мнения, группы.

Один или два пункта забыл.

(1980-е)

Ураган

ЯНВАРЬ

2

четверг

О Герте Неменовой

Эта литография <«Цирк» Герты Неменовой в «Лавке художника» осенью 1965 года> каким-то образом напомнила мне отрывок из текста Судзуки о дзен-буддийском искусстве стиля суми-ё: «Он не представляет собой живопись в строгом смысле, это своего рода эскиз. Он сама бедность, бедность формы, бедность материала, краткость изображения. Однако в нём ощущается присутствие некоего движущегося духа, который странным образом витает вокруг линий, точек, теней различных очертаний. Ритм его живёт, дыхание его вибрирует в них. Это — красота несовершенства в сочетании с древностью или с примитивной неуклюжестью и лёгкостью исполнения».

В 1967 году я решил поступать в СХ <Союз художников>, участвовал в нескольких выставках, был членом Горкома художников, но мне не хватало третьей рекоменда-

ЯНВАРЬ

3

пятница

ции. Благодаря этому обстоятельству я неожиданно познакомился с Неменовой, чья литография произвела на меня такое сильное впечатление. Ещё в начале 60-х я подружился с художником Юрием Галецким и его женой Эллой <Липпа>. Она хорошо знала Неменову и пообещала поговорить с ней. Согласие было получено, и в сентябре 1967 года мы встретились у метро «Петроградская». Пока мы не торопясь шли, Элла мне рассказала, что в конце 20-х годов Неменова жила в Париже и обучалась в студии Фернана Леже и часто посещала мастерскую М. Ларионова и Н. Гончаровой. Мне показалось это чистой фантазией, оказалось, что это было абсолютной правдой. <...>

Любимой моделью Неменовой был Элик Богданов, она с ним познакомилась в Эрмитаже в конце пятидесятых — тогда ему было 14 лет. Я видел много рисунков (литографированных потом). Холстов небольшого размера было около шести или восьми. Всего изображений приблизительно около сотни.

(Валентин Левитин. О Герте Михайловне Неменовой // Люди без одиночества, СПб., 2010)

Борис Останин изобрёл градусник для ноосферы. Температура измеряется долго и планомерно. Так, с 2015 по 2018 <годы издания книг «37, 1», «37, 2»> она повысилась на одну десятую градуса.

Метафорически можно представить, что этот контрольно-измерительный прибор (КИП) автор засунул под мышку Млечному Пути. Литературные звёзды, планеты, астероиды, кометы, космическая пыль и межгалактический газ циркулируют здесь по хронологическим завиткам смертей и рождений его современников.

Поэтому Останин упразднил пагинацию, предпочтя ей вечное возвращение календаря. Отрывки из текстов ещё живых и уже мёртвых (большинство) самиздатчиков раз-

мещены в соответствии с датами их жизни. А межгалактический газ цитат кого угодно из чего угодно придаёт этим «Четьи-Минеям» андеграунда воистину вселенский масштаб литургии.

В эту книгу, как в часовню, в любое время может зайти каждый и начать читать с любого места. И разве не пророчески теперь звучит название давнего журнала — «Лабиринт/Эксцентр».

Я же, придерживаясь позиции ортодоксального псаломщика (Л. И. Аксельрод-Ортодокс <меньшевичка>, не ваши ли это гены?), стал читать упорядоченно: день в день. Теперь книги-«градусники» лежат на тумбочке у дивана, и я каждое утро читаю соответствующие тексты.

В прошлом тысячелетии было такое сочинение «Жизнь по доктору Споку», а я себе в этом устроил жизнь по Останину. Как правоверный иудей, устремляющий взор к востоку, мусульманин, совершающий намаз, буддист, вращающий вертушку с молитвами, или христианин, становящийся на колени перед образами, я начинаю день с ноосферного градусника...

И вот что интересно, в контексте «Млечного Пути» стихи и «откусы» (термин Ры Никоновой) прозы воспринимаются не так, как в авторских сборниках. Чем ярче художник, тем больше прорывается всепоглощающая тьма Универсума.

Безумный свет чёрного квадрата без углов, как «тёмная» энергия в космосе, пронизывает сочинение Бориса Останина, вовлекая его в область обериутского хронотопа «между двух», где смерть ещё не конец, а жизнь уже не начало.

25–26 мая 2018

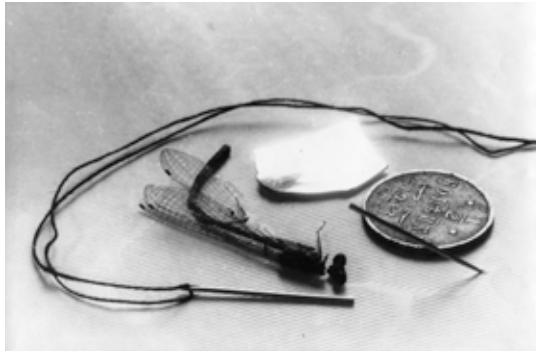
(Борис Констриктор <Аксельрод>. Жизнь по Останину)

→ 18 января/2020: Ещё не конец

ЯНВАРЬ

5

воскресенье

Борис Кудряков, Сухая стрекоза

ЯНВАРЬ

6

понедельник

Мы в воды медлительной Леты летим, как зерно
в борозду,
 а три одиноких планеты в одну превратились звезду,
 и шкурою снежного барса лежит ослепительный свет
 Сатурна, Юпитера, Марса на теле озябших планет.

Ручьи пересохшие немые. Пустыней бредёт караван,
 волхвов в декабре к Вифлеему оптический гонит обман,
 а с крыш городских на просторе под шум
зацветающих лип
 виднеется Мёртвое море с прозрачными спинами рыб.

Бредут вавилонские маги, им нет ни препон, ни преград,
 и тихо колышет в овраге черёмуха свой виноград,
 колышет, и кажется пьяной, и сладко цветёт курослеп,
 а рядом, в избе деревянной, ржаной выпекается хлеб.

Пора отправляться в Европу, посуду убрав со стола:
 там Кеплер, припав к телескопу, увидел, что снова тела
 Юпитера, Марса, Сатурна составили тело одно,
 и море вздымается бурно, и рвётся его полотно.

Друг другом питаются рыбы, нас время прозрачное ест,
но вместо верёвки и дыбы воздвигнут сияющий крест,
и временной смерти проситель себя у пространства
крадёт,
увидев, как снова Спаситель по Мёртвому морю идёт.

(Светлана Кекова)

Одно из первых моих «богословских» поползновений
в студенческие годы: наспех сочинённая *богородческая ересь*.

Два главных праздника богородчества: Благовещение
и Рождество, до Пасхи у богородца не достаёт духа и отва-
ги — довольно и того, что он вынашивает в себе Бога как
малейшее и слабейшее существо в нашем мире, которое
нуждается в его помощи и защите. Бог — немощное дитя,
разве что *обещающее*, по мере своего возрастания и му-
жания, помочь человеку в далёком будущем, пока же са-
мо нуждающееся в его помощи.

Впоследствии узнал, что похожий Бог-Дитя был у не-
мецких мистиков.

(1960-е)

→ 13 февраля/2018: Ангел Силезский

Милый Борюшка!

Вспоминаем мы с Димой <муж> о тебе очень часто, я мыс-
ленно разговариваю с тобой, примеряю для тебя здешнюю
жизнь, цитирую тебя, рассказываю о тебе. Короче, есть опас-
ность, что ты ещё при жизни превратишься для меня в класси-
ка. Очень обидно, что мы так мало с тобой общались (не лю-
бишь ты это слово!), много внимания обращали на пустяки
и очень мало тебе помогали. Но ещё не вечер, мы и отсюда
готовы хоть как-то помочь. (Кстати, дошли ли до тебя книжные

ЯНВАРЬ

7

вторник

ЯНВАРЬ

8

среда

бандероли, что мы послали из Италии?) Ну, а если ты ещё и писать нам будешь, это будет действительно здорово. <...>

Люди? Люди, в основном, русскоговорящие. В комплексе, где мы снимаем квартиру, немало русских семей, в основном, из Ленинграда. Гельфонды тоже здесь живут, у них недавно родился сын, назвали Гришей. Дети под окном орут чаще всего по-русски. Многие наши друзья, с которыми мы привыкли встречать праздники, разговаривать, ссориться и помогать, тоже здесь. Американцы, конечно, создают фон, но исключительно в роли статистов, общаться с ними особой надобности нет. Да и вид у них совсем не иностранный, такое ощущение, что прикидываются, будто по-русски не говорят. Одни негры не оставляют никаких сомнений, но в нашем районе они встречаются крайне редко, на Невском и то чаще. Если не работаешь (а я именно что не работаю и, что любопытно, не испытываю к тому ни малейшего желания), вполне можно обойтись десятком примитивных фраз. Тем, кто работает, приходится выдавливать из себя больше, но и у них общение происходит в основном на русском языке. Так что с «погружением» фокус не удаётся, язык приходится учить почти теми же методами, что и в Союзе.

Диме работа ничего принципиально нового не дала. Он работает в той же области программирования, что и в Союзе, и с тем же интересом. Организация труда здесь, конечно, выше, да и результаты идут сразу в дело, но пока для Димочки определяющим является его личный интерес: насколько данная работа его интересует и получает ли он удовольствие и, что называется, «свободный рабочий день». Здесь, как и в Союзе, он регулярно намечает для себя приехать на работу к 8.30, ну, и где-то к половине десятого там появляется. А днём он без проблем может уехать на несколько часов по своим или моим делам. Начальство довольно результатами его работы, а для него такие условия являются жизненно необходимыми (во многих фирмах режим довольно жёсткий). Хотелось бы, чтобы эта идиллия продолжалась как можно дольше, но как-то не верится. Ведь и в Союзе мы с Димой имели свободный рабочий день, но выбивали его с боем, отстаивали с огромным напряжением и воспринимали как временное явление.

Изменились ли наши с Димой интересы? Пока нет. Читаем те же книги, почти в том же объёме, обсуждаем те же вопросы: судьбы России, роль интеллигенции, религии и культуры, роль православных и либералов — во всём этом по-прежнему хочется разобраться, понять, докопаться до сути. Увы, та же путаница, что и раньше. Вернее, суть, вроде бы, лежит на поверхности, она, вроде бы, тривиальна, но как только переходишь из области благих намерений к конкретным вопросам, тут-то и начинаются все те страсти, в которых сохранить какую-то ясность и объективность чрезвычайно трудно, а уж предложить маломальское разумное решение и вовсе невозможно.

Существенно новый для нас момент — наши походы в православную церковь. Конечно, и в Ленинграде, и в Риме я с Капочкой <старшая дочь Капитолина> ходила в церковь и приводила её к причастию, и всё-таки тогда мы с Димой были зрителями. Здесь же всё иначе. Церковь в Пало-Альто небольшая, прихожане русские, эмигранты 1-й и 2-й волны, священник, отец Владимир, очень молодой. Встретили нас очень тепло, с некоторыми мы как-то сразу подружились и встречаемся домами. С отцом Владимиром мы познакомились ещё раньше — в доме его родителей, где проводятся семинары, подобные нашим. С этого момента он стал для нас с Капочкой первым человеком на земле, она буквально счастлива от любого его внимания, которого получает предостаточно. Короче, как-то так складывается, что церковь входит в наш быт и дом, и мы вольно или невольно становимся частью прихода. Конечно, мы (кроме Капочки) ещё очень скованно чувствуем себя в храме, отчуждения и скепсиса хоть отбавляй, но всё-таки... И не только церковь с её обаятельным священником, но и Бог, т.е. ощущение Его, связь, восприятие — всё принимает *качественно* другое значение. <...>

Вот и всё пока о нас, об Америке напишу в другой раз. Пиши нам, пожалуйста.

Тая <Ленкова>.

< Купертино, США, январь 1982 >

Дорогой Боря!

После твоего сегодняшнего звонка ещё болит голова, ведь у нас тогда было 6 утра, а привычки наши не изменились и ложимся мы в районе двух. Но это ничего, слышать знакомый голос из нашей прошлой жизни приятно в любое время суток, это немного похоже на чудо: так обыденно и так невероятно. <...> Здесь идёт всеобщий процесс обострения по национально-религиозным вопросам, для многих наших эмигрантов любое упоминание православия отождествляется с антисемитизмом. Это стало каким-то пунктиком даже у тех, кто раньше хорошо понимал, что из-за того, что существует верблюд, нельзя всех млекопитающих называть верблюдами. <...>

Ещё раз спасибо за пластинки, очень приятно, особенно понравились короткие сказки. Из детских пластинок Вера <младшая дочь> больше всего любит слушать «Маленького принца», «Алису» и «Кошку, гулявшую...», причём понимает довольно глубоко, во всяком случае задаёт иногда непростые вопросы. Ещё мы любим слушать пластинки Окуджавы, Таривердиева и Высоцкого и русские песни (у нас есть пластинка в исполнении Н. Плевицкой, но мы её слушаем в Димино отсутствие, он у нас не любитель русских песен). Если будешь посылать нам любые пластинки, которые покажутся тебе интересными, включая классику, мы тебе будем очень благодарны и пошлём пластинки, которые продаются здесь. Посылку с книгами, к сожалению, ещё не получили, но надеемся. С книгами ровно та же ситуация, что и с пластинками: всё, что тебе покажется интересным.

С Верочкой, как ты уже знаешь, у нас был очередной трудный этап: довольно сложная операция на голову, теперь она полностью оправилась, но насколько успешно прошла операция, ещё неясно, 2 февраля будем делать рентген головки, тогда можно будет что-то сказать. В среднем она развивается нормально и радует нас бесконечно. С Капочкой у них особая любовь. Капочка очень быстро взрослеет, мы с Димой, глядя на неё, иногда изумляемся. <...>

Короче, пиши нам длинные и подробные письма, буквально обо всём, вплоть до того, как у вас сейчас с питанием. По рассказам приезжающих, продуктовые магазины пусты, достать

сыр — проблема, не говоря уж о колбасе, мясе, молоке и пр., и это в Москве и Ленинграде. Вообще рассказы очень мрачные, что ужасно давит на психику, а тут ты со своими рассказами о литературном клубе <Клуб-81> явно не вписываешься в общий хор. Клуб — это интересно (скорее бы узнать подробнее), но как-то не верится: вдруг это лишь для того, чтобы дать проявиться, собрать материал по выделившимся и... Понимаю, как могут раздражать подобного рода разговорчики отсюда, но и удержаться не могу, потому что действительно тревожно и хочется просить об осторожности.

Ну всё, обнимаем и целуем —

Тая, Дима, Капушка и Верушка.

<1982?>

Лондон, Беккет на стене

Кажется, это было вчера, а между тем случилось это ещё в начале 1788 года. Мы сидели за столом у одного вельможи, нашего товарища по Академии, весьма умного человека, у которого собралось в тот день многочисленное общество. Среди нас были люди разных чинов и званий — придворные, судейские, литераторы, академики и т. п. Мы превосходно пообедали; мальвазия и капские вина постепенно развязали все языки, и к десерту наша весёлая застольная беседа приняла такой вольный характер, что временами начинала переходить границы благовоспитанности. В ту пору в свете ради острого словца уже позволяли себе говорить решительно всё.

<...>

Все сошлись на том, что суеверию и фанатизму неизбежно придёт конец, что место их займёт философия, что революция не за горами, и уже принялись высчитывать, как скоро она наступит и кому из присутствующих доведётся увидеть царство разума собственными глазами. Люди более преклонных лет сетовали, что им до этого уже не дожить, молодые радовались тому, что у них на это больше надежды. А более всего превозносилась Академия за то, что она подготовила великое дело освобождения умов, являясь средоточием свободомыслия и вдохновительницей его.

Один только гость не разделял пламенных этих восторгов и даже проронил несколько насмешливых слов по поводу горячности наших речей. Это был Казот, человек весьма обходительный, но слывший чудаком, который на свою беду пристрастился к бредням иллюминатов. Он прославил впоследствии своё имя стойким и достойным поведением.

— Можете радоваться, господа, — сказал он, наконец, как нельзя более серьёзным тоном, — вы все увидите эту великую и прекрасную революцию, о которой так мечтаете. Я ведь немного предсказатель, как вы вероятно слышали, и вот я говорю вам: вы увидите её.

Мы ответили ему задорным припевом из известной в то время песенки:

Чтоб это знать, чтоб это знать,
Пророком быть не надо!

— Пусть так, — отвечал он, — но всё же, может быть, и надо быть им, чтобы сказать вам то, что вы сейчас услышите. Знаете ли вы, что произойдёт после революции со всеми вами, здесь сидящими, и будет непосредственным её итогом, логическим следствием, естественным выводом?

— Гм, любопытно! — произнёс Кондорсе со своим обычным глуповатым и недобрым смешком. — Почему бы философу и не побеседовать с прорицателем?

— Вы, господин Кондорсе, кончите свою жизнь на каменном полу темницы. Вы умрёте от яда, который, как и многие в эти счастливые времена, вынуждены будете постоянно носить с собой и который примете, дабы избежать руки палача.

В первую минуту мы все онемели от изумления, но тотчас же вспомнили, что добрейший Казот славится своими странными выходками, и стали смеяться ещё пуще.

— Господин Казот, то, что вы нам здесь рассказываете, право же куда менее забавно, чем ваш «Влюблённый дьявол». Но какой дьявол, спрашивается, мог подсказать вам подобную чепуху? Темница, яд, палач... Что общего может это иметь с философией, с царством разума?..

— Об этом-то я и говорю. Всё это случится с вами именно в царстве разума и во имя философии, человечности и свободы. И это действительно будет царство разума, ибо разуму в то время будет даже воздвигнут храм, более того, во всей Франции не будет никаких других храмов, кроме храмов разума.

— Ну, — сказал Шамфор с язвительной усмешкой, — уж вам-то никогда не бывать жрецом подобного храма.

— Надеюсь. Но вот вы, господин Шамфор, вполне этого достойны, вы им будете и, будучи им, бритвой перережете себе жилы в двадцати двух местах, но умрёте вы только несколько месяцев спустя.

Все молча переглянулись. Затем снова раздался смех.

— Вы, господин Вик д'Азир, не станете резать себе жилы собственноручно, но, измученный жестоким приступом подагры, попросите это сделать других, думая кровопусканием облегчить свои муки, вам пустят кровь шесть раз кряду в течение одного дня — и той же ночью вас не станет. Вы, господин де Николаи, кончите свою жизнь на эшафоте; вы, господин де Байи, — на эшафоте; вы, господин де Малерб, — на эшафоте...

— Ну, слава тебе, господи, — смеясь воскликнул Русше, — господин Казот, по-видимому, более всего зол на Академию, а так как я, слава богу, не...

— Вы? Вы кончите свою жизнь на эшафоте.

— Да что же это такое, в самом деле? Что за шутки такие! Не иначе как он поклялся истребить нас всех до одного!..

— Нет, вовсе не я поклялся в этом...

— Что ж это, мы окажемся вдруг под владычеством турок или татар или...

— Нет. Ведь я уже сказал: то будет владычество разума. И люди, которые поступят с вами так, будут философы, и они будут произносить те самые слова, которые произносите вы здесь вот уже добрый час. И они будут повторять те же мысли, они, как и вы, будут приводить стихи из «Девственницы», из Дидро...

Все стали перешептываться между собой: «Вы же видите, он сумасшедший». (Казот по-прежнему говорил всё это чрезвычайно серьёзным тоном). «Да нет, он просто шутит. В его шутках ведь всегда есть нечто загадочное».

— Так-то оно так, — сказал Шамфор, — но его загадки на сей раз что-то не очень забавны. Больно уж они партибулярны, как сказали бы древние римляне, а попросту го-

воря, несколько попахивают виселицей. Ну, и когда же всё это будет, по-вашему?

— Не пройдет и шести лет, и всё, что я сказал, свершится.

— Да, уж чудеса, нечего сказать (это заговорил я). Ну, а мне, господин Казот, вы ничего не предскажете? Какое чудо произойдёт со мной?

— С вами? С вами действительно произойдет чудо. Вы будете тогда верующим христианином.

В ответ раздались громкие восклицания.

— Ну, — воскликнул Шамфор, — теперь я спокоен. Если нам суждено погибнуть лишь после того, как Лагарп верует в бога, мы можем считать себя бессмертными.

— А вот мы, — сказала герцогиня де Грамон, — мы, женщины, счастливее вас, к революции мы непричастны, это не наше дело; то есть немножко, конечно, и мы причастны, но только я хочу сказать, что так уже повелось, мы ведь ни за что не отвечаем, потому что наш пол...

— Ваш пол, сударыня, не сможет на этот раз служить вам защитой. И как бы мало ни были вы причастны ко всему этому, вас постигнет та же участь, что и мужчин...

— Да послушайте, господин Казот, что это вы такое проповедуете, что же это будет — конец света, что ли?

— Этого я не знаю. Знаю одно: вас, герцогиня, со связанными за спиной руками, повезут на эшафот в простой тюремной повозке, так же как и других дам вашего круга.

— Ну уж, надеюсь, ради такого торжественного случая у меня по крайней мере будет карета, обитая чёрным в знак траура...

— Нет, сударыня, и более высокопоставленные дамы поедут в простой тюремной повозке, с руками, связанными за спиной...

— Более высокопоставленные? Уж не принцессы ли крови?

— И еще более высокопоставленные...

Это было уж слишком. Среди гостей произошло замешательство, лицо хозяина помрачнело. Госпожа де Грамон, желая рассеять тягостное впечатление, не стала продолжать своих расспросов, а только шутливо заметила, вполголоса обращаясь к сидящим рядом:

— Того и гляди, он не оставит мне даже духовника...

— Вы правы, сударыня, у вас не будет духовника, ни у вас, ни у других. Последний казнённый, которому в виде величайшей милости даровано будет право исповеди...

Он остановился.

— Ну же, договаривайте, кто же будет этот счастливый смертный, который будет пользоваться подобной прерогативой?

— И она будет последней в его жизни. Это будет король Франции.

Хозяин дома резко встал, за ним поднялись с мест все остальные. Он подошёл к Казоту и взволнованно сказал ему:

— Дорогой господин Казот, довольно, прошу вас. Вы слишком далеко зашли в этой мрачной шутке и рискуете поставить в весьма неприятное положение и общество, в котором находитесь, и самого себя.

Казот ничего не ответил и, в свою очередь, поднялся, чтобы уйти, когда его остановила госпожа де Грамон, которой, как ей было это свойственно, хотелось обратить всё в шутку и вернуть всем хорошее настроение.

— Господин пророк, — сказала она, — вы тут нам всем предсказывали будущее, что ж вы ничего не сказали о самом себе? А что ждёт вас?

Некоторое время он молчал, потупив глаза.

— Сударыня, — произнёс он наконец, — приходилось ли вам когда-нибудь читать описание осады Иерусалима у Иосифа Флавия?

— Кто же этого не читал? Но всё равно, расскажите, я уже плохо помню...

— Во время этой осады, сударыня, свидетельствует Иосиф Флавий, на крепостной стене города шесть дней кряду появлялся некий человек, который, медленно обходя крепостную стену, возглашал громким, протяжным и скорбным голосом: «Горе Сиону! Горе Сиону!». «Горе и мне!» — возгласил он на седьмой день, и в ту же минуту тяжёлый камень, пущенный из вражеской катапульты, настиг его и убил наповал.

Сказав это, Казот учтиво поклонился и вышел из комнаты.

(Жан-Франсуа де Лагарп. Пророчество Казота, 1806)

Владимир Шинкарёв, Один танцюю

ЯНВАРЬ

11

суббота

Тире

Бустрофедон — плавный способ письма «гусеницей»: дойдя слева направо до конца строки, пишущий *непрерывным образом*, не отрывая руки, ведёт следующую строку

ЯНВАРЬ

12

воскресенье

справа налево. Когда возник принятый сейчас способ письма «кузнечиком», появилось слово, обозначающее прыжок из строки в строку: по-гречески *катастрофа* (переброс строки), по-французски *tire* (*tiret* — знак переноса, от *tirer* — натягивать и спускать лук, стрелять, *tireur* = стрелок, *tir* — место для стрельбы, если позволить себе небольшую вольность *tiret* — стрела, стрелка, напоминающая знак переноса (короткая чёрточка) и *tire* (длинная), срв. лук и лучина). В старинных пишущих машинках этому знаку соответствовал мелодичный звонок, предупреждавший машинистку о приближении правого края и необходимости перебросить каретку на следующую строку.

ЯНВАРЬ

13

понедельник

Руки

ЯНВАРЬ

14

вторник

Слова слетают с кончика пера,
растут, как муравьиная гора,
галдят, друг с другом затевают шашни.
Смотри на небо, где снуют стрижи
и ласточки считают этажи
ещё растущей Вавилонской башни.

Ты видишь ли, как молод мир и горд?
Илья-пророк берёт грозы аккорд,
но отвечает сдержанно и хмуро
сияющих небес клавиатура.
Всё позади. Пора, мой друг, пора
под визг пилы, под звуки топора
пускаться в путь, чтобы уйти оттуда,
где жизнь, как марля, начала сквозить
и где никак нельзя вообразить
размеры совершившегося чуда.
Пора, мой друг. Иди навстречу мне
по воздуху, по сгорбленной спине
земли, по неживому океану...
Вот ангел в небе носит кирпичи,
в сырой земле копаются грачи
и бережат её сквозную рану.

(Светлана Кекова)

Поиски буйвола

ЯНВАРЬ

16

четверг

Иссохший стебелёк в слизь мыльную макнув,
над сонной красотой трудится миродув.
Дрожащим серебром лилово-золотой,
лишённый смысла шар и ширится и блещет.
Из мыла скользкою воздушною мечтой
прекрасное Ничто возникло и трепещет.

О сфера умная! О кротость пузыря,
где на поверхности вращается заря!
Забава бойкая! Ребяческий восторг!
Воздушные миры, как думы мёртвых, ломки.
О мысль загробная! Не я ль тебя исторг
и ты теперь дрожишь на кончике соломки?

(Сергей Петров, 1942)

ЯНВАРЬ

17

пятница

Муми-тролль вскочил с постели и выглянул в окошко.
Сад ещё лежал в тени, было прохладно. Под окном стоял
Снусмумрик и ждал.

— Пи-хо! — произнес Муми-тролль тихонько, чтобы
никого не разбудить, и спустился вниз по верёвочной
лестнице.

— Привет, — сказал он.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик.

Они сошли к реке и уселись на перила моста.

— Ты спрашиваешь о планах? — сказал Муми-тролль. —
У тебя у самого-то есть какой-нибудь план?

— Да, — ответил Снусмумрик. — У меня есть план. Из
тех, что предназначаются только для одного. Ну ты пони-
маешь.

Муми-тролль посмотрел на него долгим взглядом
и сказал:

— Ты хочешь уйти.

Снусмумрик кивнул.

Они сидели и молча болтали ногами над речкой. Она
не останавливаясь бежала от них всё дальше и дальше,

к незнакомым местам, куда неодолимо тянуло Снусмумрика и куда он хотел отправиться совсем один.

— Когда ты уходишь? — спросил Муми-тролль.

— Прямо сейчас! — сказал Снусмумрик, соскочил с перил и потянул носом утренний воздух. Хороший денек для путешествия. Гребень горы алел в лучах солнца, и дорога, извиваясь, взбиралась на него и исчезала за перевалом. Там новая долина, а за ней новая гора...

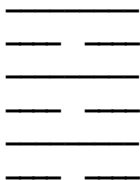
— Ну что ж, — сказал Муми-тролль. — До свиданья.

— До свиданья, — сказал Снусмумрик.

Муми-тролль стоял на мосту и смотрел, как Снусмумрик становился всё меньше и меньше и наконец совсем затерялся среди серебристых тополей и сливовых деревьев.

(Тове Янсон. Шляпа волшебника, М., 1976)

64. Вэй-цзи. Ещё не конец!

Свершение!

Молодой лис почти переправился, но вымочил хвост — ничего благоприятного.

1

Подмочишь свой хвост.

— Сожаление!

2

Затормози колёса.

— Стойкость — к счастью.

3

Ещё не конец!
— Поход — к несчастью.
Благоприятен брод через великую реку.

4

Стойкость — к счастью! Раскаяние исчезает.
При потрясении надо напасть на страну бесов, и через
три года будет похвала от великого царства.

5

Стойкость — к счастью.
Не будет раскаяния.
Если с блеском благородного человека будет правда, то
будет счастье.

6

Обладай правдой, когда пьёшь вино. Хулы не будет.
Если промочишь голову, то, даже обладая правдой, поте-
ряешь эту правду.

(«Книга перемен», машинопись, 1970-е)

Р. S. ПОСЛЕСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

По просьбе издателя «Пальмиры» В. Назарова третья книга «37 ровно» тетралогии Бориса Останина («37 и 1», «37 и 2», «37 ровно», «Хвосты») составлена с оглядкой на утомлённого жизнью и работой читателя, по каковой причине я собрал на этот раз — ради регулярного прерывания чтения и в меру бездумного созерцания появляющихся изображений — большое количество (более ста) картинок, а литературную часть книги сосредоточил не столько на идейной и художественной, сколько на бытовой биографии Б. О., вполне понимая, что это противоречит его установке на обезличенное, внеположное пишущему и думающему автору письмо. Зато в грядущей книге «Хвосты», если Б. О. сумеет таковую написать, а я составить, если её издадут, если она достигнет читателя, планирую прямо обратный ход и надеюсь-таки как составитель отыграть и растворить автора в чужих словах: никакой личной жизни, никаких раздумий, никаких изобретений, никаких картинок — только цитаты, цитаты, *море цитат...*

Упомянутые в книге знакомые и родственники Б. О.: Александра Александровна — Александра Петрова; Алексей Александрович — Алексей Козырев; Андрюша — Андрей Останин; Аркадий — Аркадий Драгомощенко; Борис Иванович — Борис Иванов; Ваня — Иван Сотников; Влад — Владислав Кушев; Игорь — Игорь Чернышёв; Кирилл — Кирилл Козырев; Лика — Лилия Останина;

Максим — Максим Кузьмин-Пригон; Марьяна Львовна — Марьяна Козырева; Никифор — Никифор Останин; Полина — Полина Останина-Токарева; Рита — Маргарита Кушева; Саша — Александр Кобак; Сергей Владимирович — Сергей Петров; Слава — Болеслав Мартынов; Таня — Татьяна Кузьмина; Швейк — Владимир Швейгольц.

Переводчики и переведённые авторы: Александра Андрес (Лагарп), З. Антипенко и Михаил Назаров (Шубарт), Юлия Гинзбург (Паскаль), Александр Гитович (Ван Вэй), Нина Гучинская (Юнгер), Виктор Лапицкий (Арто, Бетанкур, Бланшо, Грак, Целан, Шар), Карл Микель (Цветаева), Валерий Молот (Беккет), Мария Платова (Гронец), Владимир Смирнов (Янсон), Елена Третьякова (Шульц), Михаил Хорьков и Евгений Балагушкин («Хасидские истории»), Сергей Хренов («Граффити»), Вероника Шимановская (Уэйр), Юрий Щуцкий («И-Цзин»), аноним (Ортега-и-Гасет) и др.

Б. М.

Р. Р. S. «ПО ПЕРУ СОВА...»

По образованию я физик — и вряд ли способен помочь читателю как литературовед-профессионал; боюсь, однако, что ждать профессиональной помощи ему придётся слишком долго, и потому всё-таки способствую, тем более что не впервые уже занимаюсь составлением и редактированием текстов Б. Останина, а его — не слишком, впрочем, многочисленные — подсказки и разъяснения готов переадресовать читателю, хотя лично я сторонник радикального лозунга «Долой комментарии!» И тем не менее...

Даже если комментарии не помогают пониманию текста, а только отвлекают от него и его затемняют, они сами образуют дополнительный текст, над которым читатель может задуматься (по крайней мере, воспринять его), и в этом смысле не бесполезны. Несколько точечных пояснений, исходящих, как правило, от Б. О. (но и от Б. М. тоже!).

1. Однажды в нашем разговоре о Леониде Андрееве Б. О. изложил литературную программу разъяснения своего мира *чужими* словами, ссылаясь на то, что они были сказаны раньше его и более мастеровито. «Какой, скажем, смысл мне, „сове“, описывать трудность утреннего пробуждения и возвращения в жизнь, телесную, бытовую, духовную, если это давно и безупречно сделал Леонид Андреев в рассказе „В подвале“ — вряд ли у меня получится лучше. Или превзойти, или воспроизвести, чаще всего второе» (→ 21 августа/2018). На мой вопрос, чем сказанное

им отличается от цитатного письма постмодернистов, Б. О. ответил, что ничем, разве что он не раскавычивает цитаты и относится к цитируемым авторам как к любимым друзьям, а не измывается над ними, пусть и сокровенно, как это принято у постмодернистов.

2. Нина Петровна, мать Б. О., рассказала как-то о выпускном школьном вечере в июне 1964 года, на котором Б. О., судя по всему, концептуалист с младых ногтей, задумал выпить шампанского *со всей школой*, чокнуться не только с одноклассниками, но и с приятелями из параллельных классов, учителями и родителями. Затея удалась только частично, организм большего не позволил, после незавершённого эксперимента абитуриент сутки отлёживался с алкогольным отравлением и по сей день остерегается пить шампанское. Сходная идея — собрать под одной обложкой *всех* близких ему людей — пришла Б. О. в голову в разгар нашей работы над «37 и 1»: вспомнить любимые книги и людей *из самого близкого круга*, не опасаясь опасных последствий духовного опьянения.

3. Идея «самого близкого круга» распространяется и на фотографии: приятель Б. О. Сергей Ионов устроил однажды выездную сессию на Малой Охте с фото- и светоаппаратурой: почти все иллюстрации к «37 ровно» — плоды этой сессии: картины и иконы на стенах, книги и безделушки на полках, фотографии из семейного альбома. К сожалению, некоторые репродукции (в частности, картины Иванова, Улангина, Ипполита), переведённые из цветной гаммы в чёрно-белую, немало утратили в художественном отношении, но отказываться от них Б. О. не стал: жизненные обстоятельства, связанные с этими картинами, пусть и не разъяснённые автором и не откомментированные составителем, показались ему важнее эстетического совершенства. «Корявое и невнятное, зато милое». Это же отно-

сится к анекдотам, случаям из жизни, не переведённым на русский язык иностранным текстам, «дилетантским», на взгляд постороннего, стихам и песням.

4. Цитатные материалы из архива Б. О. я нередко располагал по календарю, то есть приурочивал текст к дню рождения или смерти его автора, впрочем, не всегда эту схему соблюдая: Б. О. протестовал против чрезмерной системности, переходящей, по его словам, в педантизм и губительную симметрию. По этой же причине он отказался назвать книги тетралогии по напрашивающемуся принципу нарастания субфебрильной температуры: «37 и 1», «37 и 2», «37 и 3», предложив вместо этого лишь частично упорядоченные названия: «37 и 1», «37 и 2», «37 ровно», «Хвосты» и соответствующие им промежутки времени в 371, 372, 370 и 366 дней. Нелепые, на первый взгляд, промежутки замечательным образом позволили начать каждую книгу с праздника: 1, 7, 14, 19 января...

5. Художники «Пальмиры» Егор Саламашенко и Александр Яковлев оформили книги тетралогии, следуя их литературному устройству: вынесли на обложки квадраты и иные супрематические композиции Малевича, вырезав из них нужные для названия буквы. В тетралогии есть и другие фокусы и «фишки», но не слишком много; по признанию автора, всё больше склоняющегося с годами к *умственной обломовщине*, они ему давно надоели.

6. В одной из схем «Четыре сектора», которая войдёт в книгу «Хвосты», Б. О. в меру страстно (в данном случае: в меру апатично) протестует против смешения разных секторов. Вот в шесть-семь ключевых слов (на самом деле их два десятка) описание этих секторов или декартовых квадратов: (1) Небо, «Да будет!», повелительное наклонение, религия, воздух, белый цвет; (2) Рай, «Как хорошо...»,

сослагательное наклонение, искусство, вода, синий цвет; (3) Земля, «Вот так.», изъявительное наклонение, наука, земля, чёрный цвет; (4) Ад, «Где я?», отрицательное «наклонение», мятеж, огонь, красный цвет. Б. О. прежде всего выступает против смешения 1-го сектора (религия, политика, история как идеология) и 3-го (наука, позитивизм, история как хроника), предлагая идеологизированному читателю, которому вряд ли понравятся цитаты из «Записок мракобеса», воспринимать их не как религиозные хоругви, а как научные приборы, так сказать, «стрелки осциллографа».

7. «По перу сова...» — начало далевского определения козодоя, любимой, наряду с дергачом и соколом, птицы Саши Соколова, да и самого Б. О.: «По перу сова, по стати ласточка». Рад был своим трудом гусеницы-составителя соприкоснуться с полётом всех троих, чего желаю и читателю.

Болеслав Мартынов

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А. Х. В.: Пасмурный день — 22 марта; Сучка с сумочкой — 30 сентября
- Абракасас — 24 ноября
- Авалиани — 29 июля
- Азарова — 18 августа, 23 сентября
- Аксёнов: Так было — 26 августа, 3 сентября
- Алексеев: Дневник — 9 февраля
- св. Алоизий Гонзага — 9 марта
- Андреевских: Рыбак — 6 апреля
- Аррак: Люди с вещами — 29 сентября
- Архиепископ Димитрий — 2 декабря
- Базунов: Собаки, петухи, лошади — 12 октября
- Байтов: Кеша и Аглая — 25 июня; Молчание — 27 сентября, 7 октября
- Barbudos: Жили-были три китайца — 27 февраля; Жизнь как река — 30 марта; Владимир Владимирович и другие — 15 апреля; Василий Иванович и газета — 24 апреля; Гренки подгорели — 26 мая; И здесь тебя нет — 16 июня; И это моё — 8 июля; Читать, читать, читать... — 1 августа; Фрейд и брахман — 4 августа; А зачем тогда убиваете? — 2 сентября; Незванный гость — 8 сентября; Интроверт и экстраверт — 6 октября; Вот вам кетчуп — 10 октября; Кроты на ёлке — 7 декабря; Не жалейте заварки — 14 декабря
- Безмятежность — 31 мая
- Безумие Дэниела О'Холигена — 27 октября
- Беккет: Биография — 10 апреля; Чечевица — 9 августа; Я буду продолжать — 22 декабря; Беккет на стене — 9 января/2020
- Берлин: Философия свободы — 13 февраля

Бидstrup: Четыре темперамента — 25 апреля; Рождение моды — 3 июля

Бланшо: Могущество и слава — 20 февраля; Арто — 4 марта; Последний писатель — 11 июня, 13 июля

Богданов: Дети — 16 декабря

БСРЯ (Бестолковый словарь русского языка): Строчки и сморчки — 4 мая; Гвозди-звёзды — 17 мая; Сухой остаток — 17 августа; Интересное положение — 15 декабря; Тире — 12 января/2020

Бунин: Журавли — 22 октября

В лунном сиянии — 1 марта

Ван Вэй — 10 мая, 26 ноября

Гаврилов: В Крым хочешь? — 21 января; Письмо — 10 декабря

Гаврильчик: Кораблик — 14 сентября

Галковский: Бесконечный тупик — 2 мая

Гейде: Черепаха — 23 марта; Дети хоронят жужелицу — 1 июня; Сом — 10 июля; У святой Лючии две пары глаз — 3 ноября

Герман: Passé composé — 2 августа, 5 ноября

Голомшток: Место и время — 25 февраля

Горнон: Полу месяц ветер ран — 23 февраля

Грак: Закатные земли — 27 июля

Граффити — 26 декабря

Грейвс — 5 июня

Гронец: Ласточка — 24 февраля

Губанов — 9 декабря

Далёкие/близкие: Гольденвейзер — 11 марта, 21 ноября; Курёхин — 5 мая; Петя Введенский — 4 июня; Петров и политика — 12 июля; Петров — 24 июля; Таганрог — 12 августа; Мартынов с о. Ионой — 1 сентября; Богданов-Эрль — 5 сентября; Иванов — 22 сентября; Ньюша от Володи — 9 октября; Волигамси-Исмагилов — 11 октября; «Кремлёвские дети» — 10 ноября; Кодекс простых людей — 16 ноября

Дети: Матвей — 20 ноября; Дима — 12 декабря

Дмитриев: Я в этом доме жил с утра — 5 апреля

Документы: Приглашение эмигрантов — 12 апреля; Подписка на «Новые языки в искусстве» — 23 апреля; Справка о «Поэтической функции» — 11 мая; Сборники ленинградской прозы 70–80-х годов — 25 мая; Премия имени Жуковского — 24 сентября; Характеристика в Должицкий сельсовет — 28 сентября

Дом Хундертвассера — 26 февраля

Дышала ночь восторгом Самиздата — 15 ноября

Живые скульптуры — 12 июня

Жизнь в театре — 20 мая, 13 июня

Заболоцкий: Незрелость — 7 мая; Купальщики — 14 октября

Завьялов: Мелика — 25 августа, 6 декабря

Замятин: Империя-степь — 30 января

Записки мракобеса: Соколов — 22 января, 15 марта, 22 мая;

Шизореволюция — 26 января, 2 июля, 2 ноября; Достоевский — 7 марта, 11 ноября; Савчук — 1 мая; Буллит — 7 июля; Паскаль — 19 июня, 20 августа, 8 октября; Мечта консерватора — 22 августа; Убийство Меньшикова — 6 сентября, 20 сентября; Имена бесконечности — 10 сентября, 23 декабря; Золотой телёнок — 16 октября; Пища колдунов — 23 октября; Русско-еврейские имена — 19 декабря; Пророчество Казота — 10 января/2020

Иванов: Некролог — 5 февраля; Два дерева — 22 февраля

Иволгинский дацан — 12 сентября

Игра в гольф — 17 марта

Издательство Чернышёва: Святыни Санкт-Петербурга — 30 июня;

Роб-Грийе — 28 июля; Эмблема — 21 октября

Иконы: Чудо о Флоре и Лавре — 16 апреля; Христофор — 9 июня; Борис и Глеб — 9 июля; Евстафий — 3 августа; Богородица Семистрельная — 26 октября; Богородица Троеручица — 24 декабря

Ил-28 — 17 июля

Иннокентий: Дом — 16 августа

Испанский романс — 2 октября

И-Цзин: Жертвенник — 26 июля; Домашние — 3 октября; Ещё не конец — 18 января/2020

- Казаков: Мосты — 9 апреля; Дождь — 22 июля
Карта северных земель — 8 апреля
Кеова: Жизнь горит, как керосин — 14 января; Волхвы — 6 января/2020; Пора, мой друг — 14 января/2020
Кент — 19 октября, 19 ноября
Коваль: Недопёсок — 24 января, 8 февраля; Чистый Дор — 28 ноября
Комплименты: Савчук — 28 марта; Панченко — 15 августа; Иванов — 1 октября; Кушев о Борисах из «Часов» — 15 октября; Скромный Ницше — 20 октября; Жизнь по Останину — 4 января/2020
Конрадт — 3 июня
Копейкин: Металлурги и компьютер — 24 июня
Констриктор — 30 апреля, 11 августа, 17 сентября
Кот Саймона — 14 мая
Кривулин: О Юрии Дышленко — 31 января
Кудряков: Дом в деревне — 20 января; Стопка бумаги — 31 марта; Детская игрушка — 8 августа; Снежки в доме — 14 ноября; Портрет — 17 ноября; Рюмки — 18 декабря; Сухая стрекоза — 5 января/2020
Кузмин: Улица Рылеева — 14 февраля
Кузнецов: Стрижка овец — 21 августа
- Лапицкий: Между мифом и жизнью — 4 апреля; О некоторых играх — 25 июля; «Комиксы — 30 июля, 18 сентября, 18 октября
- Ленин — гриб — 28 августа
Лерман: Учёный — 14 марта; Писатель — 19 мая
Лодки — 7 сентября
Лукка В.: Апраксин двор зимой — 4 февраля; Раздавленная маска — 18 июня
Лукка Н. — 13 сентября
Лукомников: Аптека, улица — 1 июля
Лучница — 19 августа
Люди без одиночества — 1 ноября, 3 января/2020
- Миллионо-человек — 18 марта, 15 мая, 15 июля
Мишо — 29 января, 22 июня

Мастер и Маргарита — 21 апреля
Молот: Звёзды падают молча — 21 сентября
Монастырский: Сочинение семьдесят третьего года — 28 октября
Монах Лазарь — 28 апреля

Не поле перейти: Ёц-дуду — 16 января; Сухой год — 27 января; Вылетел в трубу — 10 февраля; Телескоп — 16 февраля; На Театральной площади играл на трубе — 26 марта; Мудрый курсант — 18 апреля; Погонный метр книг — 23 июня; Поездка к отцу — 18 июля; Музыкальная ломка — 30 октября; Пригон, Баранчик и Тарантул — 9 ноября

Немного о себе: С читинскими братьями — 1 февраля; Нина и Владимир, родители — 28 февраля; С Полиной — 2 апреля; Андрей — 13 апреля; С Андрюшей на Малой Охте — 22 апреля; Никифор с Соней, Полина с Елисеем — 28 мая; Лика в Чаваньге 7 июня; Андрюша — 27 июня; В доме на Малой Охте — 31 июля; Елисей и Соня в деревне — 6 августа; Никифор в Быково — 4 сентября; Быково — 26 сентября; С Игорем и Марией Петровной на танкодроме — 13 октября; Вырица, церковь Петра и Павла — 6 ноября; Сотников — 4 ноября, 5 декабря; С Сашей Кобаком — 13 декабря; Вырица, Казанская церковь — 20 декабря; Круглая баня, котельная — 28 декабря

Новиков: Однажды в «Сайгоне»... — 27 апреля

Ноты: Барток — 2 марта; Бельман — 12 мая; Стравинский — 21 мая; А. Х. В. — 19 июля

Нэцкэ — 23 августа, 29 декабря

Овчинников: Переход — 17 февраля; Эскиз декорации к пьесе Кушева «730 шагов» — 15 июня; Интерьер с черепахой — 30 августа; Рыбаки на льду — 3 декабря

Ортега-и-Гасет: Нищета и блеск перевода — 9 мая

Открыл Америку: Повелительное наклонение — 13 марта; Рога и копыта — 29 марта; Советские плагиаторы — 1 апреля; Гвоздь в памяти — 27 мая; Бабыя дюжина — 10 июня; Лунный месяц в 28 дней — 14 июня; Пляшущие иероглифы — 26 июня; Госпожа Эрекция — 20 июля; Три мира геральдики — 7 августа; Частные производные — 24 августа; Правила для детей — 1 января/2020; Богородческая ересь — 7 января/2020

ПАБ: Белый среди книг — 12 февраля; Рубль премии Андрея Белого — 13 августа; Премия — рубль, пособие — тысяча — 25 сентября; Андрей Белый, водочная этикетка — 31 декабря

Павич: Шахматная партия с живыми фигурами — 29 ноября

Петров: Поживи наобум — 18 февраля; Чужое Рождество — 7 апреля; Гроза — 14 июля; Вода по улице летала — 27 августа; Земные пять минут — 31 октября; Мыльные пузыри — 16 января/2020

Петров-Водкин: Утренний натюрморт — 29 октября

Письма: от Лукомникова — 18 января; Гийому — 23 января; Лотману — 28 января; от Малявина и ему — 2 февраля; от Иванова и ему — 11 февраля; от Шапира — 21 февраля; от фон Бока — 19 марта; Карделли — 25 марта; Гройсу и от него — 29 апреля; от Волохонского — 16 мая; Курману — 2 июня; от Ворошильского — 20 июня; Гваттари — 29 июня; Строчкову — 29 августа; Маркову — 16 сентября; от Калиновского — 4 октября; Брауну — 8 ноября; Гаспарову и от него — 13 ноября; Айги — 18 ноября; Берри и Миллер-Погаچار и от них — 30 ноября; Горичевой и от неё — 8 декабря, 30 декабря; Сокурову — 17 декабря; от Эпштейна и ему — 21 декабря; от Ленковой — 8 января/2020

Письма комитету ПАБ: от Валиевой — 11 сентября; от Дашевского — 25 октября; от Володина — 27 декабря

Поиски буйвола — 15 января/2020

Полярная сова — 17 января

Приключения Тинтина — 20 марта, 24 октября

Рембо — 10 июля

Росписи: Рука, пещера Кастильо — 15 января; Бизон, пещера Альтамира — 15 февраля; Охота на страусов — 6 марта; Лосаадь, пещера Ласко — 24 мая

Россия в концлагере — 8 марта, 6 мая, 21 июня

Руки — 13 января/2020

Рыбы — 11 апреля

Самodelки: О Драгомощенко — 3 февраля; Вечный Берг — 16 марта, 21 марта; Жаворонок — 3 апреля; Прелюдия к ярмарке нового искусства — 14 апреля; Р. Р. Р. — 23 мая,

- 6 июня; Инь и Ян — 29 мая; Лунный/женский календарь — 17 июня; Речь как речка течёт — 16 июля; Книжная титулатура — 14 августа; Метонимическое прочтение 'символа' — 25 ноября, 27 ноября; О Конакове — 4 декабря
- Sana, sana colita de rana — 12 марта
- Сартр: При закрытых дверях — 30 мая
- Свешников — 17 октября
- Солнце — наша мать — 17 апреля
- Сталин — Ежов: Сицилианская защита — 25 декабря
- Статуя предка — 1 декабря
- Стравинский — 27 марта
- Сюнга обрезанная — 24 марта; Сюнга скромная — 21 июля
- Тени верблюдов — 11 декабря
- Теория Гумилёва — 5 марта
- Улангин: Три дома — 8 мая
- Ураган — 2 января/2020
- Ухналёв: Автопортрет — 19 апреля; Российский герб — 3 мая
- Феодоровский собор — 7 февраля
- Феоктистов: 6 февраля, 3 марта, 12 ноября
- Хасидские истории — 18 мая, 8 июня
- Хлебников — 28 июня
- Цапля — 6 июля
- Цветаева — 31 августа
- Целан — 20 апреля, 23 ноября
- Чаваньга: Фактория — 9 сентября; Отлив — 22 ноября
- Чудеса в решете: Трёхглавые орлы — 19 января; Марта, вдова Хемингуэя — 25 января; Кольцо сквозь асфальт — 13 мая; НЛО в Быково — 11 июля; Световой Варсонофий — 23 июля
- Шар: Безобразное животное — 4 июля
- Шинкарёв: Один танцую — 11 января/2020
- Шляпа волшебника — 17 января/2020

Шубарт: Европа и душа Востока — 5 августа, 15 сентября,
7 ноября

Эффель — 5 октября

Юганов: Телеги и гномы — 26 апреля, 5 июля

Юнгер: Излучения — 19 февраля, 10 марта

Яковлев: Цветок — 19 сентября

СОДЕРЖАНИЕ

Книга-календарь
(14 января 2019 года — 18 января 2020 года)

Р. S. Послесловие составителя

Р. Р. S. «По перу сова...»

Алфавитный указатель

Литературно-художественное издание

Останин Борис Владимирович

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ РОВНО

**Схемы, мифы, догадки, истории, письма, фотографии
на каждый день 2019 года с 14 января**

Художественный редактор *Е. Саламашенко*
Корректор *Л. Иванова*
Верстка *М. Залиева*

Подписано в печать 01.10.2019.
Формат издания 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 30,0.

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
www.letmeprint.ru

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.